Г10 3/57.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ИСТОРІЯ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

ДЛЯ НАРОДНЫХЪ И НИСШИХЪ ШКОЛЪ И ВООБЩЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ

СОСТАВИЛЪ

С. Рождественскій.

Портреты рисованы И. Пановымъ, гравированы Л. Стряковымъ.

ИЗДАНІЕ Я. А. ИСАКОВА.

ЦѢНА 50 К.

Учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается уступка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1873

МАГАЗИНЪ

Торговля основана въ 1829 году.

РУССКИХЪ, ФРАНЦУЗСКИХЪ, НѢМЕЦКИХЪ И АНГЛІЙСКИХЪ

КНИГЪ и СКЛАДЪ

ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ,

МАТЕРІАЛОВЪ и РУКОВОДСТВЪ

ЯКОВА АЛЕКСѢЕВИЧА ИСАКОВА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ № 24.

Въ виду пополненія запаса учебныхъ книгъ на предстоящій учебный годъ, а также пополненія классныхъ и фундаментальныхъ библіотекъ, честь имѣю предложить свои услуги и представить условія, коими предлагаю руководствоваться всѣмъ желающимъ мнѣ довѣрить поставку учебныхъ руководствъ, пособій и книгъ для библіотекъ.

Исполненіе заказовъ для учебныхъ заведеній поручено мною **складу воспитательныхъ и учебныхъ пособій, матеріаловъ и руководствъ** при моемъ книжномъ магазинѣ, которому отведено особое помѣщеніе спеціально для пріема и удовлетворенія требованій учебныхъ заведеній.

Складъ открытъ мною въ началѣ 1868 года, на который издержана значительная сумма.—Съ самаго же открытія приступлено и къ систематическому формированію его. Закупая все, что появится новаго усовершенствованнаго изъ пособій какъ въ Россіи, такъ и за границею, Складъ въ настоящее время имѣетъ образцы всѣхъ одобренныхъ и принятыхъ въ употребленіе учебными вѣдомствами, пособій, матеріаловъ и учебныхъ руководствъ.

Хорошая уступка, удобная и дешевая пересылка и исполненіе къ сроку заказа несомнѣнно составляютъ главное желаніе каждаго учебнаго заведенія; закупая въ значительномъ количествѣ, а часто и цѣлыми изданіями учебныя руководства, предлагаю условія вполнѣ соотвѣтствующія всѣмъ этимъ выгодамъ и удобствамъ, а потому, если училище также найдетъ ихъ выгодными, то надѣюсь не откажетъ довѣрить исполненіе заказа хотя въ нынѣшнемъ году, затѣмъ результатъ будетъ самымъ лучшимъ убѣжденіемъ; въ свою очередь убѣдительнѣйше прошу присылать заказы по возможности ранѣе опредѣленнаго срока для доставки.

Если училище желаетъ узнать предварительно подробныя цѣны, требуемыхъ вещей, то прошу выслать списокъ ихъ, по которому складъ тотчасъ-же вышлетъ смѣту

Книгопродавецъ **Я. А. Исаковъ.**

№ 2505 Ю 10 3/5-7

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

ДЛЯ НАРОДНЫХЪ И НИСШИХЪ ШКОЛЪ
И ВООБЩЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

СЪ ПОРТРЕТАМИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ЛИЦЪ.

СОСТАВИЛЪ

С. Рождественскій.

Портреты рисованы И. Пановымъ, гравированы Л. Сѣряковымъ.

Изданіе Я. А. ИСАКОВА.

(учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ уступка).

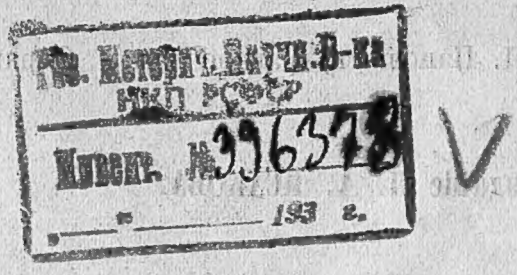
880

Библіотека
Ивана Егоровича
Забѣлина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 октября 1873 года.



Типографія І. Мордуховскаго (бывш. Неклюдова), Офицерская, д. № 7—14.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Рюрикъ	3
Святая Ольга	7
Владиміръ Святой	11
Преподобный Несторъ	18
Ярославъ Мудрый	20
Владиміръ Мономахъ	23
Андрей Боголюбскій	32
Монгольское иго	39
Св. Александръ Невскій	46
Возвышеніе Москвы	52
Димитрій Донской	57
Куликовская битва	63
Іоаннъ III	66
Сверженіе татарскаго ига	71
Іоаннъ IV Грозный	74
Ермакъ	88
Смутное время на Руси	93
Мининъ и Пожарскій	108
Михаилъ Ѳеодоровичъ	112
Алексѣй Михайловичъ	116
Патріархъ Никонъ	119
Богданъ Хмельницкій	125
Жизнь русскаго боярина	134
Бояринъ Матвѣевъ	149
Петръ Великій	155
Полтавскій бой	180
Ломоносовъ	195
Иванъ Ивановичъ Шуваловъ	201
Екатерина Великая	205
Суворовъ	210
Переходъ черезъ Альпы	224
Александръ I Благословенный	230
Отечественная война 1812 года	231
Кутузовъ	236
Императоръ Николай I	247
Оборона Севастополя	251
Александръ II, Царь-Освободитель	254
Покореніе Кавказа	256
Взятіе Хивы	258
Освобожденіе крестьянъ	259

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.
Предисловие 5
Битва Олега 7
Владимир Святой 13
Преподобный Феодосий 19
Ярослав Мудрый 30
Владимир Мономах 38
Андрей Боголюбский 32
Монгольское иго 39
Св. Александр Невский 46
Возвышение Москвы 52
Дмитрий Донской 57
Куликовская битва 63
Иоанн III 66
Свержение татарского ига 71
Иоанн IV Грозный 77
Ермак 85
Смутное время до Петра 98
Минин и Пожарский 108
Михаил Феодорович 112
Алексей Михайлович 116
Патриарх Никон 119
Петр Великий 125
Полтавский бой 139
Ломоносов 165
Иван Иванович Шувалов 201
Екатерина Великая 205
Суворов 210
Переход через Альпы 224
Александр I Благословенный 230
Отечественная война 1812 года 241
Кутузов 259
Император Николай I 247
Оборона Севастополя 251
Александр II-Царь-Освободитель 259
Покорение Кавказа 269
Взятие Хивы 278
Освобождение крестьян 280

I. Начало русскаго государства.

Славяне. Предками Русскихъ были Славяне. Это былъ многочисленный народъ, который лѣтъ около полутора тысячи тому назадъ поселился въ срединѣ Европы ближе къ востоку. Славяне основали здѣсь нѣсколько государствъ, напримѣръ: Польское, Чешское, Сербское, Болгарское и др. Но всѣ эти государства теперь или пали, или находятся въ зависимости отъ другихъ народовъ. Только одно Русское государство, основанное Славянами, въ настоящее время могущественно и занимаетъ огромныя земли въ Европѣ и въ Азіи.

Славяне раздѣлялись на многія племена. Вотъ главныя изъ нихъ, которыя вошли въ составъ Русскаго государства:

а) Поляне. Они поселились по среднему теченію р. Днѣпра, впадающаго въ Черное море, и стали называться такъ потому, что жили среди полей. На правомъ берегу Днѣпра, они построили городъ, который, отъ имени основателя Кія, получилъ названіе Кіева.

б) Древляне. Это племя заселило лѣсистую мѣстность въ нынѣшней Волынской губерніи, отчего и стало называться древлянами. У нихъ главный городъ былъ Коростенъ.

в) Кривичи. Это было многочисленное племя, разселившееся по верховьямъ рѣкъ Днѣпра, Волги и з. Двины. У нихъ были города: Смоленскъ, Полоцкъ и др. Къ этому же племени причисляютъ Славянъ, поселившихся въ нынѣшней Новгородской губерніи, у которыхъ главнымъ городомъ изстари и былъ Новгородъ.

Но города Славянъ въ старину были ни что иное, какъ огороженныя села и деревни, въ которыхъ бы можно было защищать-

ся отъ нападенія враговъ. Жители ихъ, точно также какъ и сельскіе и деревенскіе, занимались бо́льшею частію земледѣліемъ. Впрочемъ Славяне, жившіе ближе къ сѣверу, и особенно Новгородскіе, изстари вели торговлю съ разными народами. Управлялись Славяне выборными старшинами; у нѣкоторыхъ были князья; но главныя дѣла, какъ напримѣръ вопросъ о начатіи войны, о заключеніи мира, рѣшали у нихъ въ мірскихъ сходкахъ. Эти сходки назывались *вѣчами*, потому что здѣсь, прежде нежели рѣшить дѣло, совѣщались или разсуждали о немъ.

Славяне вообще были народъ мирный, спокойный, добродушный и гостепріимный. Обычай гостепріимства такъ былъ вкоренъ у нихъ, что бѣдный человѣкъ могъ даже украсть, чтобы только угостить странника. Если же случалось, что кто нибудь не принималъ къ себѣ въ домъ путника, то такого всѣ считали низкимъ человѣкомъ, даже признавали себя вправѣ сжечь домъ и имущество его. Иноземцевъ поражала также честность и правдивость Славянъ. Давши честное слово, славянинъ оставался вѣренъ ему до гроба.

Но Славяне были мирны и добродушны только до тѣхъ поръ, пока ихъ не трогали. Они очень любили свободу и если кто намѣревался подчинить ихъ себѣ, противъ того они вооружались всѣми своими силами. Вотъ отвѣтъ ихъ одному хану, который потребовалъ было отъ нихъ подданства: „Кто можетъ лишить насъ вольности? Мы привыкли сами отнимать земли у другихъ, а не свои уступать другимъ. Такъ будетъ и впередъ, пока есть война и мечи въ свѣтѣ.“ Во время походовъ на непріятеля Славяне отличались необыкновенною терпѣливостью и презрѣніемъ опасностей. Они и такъ вообще привычны были къ перенесенію трудовъ и лишеній всякаго рода; живя въ странѣ лѣсистой и болотистой, суровой по климату, привыкли легко переносить голодъ и жажду, холодъ и жаръ; но во время войны славянинъ приводилъ въ изумленіе своею отчаянною храбростію и терпѣливостью; въ битвѣ онъ прямо бросался въ средину враговъ и не щадилъ жизни; попавшись въ плѣнъ, безъ крика и стона выносилъ всѣ истязанія, умиралъ въ мукахъ, но ни слова не отвѣчалъ на разспросы врага о замыслахъ и числѣ войска.

Но не смотря однакожъ на любовь къ свободѣ и храбрость, Славяне иногда вынуждаемы были платить дань нѣкоторымъ сосѣдямъ. Такъ, напримѣръ, Поляне платили дань Козарамъ, которые жили въ Прикаспійскомъ краѣ. Кривичи же должны были

подчиняться иногда Норманнамъ или Варягамъ. Этотъ народъ жилъ въ Скандинавіи, гдѣ теперь Швеція и Норвегія. Отсюда Норманны дѣлали нападенія на всѣ почти прибрежныя страны Европы. Черезъ славянскія земли они проходили также въ Грецію, такъ называемымъ великимъ воднымъ путемъ, т. е. Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ, оз. Ильменемъ, Ловатью, потомъ переволакивались въ Днѣпръ и по Днѣпру въ Черное море. Иногда, проходя этимъ путемъ, воинственные Норманны нападали на мирныхъ Славянъ и подчиняли ихъ себѣ. Главною причиною этого было то, что Славяне дѣлились на многія мелкія племена и часто ссорились и воевали между собою. Въ этихъ усобицахъ они и губили свои силы, а когда приходили на нихъ враждебные сосѣди, то и не въ состояніи были отражать ихъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Славяне не соединились вмѣстѣ и не установили у себя прочнаго порядка, или иначе сказать пока не основали у себя государства.

Рюрикъ,
первый русскій князь.

Призваніе Рюрика 862 г. Начало государству положено было у сѣверныхъ или новгородскихъ Славянъ. Вотъ какъ объ этомъ разсказывается въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ 859 г. Славяне про-

гнали отъ себя Варяговъ, перестали платить имъ дань и начали управляться сами собой. Но у нихъ открылись междоусобія. Родъ возсталъ на родъ; управы не было. Тогда они собрались на вѣче и стали говорить: „поищемъ себѣ князя, который бы управлялъ нами и судилъ по праву“.

Въ 862 году, по совѣту новгородскаго старѣйшины Гостомысла, они и отправили пословъ къ Варяжскому племени Русь. Послы сказали Руси: „Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами.“ Одинъ князь русскій, ***Рюрикъ***, согласился на это предложеніе и вмѣстѣ съ двумя братьями и дружиною пришелъ. Отъ нихъ земля наша и стала называться Русью. Рюрикъ сначала поселился въ Ладогѣ, а братья его сѣли въ другихъ городахъ; потомъ же, когда братья вскорѣ умерли, то онъ перешелъ въ Новгородъ, а по городамъ посадилъ для управленія приближенныхъ своихъ людей. Рюрикъ княжилъ около 17 лѣтъ (862—879).

Олегъ (879—912). По смерти Рюрика, за малолѣтствомъ сына его Игоря, сталъ управлять государствомъ родственникъ Олегъ. Это былъ воинственный князь и съ него начинаются завоеванія славянскихъ земель и быстрое расширеніе границъ русскаго государства. Олегъ съ дружиною своею и съ войскомъ, набраннымъ изъ Славянъ отправился на югъ, по великому водному пути, покорять тѣ славянскія племена, которыя не участвовали въ призваніи Рюрика. Въ верховьяхъ Днѣпра онъ легко взялъ городъ Смоленскъ, посадилъ тамъ для управленія своего мужа и пошелъ далѣе. Плывя по рѣкѣ, онъ увидѣлъ на правомъ берегу ея красивый городъ, раскинутый по горѣ. Это былъ Кіевъ. Городъ чрезвычайно понравился князю и онъ рѣшился овладѣть также и имъ. Но въ Кіевѣ уже княжили два варяжскіе вождя *Аскольдъ* и *Диръ*. Они пришли въ землю славянскую вмѣстѣ съ Рюрикомъ, но, не будучи ни родственниками его, ни дружинниками, при раздачѣ городовъ, не получили ничего. Тогда они, съ согласія Рюрика, отправились въ греческую землю; но, плывя по Днѣпру, точно также, какъ теперь Олегъ, плѣнились красивымъ мѣстоположеніемъ Кіева. Когда же они узнали, что жители его платятъ дань Козарамъ, то предложили освободить ихъ отъ этой дани. Кіевляне согласились и Аскольдъ и Диръ остались княжить у нихъ. Олегъ, задумавъ овладѣть Кіевомъ, прибѣгъ къ хитрости. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру, что съ ними желаютъ повидаться земляки ихъ, варяжскіе купцы, плывущіе въ Грецію; между

тѣмъ войско оставилъ назади, а дружину скрылъ въ лодкахъ. Аскольдъ и Диръ повѣрили и пришли, но тотчасъ же были окружены и схвачены. „Вы не князья и не изъ княжескаго рода, а я князь и вотъ сынъ Рюрика,“ сказалъ имъ Олегъ, показывая на малютку Игоря. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ приказалъ умертвить ихъ. Кіевъ такъ понравился Олегу, что онъ остался навсегда жить въ немъ и такимъ образомъ сдѣлалъ его столицею Русскаго государства. Отсюда Олегъ продолжалъ покорять Славянъ, жившихъ по обѣ стороны Днѣпра, между прочимъ подчинилъ и воинственныхъ Древлянъ и заставилъ ихъ платить дань по черной куницѣ отъ дыма или отъ жилья.

Въ концѣ своего княженія Олегъ совершилъ славный походъ въ Грецію. Въ преданіи походъ этотъ передается съ разными прикрасами. Такъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Олегъ, подплывши къ Константинополю, греческой столицѣ, на двухъ тысячахъ кораблей, приказалъ вытащить ихъ на берегъ, потому что греки загородили цѣпью входъ въ гавань; потомъ, по повелѣнію князя, корабли были поставлены на колеса. Когда подулъ попутный вѣтеръ и натянулъ паруса, корабли и покатились подъ стѣны Константинополя. Греки испугались и предложили богатый окупъ. Олегъ согласился, а въ знакъ побѣды повѣсилъ свой щитъ на воротахъ Константинополя. Съ грудами золота и серебра, дорогихъ матерій и рѣдкихъ винъ возвратились русскіе въ Кіевъ. Народъ дивился успѣхамъ и счастію своего князя и прозвалъ его „вѣщимъ,“ т. е. мудрымъ. И начали ходить въ народѣ разные разсказы про вѣщаго Олега. О смерти его сохранился такой разсказъ у нашихъ предковъ, которые, какъ и всѣ народы, будучи еще необразованными, вѣрили въ волшебство. Однажды Олегъ спросилъ у волхва, какая будетъ ему смерть. „Умереть тебѣ, князь, отъ своего любимаго коня,“ отвѣчалъ волхвъ. Какъ ни любилъ Олегъ коня, но умереть ему не хотѣлось; онъ велѣлъ кормить и беречь его, но себѣ больше не подавать. Прошло нѣсколько лѣтъ; князь вспомнилъ о конѣ. Оказалось, что онъ довно уже издохъ. „Вѣчно лгутъ эти волхвы, сказалъ Олегъ:—вотъ конь мой издохъ, а я еще живъ.“ И пошелъ онъ посмотрѣть на кости коня и тутъ опять сталъ смѣяться надъ предсказаніемъ волхва. Но вдругъ, будто бы, изъ черепа выползла змѣя и ужалила князя въ ногу, отчего онъ и умеръ.

Игорь (912—945). Послѣ Олега сталъ княжить Игорь сынъ Рюрика. Онъ не пріобрѣлъ новыхъ земель и ничѣмъ не про-

славился. Напротивъ при немъ воинственные древляне возмутились и самого его умертвили. Но супруга Игоря, умная и предпріимчивая Ольга, отмстила древлянамъ за смерть мужа и опять подчинила ихъ Руси. Это событіе дошло до насъ также въ изукрашенномъ видѣ. Однажды Игорь по обычаю отправился съ дружиной собирать съ древлянъ дань, то-есть: мѣха, хлѣбъ, медъ и тому подобное. Кончивши сборъ дани, онъ отправился домой, но съ дороги вернулся опять за данью. Тогда древляне вышли изъ терпѣнія и безчеловѣчно убили его. Однако они скоро одумались и, боясь мести, отправили пословъ къ Ольгѣ съ предложеніемъ выдти за мужъ за князя ихъ Мала. Но месть у предковъ нашихъ, когда они были еще язычниками, считалась священнымъ долгомъ. Поэтому и Ольга рѣшилась отмстить. Она показала видъ, что ей нравится предложеніе древлянъ, а между тѣмъ велѣла выкопать на дворѣ глубокую яму, бросить туда пословъ и зарыть. Послѣ того, она послала сказать древлянамъ, что если они дѣйствительно желаютъ, чтобы она вышла за ихъ князя, то прислали бы за нею самыхъ знатныхъ мужей. Древляне такъ и сдѣлали. Новыхъ пословъ Ольга приказала сжечь въ банѣ; между тѣмъ дала знать древлянамъ, что она уже идетъ къ нимъ, только прежде чѣмъ выдти замужъ за ихъ князя, хочетъ справить тризну или поминки надъ могилою прежняго своего мужа. Древляне, ничего не зная о своихъ послахъ, наварили меду и приготовились къ принятію княгини, но во время поминокъ, она приказала своимъ воинамъ нечаянно напасть на древлянъ, пировавшихъ вмѣстѣ съ нею, и перебить ихъ. Теперь только древляне спохватились и поняли, что Ольга мститъ имъ за смерть своего мужа. Они взялись за оружіе. Но Ольга выступила противъ нихъ съ большимъ войскомъ и побѣдила ихъ. Тогда древляне затворились въ главномъ городѣ своемъ Коростенѣ. Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ городомъ и никакъ не могла взять его. Наконецъ она прибѣгла къ новой хитрости: послала сказать древлянамъ, что уже больше мстить не будетъ, а желаетъ отъ нихъ только покорности, да небольшой дани, всего по три голубя и по три воробья съ двора. Древляне съ радостью прислали такую легкую дань. Но Ольга приказала къ каждому голубю и воробью привязать зажженный трутъ и пустить ихъ. Птицы прилетѣли въ свои гнѣзда и подожгли городъ со всѣхъ сторонъ. Жители принуждены были бѣжать вонъ изъ него, а Ольга при-

казала убивать ихъ. Такъ Коростенъ былъ взятъ и на древлянъ наложена была тяжкая дань.

Святая Ольга,

первая христіанка изъ княжескаго рода.

Послѣ усмиренія древлянъ Ольга (945—957), за малолѣтствомъ сына своего Святослава, стала править русскою землею. Она изъѣздила все свое государство изъ конца въ конецъ, установила оброки и подати, устроила судъ и расправу. За эти заботы она надолго оставила въ народѣ добрую память о себѣ. Долго, спустя послѣ ея смерти, показывали мѣста, гдѣ она останавливалась, погосты, которые она построила, а во Псковѣ, откуда она была родомъ, долго берегли сани, въ которыхъ она ѣздила. Но особенную славу въ исторіи Ольга пріобрѣла тѣмъ, что первая изъ княжескаго дома приняла христіанскую вѣру. Хотя предки наши были тогда еще язычниками, вѣрили въ разныхъ боговъ, но между ними было уже не мало и христіанъ православной греческой вѣры, а въ Кіевѣ при Игорѣ уже стояла церковь во имя пророка Иліи. Видя добродѣтельную жизнь православныхъ христіанъ, Ольга поняла, что христіанская вѣра лучше языческой и рѣшилась креститься. Но чтобы поближе узнать истинную вѣру, Ольга въ 957

году отправилась въ Константинополь. Она пробыла тамъ около двухъ мѣсяцевъ. Самъ патріархъ греческій наставилъ ее въ вѣрѣ и крестилъ, а императоръ при крещеніи былъ ея воспріемникомъ. Въ народѣ, по поводу этого путешествія, также сложилось сказаніе, записанное лѣтописцемъ. Императоръ греческій, увидѣвши Ольгу, плѣнился ея красотою и умомъ и сталъ просить ея руки. „Будь моимъ крестнымъ отцемъ, сказала Ольга, а если ты не будешь, то я не крещусь“. Царь исполнилъ ея желаніе. Послѣ крещенія онъ опять заговорилъ было о женитьбѣ, но Ольга возразила ему: „Какъ же можешь ты жениться на мнѣ. Законъ христіанскій запрещаетъ крестному отцу быть мужемъ крестной дочери“.—Перехитрила (переклюкала) ты меня, Ольга, сказалъ царь и оставилъ ее въ покоѣ. По возвращеніи въ Кіевъ, Ольга стала уговаривать и сына своего Святослава принять христіанскую вѣру. Но онъ только и думалъ объ однихъ походахъ и завоеваніяхъ; поэтому не принялъ крещенія.

Святославъ (945—972). Еще будучи отрокомъ, едва умѣя сидѣть на конѣ, Святославъ, по обычаю того времени, началъ сраженіе противъ древлянъ, въ то время, какъ Ольга мстила имъ за убійство Игоря. Когда же онъ выросъ, то все время проводилъ въ походахъ и на войнѣ и тутъ жилъ ужъ какъ простой воинъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ не бралъ съ собою въ походъ ни возовъ, ни котловъ, мяса не варилъ, а изрѣзавши тонкими ломтями конину, звѣрину или говядину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ; шатровъ не ставилъ а спалъ подъ открытымъ небомъ, подостлавши конскій потникъ; приэтомъ сѣдло служило ему изголовьемъ, а попона покрываломъ. Собравши храбрыхъ воиновъ, онъ ходилъ съ ними на войну съ быстротою барса, но врагамъ посылалъ прежде сказать: „иду на васъ;“ отступленіе считалъ позоромъ. Такой воинственный и храбрый князь расширилъ границы Руси еще далѣе. Святославъ докончилъ покореніе Славянъ, жившихъ къ востоку отъ Днѣпра, напалъ и на Козаръ, которымъ они платили дань; онъ разбилъ грознаго ихъ кагана или царя, побралъ у него города и прошелъ до самыхъ кавказскихъ горъ, побѣждая всѣхъ, кто осмѣливался вступать съ нимъ въ борьбу. Три года продолжались эти воинственные набѣги молодаго русскаго князя. Слава объ его подвигахъ пронеслась повсюду. Когда здѣсь ужъ нечего было дѣлать, Святославъ обратился въ другую сторону, на Дунай. Здѣсь жилъ славянскій народъ—Болгары. У нихъ были уже въ это время и цари. Но, не смотря на то, Святославъ покорилъ Болгарію. Страна

эта такъ понравилась ему, что онъ даже задумалъ поселиться въ ней навсегда и выбралъ столицею городъ Переяславецъ на Дунаѣ. „Не нравится мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и дружинѣ; хочу жить въ Перьяславцѣ на Дунаѣ. Здѣсь будетъ середина моей земли“. Но греки не хотѣли имѣть въ сосѣдствѣ такого воинственнаго князя. Кромѣ того у нихъ въ это время на престолъ вступилъ также храбрый царь, Іоаннъ Цимисхій. Между ними загорѣлась жестокая борьба. Разъ греки окружили Святослава съ большимъ войскомъ и думали совсѣмъ уничтожить его. Но онъ собралъ дружину и сказалъ ей такую рѣчь: „Намъ некуда дѣваться. Волею неволею мы должны сразиться. Не посрамимъ земли русской, но ляжемъ здѣсь костями. Мертвымъ срама нѣтъ. Станемъ же крѣпко. Я пойду впереди. Если моя голова ляжетъ, то вы промышляйте сами о себѣ.“ „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы сложимъ свои головы“, отвѣчала храбрая дружина. Святославъ кинулся на непріятеля. Произошла ужасная сѣча. Бились долго. Но русскіе побѣдили. Упоенный побѣдой, Святославъ двинулся къ самому Константинополю и уже былъ недалеко отъ него. Чтобы остановить Святослава, греческій царь прислалъ ему богатые дары—золото, серебро, дорогія матеріи и цѣнное оружіе. Князь мелькомъ взглянулъ на прочіе дары и сталъ любоваться оружіемъ. Когда посолъ воротился и разсказалъ объ этомъ, греки стали разсуждать между собою: „Очень храбръ, должно быть, этотъ человѣкъ; онъ на богатства не смотритъ, а хватается за оружіе. Не одолѣть его намъ.“ Они предложили миръ Святославу и согласились платить ему дань. Но эта была только хитрость со стороны Цимисхія. Лишь только Святославъ удалился въ Болгарію, какъ греческій царь началъ готовиться къ новой войнѣ. Цѣлую зиму готовился онъ и наконецъ совершенно неожиданно напалъ на Святослава съ огромнымъ сухопутнымъ войскомъ и съ кораблями. Долго сопротивлялся Святославъ, одержалъ еще нѣсколько побѣдъ, но, подавляемый громадностію греческихъ силъ, долженъ былъ уступить. При заключеніи мира происходило свиданіе между русскимъ княземъ и греческимъ царемъ. Они съѣхались на Дунаѣ. Царь подъѣхалъ къ Дунаю на богато убранномъ конѣ, съ блестящею свитою. Святославъ же подплылъ къ берегу въ лодкѣ и самъ работалъ веслами наравнѣ съ гребцами; на немъ была простая бѣлая рубаха, какъ и у всѣхъ его воиновъ, только почище, а въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга. Сидя въ лодкѣ, онъ немного поговорилъ съ импе-

раторомъ и они разъѣхались, повидимому, миролюбиво. Святославъ согласился покинуть землю Болгарскую. Но коварные греки, не могши погубить русскаго князя оружіемъ, прибѣгли къ вѣроломству. Когда Святославъ возвращался въ Кіевъ, они дали знать дикимъ кочевникамъ Печенѣгамъ, жившимъ въ южныхъ нашихъ степяхъ, что русскій князь идетъ съ богатою добычею. Тѣ совершенно неожиданно напали на него у днѣпровскихъ пороговъ, изрубили всю его дружину, а у самого отрубили голову. Ханъ печенѣжскій сдѣлалъ изъ черепа Святослава кубокъ и пилъ изъ него во время пиршествъ.

Владиміръ-язычникъ (980—988). Вскорѣ послѣ смерти Святослава въ Кіевѣ сталъ княжить младшій сынъ его *Владиміръ*. Это былъ также воинственный князь и при немъ Русь расширилась еще далѣе. Молодой и ласковый князь привлекалъ къ себѣ цѣлыя толпы дружинниковъ; съ ними онъ пировалъ и веселился, съ ними предпринималъ трудные и отдаленные походы въ разныя стороны. На западѣ онъ покорилъ Славянъ, которые жили у подошвы Карпатскихъ горъ. Земля ихъ стала называться Червонною Русью, а потомъ Галиціею. Теперь она принадлежитъ Австріи. Ходилъ также Владиміръ на Литовцевъ и у нихъ взялъ нѣкоторыя земли; собиралъ дань и съ жителей Прибалтійскаго края, гдѣ теперь города Дерптъ, Ревель и др. На востокѣ Владиміръ воевалъ съ камскими Болгарами, гдѣ теперь Казань. Это былъ тогда сильный и богатый народъ. Но русскій князь побѣдилъ его; онъ не покорилъ этой страны только потому, что не надѣялся удержать въ повиновеніи. Когда послѣ побѣды дядя Владиміра, Добрыня, осмотрѣлъ павшихъ въ битвѣ болгаръ, то, пришедши къ князю, сказалъ: „они всѣ въ сапогахъ; такіе не будутъ платить намъ дани; пойдемъ искать лапотниковъ.“ Владиміръ заключилъ съ Болгарами миръ; при этомъ Болгары клялись не воевать съ русскими до тѣхъ поръ, пока камень не будетъ плавать, а хмѣль тонуть въ водѣ.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного столѣтія, послѣ основанія Руси, границы ея расширились на огромное пространство. Конечно, многія племена и народы, съ которыми воевали первые русскіе князья, долго еще оставались независимыми; но уже теперь намѣчены были границы русскому государству въ Европѣ.

II. Введеніе Христіанской вѣры.

Владиміръ Святой и равноапостольный, просвѣтитель Руси.

Походы и завоеванія первыхъ нашихъ князей сопровождались не однимъ только расширеніемъ границъ русскаго государства. Во время этихъ походовъ русскіе знакомились также съ нравами и обычаями разныхъ народовъ и съ ихъ вѣрами. Особенно же большую пользу въ этомъ случаѣ принесло имъ знакомство съ греками, которые тогда были гораздо образованнѣе насъ. Языческая вѣра, которую исповѣдывали наши предки, съ этихъ поръ стала казаться имъ все хуже и хуже. А вотъ въ чемъ она состояла.

Языческая вѣра русскихъ. Предки наши язычники покланялись многимъ богамъ. Главнымъ же изъ нихъ былъ Перунъ, который, по ихъ разумѣнію, управлялъ всѣмъ свѣтомъ и посылалъ на землю громъ и молнію. Храмовъ богамъ своимъ они не строили, а ставили идолы ихъ на открытыхъ мѣстахъ и тутъ молились имъ и приносили въ жертву плоды, животныхъ, а иногда и людей. Въ честь боговъ были устроены также праздники, напримѣръ, праздникъ Купалы и Коляды, остатки которыхъ и до сихъ поръ

сохранились въ народѣ. Праздники эти праздновались очень весело; тутъ пѣли пѣсни, вели хороводы, гадали. Предки наши вѣрили въ колдуновъ и въ ворожей, которые, по ихъ понятіямъ, находились въ сношеніяхъ съ богами и могли предсказывать будущее, портить людей, насылать на нихъ разныя бѣды и напасти. Вообще языческая вѣра нашихъ предковъ наполнена была разными нелѣпыми суевѣріями и предразсудками, которые отчасти сохраняются и доселѣ въ простомъ народѣ. Такъ они вѣрили, что будто въ водѣ живетъ водяной, въ лѣсахъ—лѣшій, въ домахъ—домовой; вѣрили, что души умершихъ дѣтей превращаются въ русалокъ, которыя живутъ въ глубинѣ рѣкъ и озеръ; а по временамъ выплываютъ оттуда и заманиваютъ къ себѣ людей. Когда предки наши приняли христіанскую вѣру, то нѣкоторыя языческія вѣрованія ихъ перемѣшались съ христіанскими. Такъ, напримѣръ, громъ и молнію отъ Перуна они перенесли на Илію пророка; языческаго бога Волоса, покровителя домашняго скота, замѣнилъ св. Власій. Извѣстно, что народъ нашъ и доселѣ объясняетъ громъ и молнію тѣмъ, что Илья пророкъ ѣздитъ по небу въ огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу и проливаетъ дождь на землю.

Принятіе христіанской вѣры. При Владимірѣ на Руси было уже такъ много недовольныхъ языческою вѣрою, что онъ рѣшился и самъ креститься и народъ свой обратить въ христіанскую вѣру. Одинъ случай ускорилъ это дѣло. Владиміръ сначала былъ усерднымъ поклонникомъ языческихъ боговъ. Въ Кіевѣ передъ своимъ дворцомъ онъ поставилъ большую деревянную статую бога Перуна съ серебряною головою и золотыми усами и часто приносилъ ему обильныя жертвы, даже приказывалъ закалывать въ жертву, по жребію, сыновей и дочерей кіевскихъ гражданъ. Однажды жребій палъ на сына одного варяга, который былъ уже христіаниномъ. Но когда посланные князя объявили ему объ этомъ, то онъ громко передъ всѣми началъ хулить языческихъ боговъ. „У васъ не боги, говорилъ онъ, а дерево. Богъ одинъ, которому кланяются греки и который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка. А ваши боги что сдѣлали? Сами они сдѣланы руками человѣческими изъ дерева. Не дамъ сына моего бѣсамъ.“ Это всѣхъ поразило. Передъ домомъ варяга собралась толпа язычниковъ. Они пришли въ ожесточеніе и убили какъ самаго варяга, такъ и сына его. Но рѣчь, сказанная варягомъ во всеуслышаніе, заставила многихъ

призадуматься. Призадумался и князь, а наконецъ рѣшился перемѣнить вѣру.

Когда прослышали объ этомъ сосѣдніе народы, то стали слать къ Владиміру пословъ съ предложеніемъ своей вѣры. Каждому хотѣлось имѣть единовѣрцемъ такого сильнаго и могущественнаго князя. И вотъ пришли къ нему прежде всѣхъ послы отъ камскихъ болгаръ и стали хвалить магометову вѣру, которую исповѣдывали сами. Владиміръ сначала слушалъ ихъ со вниманіемъ. Но когда узналъ, что эта вѣра запрещаетъ ѣсть свиное мясо и пить вино, то отпустилъ пословъ ни съ чѣмъ. Послѣ того явились послы изъ нѣмецкой земли и стали предлагать свою латинскую вѣру. Но князь не хотѣлъ даже и слушать ихъ. Ступайте обратно, сказалъ онъ имъ; отцы наши не приняли вашего ученія.“ Затѣмъ передъ Владиміромъ предстали еврейскіе послы и тоже начали хвалить свою вѣру. Но онъ вдругъ спросилъ ихъ: „а гдѣ ваше отечество?“ —Въ Іерусалимѣ, отвѣчали тѣ; но Богъ за грѣхи разгнѣвался на нашихъ отцовъ и разсѣялъ по всей землѣ“. Какъ же вы учите другихъ своей вѣрѣ, сказалъ имъ съ гнѣвомъ князь; развѣ вы хотите чтобы и мы тоже лишились своего отечества?“. Онъ велѣлъ имъ удалиться. Наконецъ къ Владиміру пришелъ греческій проповѣдникъ. Онъ сталъ разсказывать про свою вѣру, начиная съ самаго сотворенія міра, и такъ заинтересовалъ князя, что тотъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Долго они говорили. Греческій мудрецъ успѣлъ въ это время разъяснить, въ чемъ состоитъ христіанская вѣра, а въ заключеніе показалъ князю картину страшнаго суда. Тутъ представлены были по правую сторону Судіи праведники, съ веселымъ видомъ идущіе въ рай, а по лѣвую — грѣшники, осужденные на вѣчныя мученія. Владиміръ, посмотрѣвъ на картину, вздохнулъ и сказалъ: „хорошо тѣмъ, которые по правую руку, и дурно стоящимъ по лѣвую.“ „Крестись,“ замѣтилъ ему грекъ, и ты будешь стоять на правой сторонѣ.“ „Подожду еще немного,“ отвѣтилъ ему на это князь.

Вскорѣ Владиміръ созвалъ къ себѣ бояръ и старѣйшинъ городскихъ. Онъ разсказалъ имъ, какъ къ нему приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣры, и просилъ совѣта у нихъ. „Князь,“ сказали бояре и старѣйшины; „всякій, конечно, будетъ хвалить свою вѣру, а другія порочить. Пошли разумныхъ мужей узнать на мѣстѣ, чья вѣра лучше.“ Владиміръ такъ и сдѣлалъ. Когда посланные возвратились, онъ опять созвалъ бояръ

и старѣйшинъ. На этомъ совѣтѣ послы разсказали, какъ подѣйствовала на нихъ каждая вѣра. Оказалось, что вѣра греческая больше всѣхъ понравилась имъ. „Когда мы стояли въ храмѣ у грековъ во время службы, говорили они, то не знаемъ, на небѣ или на землѣ мы были. И какъ всякій, вкусивши разъ сладкаго, не захочетъ больше горькаго, такъ и мы не можемъ послѣ этого остаться при прежней вѣрѣ.“ Тутъ бояре и старѣйшины, съ своей стороны, замѣтили князю: „если бы вѣра греческая не была лучше всѣхъ, то Ольга, бабка твоя, не приняла бы ее, а она была мудрѣйшая изъ людей.“ Послѣ того рѣшено было принять греческую вѣру.

Владиміръ хотѣлъ креститься въ Греціи. Но ему казалось унизительнымъ просить объ этомъ греческихъ императоровъ; притомъ же онъ боялся, какъ-бы греки не подумали, что онъ хочетъ имъ покориться. Поэтому онъ рѣшился сначала побѣдить ихъ, а потомъ уже просить отъ нихъ крещенія. Онъ отправился съ большимъ войскомъ въ Крымъ, гдѣ тогда были владѣнія грековъ, и осадилъ городъ ихъ Корсунь, лежавшій близъ нынѣшняго Севастополя. Долго Корсуняне защищались, наконецъ, томимые голодомъ и жаждою, сдались. Тогда князь послалъ сказать греческимъ императорамъ, что если они не выдадутъ за него сестры своей Анны, то и съ Константинополемъ будетъ тоже, что съ Корсунемъ. Испуганные императоры отвѣчали, что они рады бы выдать, но за язычника вѣра ихъ не позволяетъ. Владиміръ велѣлъ объявить, что онъ уже рѣшился креститься, ждетъ только царевны и священниковъ. Тогда императоры уговорили сестру выдти за русскаго князя, и она прибыла въ Корсунь. У князя въ это время разболѣлись глаза, такъ что онъ не могъ ничего видѣть. Царевна посовѣтовала ему, для излеченія, поскорѣе креститься. Владиміръ крестился. „Теперь я позналъ Бога истиннаго!“ воскликнулъ онъ послѣ того какъ былъ окрещенъ. Глаза его выздоровѣли. Вслѣдъ за княземъ крестились и многіе изъ его дружины. Тотчасъ послѣ крещенія Владиміръ вступилъ въ бракъ съ царевною и возвратился въ Кіевъ, взявъ съ собою архіереевъ, священниковъ, мощи, сосуды церковные и иконы. Корсунь же онъ возвратилъ греческимъ императорамъ въ видѣ приданаго за царевну.

Крещеніе кіевлянъ 988 г. Воротясь въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ своихъ дѣтей и близкихъ людей, а потомъ приказалъ истреблять идоловъ: одни изъ нихъ были изрублены, другіе сожжены; истуканъ же Перуна привязали къ хвосту лоша-

ди, били палками и стащили въ Днѣпръ. Смотря на такое поруганіе надъ главнымъ богомъ, язычники плакали. Но многіе усомнились въ его силѣ, видя, что онъ не можетъ защитить самъ себя. Между тѣмъ по городу ходили архіереи и священники и учили народъ вѣрѣ христіанской. Самъ князь тоже поучалъ. Наконецъ объявлено было, чтобы всѣ некрещенные къ назначенному времени пришли на рѣку, а кто не придетъ, тотъ будетъ противенъ князю. Народъ повиновался. „Если бы новая вѣра не была лучше, говорили онѣ, то князь и бояре не приняли бы ее". Когда въ назначенный день Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, тутъ уже собралось безчисленное множество народа. Тогда приступили къ крещенію его. Одни вошли въ воду по шею, другіе по поясъ, младенцевъ взрослые держали на рукахъ; мужчины были по одну сторону рѣки, женщины по другую. Священники прочитали молитвы и такимъ образомъ совершилось крещеніе Кіевлянъ. Это было въ 988 году. День крещенія Кіевлянъ Владиміръ сталъ считать лучшимъ днемъ въ своей жизни.

Изъ Кіева христіанская вѣра стала распространяться по другимъ городамъ и областямъ русскимъ. Распространялась она вообще довольно скоро; главная причина этому была та, что языческая вѣра у русскихъ не была сильно вкоренена: у нихъ не было ни храмовъ языческихъ, съ которыми, конечно, трудно бы было разставаться, ни особаго сословія жрецовъ, которые бы противились введенію новой вѣры, изъ боязни лишиться при этомъ доходовъ и вліянія на народъ. Кромѣ того, христіанская вѣра на Руси была проповѣдуема языкомъ понятнымъ для народа и самая служба церковная совершалась также на языкѣ понятномъ для него, не такъ какъ дѣлали латинскіе проповѣдники. Тѣ и учили народъ и службу отправляли на языкѣ латинскомъ, ни для кого почти непонятномъ. Поэтому съ трудомъ обращали въ свою вѣру и большею частію силою оружія. У насъ же вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою явилась и своя грамота—славянская. Еще болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до крещенія Руси изобрѣтена была славянская азбука. Ее изобрѣли два брата, святые Кириллъ и Меѳодій, которые проповѣдывали Слово Божіе Болгарамъ на Дунаѣ и другимъ Славянамъ. Для нихъ они перевели на ихъ языкъ Св. Писаніе и главныя богослужебныя книги, а языкъ этотъ былъ тогда весьма близокъ къ нашему древне-русскому. Теперь эти книги были принесены къ намъ и по нимъ стали служить въ церквахъ и читать ихъ. Конечно это весьма много помогало при распространеніи вѣры.

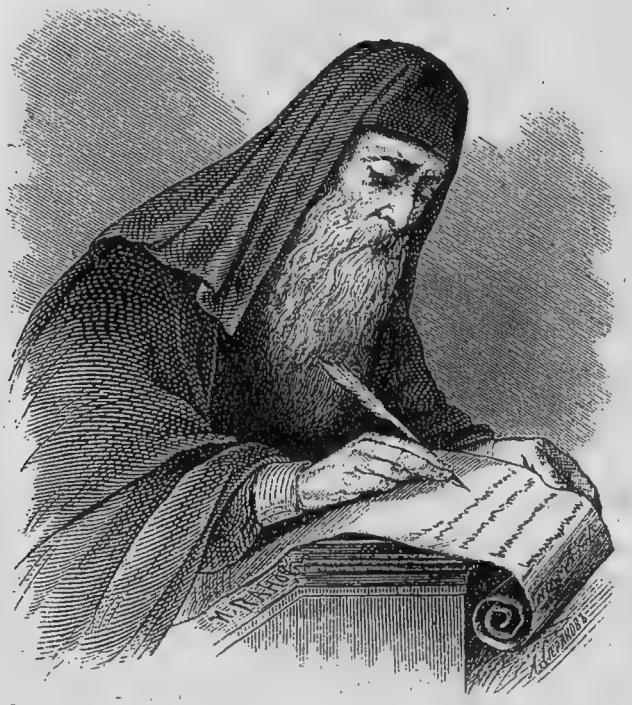
Крещеніе Новгородцевъ. Но не во всѣхъ городахъ христіанская вѣра была принимаема легко. Чѣмъ дальше отъ Кіева на сѣверъ и чѣмъ мѣста были глуше, тѣмъ большаго труда стоило ввести ее тамъ. Такъ новгородцы долго отстаивали своихъ языческихъ боговъ. Владиміръ послалъ противъ нихъ ратную силу. Но они кричали: „лучше намъ умереть, чѣмъ отдать своихъ боговъ на поруганіе.“ Они согласились креститься только тогда, когда одинъ воевода княжескій Путята взялъ городъ мечемъ, а другой—Добрыня сталъ жечь дома. Отъ этого въ Новгородѣ долго сохранялась поговорка: „Путята креститъ мечемъ, а Добрыня — огнемъ.“ Но и послѣ того вѣра христіанская тамъ долго еще была не тверда. Такъ лѣтъ уже 80 спустя въ Новгородѣ появился волхвъ, который смутилъ весь народъ, называя себя богомъ и публично ругаясь надъ христіанскою вѣрою. Въ доказательство своей божественности, онъ обѣщался пройти по Волхову, какъ по сушѣ; при этомъ грозилъ убить епископа Новгородскаго. Чтобы успокоить народъ и посрамить волхва, епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ и вышелъ на площадь. Тутъ онъ, обратившись къ народу, сказалъ: „Кто вѣруетъ въ волхва, пусть идетъ къ нему, а кто вѣруетъ во Христа, пусть идетъ ко кресту.“ Князь съ дружиною приложился ко кресту и сталъ на сторонѣ епископа. Народъ же пошелъ къ волхву. Тогда князь, спрятавши подъ одеждою мечъ, подошелъ къ волхву и вступилъ съ нимъ въ разговоръ: „Знаешь ли ты что будетъ завтра?“ спросилъ онъ волхва.—„Знаю,“ отвѣчалъ тотъ.—„А знаешь ли, что будетъ сегодня“—„Я сотворю великія чудеса,“ сказалъ волхвъ. Тутъ князь вынулъ мечь и разсѣкъ имъ волхва на двое. Народъ, видя это, разошелся по домамъ. Подобные случаи были и въ другихъ мѣстностяхъ. Но вездѣ только невѣжественная толпа приставала къ волхвамъ. Люди же болѣе образованные оставались на сторонѣ христіанства.

Владиміръ-христіанинъ 988—1015. Послѣ принятія христіанской вѣры начинаютъ смягчаться грубые нравы нашихъ предковъ и появляются начатки образованія. Это видно уже на самомъ Владимірѣ. Будучи язычникомъ, онъ безъ пощады убивалъ людей, имѣлъ множество женъ и тому подобное. Такъ онъ убилъ Полоцкаго князя Рогволода съ сыновьями, а дочь его Рогнѣду заставилъ насильно выдти за себя за мужъ, измѣнически лишилъ жизни старшаго брата своего Ярополка. Сдѣлавшись же христіаниномъ на 26 году жизни, онъ изъ жесто-

каго и безчеловѣчнаго сталъ самымъ сострадательнымъ княземъ: нищимъ и убогимъ велѣлъ приходить къ себѣ на дворъ и брать пищу, питіе и все нужное; слабымъ же и больнымъ приказывалъ развозить по домамъ; боясь грѣха, онъ пересталъ было даже казнить разбойниковъ. Владиміръ послѣ крещенія полюбилъ также книги и хотя самъ не умѣлъ ни читать, ни писать, но съ удовольствіемъ слушалъ чтеніе книгъ, а сыновей своихъ сталъ учить не только грамотѣ, но и разнымъ языкамъ и наукамъ. Онъ же завелъ въ Кіевѣ первую школу для 300 мальчиковъ. Владиміръ оставилъ по себѣ глубокую память въ народѣ. Объ немъ сложилось въ народѣ множество сказаній и пѣсенъ, въ которыхъ онъ величается „Краснымъ-Солнышкомъ.“ Церковь же причислила его къ лику святыхъ и назвала „Равноапостольнымъ.“

Святые Антоній и Ѳеодосій Печерскіе. Вслѣдъ за введеніемъ христіанской вѣры на Руси появляются монастыри, гдѣ христіанское ученіе проповѣдывалось не словомъ только, но и дѣломъ. Тутъ впервые являются подвижники, которые служатъ примѣромъ для другихъ святой и богоугодной жизни. Наибольшую славу изъ первыхъ нашихъ монастырей пріобрѣла Кіево-Печерская лавра; ее основали два русскіе подвижника: Антоній и Ѳеодосій. Антоній, почувствовавъ въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни, отправился на Аѳонскую гору въ Грецію и тамъ постригся. Но иноки аѳонскіе посовѣтовали ему воротиться въ отечество и насадить въ немъ монашество. Здѣсь св. Антоній поселился близъ Кіева на горѣ въ тѣсной пещерѣ и началъ подвизаться. Молва о подвигахъ его быстро разнеслась по окрестностямъ и къ нему начали многіе приходить. Антоній образовалъ изъ нихъ монашескую братію, далъ имъ игумена, а самъ уединился въ пещерѣ, изъ которой не выходилъ 50 лѣтъ. Первые иноки также жили въ пещерахъ; но вскорѣ одинъ великій князь предоставилъ въ распоряженіе братіи всю гору, гдѣ и построены были монашескія обители. Однажды къ Антонію пришелъ молодой человѣкъ и поселился подлѣ него въ пещерѣ. Это былъ св. Ѳеодосій. Онъ также съ раннихъ лѣтъ возъимѣлъ непреодолимое влеченіе къ подвижнической жизни и ушелъ изъ дома богатой матери своей. Въ первый разъ мать догнала его и наказала, но настойчивый юноша снова ушелъ. Святая жизнь Антонія полюбилась ему и онъ самъ весь предался иноческимъ подвигамъ: постился, молился, исправлялъ монастырскія работы. Видя строгую жизнь Ѳеодосія, Антоній нарекъ его игуменомъ кіевопечерской братіи. Тогда св. Ѳео-

досій занялся устройствомъ монастырской жизни. Онъ ввелъ уставъ монашескаго общежитія, который отличался строгостію правилъ. Уставъ этотъ отсюда перешелъ потомъ и въ другіе русскіе монастыри. Такимъ образомъ Кіево-Печерскій монастырь сдѣлался, такъ сказать, разсадникомъ строгаго монашескаго житія на Руси.



Препод. Несторъ,
первый русскій лѣтописецъ.

Но монастыри въ древней Руси были не только главными мѣстами подвижнической жизни,—они сдѣлались также главными разсадниками образованія. Въ нихъ главнымъ образомъ обучались грамотѣ, собирали книги, списывали и переводили ихъ; въ нихъ же благочестивые иноки писали поученія для народа, проповѣди, житія святыхъ. Однимъ словомъ, въ монастыряхъ сосредоточивалось все почти древнее наше просвѣщеніе; отсюда вышли первые иконописцы, какъ напримѣръ, св. Алимпій; первые доктора, какъ напримѣръ, лѣчецъ инокъ Агапитъ. Наконецъ въ монастыряхъ началось составленіе первыхъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній. Первый русскій лѣтописецъ былъ преподобный Несторъ. Онъ былъ инокъ Кіево-Печерскаго монастыря и жилъ въ XI вѣкѣ. Семнадцатилѣт-

нимъ еще юношею пришелъ онъ въ монастырь и постригся. Въ часы, свободные отъ молитвъ и отъ монастырскихъ работъ, онъ любилъ читать и слушать разсказы старыхъ и бывалыхъ людей о томъ, что дѣлалось на Руси въ прежнее время. Кромѣ того и самъ онъ жилъ долго и многое видѣлъ на своемъ вѣку и слышалъ. Въ Кіево-Печерской лаврѣ уже тогда со всѣхъ концовъ русской земли стекались люди всякаго званія и состоянія: богатые и бѣдные, князья и бояре, торговые и простые люди,—одни помолиться Богу и поклониться мощамъ, другіе—попросить совѣта у угодниковъ Божіихъ, третьи, наконецъ,—мирно покончить дни свои въ святой обители. Преподобный ко всему внимательно прислушивался и присматривался. Такъ у него накопилось много разныхъ свѣдѣній и онъ рѣшился, благословясь, записать на память потомкамъ что видѣлъ и слышалъ. Этимъ преподобный Несторъ и положилъ начало русской лѣтописи. Лѣтопись его потомъ переписывалась, переходила изъ рукъ въ руки, изъ монастыря въ монастырь. Между переписчиками находились и такіе, которые продолжали его лѣтопись. Проходили сотни лѣтъ, а лѣтопись Нестора хранилась какъ святыня, переписывалась, продолжалась и такъ дошла до насъ. И вотъ изъ этой-то лѣтописи, начатой преподобнымъ Несторомъ, мы и знаемъ что дѣлалось на Руси въ первыя времена. Несторъ умеръ въ нач. XII вѣка. Онъ велъ жизнь строгую, подвижническую. Мощи его и теперь покоятся въ Кіево-Печерской лаврѣ.

III. Споры князей за удѣлы и борьба съ кочевыми народами.

Въ княжескомъ родѣ, правившемъ Русью, встарину былъ обычай каждому князю давать отдѣльную волость или удѣлъ. Старшій въ родѣ получалъ Кіевъ и назывался великимъ княземъ; младшіе, смотря по старшинству, тоже получали большіе или меньшіе удѣлы. Но трудно было дѣлить земли такъ, чтобы каждый былъ доволенъ. Недовольные старались или увеличить свои удѣлы, или пріобрѣсть другія лучшія волости. Поэтому чѣмъ бо-

лѣе размножался княжескій родъ, тѣмъ болѣе русская земля дробилась на удѣлы и тѣмъ болѣе было споровъ и войнъ между князьями.

Ярославъ Мудрый,
первый русскій законодатель.

Борьба Ярослава съ Святополкомъ. У Владиміра Святаго было много сыновей и онъ еще при жизни своей роздалъ имъ города во владѣніе, напримѣръ: Святополку далъ Туровъ, Ярославу — Новгородъ, Борису—Ростовъ, Глѣбу—Муромъ. Святополкъ былъ старшій и долженъ былъ по смерти отца наслѣдовать Кіевскій престолъ. Но Владиміръ болѣе всѣхъ сыновей своихъ любилъ Бориса Ростовскаго. Народъ и дружина также выказывали къ нему особенное расположеніе. Поэтому Святополкъ, тотчасъ же по смерти отца, поспѣшилъ объявить себя Кіевскимъ княземъ и, опасаясь соперничества Бориса, подослалъ убійцъ, которые безчеловѣчно умертвили его; убитъ былъ также и Глѣбъ Муромскій. Церковь причислила ихъ, какъ мучениковъ, къ лику святыхъ, а народъ сталъ признавать ихъ хранителями и покровителями русской земли. Святополкъ же, за свое злодѣяніе, получилъ въ потомствѣ прозваніе Окаяннаго. Онъ рѣшился также перебить всѣхъ братьевъ и княжить на Руси одинъ. Но Ярославъ Новгородскій,

получивъ отъ сестры извѣстіе объ этомъ замыслѣ, подступилъ къ Кіеву съ новгородцами и съ дружиною. Тогда Святополкъ, не смотря на помощь, оказанную ему тестемъ, польскимъ королемъ, долженъ былъ отказаться отъ Кіева. Онъ погибъ во время бѣгства въ Польшу.

Русская Правда. Послѣ гибели Святополка Ярославъ сдѣлался Кіевскимъ княземъ. Онъ особенно прославился своими законами, которые извѣстны подъ названіемъ „Русской Правды.“ Это были первые писанные законы на Руси. Въ нихъ опредѣлялись наказанія за преступленія, напримѣръ, за убійство, воровство, побои, увѣчье. Такъ, за ударъ палкою или другимъ чѣмъ-либо, виновный платилъ 12 гривенъ или около 240 р. сер., за лишеніе пальца 3 гривны или около 60 р. сер. и т. д. Русская Правда была дополняема и измѣняема преемниками Ярослава. Такъ Ярославъ самъ не рѣшился еще отмѣнить языческаго обычая мстить за смерть смертію, какъ напримѣръ Ольга мстила за смерть Игоря; но онъ позволилъ это дѣлать только самымъ близкимъ родственникамъ, а не всѣмъ, какъ было прежде. При сыновьяхъ же Ярослава обычай мести былъ совсѣмъ отмѣненъ. За убійство была назначена также денежная пеня, напримѣръ, за убійство боярина или знатнаго человѣка преступникъ платилъ 80 гривенъ; за простаго свободнаго гражданина 40 гривенъ, за женщину 20 гривенъ. Если преступникъ скрывался, то за него платила штрафъ община, къ которой онъ принадлежалъ. Въ случаѣ недостатка уликъ, виновнаго приводили къ присягѣ или подвергали суду Божію. Подъ судомъ Божіимъ разумѣлось испытаніе желѣзомъ или водою, напримѣръ подозрѣваемаго въ преступленіи заставляли брать голыми руками раскаленное желѣзо или опускать руку въ кипящую воду и если онъ при этомъ не обжигался, то, значитъ, былъ невиноватъ, и на оборотъ. Рѣшали такъ потому что думали, что Богъ не попуститъ невинному человѣку пострадать.

Вообще Ярославъ болѣе заботился о внутреннихъ порядкахъ, нежели о завоеваніяхъ, какъ прежніе князья до принятія христіанской вѣры. Такъ онъ строилъ города, напримѣръ Ярославль на Волгѣ и Юрьевъ (теперь Дерптъ) въ Прибалтійскомъ краѣ; много заботился о распространеніи христіанства, основывалъ монастыри, строилъ церкви и заботился объ украшеніи ихъ; въ Кіевѣ построенъ и украшенъ имъ великолѣпный храмъ св. Софіи по образцу Константинопольскаго Софійскаго собора; подобный же Софійскій соборъ былъ построенъ въ его княженіе въ Новгородѣ.

Будучи убѣжденъ, что для распространенія и утвержденія христіанства въ народѣ прежде всего необходимо образованіе, Ярославъ заботился объ открытіи школъ; такъ онъ основалъ въ Новгородѣ школу для 300 мальчиковъ; кромѣ того, онъ сдѣлалъ общее распоряженіе насчетъ грамотности: основывая по разнымъ городамъ и мѣстамъ церкви, онъ обязывалъ священниковъ при этихъ церквахъ заниматься обученіемъ грамотѣ и платилъ имъ за это изъ своихъ доходовъ. Съ этою же цѣлію онъ пріобрѣталъ книги и приказывалъ переписывать ихъ и переводить на славянскій языкъ. Книги эти были хранимы при церкви св. Софіи въ Кіевѣ и всякій, кто хотѣлъ, могъ ими пользоваться. Заботясь о просвѣщеніи народа, Ярославъ старался и дѣтямъ своимъ дать хорошее образованіе. Такъ объ одномъ сынѣ его любимомъ, Всеволодѣ, извѣстно, что онъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ; о другомъ сынѣ его Святославѣ сохранилось извѣстіе, что онъ составилъ большую библіотеку, или, какъ говоритъ лѣтописецъ, наполнилъ книгами клѣти свои; изъ этой библіотеки двѣ книги, извѣстныя подъ именемъ сборниковъ Святослава, дошли даже до нашего времени. Наконецъ Ярославъ и самъ любилъ заниматься книгами, самъ списывалъ ихъ, читалъ днемъ и ночью, и такъ былъ начитанъ, что лѣтописецъ Несторъ называетъ его русскимъ Соломономъ. Въ потомствѣ же Ярославъ получилъ за свои дѣла прозваніе „Мудраго.“

Ярославъ княжилъ отъ 1019 г. до 1054. Онъ умеръ 76 лѣтъ отъ роду. Тѣло его похоронено въ Кіевѣ, въ храмѣ св. Софіи, въ мраморной гробницѣ, и покоится тамъ донынѣ.

Завѣщаніе Ярослава дѣтямъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, Ярославъ собралъ пятерыхъ сыновей своихъ, оставшихся въ живыхъ, и далъ имъ такое завѣщаніе: „Дѣти мои! я отхожу отъ этого свѣта; любите другъ друга, ибо вы братья, дѣти одного отца и одной матери; ежели будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ враговъ вашихъ; а ежели станете ссориться, то погибнете сами и погубите землю дѣдовъ и отцовъ вашихъ, которую они пріобрѣли великимъ трудомъ. Живите же въ мирѣ и согласіи. Свой столъ Кіевъ я поручаю старшему сыну (Изяславу). Слушайтесь его, какъ меня слушались. Пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня.“ Потомъ, назначивъ города другимъ сыновьямъ, Ярославъ обратился къ старшему и сказалъ: „Если кто изъ братьевъ вздумаетъ обижать другаго, ты помогай обиженному.“ Но не долго князья хранили завѣтъ отцовскій. Все

почти княженіе сыновей Ярослава, продолжавшееся около полустолѣтія, протекло въ междоусобіяхъ. Усобицы княжескія продолжались и при внукахъ и правнукахъ его. Народъ же конечно во все это время страшно страдалъ. Одинъ тогдашній пѣвецъ, имя котораго впрочемъ не сохранилось, такъ описываетъ это время: „Тогда земля сѣялась и росла усобицами. Въ княжескихъ крамолахъ сокращался вѣкъ человѣческій. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили рѣчь свою галки, сбираясь летѣть на добычу. Застоналъ Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напасти. Тоска разлилась по русской землѣ... Горемъ поросла русская земля...“

Владиміръ Мономахъ.
примиритель князей и гроза половцевъ.

Съѣздъ князей въ Любечѣ 1097. Между внуками Ярослава Мудраго нашелся однакожъ одинъ, который старался всѣми силами примирить князей. Это былъ Владиміръ Мономахъ, сынъ Всеволода. По его старанію князья съѣхались въ 1097 г. въ г. Любечъ и здѣсь, сообща раздѣливши между собою волости, поклялись не ссориться болѣе, а въ подтвержденіе клятвы поцѣловались другъ съ другомъ и поцѣловали крестъ. При этомъ всѣ единогласно воскли-

кнули: „да будетъ крестъ честный и вся русская земля противъ зачинщика.“

Ослѣпленіе Василька. Но не успѣли князья еще разъѣхаться, какъ совершилось страшное злодѣйство и причиною его были удѣлы. На Любечскомъ съѣздѣ города на Волыни утверждены были за тремя князьями: Давидомъ Игоровичемъ, внукомъ Ярослава и Василько и Володаремъ Ростиславичами, правнуками его. Правнуки эти отличались необыкновенною храбростью и предпріимчивостью, особенно Василько. Онъ уже извѣстенъ былъ своими удачными походами въ Польшу. Отвсюду къ нему стекались толпы храбрецовъ. Съ ними онъ намѣревался завоевать Польшу и либо пріобрѣсть громкую славу, либо сложить свою буйную голову за русскую землю. Давидъ Игоревичъ съ одной стороны, опасаясь имѣть такого предпріимчиваго сосѣда, а съ другой—недовольный тѣмъ, что Ростиславичамъ достались лучшія волости, рѣшился на злодѣйскій поступокъ. Онъ отправился въ Кіевъ, гдѣ въ это время княжилъ Святополкъ II, старшій внукъ Ярослава. Здѣсь онъ началъ внушать великому князю, что Владиміръ Мономахъ и Василько хотятъ соединиться и лишить ихъ обоихъ удѣловъ. Святополкъ былъ человѣкъ слабый и нерѣшительный. Онъ не зналъ, вѣрить ли Давиду, или нѣтъ. Между тѣмъ Василько, возвращаясь съ съѣзда, проѣзжалъ мимо Кіева и на ночь расположился съ дружиною своею около города. На утро Святополкъ послалъ просить его къ себѣ. Не подозрѣвая ничего, онъ отправился; но уже дорогою одинъ изъ дружинниковъ предупредилъ его объ опасности. Василько однако не повѣрилъ и продолжалъ путь. Когда онъ пріѣхалъ на княжескій дворъ, Святополкъ вышелъ къ нему на встрѣчу и ввелъ его въ свой теремъ. Сюда же вскорѣ пришелъ и Давидъ Игоревичъ. Во время разговора онъ сидѣлъ молча, какъ нѣмой. Поговоривши немного съ Василько, великій князь вышелъ изъ комнаты подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и Давидъ. Тогда на Василька напали воины, заковали его въ двойныя цѣпи и заключили подъ стражу. На другой день Святополкъ созвалъ на совѣтъ бояръ и гражданъ и передалъ имъ извѣстіе Давида на счетъ замысловъ Владиміра Мономаха и Василько. Бояре и народъ дали такой отвѣтъ: „тебѣ, князь, надобно беречь свою голову. Если Давидъ говоритъ правду, то Василько нужно наказать. Если же это не правда, то пусть Давидъ отвѣчаетъ передъ Богомъ“. Между тѣмъ узнали объ этомъ игумены монастырей и начали хода-

тайствовать передъ великимъ княземъ за Василько. Но Давидъ сталъ подъущать его на ослѣпленіе. „Если ты этого не сдѣлаешь, говорилъ онъ Святополку, то ни тебѣ ни княжить, ни мнѣ“. Слабый Святополкъ рѣшился наконецъ выдать плѣнника Давиду. Ночью Василька перевезли изъ Кіева въ близъ лежащій городокъ и помѣстили въ одной избушкѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ какъ пастухъ началъ точить ножъ. Онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. Дѣйствительно вошли нѣсколько человѣкъ, разослали коверъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе князя, повалили его, положили на грудь двѣ доски и по концамъ ихъ сѣли. Отъ тяжести захрустѣли кости у несчастнаго князя. Тогда пастухъ, точившій ножъ, подошелъ и вырѣзалъ оба глаза. Василько обезпамятѣлъ. Въ такомъ положеніи его повезли во Владиміръ на Волыни. На дорогѣ съ него сняли окровавленную рубашку и отдали вымыть. Когда Василько пришелъ въ себя, то сказалъ: „зачѣмъ вы сняли съ меня рубашку? Пусть бы я въ ней предсталъ передъ Богомъ.“ Во Владимірѣ ослѣпленнаго князя посадили подъ стражу.

Князья ужаснулись, когда услыхали о такомъ злодѣйствѣ. Владиміръ Мономахъ заплакалъ и сказалъ: „такого зла не было еще ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ“. Произошла опять междоусобная война, которая кончилась новымъ съѣздомъ князей. Здѣсь Давидъ Игоревичъ былъ наказанъ тѣмъ, что у него отняли Владиміръ Волынскій, а дали другой худшій городъ. Василько же еще ранѣе былъ освобожденъ и впослѣдствіи слѣпой не разъ водилъ въ битву свою дружину.

Набѣги кочевниковъ. Пользуясь междоусобіями князей, хищные кочевники, обитавшіе въ южныхъ степяхъ, рѣдкій годъ не нападали на Русь. Они жгли безпощадно города, села и деревни, опустошали поля, грабили немилосердно народъ, церкви и монастыри, угоняли домашній скотъ, уводили въ плѣнъ и людей цѣлыми толпами. Вообще съ самаго начала существованія русскаго государства это были самые опасные и безпокойные враги наши, тѣмъ болѣе, что изъ азіатскихъ степей время отъ времени приходили къ намъ новыя орды ихъ. Такъ когда Святославъ разгромилъ козаръ, то вслѣдъ за тѣмъ появились печенѣги, которые едва было при немъ не взяли Кіева и отъ которыхъ онъ самъ погибъ. Печенѣги безпокоили Русь во все княженіе Владиміра Святаго, такъ что преданіе о нихъ дошло до насъ въ изукрашенномъ видѣ.

Янъ Усмошвецъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что однажды печенѣжскій князь, вторгнувшись въ предѣлы Руси, предложилъ Владиміру рѣшить битву поединкомъ богатырей. Владиміръ согласился, но не могъ въ своей дружинѣ найти такого сильнаго человѣка, который бы въ состояніи былъ сразиться съ великаномъ печенѣжскимъ. И началъ онъ скорбѣть и тужить. Но вотъ пришелъ къ нему изъ земской рати старый воинъ и говоритъ: „есть у меня, князь, меньшой сынъ, дома. Никто еще не могъ его одолѣть. Однажды онъ мялъ кожу, а я его бранилъ. Въ сердцахъ онъ разорвалъ кожу пополамъ руками.“ Князь обрадовался и тотчасъ же послалъ за богатыремъ. Имя ему было Янъ, а по прозванью Усмошвецъ, то есть, кожевникъ. Для испытанія силы его, раздразнили каленымъ желѣзомъ огромнаго быка и пустили на него. Когда быкъ бѣжалъ, богатырь схватилъ его за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ. На другой день въ виду обоихъ войскъ богатыри выступили на бой. Великанъ печенежскій сталъ было насмѣхаться надъ Яномъ, потому что онъ былъ средняго роста и очень молодъ. Но русскій богатырь такъ сдавилъ печенѣга своими могучими руками, что у того затрещали кости, а потомъ такъ ударилъ его о землю, что онъ тотчасъ же испустилъ духъ. Печенѣги, видя это, обратились въ бѣгство. Владиміръ же со славою возвратился въ Кіевъ и сдѣлалъ Яна Усмошвеца знатнымъ человѣкомъ, равно также и отца его. На томъ же мѣстѣ, гдѣ происходило единоборство, онъ построилъ городъ, который назвалъ Переяславлемъ, въ знакъ того, что здѣсь русскій богатырь перебилъ славу у печенѣговъ.

Илья Муромецъ. Борьба съ кочевыми народами, постоянно опустошавшими Русь, перешла и въ народныя наши пѣсни и сказанія. Въ нихъ прославляются подвиги могучихъ русскихъ богатырей, ратующихъ противъ поганыхъ за Русь: Добрыни Никитича, Алеши Поповича и др. Самый же любимый народомъ изъ такихъ богатырей есть Илья Муромецъ. Имя этого богатыря, равно какъ и другихъ, является въ пѣсняхъ на ряду съ именемъ Владиміра Краснаго-Солнышка. Вотъ напримѣръ что объ немъ поется въ пѣсняхъ и разсказывается въ сказкахъ нашихъ.

Илья былъ сынъ крестьянина изъ села Карачарова, близъ Мурома. Съ малолѣтства онъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ. Разъ, когда отецъ и мать были въ полѣ на работѣ, къ окну подходятъ два старца—странника и просятъ Илью впустить ихъ въ домъ и дать напиться. „И радъ бы отворить вамъ ворота, отвѣ-

чалъ имъ Илья, да не владѣю ни руками, ни ногами.“ Но по одному слову старцевъ, онъ вдругъ встаетъ, впускаетъ ихъ въ домъ и подноситъ чару меду сладкаго. Старцы напились и подали Ильѣ. Выпилъ и Илья. „Что чувствуешь?“ спрашиваютъ у него старцы. „Чувствую въ себѣ такую силу, отвѣчаетъ Илья, что если бы ввернуть кольцо въ землю, да зацѣпить за что—нибудь, я бы повернулъ весь земной шаръ.“ Но старцы подали Ильѣ другую чару, выпивши которую, онъ почувствовалъ въ себѣ на половину меньше силы. „Будетъ съ тебя и этого,“ сказали старцы и ушли. Послѣ этого Илья отправляется къ своимъ въ поле и здѣсь начинаетъ вырывать деревья съ корнями изъ земли. Всѣмъ стало ясно, что Илья—богатырь.

Илья Муромецъ беретъ благословеніе у отца-матери и отправляется на богатырскіе подвиги,—добрымъ на радость, злымъ на страхъ. Онъ ѣдетъ къ Кіеву прямоѣзжею дорогою, по которой ужъ тридцать лѣтъ сѣрый звѣрь не пробѣгалъ, черный воронъ не пролеталъ; конь его бѣжитъ, словно соколъ летитъ, скачетъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Въ темныхъ лѣсахъ Брянскихъ Илья встрѣчается съ соловьемъ — разбойникомъ, который однимъ своимъ свисткомъ убивалъ всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ. Много богатырей пало отъ этого свиста. Весь заборъ во дворцѣ соловья-разбойника былъ утыканъ головами ихъ. Но Илья попадаетъ стрѣлою своею прямо въ глазъ разбойнику и беретъ его въ плѣнъ, а потомъ казнитъ. Пріѣхавши въ Кіевъ, богатырь отправляется на дворъ княжескій. Онъ соскакиваетъ съ коня, привязываетъ его къ дубовому столбу и идетъ въ свѣтлую гридницу къ ласковому князю Владиміру. Здѣсь молится Спасу со Пречистою, кланяется князю со княгинею и на всѣ четыре стороны. У князя въ это время былъ почестной пиръ и на пиру много князей и бояръ, много могучихъ богатырей. Илью сажаютъ за столъ и подносятъ чару зелена вина въ полтора ведра. Онъ беретъ ее одною рукою и выпиваетъ однимъ духомъ.

Вотъ на Кіевъ поднялся злой Калинъ-царь съ татарами (они явились позже, но въ памяти народной имена перемѣшиваются). У него силы на сто верстъ во всѣ четыре стороны. Въ семи верстахъ отъ Кіева онъ остановился и прислалъ къ Владиміру татарина съ требованіемъ—сдать Кіевъ безъ бою, безъ драки, безъ кроволитія напраснаго. Опечалился Владиміръ. На ту пору въ Кіевѣ богатырей не случилось. Но вотъ съ полуденной стороны

прискакалъ Илья Муромецъ. Владиміръ подаетъ ему ханскій ярлыкъ и проситъ совѣта, какъ поступить: сдать ли Кіевъ безъ бою, или нѣтъ?—„Не печалься, Владиміръ, князь Кіевскій, говоритъ Илья; Богъ, нашъ Спасъ, оборонитъ насъ, Пречистая и всѣхъ сохранитъ. Насыпай мису чистаго серебра, другую—краснаго золота, третью—скатнаго жемчуга и поѣдемъ со мной къ Калину-царю. Этотъ татаринъ прямо насъ доведетъ.“ Пріѣхавъ въ станъ татарскій, Илья кланяется царю, подаетъ ему честные дары и проситъ сроку на три дня, чтобы отслужить обѣдню съ панихидами, другъ съ другомъ проститься. Но Калинъ-царь, злодѣй Калиновичъ, принявши съ бранью подарки, срока не далъ ни на три дня, ни на три часа. Обидно это стало Ильѣ и онъ началъ ругать его и требовать, чтобы отошелъ отъ Кіева. Тогда царь приказываетъ схватить Илью и связать ему бѣлыя руки. Пуще прежняго разсердился Илья, но еще терпитъ и только продолжаетъ ругать и требовать, чтобы отошелъ Калинъ. Вновь разсерженный царь плюетъ Ильѣ въ ясны очи, говоря: „всегда хвастливы русскіе люди; весь опутанъ стоитъ, а еще хвастаетъ.“ Тутъ не вытерпѣлъ Илья, разорвалъ на себѣ цѣпи, схватилъ попавшагося подъ руку татарина и началъ имъ помахивать. Куда махнетъ, тутъ улицами лежатъ татары, куда отвернетъ—переулками, а самъ приговариваетъ: „а и крѣпокъ татаринъ—не ломится, а и жиловатъ, собака, не изорвется.“ Такъ побилъ Илья много татаръ, а остальные разбѣжались.“ Калина же царя поднялъ выше буйной головы своей, ударилъ о горючь-камень и разбилъ въ дребезги.

И много разныхъ другихъ подвиговъ совершилъ Илья Муромецъ. Но, не смотря на свою исполинскую силу, онъ нравомъ кротокъ и смиренъ, никого первый не тронетъ и готовъ простить обидчику. Разъ на берегу Оки встрѣчается съ Ильею другой богатырь, Зюзя, который одинъ бичевою тащитъ барку. „Съ дороги!“ кричитъ онъ нагло Ильѣ. „Самъ съ дороги!“ отвѣчаетъ ему Илья. Зюзя оставляетъ барку и идетъ прямо къ Ильѣ, чтобы дать ему почувствовать своей богатырской силы. Но Илья схватываетъ Зюзю и бросаетъ вверхъ. Сто разъ, во время полета, Зюзя успѣлъ проговорить: „виноватъ! впередъ не буду.“ Илья подхватилъ Зюзю на руки, поставилъ на землю и пошелъ далѣе.

Походы Владиміра Мономаха на половцевъ. Но Илья Муромецъ былъ богатырь сказочный, подъ которымъ нужно разумѣть весь русскій народъ, богатырски боровшійся съ разными врагами сво-

ими и внутренними и внѣшними. Кромѣ сказочныхъ богатырей у насъ были и настоящіе богатыри. Къ числу ихъ принадлежитъ князь-богатырь, Владиміръ Мономахъ. Заботясь о примиреніи князей, онъ въ то же время не щадилъ себя и для обороны русской земли отъ степныхъ хищниковъ. При немъ Русь безпокоили уже не печенѣги, а новые кочевники, пришедшіе изъ Азіи, половцы. Они появились еще при Ярославѣ Мудромъ, а теперь рѣдкій годъ не грабили русскихъ. Великій Князь Святополкъ II два раза былъ жестоко разбитъ ими и купилъ у нихъ миръ только женитьбою своею на дочери ихъ хана. Но иногда русскіе князья, собравшись съ силами, сами вторгались въ земли половецкія и наносили варварамъ жестокія пораженія. Героемъ этихъ походовъ, грозою половцевъ былъ Владиміръ Мономахъ. Онъ уговаривалъ князей идти на нихъ: Онъ же первый садился на коня и скакалъ въ бой съ ними, не щадя головы своей.

Вотъ какъ Владиміръ Мономахъ устраивалъ походы противъ половцевъ. Когда, послѣ наказанія Давида Игоревича за ослѣпленіе Василька, княжескія усобицы на нѣкоторое время прекратились, Владиміръ сталъ убѣждать князей ударить на половцевъ весною общими силами. Но дружина великаго князя Святополка начала отговаривать на томъ основаніи, что весною нельзя отрывать земледѣльцевъ отъ дѣла. Тогда Мономахъ сталъ убѣждать Святополка съѣхаться и подумать объ этомъ съ дружиною. Они съѣхались неподалеку отъ Кіева и, расположившись въ шатрѣ, сначала долго сидѣли молча. Наконецъ Владиміръ сказалъ: „братъ! ты старшій; начни же говорить, какъ намъ оборонять русскую землю“. Святополкъ отвѣчалъ: „лучше ты братъ начни“.—„Какъ же мнѣ говорить“, возразилъ Владиміръ, „противъ меня и твоя и моя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ и пашни; но меня удивляетъ, что вы жалѣете поселянъ и лошадей, а о томъ не подумаете, что когда весною поселянинъ станетъ пахать землю, то придетъ половчинъ, убьетъ его стрѣлою, возьметъ лошадь, жену и дѣтей, да и гумно зажжетъ; объ этомъ вы и не подумаете“.—„Въ самомъ дѣлѣ такъ“, подтвердила дружина. Святополкъ же сказалъ: „я готовъ идти съ тобою“.—„Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты русской землѣ“, замѣтилъ Мономахъ. Послѣ того князья встали, поцѣловались и послали звать съ собою въ походъ и другихъ князей. Многіе изъ нихъ приняли приглашеніе и такимъ образомъ былъ предпринятъ походъ въ степи половецкія. Половцы были разбиты совершенно. Но черезъ годъ они опять

пришли грабить русскія области. Тогда, по старанію Мономаха, совершенъ былъ походъ въ самую глубь половецкихъ степей. Варвары, по выраженію лѣтописца, подобно густому бору, обложили русскіе полки. Битва была жестокая и съ обѣихъ сторонъ падало много народу. Но когда вступилъ въ бой Владиміръ Мономахъ съ своею дружиною, то половцы бросились бѣжать, поражаемые какъ бы невидимою рукою. Долго послѣ того варвары не смѣли безпокоить русскую землю. Долго прославлялся въ народѣ и главный герой этой побѣды, Владиміръ Мономахъ.

Личность Владиміра Мономаха. Вообще, по выраженію лѣтописца, Мономахъ „много утеръ пота“ за русскую землю. Это былъ образецъ русскаго князя-богатыря, охранителя земли, неутомимаго въ трудахъ. Мономахъ оставилъ поученіе своимъ дѣтямъ. Поученіе это дошло до насъ. Въ немъ говорится, что онъ противъ однихъ половцевъ совершилъ 83 большихъ похода; а малыхъ и не помнитъ сколько; 19 мирныхъ договоровъ заключилъ съ ними; до 300 князей ихъ взялъ въ плѣнъ, изъ коихъ болѣе ста отпустилъ, а около 200 казнилъ или потопилъ въ рѣкахъ. Любопытно также, что говорится въ этомъ поученіи о другихъ дѣлахъ Владиміра Мономаха и вообще о жизни его. До свѣта онъ поднимался съ постели и ходилъ въ церковь, потомъ совѣтовался о дѣлахъ съ дружиною своею, творилъ судъ и расправу, ѣздилъ на охоту; большую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ холодъ, ни въ зной. Владиміръ Мономахъ сколько былъ храбръ въ битвахъ съ половцами, столько же отваженъ и неустрашимъ на охотѣ. Онъ смѣло ходилъ на туровъ и всякихъ звѣрей, по сту затравливалъ въ лѣто и при этомъ подвергался безчисленнымъ опасностямъ. „Два тура, говоритъ онъ, метали меня на рогахъ вмѣстѣ съ конемъ, олень бодалъ, одинъ лось топталъ ногами, другой тоже бодалъ, кабанъ оторвалъ мечь на боку, медвѣдь прокусилъ сѣдло, волкъ вскочилъ на колѣни и повалилъ на землю вмѣстѣ съ конемъ; много разъ такъ падалъ съ лошади; два раза разбивалъ голову, повреждалъ руки и ноги. И однако же Богъ сохранилъ меня живымъ.“

Неукротимый и непобѣдимый въ бою, неутомимый въ трудахъ, Владиміръ Мономахъ былъ въ тоже время необыкновенно щедръ, ласковъ ко всѣмъ, справедливъ. Онъ не обидѣлъ ни богатаго, ни бѣднаго, ни знатнаго, ни простаго человѣка; строго запрещалъ и

людямъ своимъ обижать народъ. Наконецъ въ то время, какъ другіе князья постоянно нарушали клятвы, даваемыя другъ другу, Владиміръ Мономахъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не преступалъ крестнаго цѣлованія.

Владиміръ Мономахъ — великій князь Кіевскій 1113—1125 г. За свои достоинства Владиміръ Мономахъ пользовался особенною любовію и привязанностію народа. Когда великій князь Кіевскій Святополкъ II умеръ, то кіевляне объявили, что они никого не хотятъ имѣть своимъ княземъ, кромѣ его. Право на великокняжескій престолъ въ это время было спорное: одни признавали его за Владиміромъ, а другіе за князьями изъ другой линіи старшей. Поэтому Владиміръ, не желая подавать повода къ междоусобіямъ, самъ и не искалъ великаго княженія. Но кіевляне послали сказать ему, что если онъ къ нимъ не придетъ, то они произведутъ возстаніе въ городѣ, ограбятъ бояръ и даже церкви и монастыри, а онъ дастъ за это отвѣтъ передъ Богомъ. При такомъ ходѣ дѣлъ Мономахъ прибылъ въ Кіевъ. Духовенство и народъ вышли къ нему на встрѣчу съ образами и приняли его съ честію и великою радостію. Видя такую любовь народа, никто не осмѣлился оспаривать у Владиміра великокняжескаго престола. Онъ княжилъ въ Кіевѣ двѣнадцать лѣтъ и при немъ на Руси вообще было спокойно. Дикіе половцы не смѣли и показываться. Усобицъ въ княжескомъ родѣ было мало. Когда же кто либо изъ удѣльныхъ князей поднималъ оружіе, великій князь смирялъ того самыми рѣшительными мѣрами. Такъ одного князя (Глѣба Минскаго), который вздумалъ было воевать съ нимъ, онъ взялъ въ плѣнъ и засадилъ въ тюрьму, гдѣ тотъ и умеръ; нѣкоторыхъ же непокорныхъ князей онъ лишалъ удѣловъ.

Походъ Игоря Сѣверскаго на половцевъ. Но вскорѣ послѣ смерти Владиміра Мономаха опять открывается вѣковая борьба за великокняжескій престолъ между его потомками, или Мономаховичами, и потомками другой старшей линіи Ярослава Мудраго, или Ольговичами. Въ это время „разодралась вся русская земля, по выраженію лѣтописца, сильно замутилась.“ Едва ли не всѣ княжества принимали участіе въ междоусобной войнѣ. Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Между тѣмъ половцы опять стали страшно грабить русскія области. Отряды ихъ появлялись иногда даже въ Новгородской области. Князья старались удерживать ихъ отъ набѣговъ то брачными союзами, то подарками; иногда же, собравшись съ силами, предпринимали походы во внутрь половец-

кихъ степей. Таковъ былъ походъ (въ 1184 г.) Игоря Святославича, князя Сѣверскаго, съ братомъ своимъ. Братья сначала разбили половцевъ. Но когда степняки собрали всѣ свои силы и, подобно необозримому лѣсу, охватили русскихъ со всѣхъ сторонъ, то послѣдніе, не смотря на отчаянную храбрость свою, почти всѣ легли костями на поляхъ половецкихъ. Игорь былъ взятъ въ плѣнъ; однако успѣлъ бѣжать изъ неволи. Несчастный походъ этотъ воспѣтъ въ поэтическомъ произведеніи XII вѣка, извѣстномъ подъ названіемъ „Слово о полку Игоревомъ.“ Половцы возгордились побѣдою надъ русскими и еще чаще стали производить опустошенія. Впрочемъ князья, воюя другъ съ другомъ, нерѣдко сами призывали къ себѣ на помощь этихъ варваровъ и иногда сами отдавали имъ на разграбленіе города. Такъ въ началѣ XIII вѣка отданъ былъ имъ на разграбленіе самый Кіевъ. Варвары разсыпались по городу, пожгли дома, опустошили церкви и монастыри; жителей же старыхъ и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ увели въ плѣнъ. Но въ это время Кіевъ уже не былъ столицею. Старшимъ княземъ на Руси теперь считался Владиміро-Суздальскій, а главнымъ городомъ Владиміръ на Клязьмѣ.

Андрей Боголюбскій.

Начало единодержавія на Руси. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе размножался княжескій родъ Рюрика и наконецъ распался на нѣсколько линій. Вслѣдствіе этого и Русь со второй половины XII в. раздѣлилась на нѣсколько княжествъ, каковы: Владиміро-Суздальское, Рязанское, Смоленское, Черниговское, Волынское, Галицкое, Полоцкое и другія. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ господствуетъ своя княжеская линія, въ каждомъ есть свой старшій или великій князь и свои младшіе или удѣльные князья. Всѣ они также, какъ и прежніе князья, спорятъ и воюютъ между собою за удѣлы. Но въ тоже время князья начинаютъ сознавать, что, для прекращенія этихъ усобицъ, губящихъ силы русскаго народа, можетъ быть единственное средство — это установить одну прочную власть и подъ этою властію соединить всѣ княжества въ одно государство. Первый началъ приводить это въ исполненіе Владиміро-Суздальскій князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій.

Андрей былъ сынъ Юрія Долгорукаго и внукъ Владиміра Мономаха. Всю свою молодость онъ провелъ въ Суздальской землѣ,

которая была удѣломъ его отца. Край этотъ, заселенный большею частію финнами, долго былъ самымъ бѣднымъ и незамѣтнымъ на Руси. Онъ началъ оживляться и возвышаться только съ того времени, какъ Юрій Долгорукій получилъ его въ удѣлъ. Дѣятельный князь этотъ сталъ строить города здѣсь, въ числѣ которыхъ замѣчательна Москва, разчищать лѣса, прокладывать дороги, обращать язычниковъ въ христіанскую вѣру, созидать храмы, основывать монастыри. Устроивши свой удѣлъ, Юрій сталъ смотрѣть на него, какъ на неотъемлемую собственность свою и своего рода и дорожить имъ. Народъ, также видя заботы князя о себѣ, привязался къ нему и къ его роду. Такимъ образомъ князья суздальскіе, поддерживаемые народомъ, являются сильнѣйшими въ ряду другихъ князей. Андрей Боголюбскій, сознавая свою силу, и началъ подчинять себѣ сосѣднихъ князей. Такъ князья рязанскіе, смоленскіе и другіе принуждены были признать надъ собою его волю и по первому требованію его ходить съ нимъ на войну. Въ своемъ же суздальскомъ княжествѣ, онъ поступалъ совершенно самовластно. Чтобы положить конецъ спорамъ и усобицамъ князей за удѣлы, онъ выгналъ отсюда своихъ братьевъ и племянниковъ, а чтобы не встрѣчать ни откуда противодѣйствія своимъ распоряженіямъ, онъ не раздавалъ удѣловъ даже своимъ сыновьямъ.

Возвышеніе Владиміра на Клязьмѣ. Случилось, что въ Кіевѣ сѣлъ неугодный Андрею князь и притомъ младшій, племянникъ его. Онъ рѣшился наказать его: собралъ многочисленную рать; къ своимъ суздальскимъ полкамъ присоединилъ полки князей: смоленскаго, черниговскаго, переяславльскаго и другихъ. Въ 1169 г. эта рать отправилась подъ Кіевъ. Андрей такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что самъ не повелъ ее, а поручилъ своему сыну. И дѣйствительно, послѣ четвертаго приступа крѣпкія стѣны Кіева были пробиты и сборная рать Андреева ворвалась въ городъ. Начался грабежъ и продолжался два дня; иконы, ризы, колокола, книги—все было расхищено; въ то же время пожаръ истреблялъ дома, церкви, монастыри. „И бысть въ Кіевѣ, говоритъ тогдашній лѣтописецъ, стенаніе, и туга, и скорбь неутѣшная, и слезы непрестанныя“. Но какъ же это случилось что сами же русскіе ограбили и сожгли свою столицу? Дѣло въ томъ, что Андрей не любилъ Кіевской земли, гдѣ происходили постоянныя войны за престолъ и за удѣлы. Кромѣ того, выросши въ суздальской странѣ, онъ привыкъ совершенно къ другимъ порядкамъ, нежели ка-

кіе были здѣсь. Въ Кіевѣ народъ нерѣдко шелъ вопреки князей, между тѣмъ какъ Андрей привыкъ, чтобы воля его безпрекословно выполнялась. Поэтому, взявши Кіевъ, онъ не думалъ княжить въ немъ, а посадилъ княземъ младшаго брата своего Глѣба. Самъ же остался въ любимомъ своемъ Суздальскомъ краѣ, удержавши за собою титулъ и значеніе великаго князя. Задумавъ установить на Руси самодержавную власть, Андрей и здѣсь-то поселился не въ главномъ какомъ либо городѣ — Ростовѣ или Суздалѣ, а въ маленькомъ городкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ. Это объясняется слѣдующимъ образомъ. Во всѣхъ древнихъ русскихъ городахъ издавна существовали вѣча или народныя сходки, гдѣ рѣшались разныя дѣла. Но рѣшенія вѣчъ въ главныхъ городахъ были обязательны для младшихъ городовъ или пригородовъ, какъ они тогда назывались. Лѣтописецъ Несторъ говоритъ: „Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и всѣ волости, искони какъ въ думу, на вѣча сходятся и на чемъ старѣйшіе положатъ, на томъ станутъ пригороды“. Такимъ образомъ старые города привыкли командовать. Поэтому Андрей Боголюбскій и предпочелъ Ростову и Суздалю Владиміръ, который недавно только еще былъ основанъ дѣдомъ его, Владиміромъ Мономахомъ. Преданіе говоритъ, что само провидѣніе указало ему на этотъ городъ. Андрей возвращался разъ изъ Кіевской земли, взявши съ собою оттуда икону Божіей Матери, которая, по преданію, написана была евангелистомъ Лукою. Неподалеку отъ Владиміра, кони, везшіе святую икону, вдругъ остановились; никакими усиліями нельзя было заставить ихъ идти далѣе; запрягли другихъ и тѣ тоже стояли какъ вкопанные. Андрей понялъ изъ этого, что мѣста эти излюблены Богомъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановилась икона, онъ построилъ церковь и село, которое назвалъ Боголюбовымъ. Въ этомъ селѣ онъ большею частію и жилъ, отчего и прозванъ Боголюбскимъ. Такимъ образомъ Владиміръ сдѣлался стольнымъ городомъ земли русской. Андрей не жалѣлъ денегъ на украшеніе его. Онъ выписывалъ изъ Греціи художниковъ и мастеровъ, которые строили здѣсь церкви и палаты; самъ, говорятъ, присматривалъ за ними, самъ даже чертилъ планы. Въ короткое время Владиміръ украсился такими зданіями и церквами, какихъ не было и въ старыхъ русскихъ городахъ. Въ одномъ изъ соборовъ его поставлена была икона Божіей Матери и украшена золотою ризою въ 30 фунтовъ, кромѣ множества жемчуга и дорогихъ камней. Впослѣдствіи эта икона, извѣстная подъ именемъ Владимірской Божіей Матери, пе-

ревезена была въ Москву и въ настоящее время составляетъ главную святыню московскую.

Борьба Андрея съ Новгородомъ. Подчинивши себѣ Кіевъ, Андрей Боголюбскій еще самовластнѣе и рѣшительнѣе сталъ поступать съ удѣльными князьями. Наконецъ онъ задумалъ также совершенно подчинить себѣ вольный Новгородъ Великій.

Нигдѣ на Руси вѣче не имѣло такого значенія, какъ въ Новгородѣ. Новгородцы на своихъ сходкахъ рѣшали сами всѣ важныя дѣла, напримѣръ, выбирали себѣ высшихъ должностныхъ лицъ: посадника, тысяцкаго и даже архіепископа, издавали законы, опредѣляли войну и миръ. Правда они, также не могли жить безъ князя изъ Рюрикова дома, но принимали ихъ къ себѣ большею частію „на всей своей волѣ“, то-есть, такихъ, которые соглашались на всѣ ихъ условія. Власть князя въ Новгородѣ была весьма ограниченна. Безъ воли вѣча или народа, онъ не могъ сдѣлать ничего важнаго, не могъ даже, напримѣръ, смѣнить посадника. Такъ, когда одинъ князь, не поладивши съ посадникомъ, хотѣлъ лишить его должности, то вѣче рѣшительно воспротивилось этому. „Въ чемъ онъ виноватъ?“ спросили Новгородцы. „Безъ вины“, отвѣчалъ князь черезъ своего посланнаго. Тогда вѣче послало сказать князю: „Ты клялся намъ безъ вины никого не лишать власти, а потому мы тебѣ кланяемся; посадникъ нашъ и по твоему не сдѣлаемъ“. Князь долженъ былъ уступить и примириться съ посадникомъ. Если же иной князь хотѣлъ настоять на своемъ, то Новгородцы прогоняли его отъ себя. Такому князю они обыкновенно говорили: „иди куда хочешь, теперь не твое время“. Но Новгородцы, не давая воли князьямъ, не въ состояніи были устроить у себя и вѣчеваго прочнаго правленія, а потому у нихъ часто происходили большіе безпорядки и волненія. Когда народъ, по звуку вѣчеваго колокола, собирался на сходку, то здѣсь большею частію поднимался страшный шумъ и крикъ; нерѣдко дѣло доходило до рукопашнаго боя, а иногда и до смертоубійствъ; граждане раздѣлялись на партіи; сторона выходила на сторону; сходились обыкновенно на Волховскомъ мосту и тутъ вступали въ бой. При этомъ побѣдители, избивъ своихъ противниковъ до полусмерти, большею частію сбрасывали ихъ съ моста въ р. Волховъ. Въ это время народъ бродилъ также по городу, нападалъ на дома богатыхъ гражданъ и грабилъ ихъ. Только духовная власть еще сдерживала нѣсколько буйныхъ Новгородцевъ. Обыкновенно, когда схватка становилась опасною, архіепископъ

созывалъ духовенство, облачался въ ризы и съ крестами и иконами отправлялся къ мосту. Среди бунтующейся толпы онъ останавливался и начиналъ осѣнять крестомъ во всѣ стороны. Тогда народъ приходилъ въ себя и схватка прекращалась. Но все таки во время такихъ волненій много гибло народу и добра. Правда, Новгородцы были очень богаты; они вели обширную торговлю съ иноземцами, доставляя имъ разные товары: кожи, воскъ, сало, а въ особенности дорогіе мѣха, за которые получали большія деньги; владѣнія ихъ занимали всю нынѣшнюю сѣверо восточную Россію до самыхъ Уральскихъ горъ. Но, не смотря на богатства и обширность владѣній, Новгородъ былъ слабъ отъ внутренней неурядицы.

Понимая это, Андрей Боголюбскій задумалъ подчинить себѣ вольный Новгородъ. Разъ онъ прислалъ сказать Новгородцамъ: „Да будетъ вамъ вѣдомо; хочу искать Новгорода добромъ и лихомъ.“ Какъ ни сопротивлялись Новгородцы, однако должны были уступить. Андрей сталъ назначать имъ князей отъ себя, которые управляли ими уже по своему усмотрѣнію. Горько и непривычно было новгородцамъ видѣть у себя такихъ князей. Наконецъ выведенные изъ терпѣнія они возстали, прогнали отъ себя князя, посаженнаго Андреемъ, и рѣшились возвратить себѣ прежнюю волю. Но Андрей ополчилъ противъ Новгородцевъ чуть не всю землю русскую и осадилъ городъ. Три дня продолжался бой; на четвертый изнемогшіе граждане вынесли на стѣны икону Божіей Матери, съ пѣніемъ и слезными мольбами о заступленіи. Вслѣдъ за тѣмъ загорѣлась ожесточенная битва; стрѣлы какъ дождь сыпались на Новгородцевъ, но они, видя передъ собою св. икону, стояли какъ живая стѣна и отражали суздальцевъ. Лѣтопись разсказываетъ, что во время самаго жаркаго боя икона Богородицы обратилась лицемъ къ городу и тогда на враговъ нашелъ мракъ и напалъ страхъ. Они какъ слѣпые начали метаться туда и сюда, бить другъ друга и наконецъ побѣжали. Новгородцы въ память этой побѣды установили у себя праздникъ Знаменія Пресвятой Богородицы. Однако, не смотря на это Андрей заставилъ смириться Новгородцевъ другимъ способомъ. Онъ сталъ задерживать торговыхъ людей новгородскихъ и прекратилъ подвозъ хлѣба въ ихъ землю изъ низовыхъ областей. Новгородцы, страдая отъ голода, запросили мира и согласились опять принимать къ себѣ князей, назначаемыхъ суздальскимъ княземъ. Андрей наконецъ прислалъ имъ своего несовершеннолѣтняго сына

и притомъ полную власть въ управленіи предоставилъ себѣ. Новгородцы, не смѣя сопротивляться открытою силою, обратились къ ходатайству своего архіепископа. Тотъ ѣздилъ во Владиміръ и просилъ Андрея быть поснисходительнѣе къ Новгороду и не нарушать старинныхъ его правъ. Но и ходатайство архіепископа не имѣло успѣха. На слѣдующій же годъ Андрей Боголюбскій потребовалъ, чтобы Новгородцы, вопреки своимъ исконнымъ правамъ, выставили ему войско, которое онъ вмѣстѣ съ другими войсками отправилъ подъ Кіевъ, гдѣ у него въ это время загорѣлась также борьба.

Борьба Андрея съ Мстиславомъ Храбрымъ. Глѣбъ, посаженный Андреемъ въ Кіевѣ, скоро умеръ. На его мѣсто посаженъ былъ Романъ, одинъ изъ смоленскихъ князей. Онъ сначала совершенно подчинялся суздальскому князю. Но скоро между ними произошло несогласіе. Дѣло началось такимъ образомъ. Романъ перевелъ къ себѣ въ Кіевскій край братьевъ своихъ и въ числѣ ихъ брата Мстислава, по прозванью Храбраго, князя отважнаго, который, по выраженію лѣтописца, „отъ юности своей никого не боялся, кромѣ Бога“. Между тѣмъ Андрей Боголюбскій узнаетъ, что прежній кіевскій князь, братъ его, Глѣбъ, умеръ не своею смертію. Онъ посылаетъ къ Роману съ требованіемъ, чтобы ему выданы были убійцы Глѣба. Романъ, настроенный братомъ Мстиславомъ, отказалъ. Тогда Андрей послалъ сказать ему и братьямъ его такъ: „Не хотите слушаться меня, такъ ступайте въ свою отчину“, то-есть, въ Смоленскъ, а Мстиславу приказалъ отдѣльно передать: „Ты всему зачинщикъ; не велю тебѣ быть въ русской землѣ“. Въ отвѣтъ на это Мстиславъ велѣлъ въ присутствіи своемъ остричь послу Андрееву голову и бороду, и отправилъ его назадъ съ такими словами: „До сихъ поръ мы почитали тебя какъ отца, по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими словами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ своимъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ. Богъ насъ разсудитъ“. Андрей опалъ въ лицѣ, когда получилъ такой отвѣтъ. Онъ немедленно же сталъ собирать войска. Болѣе 20 князей стали подъ его знамена. Даже Романъ удалился изъ Кіева и присоединился къ его ополченію. Такъ страшенъ былъ Андрей Боголюбскій. Въ этомъ же ополченіи должны были участвовать и Новгородцы. Андрей приказалъ поймать Мстислава живымъ и привести къ себѣ. Огромное ополченіе великаго князя Владимірскаго, пришедши въ Кіевскую землю, осадило Вышгородъ, гдѣ заперся

Мстиславъ. Девять недѣль мужественно выдерживалъ осаду этотъ храбрый князь. Рано или поздно онъ, конечно, долженъ былъ бы сдаться. Но на десятой недѣлѣ въ ополченіи Андрея произошли несогласія. Нѣкоторые князья перешли на сторону Мстислава Храбраго, а другіе удалились изъ-подъ Вышгорода. Тогда и Суздальская рать оставила осаду. Тяжело было Андрею Боголюбскому, на старости лѣтъ, потерпѣть такое униженіе. Однако и послѣ этого смоленскіе князья, видя, что безъ воли и помощи Андрея имъ не владѣть Кіевомъ, послали къ нему съ повинною. Прежде нежели Андрей рѣшилъ простить ли ихъ, или наказать, его постигла неожиданная смерть.

Смерть Андрея. Подчиняя себѣ князей и вѣча, Андрей Боголюбскій въ то же время старался, чтобы и бояре безпрекословно повиновались ему. У каждаго князя встарину была своя дружина. Съ нею они совершали походы, производили завоеванія. Дружина раздѣлялась на старшую и младшую. Старшіе дружинники или бояре были также совѣтниками князей во всѣхъ дѣлахъ. Когда князь замышлялъ что нибудь безъ ихъ вѣдома, то они отказывались слѣдовать за нимъ. „Ты это, князь, замыслилъ самъ собою, безъ нашего вѣдома, говорили они обыкновенно въ такихъ случаяхъ; не идемъ за тобою“. Андрей прогналъ отъ себя старыхъ бояръ отцовскихъ, привыкшихъ давать совѣты князю и обходиться съ нимъ за панибрата; онъ старался окружить себя такими дружинниками, которые бы безпрекословно подчинялись его волѣ. Но онъ началъ обходиться съ ними ужъ слишкомъ строго по тому времени. Однажды онъ велѣлъ одного боярина за какую-то вину даже казнить. Это тогда было не въ обычаѣ. Когда другіе бояре узнали о такомъ распоряженіи князя, то составили заговоръ противъ него. Ночью они напали на своего князя въ спальнѣ, въ Боголюбовѣ, и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили. Это было въ 1174 г.

По смерти Андрея Боголюбскаго, Ростовцы и Суздальцы хотѣли было лишить ненавистный имъ Владиміръ первенства. „Сожжемъ его, говорили они, либо пошлемъ туда своего посадника; онъ нашъ пригородъ, населенный холопами — каменьщиками“. Но Владимірцы успѣли отстоять свое первенство и Владиміръ на долго остался стольнымъ городомъ земли русской. Великіе же князья Владимірскіе, преемники Андрея Боголюбскаго, продолжали утверждать на Руси спасительное единодержавіе. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи братъ его, Всеволодъ Юрье-

вичъ, по прозванью Большое Гнѣздо, потому что былъ отцомъ многочисленнаго семейства. Однако прежде, нежели оно утвердилось, на Русь нагрянули новые кочевники татары и, пользуясь разъединеніемъ и враждою князей, покорили ее.

IV. Монгольское иго.

Чингизханъ. Въ обширныхъ степяхъ средней Азіи издавна кочевали татары или монголы. Они раздѣлялись на многія мелкія орды, управляемыя отдѣльными князьями или ханами. Но во второй половинѣ XII вѣка у монголовъ явился необыкновенно отважный и предпріимчивый вождь Темучинъ, который соединилъ ихъ въ одинъ народъ и началъ производить завоеванія. Онъ былъ сынъ предводителя одной монгольской орды, кочевавшей при истокахъ рѣки Амура. Оставшись по смерти отца 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, онъ до 40 лѣтъ своей жизни испытывалъ однѣ неудачи и несчастія. Орда отцовская не хотѣла ему повиноваться и присоединилась къ другой ордѣ. Долго безъ успѣха силился онъ пріобрѣсть надъ нею наслѣдственную власть; нѣсколько разъ попадался въ руки враговъ и только случайно спасался отъ неминуемой смерти. Несчастія и опасности закалили Темучина и сдѣлали его чрезвычайно отважнымъ. Послѣ 20-ти лѣтнихъ неудачъ онъ наконецъ началъ одолѣвать своихъ враговъ и самыхъ злѣйшихъ изъ нихъ, захвативъ въ плѣнъ, приказалъ живыми сварить въ 80 котлахъ. Эта ужасная казнь устрашила остальныхъ его враговъ. Тогда не только отцовская орда, но и другія сосѣднія признали надъ собою его власть, а вскорѣ онъ соединилъ подъ своею властію всѣхъ монголовъ. Въ это время къ Темучину явился какой-то старецъ, который предсказалъ ему, что онъ покоритъ весь свѣтъ и потому долженъ называться Чингизханомъ, то-есть великимъ ханомъ. И дѣйствительно Чингизханъ пошелъ покорять сосѣдей. Счастіе всюду сопутствовало ему. Всѣ почти государства средней Азіи должны были признать надъ собою господство страшнаго завоевателя.

Битва на Калкѣ. Въ 1224 г. одинъ отрядъ Чингизхана вторгся въ Европу и напалъ на половцевъ. Не имѣя силъ отразить грозъ-

ныхъ татаръ, половецкіе ханы прислали просить помощи у южныхъ русскихъ князей. Послы ихъ говорили: „Сегодня татары взяли нашу землю, а завтра возьмутъ и вашу, если не поможете намъ.“ Въ это время замѣчательнымъ княземъ въ южной Руси былъ Мстиславъ Галицкій. Онъ былъ сынъ Мстислава Храбраго и, подобно отцу, отличался мужествомъ и удалью, за что и получилъ прозваніе Удалаго. Кромѣ того онъ былъ женатъ на дочери одного изъ хановъ половецкихъ. Поэтому частію по родственнымъ чувствамъ, а частію, чтобы показать свою удаль и пріобрѣсть новую славу, Мстиславъ Удалой согласился идти на татаръ и склонилъ къ этому нѣкоторыхъ другихъ князей. Татары, узнавъ о походѣ русскихъ, прислали къ нимъ пословъ съ мирною рѣчью. „Мы пришли, говорили они, на холоповъ своихъ и конюховъ—половцевъ, а русскихъ городовъ не трогаемъ.“ Въ отвѣтъ на это князья, не довѣряя словамъ татаръ, приказали умертвить пословъ ихъ и продолжали идти. Побѣда надъ передовыми полками татаръ поселила въ нихъ бодрость. Они переправились черезъ Днѣпръ и углубились въ степи. На берегахъ р. Калки близъ Азовскаго моря они встрѣтились съ главными силами татаръ. Къ несчастію между русскими князьями не было единодушія. Мстиславъ Удалой, желая одинъ пріобрѣсть славу побѣды, ударилъ на татаръ съ одною только своею дружиною и съ половцами, не сказавъ ничего другимъ князьямъ. Но, не смотря на отчаянную храбрость, онъ былъ разбитъ и бѣжалъ. Другіе князья стояли въ это время на возвышенномъ мѣстѣ. Узнавъ о пораженіи Мстислава, они поспѣшили укрѣпиться здѣсь и три дня отбивались отъ татаръ, но наконецъ начали изнемогать. Между тѣмъ татары предложили имъ свободный пропускъ, если только они сдадутся. Князья согласились, но едва только выступили изъ своихъ укрѣпленій, какъ на нихъ сдѣлано было нападеніе. Не многимъ удалось спастись бѣгствомъ; большая же часть были истреблены или захвачены въ плѣнъ. Плѣнныхъ князей татары связали, положили подъ доски и на этихъ доскахъ сѣли праздновать свою побѣду. Конечно несчастные князья были раздавлены тамъ. Вскорѣ, однакожъ, послѣ Калкской побѣды, татары удалились въ азіатскія степи.

Нашествіе Батыя 1237 — 1240. Прошло лѣтъ тринадцать. О татарахъ не было никакихъ извѣстій. На Руси уже начали забывать о нихъ и князья по прежнему продолжали свои споры и усобицы. Но вотъ снова разнеслась молва о появленіи страшнаго

врага. На этотъ разъ монголы шли съ цѣлію покорить Русь. Чингизхана въ это время уже не было въ живыхъ. Но онъ завѣщалъ своему преемнику продолжать завоеванія. Тогда многочисленная татарская орда, тысячъ въ триста, во главѣ которой находился ханъ Батый, двинулась снова въ Европу съ своими семействами, стадами и со всѣмъ имуществомъ. Въ 1237 г. Батый подступилъ къ границамъ Рязанскаго княжества и потребовалъ отъ рязанскихъ князей десятой части отъ всего—отъ скота, отъ хлѣба, отъ плодовъ. „Когда никого изъ насъ не будетъ въ живыхъ, тогда все будетъ ваше“, отвѣчали храбрые князья. Послѣ такого отвѣта татары пошли на Рязань. Къ несчастію русскіе князья и на этотъ разъ не соединились, чтобы общими силами отразить страшныхъ завоевателей. Великимъ княземъ Владимірскимъ въ это время былъ Юрій II Всеволодовичъ, племянникъ Андрея Боголюбскаго. Онъ, надѣясь одинъ управиться съ татарами, отказался помочь рязанскимъ князьямъ. Тогда рязанцы вышли одни противъ враговъ; бой былъ жестокій, но на каждаго рязанца приходилось по сотнѣ татаръ. Батый одолѣлъ и избилъ всѣхъ рязанцевъ. Вслѣдъ затѣмъ была взята приступомъ и самая Рязань. Ее татары предали разграбленію и пламени, а жителей всѣхъ почти перебили, такъ что некому было стонать и плакать.

Въ преданіи сохранилась память объ одномъ рязанскомъ героѣ, Евпатіѣ Коловратѣ. Въ то время, какъ татары громили Рязань, онъ былъ въ Черниговѣ. Прибѣжавъ оттуда и увидѣвъ однѣ груды развалинъ и труповъ, онъ закипѣлъ местію. Съ небольшою дружиною, набранною изъ оставшихся въ живыхъ рязанцевъ, онъ пустился вслѣдъ за татарами, нагналъ ихъ и началъ рубить и колоть съ тыла. Батый думалъ не мертвые ли рязанцы воскресли. „Что вы за люди? спрашивалъ онъ у плѣнныхъ. „Мы христіане изъ Рязани“, отвѣчали они; хотимъ тебя, великаго царя, съ честію проводить“. Едва не всѣ свои силы должны были употребить въ дѣло татары, чтобы одолѣть Евпатія и его небольшую, но храбрую дружину. Татарскій богатырь, вышедшій на Евпатія, былъ разсѣченъ имъ на части. Батый не мало дивился храбрости этого отряда и съ честію отпустилъ оставшихся въ живыхъ, отдавши имъ и тѣло убитаго Евпатія.

Подвигаясь далѣе, татары сожгли Москву, тогда еще маленькій городокъ, и много другихъ городовъ. Наконецъ они подступили къ Владиміру. Великаго князя не было въ городѣ. Онъ уда-

лился къ сѣверу собирать войска. Батый велѣлъ громить стѣны толстыми бревнами. Владимірцы скоро увидѣли, что имъ города не отстоять и начали готовиться къ смерти; всѣ исповѣдовались и причастились, а князья, по тогдашнему обычаю, постриглись въ монахи. Городъ дѣйствительно скоро былъ взятъ и подвергся той же участи, какъ и всѣ другіе города. При этомъ семейство великаго князя вмѣстѣ съ епископомъ и боярами сгорѣло въ церкви. Послѣ того татары разсѣялись по суздальской землѣ и въ одинъ мѣсяцъ опустошили 14 городовъ: Ростовъ, Ярославль, Переяславль и другіе.

Между тѣмъ Юрій Всеволодовичъ стоялъ на берегахъ р. Сити. Татары окружили его здѣсь и, не давъ времени приготовиться къ битвѣ, сдѣлали нападеніе въ 1238 г. Сѣча была жестокая, но недолго продолжалась. Русскіе не выдержали напора громадной толпы татаръ и побѣжали; самъ великій князь погибъ въ злой сѣчѣ; ему отрублена была голова, такъ что съ трудомъ потомъ могли отыскать трупъ его для погребенія.

Отсюда Батый направился еще далѣе къ сѣверу. Ему хотѣлось дойти до Новгорода, чтобы овладѣть богатствами его, но, не доходя верстъ ста, онъ вдругъ повернулъ назадъ. Причиною этого было наступленіе весны и опасеніе потонуть въ непроходимыхъ здѣшнихъ болотахъ. На возвратномъ пути въ юговосточныя степи татары неожиданно были задержаны подъ Козельскомъ. Здѣсь княжилъ малолѣтній князь, но жители собрались на вѣче и порѣшили лучше всѣмъ погибнуть, нежели сдаться нехристямъ-татарамъ. Семь недѣль бились храбрые Козельцы съ татарами на стѣнахъ, рѣзались въ полѣ и всѣ пали. Князь ихъ также погибъ и пошла молва, будто онъ потонулъ въ крови. Батый назвалъ Козельскъ злымъ городомъ.

Въ слѣдующемъ 1239 году толпы татаръ снова появились въ русской землѣ. Вѣсть объ этомъ навела такой страхъ, что жители селъ и городовъ бѣжали, сами не зная куда; многіе съ отчаянія бросались въ воду или сами себя закалывали, чтобы только не попасться въ руки свирѣпыхъ варваровъ, которые находили какое-то наслажденіе въ мученіи и истребленіи несчастныхъ плѣнниковъ. Они распинали ихъ на крестахъ, разстрѣливали, мучили и терзали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; оставшихся въ живыхъ связывали за волосы и гнали за собою нагайками какъ скотъ. Татары не щадили и младенцевъ. Они разбивали ихъ о камни, сажали на колья и подбрасывали, потѣшаясь ихъ криками и стонами.

На этотъ разъ Батый отправился громить южную Русь. Взявъ и опустошивъ Переяславль, Черниговъ и другіе южные города, татары подступили къ Кіеву. Городъ этотъ поразилъ ихъ своею красотою. Раскинувшись на высокомъ берегу Днѣпра, онъ величественно красовался золочеными главами своихъ церквей, башнями и бѣлыми каменными стѣнами. Батый хотѣлъ безъ боя овладѣть такимъ красивымъ городомъ и съ этою цѣлію отправилъ къ кіевлянамъ пословъ; но кіевляне умертвили ихъ. Тогда ханъ обступилъ городъ со всею своею ордою. Татаръ было такъ много, что отъ говора людей, скрыпа телѣгъ, рева верблюдовъ, ржанія коней, мычанія стадъ, кіевлянамъ нельзя было слышать другъ друга въ городѣ. Батый приказалъ бить стѣны бревнами днемъ и ночью. Граждане защищались отчаянно; но велика была сила татарская. Въ Николинъ день, 6 декабря 1240 г., татары завладѣли Кіевомъ. Мало кто изъ кіевлянъ спасся, да и самаго города почти что не стало. Съ той поры Кіевъ запустѣлъ и долго не могъ обстроиться.

Отъ Кіева Батый пошелъ далѣе къ западу, въ Волынь и Галицію и здѣсь также пожегъ и опустошилъ все, что лежало на пути. Наконецъ татары перешли за рубежъ русской земли. Вѣсть объ этомъ распространила ужасъ въ з. Европѣ. Страхъ увеличивался еще разсказами о дикости и свирѣпости варваровъ и баснословною молвой объ ихъ происхожденіи и громадномъ числѣ. Разсказывали, будто они прямо вышли изъ ада и потому наружностію своею не похожи на людей, что войско ихъ занимаетъ пространство на 20 дней пути въ длину и 15 дней въ ширину. Но западная Европа отдѣлалась однимъ страхомъ. Нѣсколько иноземныхъ государей соединились и загородили дорогу татарамъ. Потерпѣвъ неудачу въ битвѣ съ ними, Батый повернулъ назадъ. Въ то же время онъ получилъ извѣстіе о смерти великаго хана и пошелъ къ востоку, чтобы принять участіе въ избраніи новаго хана. Послѣ того онъ болѣе уже не ходилъ въ западную Европу. Россія же, какъ страна покоренная, должна была признать надъ собою господство монголовъ.

Послѣ нашествія татарскаго Русь представляла самое ужасное зрѣлище: города и селенія большею частію находились въ развалинахъ; отъ смрада гніющихъ труповъ около нихъ нельзя было проѣзжать; поля тянулись на многія сотни верстъ, вытоптанныя и вызженныя; не слышно было на нихъ голоса земледѣльцевъ; люди, уцѣлѣвшіе отъ стрѣлъ и отъ плѣна татарскаго, въ страхѣ раз-

бѣжались по лѣсамъ; только птицы небесныя летали цѣлыми стадами и звѣри лѣсные спокойно рыскали всюду, лакомясь добычею. Оставшіеся въ живыхъ князья понемногу начали возвращаться въ свои владѣнія, стали собирать народъ, хоронить мертвыхъ и очищать города отъ развалинъ; но одинъ видъ всего этого нагонялъ на всѣхъ уныніе и тоску, тѣмъ болѣе, что впереди не предвидѣлось пока ничего хорошаго. Татары поселились въ южныхъ нашихъ степяхъ и раскинули свои вежи или шалаши на цѣлыя сотни верстъ. Въ низовьяхъ р. Волги, верстахъ въ 50 отъ Каспійскаго моря, Батый построилъ себѣ великолѣпный шатеръ, вокругъ котораго размѣстились приближенные его мурзы или князья. Становище это называлось Сараемъ, отчего и вся орда татарская стала называться Сарайскою. Она называлась также Золотою Ордою. Отсюда-то татары и стали господствовать надъ русскою землею.

Въ 1243 г. Батый потребовалъ къ себѣ въ орду русскихъ князей. Здѣсь они должны были испытывать разныя униженія и исполнять разные языческіе обряды, напримѣръ, кланяться идоламъ; передъ входомъ въ палатку хана проходить между двухъ огней, для очищенія отъ дурныхъ пожеланій ему; передъ самимъ ханомъ становиться на колѣни. Первымъ изъ князей явился въ орду Ярославъ Всеволодовичъ, братъ Юрія, погибшаго на берегахъ р. Сити. Онъ безпрекословно исполнилъ все, что потребовали отъ него татары. Батыю понравилось это и онъ призналъ его великимъ княземъ Владимірскимъ. Одинъ же изъ князей, Михаилъ Черниговскій, ни за что не хотѣлъ пройти сквозь огонь и поклониться татарскимъ идоламъ. „Царю поклонюсь, сказалъ онъ, потому что ему Богъ далъ власть надъ нами, но творить языческіе обряды и поносить имени христіанина не хочу“. Сколько ни убѣждали его татары, грозя ханскимъ гнѣвомъ, онъ стоялъ на своемъ и твердилъ: „Хочу за Христа пострадать и за вѣру православную кровь пролить“. Тогда раздраженный Батый приказалъ лишить его жизни. Татары били и мучили князя и, наконецъ, отсѣкли ему голову. Вмѣстѣ съ Михаиломъ Черниговскимъ пострадалъ и бояринъ его Ѳеодоръ за то, что не хотѣлъ также исполнить требованій татаръ. Вообще въ ордѣ много погибло русскихъ князей. Малѣйшій гнѣвъ хана стоилъ имъ жизни. Поэтому, чтобы не раздражать хана, большая часть князей, по первому требованію его, являлись въ орду, кланялись тамъ, заискивали, дарили ханскихъ женъ и вельможъ. Здѣсь они утверж-

дались и въ своихъ наслѣдственныхъ волостяхъ, получая на это отъ хана ярлыки или граматы. Въ первое время татарскаго господства князья должны были также ѣздить на поклоненіе къ великому хану въ азіятскія степи. Ярославъ Всеволодовичъ во время такой поѣздки и умеръ на дорогѣ.

Но кромѣ этого князья и народъ должны были платить тяжкую дань татарамъ. Ханы посылали въ Россію своихъ чиновниковъ или баскаковъ, которые переписывали весь народъ и назначали подати и налоги по своему произволу. Они брали и деньги, и людей, и все, что было поцѣннѣе. Такъ, однажды, баскаки забрали по одному сыну у каждаго отца семейства, имѣющаго трехъ сыновей, захватили всѣхъ здоровыхъ мужчинъ неженатыхъ и женщинъ, неимѣющихъ мужьевъ, также всѣхъ нищихъ; разумѣется, всѣхъ ихъ татары сдѣлали у себя рабами; тѣхъ же, которые остались на Руси, баскаки переписали и обложили тяжкою данью; каждый долженъ былъ заплатить по мѣху медвѣжьему, бобровому, собольему, хорьковому и лисьему; кто не могъ, того также отводили къ себѣ въ рабство; только одни духовныя лица были освобождены отъ дани. Въ первое время рабства сборъ дани иногда отдавался на откупъ купцамъ хивинскимъ и бухарскимъ, даже жидамъ. Можно себѣ представить, съ какою жестокостію собирали дань съ русскихъ откупщики-жиды. Татары ввели еще особый безчеловѣчный способъ вымогать дань. Это такъ называемый правежъ. Несчастнаго бѣдняка, неимѣющаго чѣмъ заплатить дани, выводили на площадь и по нѣсколько часовъ въ день били прутьями по ногамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не добудетъ требуемой дани, или пока кто нибудь изъ жалости не заплатитъ за него. Какъ ни забитъ былъ русскій народъ въ это время, какъ ни запуганъ, однако иногда не доставало у него терпѣнія и онъ возставалъ противъ своихъ грабителей и притѣснителей и прогонялъ ихъ отъ себя, а нѣкоторыхъ, самыхъ ненавистныхъ, и убивалъ. Но тогда обыкновенно постигала его еще горшая участь: появлялись татарскія войска, избивали непокорныхъ, а имущества и дома ихъ разграбляли и истребляли до тла.

Къ счастію, татары не вмѣшивались во внутреннія дѣла русскаго народа. Какъ народъ полукочевой, привыкшій жить въ степяхъ съ своими огромными стадами скота, они довольствовались только покорностію и данью; управляли же народомъ попрежнему свои русскіе князья. Поэтому народные наши обычаи, вѣра и языкъ сохранились въ цѣлости, а это дало возможность

русскому народу впослѣдствіи соединиться, составить одно государство и свергнуть съ себя ненавистное иго монгольское.

Святой Александръ Невскій,
побѣдитель шведовъ на берегахъ р. Невы.

Еще татары не успѣли оставить залитыхъ кровью русскихъ полей и разрушенныхъ городовъ, какъ на Русь устремились другіе враги съ сѣвера и запада. То были шведы, нѣмцы и литва. Къ счастію въ это тяжкое для Руси время изъ числа князей ея явился герой, который защитилъ свое отечество отъ злыхъ враговъ и не далъ ему погибнуть до конца. То былъ Александръ Ярославичъ Невскій, сынъ Ярослава Всеволодовича.

Въ то время, какъ татары громили Русь, Александръ княжилъ въ Новгородѣ. Батый не дошелъ до Новгорода; но едва миновала эта опасность, какъ въ новгородскія владѣнія вторглись шведы. Король шведскій, пользуясь несчастіемъ Руси, задумалъ овладѣть Новгородскою землею и отправилъ сюда зятя своего Биргера съ большимъ войскомъ. Къ этому побуждалъ шведовъ также папа римскій, который надѣялся обратить русскихъ въ латинскую вѣру. Въ 1240 г. Биргеръ посадилъ свое войско на корабли и поплылъ къ устьямъ Невы, гдѣ теперь стоитъ Петербургъ. Онъ такъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что, дойдя до того

мѣста, гдѣ въ Неву впадаетъ р. Ижора, послалъ въ Новгородъ сказать князю: „Если можешь противиться мнѣ, то я уже здѣсь и покоряю твою землю.“ Александру Ярославичу въ это время было лѣтъ двадцать. Онъ былъ отваженъ и предпріимчивъ; сердце его пылало мужествомъ. Не дожидаясь ни откуда помощи, не успѣвши даже собрать всѣхъ силъ новгородскихъ, онъ съ небольшимъ войскомъ выступилъ противъ шведовъ. „Насъ немного, а врагъ силенъ, говорилъ онъ дружинѣ своей, но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ“. Одинъ случай еще болѣе укрѣпилъ его въ надеждѣ побѣдить враговъ. Когда русскіе пришли на берега Невы, къ князю явился начальникъ сторожеваго отряда при морѣ Пелгусій, и разсказалъ о видѣніи, бывшемъ ему здѣсь. „Просто, явъ на стражѣ спокойно цѣлую ночь, говорилъ онъ, я къ утру, на восходѣ солнечномъ, вдругъ услыхалъ шумъ, какъ бы отъ плывущей лодки; я думалъ, что это шведы и подошелъ поближе къ берегу посмотрѣть, но увидѣлъ, что въ лодкѣ стоятъ братья-мученики Борисъ и Глѣбъ, въ багряницахъ, какъ ихъ рисуютъ на образахъ. Святой Борисъ, обратившись къ брату, сказалъ: „Братъ Глѣбъ! вели грести, да поможемъ сроднику нашему Александру Ярославичу“. Считая это добрымъ предзнаменованіемъ, Александръ не долго медлилъ. Въ день св. равноапостольнаго князя Владиміра, 15 іюля, рано утромъ онъ неожиданно ударилъ на станъ непріятельскій. Завязалась упорная и кровопролитная битва. Новгородцы дружно рубили шведовъ мечами и топорами. Самъ князь врѣзался въ ряды враговъ, напалъ на Биргера и собственнымъ копьемъ ранилъ его въ лице. Бой длился до ночи. Шведовъ полегло такъ много, что, оставшіеся въ живыхъ, ночью поспѣшно сѣли на корабли свои, стоявшіе на Невѣ, и уплыли во свояси. Долго послѣ того въ народѣ ходили разные разсказы про подвиги новгородцевъ въ этой битвѣ. Болѣе трехъ сотъ лѣтъ невская побѣда поминалась и въ церквахъ новгородскихъ во время службы, а Александръ за эту побѣду получилъ прозваніе Невскаго.

Но вскорѣ послѣ этого Александръ долженъ былъ идти въ походъ съ новгородцами противъ другаго врага земли русской, противъ нѣмцевъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ нынѣ находятся губерніи—эстляндская, лифляндская и курляндская, съ незапамятныхъ временъ жили мелкіе народцы финскаго и литовскаго племени: чудь, эсты, ливы и куры. Русскіе князья издавна хаживали туда за данью и строили тамъ городки. Такъ Владиміръ Святой бралъ дань съ жителей этого края, а Ярославъ

Мудрый построилъ тамъ городъ Юрьевъ (теперь Дерптъ). Страна эта понемногу сдѣлалась бы русскою. Но не задолго до нашествія татаръ туда проникли нѣмцы. Они начали обращать тамошнихъ жителей, еще язычниковъ, въ христіанскую вѣру и подчинять себѣ. Для большаго успѣха они построили здѣсь на р. з. Двинѣ городъ Ригу и учредили военнодуховное общество или орденъ Ливонскій. Въ короткое время нѣмцы завладѣли всѣмъ этимъ краемъ и начали безпокоить Русь. Когда князья наши бились съ татарами на Калкѣ, они взяли уже Юрьевъ, а во время Батыева погрома завладѣли даже стариннымъ нашимъ городомъ Псковомъ. Пользуясь несчастіемъ Руси, ливонскіе нѣмцы сдѣлались до того смѣлы, что подошли близко къ самому Новгороду, такъ что въ 30 верстахъ отъ города не было отъ нихъ проѣзда купцамъ. Это было какъ разъ послѣ невской битвы. Но Александра уже не было въ Новгородѣ. Онъ не ужился съ буйными новгородцами и ушелъ отъ нихъ въ суздальскую землю. Стѣсненные нѣмцами, новгородцы отправили теперь къ нему своего владыку и бояръ съ просьбою придти къ нимъ опять. Александръ явился и сейчасъ же пошелъ противъ нѣмцевъ. Онъ прогналъ ихъ изъ новгородской области, отнялъ у нихъ Псковъ, и даже вторгся въ собственныя ихъ владѣнія. Тогда нѣмцы собрали всѣ свои силы и вышли противъ Александра. На льду Чудскаго озера враги встрѣтились. Нѣмцы расположили свои войска острымъ угломъ, или, какъ говорится въ лѣтописи, свиньею, думая такимъ образомъ прорѣзать полки Александровы и разбить ихъ по частямъ. Но этотъ способъ, выгодный въ битвѣ съ врагомъ молодушнымъ, не имѣлъ никакого успѣха противъ мужественныхъ и стойкихъ воиновъ русскихъ. Онъ только усилилъ кровопролитіе. Ужасная сѣча эта; извѣстная подъ названіемъ Ледоваго побоища, продолжалась съ ранняго утра до поздняго вечера. Наконецъ нѣмцы разстроились и побѣжали; семь верстъ гнались за нимъ русскіе и били ихъ безпощадно; много взяли и въ плѣнъ. Съ торжествомъ возвращался Александръ послѣ побѣды во Псковъ. При этомъ плѣнныхъ рыцарей нѣмецкихъ вели пѣшкомъ возлѣ коней ихъ. Псковичи, всѣмъ городомъ вышли на встрѣчу своему избавителю съ крестами и иконами. Народъ радостно кричалъ и пѣлъ хвалебныя пѣсни. И долго послѣ того про Ледовое побоище вспоминали въ церквахъ новгородскихъ и псковскихъ наравнѣ съ Невскою битвою.

Третій врагъ, съ которымъ пришлось Александру Невскому вести упорную борьбу, была Литва. Этотъ народъ жилъ по р. Нѣману,

имѣлъ много сходнаго съ славянами въ вѣрѣ, языкѣ и обычаяхъ, но былъ небольшой; живя же въ странѣ бѣдной, болотистой, покрытой дремучими лѣсами, литовцы долго не входили въ сношенія съ другими народами, поэтому долго были грубы и дики. Они и теперь еще поклонялись языческимъ богамъ, чтили огонь, змѣй, камни и другія твари, приносили въ жертву людей. Они долго жили также отдѣльными мелкими племенами, поэтому были слабы и для русскихъ были вообще неопасны. Правда, они съ давнихъ поръ дѣлали набѣги на сосѣднія русскія области, но только для того, чтобы пограбить; при появленіи же русскихъ, большею частію обращались въ бѣгство и скрывались въ глуши своихъ священныхъ лѣсовъ, а иногда, вынуждаемые необходимостью, платили имъ дань звѣриными шкурами, лыками и даже вѣниками. Но теперь мелкія племена литовцевъ начинаютъ соединяться; князья силятся собрать всю литву въ одно государство. Къ этому побуждалъ напоръ со стороны нѣмцевъ, которые старались и ихъ подчинить себѣ. Отражая нѣмцевъ, воюя между собою, литовцы сдѣлались воинственными и стали нападать на русскія земли уже не для одного только грабежа, какъ было прежде, а съ тѣмъ, чтобы захватить ихъ. Такъ вскорѣ послѣ Ледоваго побоища они вторглись въ новгородскую область и стали забирать здѣсь города. Александръ восемь разъ выводилъ въ поле храбрую дружину свою противъ нихъ и всякій разъ разбивалъ и отражалъ ихъ. Онъ навелъ, наконецъ, на нихъ такой страхъ, что они стали бояться одного имени его и оставили Новгородъ въ покоѣ.

Но Александру Невскому удалось защитить отъ Литвы только сѣверовосточную Русь. Югозападныя же русскія земли и города: Волынь, Подолія, Кіевъ, Бѣлоруссія, Смоленскъ и другіе послѣ татарскаго нашествія постепенно были завоеваны князьями литовскими и вошли въ составъ Литовскаго государства, а потомъ вмѣстѣ съ Литвою присоединены были къ Польшѣ и находились подъ владычествомъ поляковъ до тѣхъ поръ, пока не окрѣпла Русь.

Слава о подвигахъ Александра Невскаго разнеслась не только по всей русской землѣ, но и по отдаленнымъ странамъ. Одинъ нѣмецкій князь нарочно пріѣзжалъ въ Новгородъ, чтобы посмотрѣть на него и познакомиться. Александръ былъ высокаго роста, силенъ, статенъ, красивъ собою; онъ имѣлъ быстрый и живой взглядъ, звучный и пріятный голосъ, свѣтлый и ясный умъ. Лѣтописецъ сравниваетъ его по красотѣ съ Іосифомъ прекраснымъ

по силѣ съ Самсономъ, по уму съ Соломономъ. Нѣмецкій князь воротившись домой, разсказывалъ про Александра, что онъ много исходилъ странъ, много видѣлъ народовъ, но нигдѣ не встрѣчалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя. Самъ Батый, наслышавшись много объ Александрѣ, пожелалъ видѣть его и пригласилъ въ орду. Онъ не велѣлъ принуждать его къ выполненію языческихъ татарскихъ обычаевъ, ласково принялъ и почтилъ дарами. Ханъ ордынскій дивился мужественному виду русскаго князя и умнымъ рѣчамъ его и сказалъ своимъ приближеннымъ: „Правду мнѣ сказали, что нѣтъ подобнаго ему князя.“ Папа римскій, не могши ничего сдѣлать оружіемъ, задумалъ лестію склонить въ свою вѣру такого славнаго русскаго князя и прислалъ къ нему двоихъ хитрѣйшихъ своихъ пословъ. Но Александръ былъ твердъ и непоколебимъ въ вѣрѣ своихъ предковъ. Посовѣтовавшись съ высшими духовными лицами, онъ отвѣчалъ посламъ: „Мы знаемъ истинное ученіе церкви, а вашего не принимаемъ и знать не хотимъ.“ Такъ и отпустилъ ихъ ни съ чѣмъ.

Но, грозный для шведовъ, нѣмцевъ и литвы, Александръ Невскій, сдѣлавшись великимъ княземъ, смирялся передъ ханомъ татарскимъ. Онъ очень хорошо понималъ, что только одною покорностію можно спасти Русь отъ окончательнаго раззоренія и дать ей возможность впослѣдствіи собраться съ силами и свергнуть съ себя ненавистное иго. Можно сказать, что Русь, главнымъ образомъ, обязана уму и заботамъ Александра Невскаго тѣмъ, что не погибла окончательно, какъ это случилось съ другими народами, напримѣръ, камскими болгарами, которыхъ покорили татары. Александръ неоднократно ѣздилъ въ орду съ богатыми дарами, посылалъ туда и другихъ князей; по его распоряженію князья ѣздили съ подарками и къ великому хану въ Монголію. Татары захотѣли въ это время переписать русскій народъ, чтобы точнѣе знать, сколько имъ нужно получать дани. Александръ не только согласился на народную перепись, но даже помогалъ ханскимъ баскакамъ производить ее. Такъ новгородцы ни за что не хотѣли было дать число и едва было не убили татарскихъ численниковъ. Ханъ разгнѣвался и уже готовился двинуть на Русь свою орду. Александръ убѣдилъ новгородцевъ покориться необходимости и, такимъ образомъ, отклонилъ бѣду. Но зато онъ достигъ того, что, кромѣ переписи и сбора дани, управленіе всѣми прочими дѣлами осталось въ рукахъ природныхъ

русскихъ князей. А чрезъ это русскій народъ сохранилъ въ цѣлости свою вѣру, свой языкъ и свои обычаи. Успѣхъ въ этомъ важномъ дѣлѣ едвали не должно считать выше всѣхъ другихъ подвиговъ Александра Невскаго.

Послѣднимъ подвигомъ его было также ходатайство за Русь передъ ханомъ. Жители Ростова, Суздаля, Владиміра и другихъ городовъ, выведенные изъ терпѣнія страшными насиліями и притѣсненіями откупщиковъ татарской дани, прогнали ихъ отъ себя; нѣкоторыхъ же, болѣе ненавистныхъ, умертвили. Конечно, въ ордѣ этого не могли снести и полки татарскіе уже готовы были вторгнуться въ Русь, чтобы снова разгромить ее. Александръ съ опасностію для своей жизни поспѣшилъ въ Орду. Онъ почти годъ прожилъ тамъ и успѣлъ умилостивить хана и отвратить бѣду. Но отъ душевныхъ тревогъ и отъ тяжкихъ трудовъ здоровье его разстроилось. Возвращаясь изъ орды, Александръ Невскій дорогою скончался въ 1263 г. Извѣстіе о смерти его во Владимірѣ первый получилъ митрополитъ во время службы церковной. „Милые мои дѣти! сказалъ онъ, со слезами на глазахъ, обратившись къ народу: солнце земли русской зашло; не стало Александра.“ Плачъ и рыданія народа прервали рѣчь пастыря. Потомъ всѣ какъ-бы въ одинъ голосъ воскликнули: „Мы погибаемъ!“ Народу казалось, что со смертію Александра некому будетъ защитить его отъ враговъ. Но онъ и по смерти своей былъ ангеломъ хранителемъ земли русской и церковь причислила его къ лику святыхъ. Великіе князья и цари русскіе въ трудныхъ случаяхъ прибѣгали къ его молитвамъ и воодушевлялись его подвигами. Лѣтъ черезъ четыреста пятьдесятъ послѣ смерти Александра, на берегахъ Невы, гдѣ онъ совершилъ первый свой подвигъ, заложенъ былъ городъ Петербургъ, теперь первая столица русскаго государства. Здѣсь въ честь его основана Александро-Невская лавра. Сюда перенесены были и мощи его, гдѣ покоятся и теперь.

V. Возвышеніе Москвы.

Начало Москвы. Семьсотъ лѣтъ слишкомъ тому назадъ живописные берега Москвы рѣки заселены были деревнями боярина Степана Кучки. Богатъ и знатенъ былъ Кучка. Самъ князь суздальскій, Юрій Долгорукій, сынъ Мономаха, породнился съ нимъ, женивъ на его дочери сына своего, знаменитаго впослѣдствіи Андрея Боголюбскаго. Но вскорѣ Юрій прогнѣвался за что-то на боярина, казнилъ его, а имѣніе взялъ себѣ. Красивое мѣстоположеніе деревни Кучкова на высокомъ берегу рѣки Москвы, посреди густыхъ лѣсовъ, такъ понравилось ему, что онъ заложилъ здѣсь городокъ, то-есть огородилъ деревянною стѣною то высокое мѣсто, гдѣ теперь находится Кремль. Городокъ этотъ названъ былъ Москвою по имени рѣки, на берегу которой онъ былъ основанъ. Въ народѣ, однакожъ, Москва долго еще, по старой памяти, называлась Кучковымъ. Въ лѣтописяхъ Москва въ первый разъ упоминается подъ 1147 годомъ. Въ этомъ году Юрій, воюя за кіевскій столъ, угощалъ здѣсь одного изъ своихъ союзниковъ-князей. Но долго Москва оставалась еще незначительнымъ городкомъ. Начала возвышаться она только съ XIV вѣка, когда князья московскіе стали присоединять къ ней сосѣдніе города и селенія.

Іоаннъ Калита.

Прочное начало будущему величію Москвы положилъ Іоаннъ Даніиловичъ, по прозванію Калита, внукъ Александра Невскаго. Къ этому времени у князей и у народа русскаго созрѣла мысль, что Русь можетъ избавиться отъ терзанія татаръ и отъ гибельныхъ междоусобій только тогда, когда соединится подъ властію одного князя. Но чей же князь будетъ этимъ счастливцемъ? Какой городъ станетъ во главѣ Руси? Умный и разсчетливый Іоаннъ Даніиловичъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Москвы.

Борьба Твери съ Москвою. Еще старшій братъ Калиты, Юрій Даніиловичъ, вступилъ въ борьбу за первенство съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, дядею своимъ. Но онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своей цѣли, и хотя погубилъ своего противника, однако, и самъ погибъ. Вотъ какъ происходило дѣло. Въ это

время все зависѣло отъ хана. Поэтому Юрій всѣми мѣрами старался снискать милость хана и расположеніе окружающихъ его. Онъ клеветалъ на Михаила, подкупалъ ханскихъ вельможъ, дарилъ женъ его, заискивалъ передъ всѣми имѣющими значеніе въ Ордѣ. Ханомъ тогда былъ Узбекъ. Настроенный окружающими, онъ, наконецъ, склонился на сторону Юрія и даже выдалъ за него замужъ свою сестру Кончаку, которая, впрочемъ, приняла приэтомъ православную вѣру. Какъ зять хана, Юрій получилъ теперь ярлыкъ на великое княженіе и съ татарскимъ войскомъ пошелъ на тверскаго князя. Произошла битва. Но Михаилъ разбилъ Юрія на голову, взялъ въ плѣнъ множество москвитянъ и въ числѣ ихъ Кончаку. Къ несчастію она умерла въ плѣну. Юрій тотчасъ же отправился въ Орду и сказалъ, что ее отравили. Ханъ страшно разгнѣвался и потребовалъ Михаила къ себѣ на судъ. Всѣ предчувствовали, что дѣло это не кончится добромъ и потому приближенные стали совѣтовать тверскому князю не ѣздить. Но орда въ это время была еще чрезвычайно сильна; не послушаться — значило подвергнуть Русь новому нашествію татаръ. Михаилъ рѣшился пожертвовать собою. Когда онъ прибылъ въ Орду, надъ нимъ наряженъ былъ судъ. Но главный судья, котораго звали Кавгадыемъ, былъ за одно съ Юріемъ. Поэтому справедливаго суда ожидать нельзя было. Послѣ первыхъ же допросовъ несчастнаго князя заковали въ кандалы, а на шею наложили тяжелую колодку. Это была толстая дубовая доска съ отверстіями для шеи и для рукъ; она давила плечи, рѣзала шею, и въ ней нельзя было ни лечь, ни прислониться; между тѣмъ князь долженъ былъ еще пройти съ нею многія сотни верстъ. Ханъ въ это время охотился. Охота продолжалась долго и на большомъ разстояніи, и во все это время тверскаго князя водили за ханомъ на веревкѣ съ колодою на плечахъ. Врагамъ, однакожъ, мало было этихъ мученій князя. Они захотѣли еще наругаться надъ нимъ. Разъ Кавгадый съ Юріемъ и съ толпою татаръ пришелъ на площадь и сѣлъ на камнѣ. Сбѣжался народъ. Татаринъ приказалъ привесть Михаила и поставилъ его передъ собою на колѣни; приэтомъ великаго князя бранили и всячески поносили. Наконецъ, послѣ долгихъ страданій, участь тверскаго князя была рѣшена. Сидѣлъ онъ въ своей палаткѣ и читалъ псалмы. Едва только кончилось чтеніе, какъ вдругъ вбѣгаетъ отрокъ съ испуганнымъ лицомъ. „Господине княже! воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ; ѣдутъ прямо къ твоей ставкѣ Кавга-

дый и князь Юрій Даніиловичъ съ множествомъ народа.“ „Знаю зачѣмъ ѣдутъ,“ сказалъ печально Михаилъ; „убить меня.“ Дѣйствительно палатка князя тотчасъ же наполнилась злодѣями. Какъ дикіе звѣри бросились они на Михаила, повалили его на землю, били, топтали и, наконецъ, закололи ножемъ въ сердце. Но Юрій Даніиловичъ самъ вскорѣ получилъ достойное возмездіе. Сынъ Михаила, Димитрій, по прозванію „Грозныя Очи“, узнавъ о гибели отца, поѣхалъ въ Орду. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Юрія. Месть закипѣла въ немъ. Онъ не выдержалъ, бросился на него и убилъ. Впрочемъ, за такое самоуправство ханъ приказалъ казнить и Димитрія.

Въ Москвѣ послѣ гибели Юрія сталъ княжить Іоаннъ Даніиловичъ. Но ярлыкъ на великое княженіе ханъ отдалъ другому сыну Михаила Тверскаго, Александру. Юрій оставилъ по себѣ на Руси недобрую память. Калита понялъ, что, дѣйствуя такъ, можно возбудить ненависть въ народѣ къ роду князей московскихъ и тогда уже ничто не поможетъ имъ для достиженія первенства на Руси, ни милость хановъ, ни родство съ ними. Поэтому онъ сталъ дѣйствовать совершенно иначе.

Перенесеніе митрополичьяго престола въ Москву. Чтобы возвысить Москву въ глазахъ народа, Іоаннъ Даніиловичъ постарался утвердить въ ней мѣстопребываніе митрополита. Со времени введенія христіанской вѣры, митрополитъ, какъ глава русской церкви, жилъ въ Кіевѣ. Но послѣ татарскаго раззоренія древняя столица Руси запустѣла; въ ней было едва нѣсколько сотъ домовъ. Кромѣ того въ Кіевѣ, по близости отъ татаръ, часто грабившихъ южную Русь, стало чрезвычайно безпокойно и опасно жить. Тогда митрополитъ переселился во Владиміръ. Но и здѣсь было не совсѣмъ спокойно отъ татаръ. Между тѣмъ Іоаннъ Даніиловичъ былъ въ дружбѣ съ тогдашнимъ митрополитомъ Петромъ, который отличался святостію жизни. Святой мужъ большею частію и жилъ у друга своего въ Москвѣ. Онъ убѣждалъ князя построить въ Кремлѣ храмъ въ честь Богородицы и предсказывалъ ему за это благословеніе Божіе. „Если ты воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, говаривалъ онъ не разъ ему, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и родъ твой возвеличится.“ Исполняя желаніе митрополита, Калита и заложилъ первый каменный храмъ въ Москвѣ. Это былъ Успенскій соборъ. Св. Петръ собственными руками сдѣлалъ себѣ въ стѣнѣ гробницу. Здѣсь и положены были мощи его. Преемникъ Петра не хотѣлъ

уже покинуть гробницы святаго мужа и также остался въ Москвѣ. Такимъ образомъ Москва сдѣлалась мѣстопребываніемъ митрополита. Это давало ей видъ столицы Руси въ церковномъ отношеніи. Кромѣ того митрополиты, живя въ Москвѣ, конечно должны были держать сторону ея князей и помогать имъ въ разныхъ дѣлахъ. Другіе князья русскіе очень хорошо понимали важность этого событія. Они сердились, досадовали, но перемѣнить дѣла уже нельзя было.

Іоаннъ Даніиловичъ старался также придать Москвѣ еще большую силу и могущество. Для этого онъ сталъ прикупать къ своей отчинѣ новые города и села. Наконецъ онъ старался пріобрѣсть и расположеніе народа. Будучи сострадателенъ къ нищимъ и убогимъ, Іоаннъ Даніиловичъ, говорятъ, постоянно носилъ съ собою мѣшокъ съ деньгами или калиту, чтобы раздавать милостыню, отчего и получилъ въ народѣ прозваніе Калиты.

Побѣда Москвы надъ Тверью. Но дѣйствуя такъ искусно у себя въ Москвѣ, Калита еще успѣшнѣе устраивалъ свои дѣла въ Ордѣ. Онъ часто ѣздилъ туда, представлялъ хану своихъ дѣтей, какъ будущихъ вѣрныхъ слугъ его, подносилъ ему богатые подарки, дарилъ также ханскихъ женъ и вельможъ. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ черной клеветѣ и наговорамъ, подобно своему предшественнику, онъ пріобрѣлъ полное довѣріе хана и выжидалъ только перваго удобнаго случая, чтобы отнять великое княженіе у своего противника тверскаго князя. Случай скоро представился. Въ Тверь пріѣхалъ изъ орды родственникъ хана Чол-ханъ или Щелканъ съ большею свитою. По обыкновенію татары дѣлали разныя обиды и насилія русскимъ людямъ. Къ этому уже до нѣкоторой степени привыкли на Руси. Но на этотъ разъ притѣсненія татаръ вызвали сильный ропотъ и озлобленіе въ тверскомъ населеніи. Особенно народъ волновался потому, что ходили слухи, будто Щелканъ хочетъ самъ сѣсть княземъ въ Твери и по другимъ городамъ посажать также татарскихъ князей, а русскихъ истребить. Такъ какъ не задолго до этого татары перемѣнили свою языческую вѣру на Магометову, то въ народѣ говорили также, что Щелканъ хочетъ и русскихъ обратить силою въ татарскую вѣру. Молва назначала даже день, когда все это сдѣлаютъ татары, именно праздникъ Успенія. Но рано утромъ въ этотъ день въ Твери народъ возсталъ противъ татаръ. Возстаніе началось по самому ничтожному случаю. Татары стали отнимать у одного тверяка лошадь; тотъ не далъ. Тогда сбѣжался народъ и началась драка. Скоро весь

городъ всполошился. Граждане Твери бросились къ дому, который занимали татары, и осадили его. Бой продолжался цѣлый день. Наконецъ русскіе подожгли домъ и татары всѣ погибли тамъ. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе и самъ великій князь тверской Александръ Михайловичъ. Ханъ Узбекъ, узнавъ объ этомъ, сильно ожесточился. Онъ призвалъ къ себѣ московскаго князя, далъ ему большое войско и поручилъ ему наказать мятежниковъ. Іоаннъ Даніиловичъ вмѣстѣ съ татарами страшно опустошилъ все Тверское княжество, а князя заставилъ бѣжать. Послѣ того великое княженіе перешло къ Калитѣ и съ этихъ поръ уже навсегда осталось за московскими князьями. Тутъ помогъ также московскому князю митрополитъ. Александръ сначала нашелъ было убѣжище въ Псковѣ. Калита потребовалъ выдачи его. Но псковичи отказали. Тогда, по убѣжденію Іоанна Даніиловича, митрополитъ наложилъ на нихъ отлученіе отъ церкви. Александръ, не желая быть виновникомъ такого несчастія псковичей, самъ удалился въ Литву.

Собираніе Руси. Съ того времени, какъ Іоаннъ Даніиловичъ сдѣлался великимъ княземъ, Москва стала быстро возвышаться. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ хана, Калита получилъ право собирать дань для татаръ съ удѣльныхъ княжествъ и доставлять ее въ Орду; приэтомъ московскій князь не забывалъ и себя; казна его росла и богатѣла, а на деньги онъ скупалъ все больше и больше селъ и городовъ, такъ что сыновья его получили въ наслѣдство уже по нѣскольку десятковъ городовъ. Поэтому Іоаннъ Даніиловичъ и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Руси. Вмѣстѣ съ расширеніемъ владѣній Москвы увеличивалась и власть московскаго князя. Іоаннъ Калита сталъ уже смѣло поступать съ удѣльными князьями. Такъ воеводы его разгромили непокорный Ростовъ; съ вольныхъ новгородцевъ онъ потребовалъ дани; въ своемъ княжествѣ не допускалъ споровъ и междоусобій. Народъ, много выстрадавшій отъ княжескихъ распрей, радовался, видя начатки единодержавія на Руси, и въ Москву теперь стали переселяться изъ другихъ областей и простые люди, и бояре. Усиленіе Москвы было весьма благодѣтельно и потому, что татары стали менѣе грабить и опустошать Русь. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, какъ московскій князь Іоаннъ Даніиловичъ сталъ великимъ княземъ, наступила тишина великая по всей русской землѣ и перестали татары воевать ее.“

Димитрій Донской,
побѣдитель Мамая на куликовомъ полѣ.

Прошло полстолѣтія, какъ начала возвышаться Москва, и Русь уже настолько окрѣпла, что подъ предводительствомъ великаго князя московскаго, Димитрія Іоанновича, внука Калиты, сдѣлала попытку свергнуть съ себя ненавистное татарское иго.

Борьба за престолъ. Димитрій Іоанновичъ остался послѣ смерти отца своего (Іоанна II Кроткаго) десяти-лѣтнимъ мальчикомъ. Пользуясь этимъ, князья суздальскій и тверской изъ всѣхъ силъ стали хлопотать въ Ордѣ о великокняжескомъ престолѣ, но ничего не могли сдѣлать. Московскій князь былъ гораздо богаче ихъ и за него дѣйствовали въ Ордѣ бояре московскіе, которые уже привыкли, чтобы ихъ князь былъ старшій на Руси. Поэтому ярлыкъ на великокняжескій престолъ остался за Димитріемъ. Мало того, князья увидѣли теперь, что съ московскимъ княземъ нѣтъ возможности спорить о старшинствѣ и отказались отъ него навсегда. Суздальскій князь выдалъ за Димитрія свою дочь Евдокію, и впослѣдствіи не принялъ ярлыка на великое княженіе даже тогда, когда ему прислали его изъ Орды. Тверской князь отказался отъ ярлыка не только за себя, но и за дѣтей своихъ, даже обязался не принимать его отъ хана.

Св. Митрополитъ Алексій. Весьма много помогалъ московскому князю въ борьбѣ за старшинство митрополитъ Св. Алексій. За свою строгую и благочестивую жизнь онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣмъ русскимъ народомъ. Молва объ его святости достигла и Орды и онъ успѣлъ и тамъ пріобрѣсть большое уваженіе. Случилось это такимъ образомъ. У жены хана, Тайдулы, три года болѣли глаза и никакія средства не могли помочь ей. Тогда ханъ написалъ въ Москву великому князю: „Слышалъ я, что Богъ ни въ чемъ не отказываетъ молитвамъ вашего владыки; пришли его ко мнѣ, да испроситъ онъ здравіе моей супругѣ.“ Отслуживъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, святитель поѣхалъ въ Орду. Здѣсь онъ также помолился надъ больною ханшею, окропилъ ее святою водою и она прозрѣла. Съ тѣхъ поръ Тайдула старалась всячески изъявить святому мужу свою благодарность и признательность. Такъ по его просьбѣ она удержала разъ татаръ отъ нашествія на Русь; самому ему она подарила мѣсто въ Кремлѣ, на которомъ онъ выстроилъ Чудовъ монастырь, названный такъ по чуду, совершившемуся надъ ханшею. Монастырь этотъ существуетъ доселѣ и въ немъ покоятся мощи св. Алексія. Пользуясь такимъ уваженіемъ въ Ордѣ, св. Алексій имѣлъ большое значеніе и на Руси и, конечно, онъ употреблялъ его для поддержанія московскаго князя. Еще отцу Димитрія онъ много помогалъ. Самаго же Димитрія Іоанновича онъ поддерживалъ еще и потому, что въ малолѣтство его былъ опекуномъ его. Такъ онъ предавалъ отлученію отъ церкви князей, которые шли противъ него, налагалъ на нихъ проклятіе, затворялъ въ ихъ городахъ церкви.

Ссора Димитрія съ Мамаемъ. Когда возвысилась власть великаго князя московскаго, усобицы княжескія начинаютъ утихать и Русь годъ отъ году становится сильнѣе. Между тѣмъ въ Ордѣ съ этого времени наступаетъ большая неурядица. Тамъ открывается постоянная борьба за ханскій престолъ. Послѣ грознаго Узбека въ короткое время въ Ордѣ перемѣнилось хановъ до двадцати. Они свергали другъ друга съ престола, казнили, убивали. Въ то же время отъ Орды стали отпадать части и образовывать отдѣльныя владѣнія, враждебныя другъ другу. Пользуясь этимъ, Димитрій Іоанновичъ пересталъ раболѣпствовать передъ татарами; даже и дани онъ сталъ платить въ Орду меньше. Но вотъ въ Ордѣ воцарился Мамай, который рѣшился возвратить ей прежнее величіе и силу. Сначала между московскимъ княземъ и Мамаемъ

было доброе согласіе. Мамай далъ ярлыкъ Димитрію на великое княженіе и поддерживалъ его въ борьбѣ съ удѣльными князьями. Но скоро это согласіе нарушилось. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Нижній Новгородъ прибыло татарское посольство съ огромною свитою; татары по обыкновенію начали производить разныя притѣсненія и обиды русскимъ людямъ. Нижегородцы, страдавшіе въ это время отъ голода и мора, свирѣпствующаго по всей русской землѣ, не могли вытерпѣть насилій татарскихъ. Начались ссоры и драки. Однажды татары, спасаясь отъ озлобленныхъ нижегородцевъ, бросились на дворъ епископа; но тутъ, во время свалки, стрѣла, пущенная съ татарской стороны, попала въ мантію епископа; народъ ожесточился, дружно напалъ на татаръ и перебилъ ихъ всѣхъ; погибло ихъ тутъ тысячи полторы. Мамай озлобился, узнавши объ этомъ. Въ отмщеніе онъ сталъ посылать отряды татаръ грабить Русь. Одинъ такой отрядъ шелъ и на Москву. Но великій князь предупредилъ татаръ. Онъ выступилъ на встрѣчу имъ и на берегахъ рѣки Вожи разбилъ ихъ. Это еще болѣе раздражило Мамая. Онъ сталъ собирать всѣ свои силы, послалъ нанимать войско на Кавказъ и въ Крымъ, вступилъ въ союзъ и съ Литвою. Однимъ словомъ онъ хотѣлъ напомнить русскимъ времена Батыя. Въ порывѣ гнѣва, Мамай грозилъ даже посягнуть на самую вѣру нашу. „Возьму землю русскую, говорилъ онъ, раззорю христіанскія церкви; ихъ вѣру перемѣню на свою и заставлю кланяться Магомету; гдѣ были у нихъ церкви, тамъ поставлю мечети; посажу баскаковъ по всѣмъ русскимъ городамъ и перебью всѣхъ русскихъ князей“. Но Димитрій Іоанновичъ не устрашился грознаго нашествія. Онъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ русскимъ городамъ, призывая князей и народъ ополчиться противъ татаръ, постоять за вѣру и отечество. И вотъ начали сходиться къ Москвѣ рати со всѣхъ концовъ земли русской; пришелъ и тверской князь, недавній соперникъ Димитрія; прислали ополченіе и вольные новгородцы. Одинъ только рязанскій князь, Олегъ, не пришелъ самъ и не прислалъ своего войска. Но онъ сдѣлалъ это не потому, что не хотѣлъ постоять за общее дѣло, а потому, что ему жаль было своей земли. Она была первая, въ которую татары должны были вторгнуться и еслибы онъ пошелъ противъ Мамая, то татары прежде нежели были бы встрѣчены русскими, страшно опустошили бы ее.

Преподобный Сергій. Передъ выступленіемъ въ походъ Димитрій Іоанновичъ отправился въ Троицкій монастырь.

Въ то время какъ возвышалась Москва, неподалеку отъ нея, въ 60 верстахъ, возникъ новый монастырь, который оказалъ много услугъ Россіи, сдѣлался одною изъ главныхъ святынь ея и до сихъ поръ привлекаетъ къ себѣ цѣлыя толпы молельщиковъ. Основателемъ его былъ Св. Сергій Радонежскій. Въ страшныя времена татарскаго владычества русскіе люди находили единственную отраду и утѣшеніе въ молитвахъ къ Богу и потому многіе удалялись въ лѣса и пустыни и тамъ основывали монастыри; въ одномъ XIV в. ихъ основано было до 80. Сергій былъ сынъ ростовскаго боярина, но рано почувствовалъ призваніе къ монашеской жизни; еще будучи отрокомъ изнурялъ себя постомъ и по цѣлымъ ночамъ молился; достигши же юношескаго возраста, онъ началъ проситься у родителей въ пустыню; отецъ и мать удержали его до своей смерти; но едва только онъ схоронилъ ихъ, какъ удалился вмѣстѣ съ старшимъ братомъ въ лѣсъ; здѣсь они своими руками срубили себѣ сначала келью, а потомъ маленькую церковь, которая освящена была во имя Св. Троицы. Житіе братьевъ-отшельниковъ было трудное; кругомъ дремучій лѣсъ; ни души человѣческой не было видно; только звѣри своимъ дикимъ воемъ, да птицы своимъ пѣніемъ и щебетаньемъ нарушали однообразіе ихъ жизни. Старшій братъ не вынесъ такой жизни и ушелъ въ Москву въ монастырь. Сергій же остался и продолжалъ подвизаться; иногда онъ такъ ослабѣвалъ отъ недостатка пищи, что едва могъ дотащиться до источника, чтобы утолить жажду. Только послѣ двухъ лѣтъ такой подвижнической жизни къ Сергію начали приходить иноки и селиться около его кельи; они выбрали его своимъ игуменомъ. Такъ основался Троицкій монастырь. Молва о подвигахъ святаго мужа скоро послѣ того разнеслась по окрестностямъ и къ нему стали отовсюду стекаться за совѣтомъ и благословеніемъ и простые люди, и знатные, и даже князья. Многіе оставались жить тутъ и около монастыря выстроился посадъ. Св. митрополитъ Алексій хотѣлъ, чтобы Сергій былъ послѣ него митрополитомъ, но онъ, по смиренію своему, отказался отъ такого высокаго сана. Святой мужъ былъ еще живъ теперь и къ нему-то пришелъ великій князь Димитрій Іоанновичъ за благословеніемъ. Игуменъ устроилъ трапезу для князя и его свиты. За трапезою Димитрій увидѣлъ двухъ монаховъ-братьевъ. Они были рослы, плечисты и мужественны на видъ. Одного звали Пересвѣтъ, а другаго Ослябя. Въ міру они были боярами и слыли за богатырей, но отреклись отъ мірской суеты.

Великій князь сталъ просить ихъ къ себѣ на войну. Св. Сергій взялъ схимы и, возложивъ инокамъ на головы, сказалъ: „Вотъ вамъ, возлюбленные братья, носите это вмѣсто шлемовъ; пострадайте какъ доблестные воины Христовы". Послѣ трапезы Сергій благословилъ Димитрія и окропилъ святою водою. Старецъ исполнился вдохновеніемъ и пророчески сказалъ великому князю: „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ и заступникомъ; онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебя". Эти слова обрадовали Димитрія и онъ самъ не смѣлъ вѣрить своему счастію.

Походъ противъ Мамая. Возвратившись въ Москву, Димитрій Іоанновичъ сталъ готовиться къ выступленію въ походъ. Передъ самымъ выходомъ онъ съ князьями и воеводами молился въ Успенскомъ соборѣ и кланялся мощамъ Св. Петра митрополита, который благословилъ въ началѣ главенство Москвы; потомъ ходилъ въ Архангельскій соборъ ко гробамъ прародителей своихъ. Между тѣмъ войска стояли на готовѣ на Красной площади; они окроплены были уже и святою водою. Когда великій князь выѣхалъ изъ Кремля вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ, ополченіе двинулось изъ Москвы къ Коломнѣ, гдѣ назначенъ былъ сборъ всѣхъ войскъ. Отсюда уже начался общій походъ. Погода благопріятствовала походу; осенніе дни были ясны и теплы, земля суха. Верстахъ въ 20 отъ Дона войска остановились. Сюда прибѣжали вѣстники изъ передоваго отряда и объявили, что Мамай уже недалеко. „А сколько силы у него?" спросили вѣстниковъ. „И перечесть нельзя," отвѣчали тѣ. Тогда Димитрій Іоанновичъ собралъ на совѣтъ князей и воеводъ и спросилъ: «что дѣлать? переправляться ли за Донъ, или ждать врага на этой сторонѣ?» Одни говорили: нужно остаться на этой сторонѣ, чтобы удержать за собою путь къ отступленію въ случаѣ неудачи; другіе напротивъ совѣтовали немедленно же переправиться, чтобы ни у кого и въ мысли не было возвращаться назадъ безъ побѣды. Въ это время пришла грамота отъ преподобнаго Сергія. Святой мужъ снова ободрялъ великаго князя надеждою на помощь Бога и Пречистой Богородицы. Тогда рѣшено было переправляться. «Честная смерть, лучше худой жизни, говорилъ Димитрій; ужъ лучше было совсѣмъ не ходить противъ безбожныхъ татаръ, чѣмъ, пришедши и ничего не сдѣлавши, возвращаться назадъ. Такъ пойдемте же за Донъ и положимъ свои головы за святыя церкви и за православ-

ныхъ христіанъ.“ Войско двинулось къ Дону. Немедленно же стали строить мосты и искать броды. Между тѣмъ прискакалъ начальникъ передоваго отряда. Онъ уже бился съ татарами. „Только одна ночь между нашими и ихъ полками, говорилъ онъ; вооружайся, княже, завтра нападетъ на насъ Мамай.“ Войско наше переправилось черезъ Донъ наканунѣ праздника Рождества Богородицы и расположилось на Куликовомъ полѣ при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ (Епифанскаго уѣзда Тульской губерніи). Тутъ сосчитали его. Оказалось болѣе полутораста тысячъ. Между тѣмъ мосты приказано было сломать.

Наступила ночь теплая и тихая. Объ этой ночи передъ великимъ днемъ кровавой раздѣлки русскихъ съ своими поработителями сохранилось такое преданіе. Послѣ полуночи пришелъ къ великому князю одинъ воевода, Димитрій Боброкъ, родомъ волынецъ. Онъ слылъ за хорошаго воина и за человѣка, искуснаго въ гаданіяхъ. „Хочешь ли, сказалъ онъ Димитрію, я покажу тебѣ такія примѣты, по которымъ ты узнаешь, что случится впередъ?“ Великій князь согласился. Они сѣли на коней и выѣхали на поле. Впереди у нихъ было татарское войско, а сзади русскій лагерь. И слышны были имъ съ татарской стороны стукъ и крикъ великій, страшно выли волки и какъ будто дрались между собою, кричали птицы, каркали вороны и клектали орлы. Когда же они обратились къ русскому лагерю, то здѣсь была тишина великая, только будто отъ множества огней, вспыхнуло зарево. „Огни—это хорошая примѣта“, сказалъ Боброкъ: „молись, княже, и не оскудѣвай въ вѣрѣ. Но у меня есть еще и другая примѣта.“ Онъ сошелъ съ коня, припалъ правымъ ухомъ къ землѣ и долго прислушивался, потомъ приложилъ другое ухо и, вставши, поникъ головою и ничего не говорилъ; слезы капали изъ глазъ его. Димитрій сталъ упрашивать его. Боброкъ молчалъ; наконецъ проговорилъ: „есть двѣ примѣты: одна тебѣ на великую радость, а другая на великую печаль. Я слышалъ, какъ земля горько и страшно плачетъ; на одной сторонѣ, какъ будто женщина—мать голоситъ по-татарски о своихъ дѣтяхъ, а на другой — какъ будто дѣвица воетъ тонкимъ, свирѣльнымъ голосомъ, въ большой скорби и печали. Много я былъ въ бояхъ и знаю эти примѣты. Уповай на милость Божію, княже; ты одолѣешь татаръ, но твоего войска падетъ многое множество.“ Димитрій, услышавъ это, заплакалъ, а потомъ сказалъ: „какъ угодно Господу, такъ пусть и будетъ“. Они условились никому не говорить объ этомъ, поѣхали въ станъ,

а за ними страшно выли волки, и вороны кричали, и орлы клектали; и было страшно въ эту ночь.

Куликовская битва. Сентября 8-го дня 1380 г. рано утромъ войско стало готовиться къ битвѣ. Взошло солнце, но густой туманъ покрывалъ землю. Пользуясь этимъ, великій князь часть войска подъ начальствомъ Владиміра Андреевича и Боброва отправилъ въ засаду за близь лежавшій лѣсъ. Когда туманъ разсѣялся, Димитрій объѣхалъ полки и говорилъ: „Отцы и братья! умремъ за святую вѣру, за святыя церкви и за братій нашихъ; смерть тогда не въ смерть, а въ животъ вѣчный.“ Возвратясь подъ свое черное знамя, онъ помолился образу Спасителя, нарисованному на немъ, снялъ съ себя княжескую одежду и облекъ въ нее любимца своего боярина Бренка; самъ же, одѣвшись въ одежду простаго воина, изъявилъ желаніе сражаться на ряду съ прочими ратниками. Окружающіе стали упрашивать его стать въ безопасномъ мѣстѣ, откуда бы можно было смотрѣть на битву и давать ей ходъ и направленіе, но онъ отказался. „Я у васъ первый, говорилъ онъ: я болѣе всѣхъ получалъ добра и теперь долженъ первый терпѣть съ вами.“ Между тѣмъ показались татары. Они спускались съ горы. Мамай же остался на возвышеніи. Страшно было смотрѣть, какъ огромныя рати сходились на кровопролитіе. Враждебныя полчища сначала какъ бы въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга. Но вотъ изъ средины татарскаго войска выѣзжаетъ богатырь, по имени Телебей, и, хвастаясь своею силою и храбростію, вызываетъ изъ русскихъ кто бы могъ помѣряться съ нимъ силою. Онъ былъ огромнаго роста, и страшенъ былъ видъ его, и не сразу нашелся охотникъ сразиться съ нимъ. Но тутъ выступилъ инокъ Пересвѣтъ; шлемъ его былъ накрытъ схимою, возложенною на него преподобнымъ Сергіемъ. „Великъ Богъ христіанскій и велика крѣпость его! крикнулъ онъ; съ помощію Божіею я хочу перевѣдаться съ этимъ басурманиномъ.“ Потомъ, взявши благословеніе у священника и простившись съ окружающими, инокъ во всю прыть понесся на противника. Татаринъ также полетѣлъ къ нему на встрѣчу. Неистово столкнулись они и такъ крѣпко ударили другъ друга копьями, что кони ихъ взвились на дыбы, а сами они оба полетѣли на землю мертвые.

Вслѣдъ затѣмъ данъ былъ знакъ къ битвѣ; затрубили ратныя трубы. Враги бросились другъ на друга и началась сѣча, какой, по сказанію современниковъ, не было еще на Руси. Дрожала земля, гудѣли окрестные холмы отъ крика и стона ратниковъ,

отъ топота и ржанія коней, отъ стука оружія; кровь лилась какъ вода на пространствѣ десяти верстъ; бились не только оружіемъ, но и въ рукопашную; задыхались отъ тѣсноты; умирали подъ конскими копытами; отъ наваленныхъ труповъ конямъ нельзя было ступать по землѣ. Долго не пересиливали ни Русь, ни орда. Наконецъ татары, которыхъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ, стали одолѣвать. Они добрались до великокняжескаго знамени, подъ которымъ сидѣлъ на конѣ бояринъ Бренкъ, убили его, изрубили знамя и перебили много князей и воеводъ; подъ великимъ княземъ также убили коня; онъ сѣлъ на другаго, но и этого сразили татары. Димитрій Іоанновичъ исчезъ въ кровавой схваткѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже и хуже становилось русскимъ, тѣмъ сильнѣе побивали ихъ татары; пѣшее русское войско, по выраженію лѣтописи, лежало какъ скошенное сѣно.

Все это видѣли Владиміръ Андреевичъ и Боброкъ, стоявшіе въ засадѣ. Русскіе плакали, видя гибель братій своихъ, и давно порывались ударить на татаръ. Но, опытный въ брани, Боброкъ удерживалъ ихъ. „Не пришелъ еще нашъ часъ, говорилъ онъ; кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду себѣ наживаетъ.“ Но вотъ въ исходѣ третьяго часа, когда татары считали себя уже побѣдителями, засадному русскому войску подулъ попутный вѣтеръ. Тогда Боброкъ сказалъ: „Отцы и братія! приспѣлъ часъ и настало время. Идемъ и да поможетъ намъ благодать Св. Духа.“ Какъ соколы налетаютъ на журавлиное стадо, такъ русскіе, выскочивши изъ засады, бросились въ тылъ на татаръ. Появленіе свѣжаго войска съ той стороны, откуда его совершенно нельзя было ожидать, навело ужасъ на татаръ. „Горе намъ! кричали они; Русь перехитрила насъ; худыхъ мы перебили, а лучшіе теперь на насъ обрушились.“ Татары сначала слишкомъ горячо напали, а теперь у нихъ и кони утомились, и руки ихъ ослабѣли, и ноги ихъ устали, и не видѣли они въ страхѣ, гдѣ свой, гдѣ чужой, куда имъ дѣться. Русскіе между тѣмъ продолжали ихъ бить и колоть и справа, и слѣва, и спереди, и сзади. Татары наконецъ дрогнули и побѣжали. Самъ Мамай пустился также бѣжать.

Къ вечеру, когда уже побѣда наша была полная, Владиміръ Андреевичъ остановился на полѣ и приказалъ трубить сходъ. Всѣ, оставшіеся въ живыхъ, собрались, но между ними не было великаго князя. „Гдѣ братъ Димитрій?“ тревожно спрашивалъ Владиміръ. Одни говорили, что видѣли его, какъ онъ бился съ татарами, другіе—какъ раненый и утомленный онъ шелъ съ по-

боища. Тогда начали усердно искать его. Долго искали. Наконецъ нашли лежащимъ въ дубравѣ подъ вѣтвями срубленнаго дерева; онъ едва дышалъ; глаза его то открывались, то закрывались; ему помогли встать; оказалось, что всѣ доспѣхи его были изсѣчены, но смертельной раны нигдѣ не было. Пришедши въ себя и узнавши въ чемъ дѣло, Димитрій Іоанновичъ воскликнулъ: „Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь“. Потомъ онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ осматривать побоище. Онъ слышалъ стоны умиравшихъ, онъ видѣлъ копнами наваленныя тѣла убитыхъ; подъ ними струились потоки крови; много князей, и бояръ, и воеводъ встрѣтилъ онъ на полѣ положившими жизнь свою за вѣру и отечество; узналъ онъ между ними любимца своего боярина Бренка, узналъ и инока Пересвѣта. „Вотъ, братіе, нашъ починальникъ! сказалъ великій князь; вотъ онъ, провозвѣстившій намъ побѣду пораженіемъ подобнаго себѣ богатыря. Князья и сыны русскіе! Такъ слѣдуетъ служить вамъ“. Восемь дней послѣ того оставались русскіе на Куликовомъ полѣ и отбирали тѣла христіанъ, чтобы съ честію похоронить, и все-таки не могли всѣхъ отобрать.

За куликовскую побѣду Димитрій Іоанновичъ получилъ въ потомствѣ прозваніе Донскаго, а Владиміръ Андреевичъ прозванъ Храбрымъ. Но какъ ни славна была эта побѣда, она еще не освободила русскихъ отъ ига татарскаго. Въ это время въ азіятскихъ степяхъ произошелъ новый переворотъ. Тамъ явился новый завоеватель, подобный Чингизхану, Тамерланъ, который покорилъ многіе азіатскіе народы. Сподвижникъ его Тохтамышъ вторгся въ Европу, встрѣтилъ Мамая, бѣжавшаго съ Куликова поля и снова разбилъ его. Мамай бѣжалъ въ Крымъ и тамъ былъ убитъ. Но въ Ордѣ воцарился самъ Тохтамышъ и потребовалъ отъ русскихъ снова дани и покорности. Димитрій Іоанновичъ отказалъ. Тогда Тохтамышъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на Москву. И не могъ великій князь выставить противъ него рати; слишкомъ много погибло ея на Куликовомъ полѣ. Между тѣмъ Тохтамышъ неожиданно явился подъ Москвою, обманомъ взялъ ее, разграбилъ и сжегъ. Димитрій Донской долженъ былъ снова признать себя данникомъ татаръ. Тѣмъ не менѣе куликовская побѣда показала русскимъ, что татаръ можно побѣждать, если только сражаться съ ними вмѣстѣ, а не по одиночкѣ, какъ было прежде. Съ этихъ поръ изъ Москвы, начавшей соединять Русь въ одно государство, стала свѣтиться надежда на полное осво-

божденіе отъ ига татарскаго. Поэтому память о куликовской битвѣ до сихъ поръ живетъ въ народѣ, въ его пѣсняхъ и сказаніяхъ. Церковь же постановила на вѣчныя времена поминать въ Дмитріевскую субботу павшихъ въ этой битвѣ. Наконецъ недавно при императорѣ Николаѣ Павловичѣ на мѣстѣ куликовской битвы поставленъ памятникъ.

VII. Самодержавіе Москвы.

Іоаннъ III, покоритель Новгорода
и освободитель Руси отъ ига татарскаго.

Іоаннъ III былъ правнукъ Димитрія Донскаго и сынъ великаго князя московскаго Василія Васильевича по прозванію Темнаго. Онъ вступилъ на московскій престолъ въ 1462 году. Къ этому времени Москва сдѣлалась уже такъ сильна, что оставшіеся удѣльные князья во всемъ почти подчинялись и слушались великаго князя московскаго. Но Іоаннъ рѣшился совсѣмъ покончить

съ ними. Дѣйствуя очень умно, осторожно и разсчетливо, онъ въ самомъ дѣлѣ почти всю сѣверовосточную Русь соединилъ подъ своею властію. Такъ онъ окончательно присоединилъ къ Москвѣ Тверь, Ярославль, Ростовъ, Вятку и другія земли. Но самымъ важнымъ и труднымъ дѣломъ его было покореніе Великаго Новгорода.

Покореніе Новгорода 1478 г. Новгородъ въ это время былъ самою богатою и обширною волостію въ цѣлой Руси. Живя на отдаленномъ сѣверѣ, новгородцы не испытали всей тяжести татарскаго ига. Хотя они и платили дань татарамъ, но земли ихъ по отдаленности не подвергались такимъ гибельнымъ набѣгамъ и грабежамъ татарскимъ, какіе терпѣла почти вся остальная Русь. Между тѣмъ торговля новгородцевъ все болѣе и болѣе расширялась. Въ это время многіе нѣмецкіе города составили такъ называемый ганзейскій союзъ, чтобы помогать другъ другу въ торговыхъ дѣлахъ. Въ союзъ этотъ вступилъ и Новгородъ, и чрезъ него такимъ образомъ большая часть русскихъ товаровъ шла за границу; равно также и заграничные товары шли къ намъ чрезъ него же. Новгородъ отъ этой торговли такъ разбогатѣлъ, что съ нимъ никакой городъ на Руси не могъ равняться. Владѣнія его занимали почти весь сѣверовостокъ Россіи. Число жителей самаго Новгорода стало доходить чуть не до полумилліона. Но, можно сказать, что, рядомъ съ возрастаніемъ богатствъ, въ Новгородѣ увеличивались и безпорядки. Богатые граждане тѣснили бѣдныхъ, а эти послѣдніе, будучи выведены изъ терпѣнія, нерѣдко возставали и производили грабежи и убійства. Между самими боярами также не было согласія и единодушія. Они раздѣлялись на партіи и враждовали между собою; привлекали на свою сторону бѣдныхъ и съ помощію ихъ захватывали важныя должности посадника, тысяцкаго и другія. Приэтомъ дѣло также не обходилось безъ дракъ, грабежей и убійствъ. Кромѣ того въ Новгородѣ всегда много было безпокойныхъ людей, такъ называемыхъ повольниковъ, которые нарочно затѣвали смуту, чтобы въ общей суматохѣ поживиться на чужой счетъ; если же этого нельзя было сдѣлать, то поджигали дома и превращали городъ въ пепелъ, а сами при этомъ грабили. Такимъ образомъ въ Новгородѣ много гибло безполезно и народу и добра; жизнь и имущество гражданъ не были ничѣмъ обезпечены; каждый самый спокойный и невинный гражданинъ долженъ былъ ежеминутно опасаться, что лишится всего, даже жизни.

Волненіе, бывшее въ Новгородѣ въ началѣ XV вѣка, покажетъ это наглядно. Одинъ простой новгородецъ, по имени Степанъ, разъ схватилъ на улицѣ боярина Божина и закричалъ проходящимъ: „Господа, помогите мнѣ противъ этого злодѣя“. По всей вѣроятности черный народъ въ это время былъ сильно вооруженъ противъ бояръ, потому что толпа, ничего не разбирая, бросилась на боярина и поташила на вѣче. Тутъ одна женщина, выскочивши изъ толпы, подбѣжала къ нему и начала колотить его, припоминая обиды, которыя онъ нанесъ ей. На вѣчѣ боярина приговорили сбросить съ моста въ Волховъ. Но, когда его бросили, какой-то рыбакъ подхватилъ его на лодку. Тогда народъ напалъ на домъ рыбака и разграбилъ его. Тѣмъ дѣло можетъ быть и кончилось бы, но спасшійся отъ смерти бояринъ, въ свою очередь, какъ-то схватилъ обидчика своего и началъ мучить. Когда разнесся слухъ объ этомъ по городу, опять сбѣжался народъ и бросился въ улицу, гдѣ жилъ бояринъ; онъ успѣлъ спастись, но домъ его былъ разграбленъ. Вслѣдъ за тѣмъ народъ разсыпался по всему городу и сталъ грабить дома бояръ; ограбили даже монастыри, въ которыхъ хранилось боярское добро. Наконецъ и бояре, вооруживши свою челядь, выступили противъ мятежниковъ. Весь городъ пришелъ въ страшное волненіе. Со всѣхъ сторонъ ударили въ набатъ и толпы вооруженнаго народа бросились къ мосту. Здѣсь произошла схватка. Сталъ гибнуть народъ отъ стрѣлъ и отъ оружія какъ бы на войнѣ. Только архіепископъ, вышедши съ крестомъ и съ иконами, успѣлъ прекратить драку. Конечно, при такой неурядицѣ новгородская община, не смотря на все свое богатство и обширность владѣній, не могла быть особенно сильна и прочна. Она могла существовать, даже процвѣтать, но только тогда, когда Русь раздираема была княжескими усобицами или терзаема татарами. Едва же это начинаетъ проходить, Новгороду становится плохо. Всѣ почти великіе князья московскіе, начиная съ Калиты, уже тѣснятъ его, требуютъ дани, забираютъ отъ него города и земли и стараются постепенно ослабить его и подчинить себѣ. Въ самомъ городѣ уже сидятъ намѣстники московскіе, которые за всѣмъ слѣдятъ, обо всемъ даютъ знать въ Москву и всегда держатъ наготовѣ партію приверженцевъ Москвы.

При вступленіи на престолъ Іоанна III положеніе Новгорода было уже таково, что оставалось нанести послѣдній ударъ вольности его. Но великій князь дѣйствовалъ очень осторожно и съ разсчетомъ, поэтому приступилъ къ дѣлу только тогда, когда уже

не сомнѣвался въ успѣхѣ. Новгородцы предчувствовали грозу со стороны Москвы; но вмѣсто того, чтобы готовить средства для предотвращенія этой грозы, спорили и кричали на вѣчахъ, составляли несбыточные планы и скорбляли московскаго князя. Іоаннъ долго терпѣлъ, напоминалъ имъ, чтобы они „держали имя его честно и грозно по старинѣ“. Но въ Новгородѣ въ это время рѣшительно возобладала партія противная Москвѣ. Во главѣ ея находилась Марѳа посадница, вдова одного посадника. Это была женщина умная, рѣшительная, честолюбивая, къ тому же очень богатая. Она хотѣла заправлять Новгородомъ. Домъ ея былъ открытъ для всѣхъ людей съ вѣсомъ. Для подкупа простыхъ людей, кричавшихъ на вѣчахъ, она не скупилась на золото. Чтобы спасти новгородскую вольность, партія Марѳы посадницы вступила въ союзъ съ польско-литовскимъ королемъ. Но это было несбыточное дѣло. Польскій король былъ католикъ. Союзъ съ нимъ многимъ казался измѣною православію. Владыка новгородскій былъ также противъ этого союза. Іоаннъ, узнавши объ этомъ разномыслiи, долѣе не медлилъ. Лѣтомъ 1471 года войска его двинулись на Новгородъ. Великій князь объявилъ, что онъ идетъ противъ новгородцевъ, какъ противъ отступниковъ отъ православія. Передовой отрядъ московскій, находившійся подъ предводительствомъ князя Даніила Холмскаго, встрѣтился съ новгородцами на р. Шелони. Новгородскаго войска было вчетверо болѣе, но не смотря на то Холмскій разбилъ его на голову и взялъ въ плѣнъ многихъ воеводъ, между прочимъ и сына Марѳы посадницы, который былъ казненъ. Причина такой легкой побѣды была та, что у новгородцевъ войско было неопытное, набранное большею частію изъ ремесленниковъ, совершенно незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, а главное въ немъ не было никакого порядка и единодушія. Такъ полкъ владыки новгородскаго, по тайному его наказу, даже совсѣмъ не принималъ участія въ битвѣ. Послѣ пораженія на Шелони, новгородцы упали духомъ. Они еще ждали помощи отъ союзника своего польскаго короля, но и оттуда ничего не дождались. Между тѣмъ Холмскій сталъ опустошать города и села, а великій князь съ главнымъ войскомъ приближался къ Новгороду. Новгородцы сначала думали было защищаться. Но приверженцы Москвы стали теперь дѣйствовать смѣлѣе; нашелся одинъ, который заколотилъ даже пушки, стоявшія на стѣнахъ. Къ довершенію бѣдственнаго положенія Новгорода, въ немъ открылся страшный голодъ отъ скопленія народа и отъ прекраще-

нія подвоза хлѣба. Тогда новгородцы смирились. Архіепископъ съ посадниками и боярами прибыли въ лагерь къ Іоанну, пали передъ нимъ на колѣни и молча проливали слезы, ожидая позволенія говорить. Когда позволеніе было дано, архіепископъ сталъ умолять о пощадѣ. „Ради Господа, говорилъ онъ, прекрати гнѣвъ твой, уйми мечъ, угаси огонь, утиши грозу, пощади виновныхъ передъ тобою людей Великаго Новгорода, смилуйся надъ ними, какъ Богъ тебѣ положитъ на сердце“. Іоаннъ, доселѣ грозный и недоступный, видя такую покорность, вдругъ сдѣлался ласковъ и привѣтливъ и объявилъ, что прощаетъ новгородцевъ. Онъ заключилъ съ ними миръ, по которому обязалъ ихъ только никогда не вступать въ союзъ съ польскимъ королемъ, заплатить за убытки 15,000 рублей и признать надъ собою верховный судъ великаго князя московскаго. Вѣче же и всѣ порядки новгородскіе оставилъ по прежнему.

Но не долго могъ просуществовать великій Новгородъ съ своею вольностію, которою не умѣлъ пользоваться. Миръ, примирившій новгородцевъ съ Іоанномъ, не далъ спокойствія имъ самимъ; напротивъ, безпорядки и мятежи послѣ того у нихъ еще усилились; богатые и сильные безнаказанно давили бѣдныхъ и слабыхъ; вѣча разгонялись буйною вольницею; подкупы сдѣлались вещію самою обыкновенною; тяжбамъ, крамоламъ, ябедѣ не было конца. Великій Новгородъ видимо самъ клонился къ своему паденію; вольность его равнялась теперь своеволію и безнаказанности. Такъ прошло шесть лѣтъ. Въ это время многіе изъ новгородцевъ являлись съ жалобами въ Москву и всѣмъ имъ великій князь давалъ судъ и управу. Разъ Іоаннъ для разбора жалобъ ѣздилъ самъ въ Новгородъ и тоже всѣхъ разсудилъ по справедливости; главныхъ грабителей и мутителей, на которыхъ нельзя было найти суда въ Новгородѣ, онъ обвинилъ и отправилъ въ Москву для казни. Справедливый судъ великаго князя понравился всѣмъ благоразумнымъ новгородцамъ. Тогда торжествующая московская партія успѣла добиться на вѣчѣ, чтобы новгородцы называли великаго князя московскаго государемъ, а не господиномъ только, какъ было доселѣ. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ окончательному паденію Новгорода. Когда послы новгородскіе, прибывши въ Москву, во время челобитья, назвали Іоанна государемъ, то онъ немедленно послалъ спросить новгородцевъ: „какого они желаютъ государства?“ Но, въ то время, какъ совершалась обсылка, противная партія успѣла взять перевѣсъ. Посламъ кня-

жескимъ на вѣчѣ отвѣчали, что они по прежнему называютъ великаго князя господиномъ, а не государемъ. Вслѣдъ затѣмъ начался крикъ и шумъ; мятежники бросились на приверженцевъ Москвы и одного тутъ же на вѣчѣ изрубили топорами. Тогда Іоаннъ, осенью 1478 г., опять двинулъ многочисленные полки къ Новгороду. Но противники Москвы, умѣвшіе только грабить и мутить народъ, не заготовили никакихъ средствъ для отраженія, такъ что московское войско безпрепятственно окружило Новгородъ. Нѣсколько разъ новгородцы присылали своего владыку въ лагерь къ Іоанну просить о помилованіи, винились въ своей неправдѣ. Но великій князь теперь рѣшительно объявилъ, что онъ желаетъ быть въ Новгородѣ такимъ же государемъ, какъ и въ Москвѣ. Болѣе недѣли думали новгородцы и наконецъ согласились. Тогда вѣче и должность посадника были уничтожены. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и отвезенъ въ Москву. Марѳа посадница также была отправлена въ Москву. Такъ палъ великій Новгородъ. Въ немъ стали теперь заправлять всѣмъ намѣстники великаго князя московскаго. Великій князь согласился было еще на нѣкоторыя льготы, напримѣръ, предоставилъ сборъ дани и доставку въ Москву самимъ новгородцамъ. Но вскорѣ ему донесено было, что новгородцы сносятся съ польскимъ королемъ и хотятъ возстановить прежніе порядки. Тогда онъ, ни мало не медля, отправился съ большою свитою въ Новгородъ и самъ занялся изслѣдованіемъ заговора. Оказалось, что въ немъ замѣшанъ былъ самъ архіепископъ Ѳеофилъ. Его схватили и отправили въ Москву, гдѣ онъ и кончилъ жизнь въ заточеніи. Около сотни другихъ главныхъ заговорщиковъ были казнены. Вслѣдъ затѣмъ, чтобы положить конецъ крамоламъ и на будущее время, Іоаннъ сталъ цѣлыми тысячами выселять безпокойныхъ новгородцевъ въ московскія области, а на ихъ мѣсто были присылаемы переселенцы изъ Москвы и другихъ городовъ; послѣ заточенія Ѳеофила, и архіепископовъ въ Новгородъ стали также присылать изъ Москвы. Наконецъ и торговля новгородская скоро пала. Іоаннъ разгнѣвался за что-то на ганзейскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ, и приказалъ схватить ихъ и засадить въ тюрьму, а имѣнія отобрать въ казну. Послѣ того торговыя сношенія съ ганзейскимъ союзомъ прекратились. Новгородъ обѣднѣлъ и во всемъ сравнялся съ остальными русскими городами.

Сверженіе татарскаго ига 1480 г. Покончивши съ Новгородомъ, Іоаннъ III скоро порѣшилъ и съ татарами.

Послѣ Димитрія Донскаго татары еще нѣсколько разъ наводили страхъ на Русь. Такъ при сынѣ Донскаго Василіѣ I (1389—1425), подъ предводительствомъ Тамерлана, они дошли уже до города Ельца (въ орловской губерніи). Страхъ напалъ на жителей Москвы. Великій князь отправился на сѣверъ собирать войска, чтобы отразить грознаго завоевателя. Но въ тоже время положено было перенести изъ Владиміра въ Москву икону Божіей Матери. Съ благовѣніемъ встрѣтили москвичи заступницу свою. Въ тотъ же день Тамерланъ вдругъ повернулъ назадъ. Сохранилось преданіе, что, въ день встрѣчи иконы, онъ видѣлъ страшный сонъ и потому убоялся идти на Москву. Въ память избавленія Москвы отъ нашествія Тамерлана, на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчена была икона, построенъ Срѣтенскій монастырь. Въ другой разъ, при томъ же великомъ князѣ, татары совершенно неожиданно напали, подъ предводительствомъ Эдигея, на самую Москву и взяли съ нея большой окупъ. Но вообще московскіе князья теперь уже не такъ раболѣпствуютъ передъ татарскими ханами, какъ прежде, рѣдко ѣздятъ туда, мало посылаютъ дани, а иногда и совсѣмъ не посылаютъ. При сынѣ Василія I, Василіѣ II Темномъ, Золотая Орда, въ половинѣ XV в., сама распалась. Отъ нея отдѣлились улусы, расположенные по среднему теченію Волги, и образовали независимое Казанское царство. Кромѣ того изъ татарскихъ улусовъ въ Крыму и по сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей образовалось еще отдѣльное Крымское ханство. Послѣ этого русскіе считались данниками татаръ болѣе по имени, нежели на самомъ дѣлѣ.

Іоаннъ III рѣшился уничтожить самую тѣнь постыднаго ига. Ханъ Золотой Орды каждый годъ посылалъ въ Москву пословъ съ басмою или статуею своею, передъ которою князья должны были становиться на колѣни и смиренно выслушивать ханскую грамату. Но Іоаннъ, послѣ покоренія Новгорода, бросилъ басму на землю и началъ топтать ногами, а грамоту разорвалъ; пословъ же приказалъ умертвить, кромѣ одного, которому сказалъ: „ступай и объяви хану, что случилось съ его басмою, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ“.

Въ это время въ Ордѣ царствовалъ Ахматъ. Узнавъ о поруганіи своей статуи, онъ сталъ собирать всю орду; чтобы вѣрнѣе наказать московскаго князя, онъ еще заключилъ союзъ съ польскимъ королемъ. Союзники согласились съ двухъ сторонъ напасть на Москву. Но Іоаннъ не устрашился враговъ. Онъ также

заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ и убѣдилъ его вторгнуться въ Литву, а самъ пошелъ противъ Ахмата. Разсказываютъ также, что часть войска Іоаннъ отправилъ Волгою въ самую Орду, гдѣ оставались одни старики, женщины, да дѣти. Іоаннъ встрѣтился съ Ахматомъ на р. Угрѣ. Они расположились лагерями на противоположныхъ берегахъ ея и стояли тамъ долго, цѣлое лѣто и осень, не рѣшаясь вступить въ битву. Іоаннъ, всегда осторожный и разсчетливый, и теперь остался вѣренъ себѣ. Онъ выжидалъ. Дѣйствительно скоро наступили морозы, къ которымъ татары были непривычны, да у нихъ, кромѣ того, не было и теплой одежды. Наконецъ къ нимъ пришла вѣсть, что Орда совершенно раззорена русскими. Тогда Ахматъ пустился бѣжать. Во время этого бѣгства онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ же князей. Такъ Іоаннъ совсѣмъ освободилъ Русь отъ татарскаго ига и притомъ, не проливъ капли крови. Сыновья Ахмата еще считали себѣ властителями Руси. Но вѣрный союзникъ Іоанна Менгли-Гирей добилъ Орду окончательно. Лѣтъ 20 спустя, онъ напалъ на нее и въ конецъ разгромилъ. Послѣдній сынъ Ахмата думалъ найти спасеніе у польскаго короля, но тотъ заключилъ его въ неволю. Этимъ покончила свое существованіе Орда Сарайская, около двухъ съ половиною вѣковъ господствовавшая надъ Русью.

Бракъ Іоанна на Софьѣ Палеологъ. Послѣ смерти первой своей супруги, Іоаннъ III женился на Софьѣ Палеологъ, греческой царевнѣ. Это была племянница послѣдняго греческаго императора. Когда турки, незадолго до вступленіи Іоанна III на престолъ, взяли Константинополь (1453 г.), то она удалилась въ Римъ подъ покровительство папы. Теперь папа предложилъ ея руку великому князю московскому, надѣясь чрезъ это подчинить себѣ русскую церковь. Надежда его не оправдалась. Софья нисколько не хлопотала объ этомъ и оставалась вѣрна православію. Но бракъ этотъ былъ весьма важенъ въ другихъ отношеніяхъ. Іоаннъ III, женившись на Софьѣ, сдѣлался какъ бы преемникомъ греческихъ императоровъ. Онъ принялъ византійскій гербъ двухглаваго орла сталъ называть себя великимъ княземъ всея Руси и самодержцемъ. Сообразно съ этимъ Іоаннъ повелъ себя иначе съ боярами и князьями, пересталъ совѣщаться съ ними о дѣлахъ по прежнему, какъ бы съ равными себѣ. Разсказываютъ, что Іоаннъ рѣшился поскорѣе свергнуть и иго татарское по настояніямъ своей супруги.

Послѣ Іоанна III оставалось немного удѣловъ на Руси: Псковъ, часть Рязанскаго княжества и Сѣверское. Сынъ его Василій III (1505—1533) присоединилъ къ Москвѣ и эти земли. Онъ уже настолько усилился, что отнялъ даже у литовцевъ старинный русскій городъ Смоленскъ (1514). Но гораздо большія завоеванія сдѣланы были при сынѣ Василія Іоаннѣ IV, котораго народъ прозвалъ Грознымъ.

Іоаннъ IV Грозный, первый русскій царь и покоритель Казани и Астрахани.

Воспитаніе его. Іоаннъ родился въ 1530 г. отъ второй супруги царя Василія Іоанновича, Елены Глинской. Сохранилось преданіе, что во время рожденія его была такая страшная гроза, что земля тряслась. Василій былъ очень радъ сыну и, исполняя обѣтъ, въ одинъ день заложилъ, построилъ и освятилъ церковь Іоанна Предтечи въ Москвѣ. Но малюткѣ было только около трехъ лѣтъ, когда Василій III занемогъ и неожиданно скончался. Великимъ княземъ былъ провозглашенъ Іоаннъ. Управлять же государствомъ стала мать его Елена Глинская. Но лѣтъ черезъ пять и она скончалась. Тогда восьмилѣтній великій князь остался на попеченіи бояръ, которые отъ его имени правили и государствомъ. Это продолжалось лѣтъ десять. Бояре мало заботились

о воспитаніи великаго князя. Мальчикъ отъ природы былъ очень умный, живой и воспріимчивый, но съ раннихъ лѣтъ въ немъ начала также обнаруживаться наклонность къ жестокости: онъ любилъ мучить животныхъ, бросалъ съ высоты на землю кошекъ и собакъ, а когда подросъ, то, ѣздя по улицамъ Москвы, со смѣхомъ давилъ людей. Бояре вмѣсто того, чтобы останавливать, еще потворствовали и хвалили его, называя это удальствомъ. Впрочемъ имъ и некогда было заниматься воспитаніемъ великаго князя. Во все время малолѣтства его они вели между собою ожесточенную борьбу изъ-за власти. И дѣйствительно она переходила то къ Шуйскимъ, то къ Бѣльскимъ, то къ Глинскимъ. Приэтомъ народъ страшно страдалъ. Каждая партія бояръ, захвативъ въ свои руки власть, спѣшила поскорѣе нажиться, занимала хорошія должности, забирала доходныя земли, давила народъ, за который некому было вступиться. Терпѣлъ много отъ бояръ и самъ великій князь. Пользуясь его малолѣтствомъ и беззащитностію, они, хотя и потворствовали ему въ шалостяхъ, но въ то же время грубо съ нимъ обходились, оскорбляли при немъ память его родителей, озлобляли его самаго, даже мало заботились о томъ, одѣтъ ли онъ какъ слѣдуетъ, накормленъ ли. Вотъ напримѣръ какъ недостойно и оскорбительно поступили однажды бояре съ великимъ княземъ, когда ему было лѣтъ одиннадцать. Происходила борьба между князьями Шуйскими и Бѣльскими. Шуйскіе ночью напали на келью митрополита, который держалъ сторону Бѣльскихъ, и стали кидать къ нему въ окно каменьями. Митрополитъ бросился во дворецъ и думалъ найти безопасное убѣжище въ спальнѣ великаго князя. Но мятежники послѣдовали за нимъ и туда, разбудили спящаго Іоанна и страшно испугали его. Еще болѣе чувствительнымъ образомъ оскорбили разъ Шуйскіе Іоанна, когда ему было лѣтъ тринадцать. Замѣтили они, что молодой бояринъ Воронцовъ начинаетъ пріобрѣтать любовь великаго князя. Однажды при самомъ Іоаннѣ и при митрополитѣ они за что-то придрались къ Воронцову, схватили его, били по щекамъ, оборвали на немъ платье и съ позоромъ повели изъ дворца на казнь. Едва черезъ митрополита Іоаннъ упросилъ Шуйскихъ не убивать Воронцова, однако все-таки онъ былъ сосланъ.

Но обходясь такъ съ великимъ княземъ въ домашней жизни, бояре раболѣбствовали передъ нимъ въ торжественныхъ случаяхъ, когда онъ являлся на примѣръ передъ народомъ, или когда ему представлялись иноземные послы. У Іоанна, такимъ образомъ,

съ раннихъ лѣтъ запала мысль, что бояре поступаютъ съ нимъ несправедливо, что они на самомъ дѣлѣ должны благоговѣть передъ нимъ; обижаютъ же и оскорбляютъ его только потому, что некому за него вступиться, а самъ онъ малъ. Понятно, что въ молодомъ великомъ князѣ съ лѣтами росло озлобленіе противъ бояръ и желаніе отплатить имъ, по достиженіи совершеннолѣтія.

Принятіе царскаго титула. Но скоро Іоаннъ на обиды и оскорбленія со стороны бояръ сталъ смотрѣть еще какъ на униженіе въ своемъ лицѣ верховной власти. Предоставленный въ своемъ развитіи самому себѣ, окруженный врагами, онъ рано развился. Онъ съ жадностію читалъ все, что попадалось ему подъ руку: исторію священную, римскую, русскія лѣтописи, творенія святыхъ отцовъ. Ни одинъ государь нашей древней исторіи не былъ такъ начитанъ, какъ Іоаннъ Грозный. Изъ книгъ и изъ разсказовъ начитанныхъ людей онъ рано понялъ значеніе своей власти. Когда ему исполнилось только 16 лѣтъ, онъ вдругъ созвалъ бояръ, пригласилъ митрополита и объявилъ, что принимаетъ титулъ царя. Вслѣдъ затѣмъ въ 1547 г. Іоаннъ торжественно вѣнчался на царство, чего прежде не дѣлалъ ни одинъ изъ русскихъ государей. Въ то же время онъ принялъ титулъ царя. Черезъ нѣсколько же недѣль послѣ этого царь женился на дочери умершаго окольничаго Романа Юрьевича, Анастасіи Романовнѣ.

Пожаръ Москвы. Дѣлами, однакожъ, по прежнему завѣдывали бояре, во главѣ которыхъ находились теперь князья Глинскіе, родственники царя по матери. Народъ также по прежнему много терпѣлъ отъ ихъ самовластія и своекорыстія. Но вскорѣ случилось событіе, которое заставило молодаго царя образумиться и самому приняться за дѣло. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ коронованія Іоанна, надъ Москвою разразилась страшная гроза и буря. Отъ молніи или отчего другаго загорѣлась одна церковь. Пламя быстро стало переходить изъ одной улицы въ другую по деревяннымъ строеніямъ; наконецъ дошло до Кремля; здѣсь сгорѣли соборы, монастыри, царскія хоромы. Царь долженъ былъ удалиться на Воробьевы горы. Кромѣ всякаго добра на пожарѣ погибло народу болѣе полутора тысячи человѣкъ; самъ митрополитъ едва не сгорѣлъ. А сколько народу осталось безъ крова и безъ куска хлѣба! На другой день по Москвѣ пошла молва, что она сгорѣла отъ волшебства, что княгиня Анна Глинская вынимала сердца человѣческія, мочила ихъ въ водѣ и этою водою кропила дома, оттого Москва и сгорѣла. Какъ ни нелѣпъ

былъ этотъ слухъ, на народъ, раззоренный и напуганный пожаромъ, вѣрилъ ему. Слуху этому вѣрили также потому, что ненавидѣли Глинскихъ за ихъ притѣсненія. Тогда нѣкоторыхъ Глинскихъ и ихъ приверженцевъ схватили и умертвили. Толпа мятежниковъ пришла даже къ царю и начала требовать выдачи другихъ Глинскихъ. Іоаннъ приказалъ казнить зачинщиковъ и мятежъ прекратился. Но событія эти сильно подѣйствовали на него. „И вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, писалъ онъ потомъ; смирился духъ мой, умилился я и позналъ свои согрѣшенія.“ Разсказываютъ, что въ это время къ нему пришелъ однажды священникъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и сталъ грозить ему гнѣвомъ Божіимъ, если онъ не оставитъ праздной жизни и не облегчитъ участи народа, бѣдствующаго подъ тяжкимъ правленіемъ бояръ. Іоаннъ совершенно перемѣнился; оставилъ свои забавы и потѣхи, удалилъ отъ себя бояръ и принялся самъ за дѣло. Съ этихъ поръ главными совѣтниками его и помощниками въ правленіи сдѣлались Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ, бывшій его спальникомъ, человѣкъ незнатнаго рода, но свѣдущій въ дѣлахъ, добрый и справедливый.

Заботы о благѣ народа. Чтобы узнать настоящія нужды народа, Іоаннъ созвалъ въ Москву выборныхъ людей отъ всей земли. Когда они съѣхались, царь однажды въ воскресный день съ духовенствомъ и со крестами, вышелъ на Красную площадь передъ Кремлемъ, покрытую народомъ. Тутъ стояло возвышеніе, которое называлось Лобнымъ мѣстомъ. Іоаннъ взошелъ на него вмѣстѣ съ митрополитомъ и съ приближенными людьми. Сначала отслужили молебенъ; потомъ царь повелъ рѣчь къ митрополиту, въ которой сильно укорялъ бояръ за лихоимство, насилія и притѣсненія. Послѣ того Іоаннъ поклонился на всѣ четыре стороны и, обратившись къ народу, просилъ забыть все, что пришлось ему вытерпѣть отъ бояръ. Приэтомъ обѣщался самъ быть судьею и обороною всѣхъ притѣсняемыхъ. Въ тотъ же день царь возвелъ Адашева въ санъ окольничаго и поручилъ ему принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и притѣсняемыхъ и разбирать ихъ внимательно и справедливо, не боясь людей сильныхъ и знатныхъ.

Лѣтъ десять находились при Іоаннѣ Сильвестръ и Адашевъ и пользовались большимъ его довѣріемъ и расположеніемъ. Въ это время много сдѣлано было хорошихъ дѣлъ. Царь издалъ новые законы подъ названіемъ Судебника. Еще дѣдъ его Іоаннъ III приказалъ составить такой Судебникъ, но въ немъ не доставало

нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, противъ взяточниковъ и несправедливыхъ судей. Іоаннъ IV дополнилъ его и назначилъ строгія наказанія за неправый судъ. Онъ предоставилъ также народу, вмѣсто царскихъ намѣстниковъ и воеводъ, выбирать по волостямъ своихъ старостъ, излюбленныхъ головъ и земскихъ судей, которые бы судили, распредѣляли подати, собирали ихъ и доставляли въ Москву. Но этимъ немногія общины воспользовались. Трудно было тогда собирать подати съ бѣднаго народа и немногіе брались за это. Іоаннъ созвалъ также соборъ изъ духовныхъ лицъ для устройства церковныхъ дѣлъ. Онъ самъ предложилъ собору вопросы, для обсужденія и разрѣшенія, напримѣръ о небрежной перепискѣ церковныхъ книгъ, о безчинствахъ въ церкви во время службы и т. п. Соборъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Стоглава, потому что постановленія его раздѣлены на сто главъ.

Покореніе Казани 1552 г. Но особенно важнымъ дѣломъ въ это время было покореніе Казани.

Казанскіе татары много причиняли намъ зла. Они то и дѣло вторгались въ пограничныя русскія земли, опустошали ихъ и уводили въ плѣнъ; разъ даже въ числѣ русскихъ людей захватили самого великаго князя московскаго Василія Темнаго и освободили только за большой окупъ. Къ счастію въ Казани рано начались несогласія и безпорядки, отчего она была не особенно сильна. Московскіе князья почти съ самаго основанія Казанскаго царства имѣли тамъ своихъ доброжелателей, при помощи которыхъ возводили и низводили съ престола казанскихъ царей, брали подати съ нѣкоторыхъ волостей и даже строили свои городки въ Казанской землѣ. Но это было непрочно. Въ Казани иногда брала перевѣсъ партія крымскаго хана и тогда грабежи и опустошенія возобновлялись. Чтобы обезопасить себя навсегда съ этой стороны, Іоаннъ рѣшился совсѣмъ покорить Казань.

Лѣтомъ 1552 г. онъ самъ двинулся въ походъ съ 150-ти-тысячнымъ войскомъ и осадилъ ее. Около семи недѣль продолжалась осада, а казанцы не сдавались. Тогда рѣшено было идти на приступъ. Подъ стѣны города сдѣлали подкопы и вкатили туда бочки съ порохомъ. Передъ самымъ приступомъ царь пошелъ къ обѣднѣ. Когда дьяконъ, оканчивая Евангеліе, возгласилъ: *и будетъ едино стадо и единъ пастырь*—вдругъ раздался сильный громъ, такъ что земля вздрогнула. Іоаннъ выглянулъ изъ церкви и увидѣлъ, что часть стѣны взорвана на воздухъ, бревна и люди летятъ

вверхъ. Вслѣдъ затѣмъ, когда дьяконъ на эктеніи воскликнулъ: *и покорити подъ ноздъ его всякаго врага и супостата* — произошелъ второй взрывъ, еще сильнѣе прежняго; множество казанцевъ, вмѣстѣ съ обломками стѣны, снова взлетѣло на воздухъ, одни перерванные пополамъ, другіе съ оторванными руками и ногами. Тогда, русскіе, воскликнувъ: „съ нами Богъ!“ пошли на приступъ. Князь Андрей Курбскій, одинъ изъ героевъ Казани, такъ описываетъ этотъ штурмъ. „Когда мы подходили къ стѣнамъ, то татары сначала открыли сильный огненный бой, потомъ посыпались на насъ стрѣлы, какъ дождь, полетѣли камни въ такомъ множествѣ, что свѣтъ помрачился. Когда же мы приблизились къ самымъ стѣнамъ, то насъ начали обливать кипяткомъ, бросать въ насъ бревнами. Но Богъ помогъ намъ. Первый братъ мой родной влѣзъ на стѣну по лѣстницѣ, за нимъ и другіе храбрые воины. Басурманы, оставя стѣны, бросились на гору къ царскому дворцу, который былъ сильно укрѣпленъ. Тутъ бились они часа съ четыре. Но вотъ казанцы замѣтили, что многіе изъ русскихъ, прельстившись добычею, оставили битву и начали грабить. Тогда они удвоили усилія и заставили осаждающихъ немного отступить. Корыстолюбцы, увидѣвъ это, бросились вонъ изъ города съ крикомъ: „сѣкутъ! сѣкутъ!“ Однако храбрѣйшая часть нашего войска устояла противъ татаръ. Между тѣмъ опытные мужи и совѣтники, окружавшіе Іоанна, повелѣли нести большое знамя къ воротамъ, называемымъ царскими и, взявъ за узду его коня, самого его поставили близъ знамени. Въ тоже время половина царскаго большаго полка, сошедъ съ коней, отправилась въ городъ на подкрѣпленіе сражающимся. Тѣснимые нашими, татары опять отступили къ царскому дворцу и тутъ еще нѣсколько времени отчаянно бились... Наконецъ наши войска ворвались на дворъ царскій. Тогда татары вывели своего царя на башню и сказали: „пока мѣсто, гдѣ стоялъ престолъ царскій, было цѣло, мы бились до смерти за царя и отечество; теперь же отдаемъ вамъ царя живымъ; ведите его къ своему царю; а сами идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу“... Въ числѣ пяти-шести тысячъ человѣкъ они спустились со стѣнъ и перешли въ бродъ рѣчку Казанку... Тутъ Курбскій съ своимъ отрядомъ ударилъ на нихъ. Онъ первый врѣзался въ ряды татаръ; три раза конь его напиралъ на нихъ; въ четвертый разъ, весь израненный, повалился вмѣстѣ съ нимъ посреди враговъ. Самъ Курбскій отъ ранъ пришелъ въ безпамятство; спасся только бла-

годаря крѣпкой прародительской бронѣ. Татары же, поражаемые нашими войсками, бѣжали въ лѣсъ"...

Такъ пала Казань. Іоаннъ освятилъ ее, заложилъ въ ней христіанскія церкви, посадилъ намѣстника и возвратился въ Москву. Покореніе Казани, какъ перваго татарскаго царства, высоко поставило его въ глазахъ народа. Москвичи съ большимъ торжествомъ встрѣтили царя, побѣдителя варваровъ, передъ которыми еще недавно Русь трепетала. Митрополитъ съ крестами и иконами вышелъ къ нему на встрѣчу за городъ. Несмѣтныя толпы народа провожали его до самаго Успенскаго собора. Въ память покоренія Казани Іоаннъ выстроилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ. Въ народѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Василія Блаженнаго, потому что здѣсь на кладбищѣ погребенъ юродивый Василій Блаженный, жившій тогда въ Москвѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ народѣ.

Вскорѣ послѣ покоренія Казани Іоаннъ безъ труда присоединилъ (1556 г.) къ Москвѣ Астрахань, которая возникла на мѣстѣ Сарайской Орды.

Набѣги крымскихъ татаръ. Изъ татарскихъ царствъ оставался теперь одинъ Крымъ. Крымцы рѣдкій годъ не приходили грабить нашу Украйну. Иногда же они вторгались во внутрь государства, даже нападали на самую Москву. Чтобы защитить Украйну отъ губительныхъ набѣговъ, Іоаннъ послалъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ Адашева, брата своего любимца. Адашевъ вторгся въ самый Крымъ и навелъ ужасъ на татаръ. Крымцы думали, что насталъ конецъ ихъ царству. Многіе дѣйствительно совѣтовали покончить и съ Крымомъ точно также, какъ съ Казанью и Астраханью. Но царь не рѣшился на это. Трудно было покорить Крымъ, отдѣленный отъ московской украйны обширною степью, еще труднѣе удершивать его въ повиновеніи. Сверхъ того, Крымъ находился подъ покровительствомъ турецкаго султана. Поэтому изъ за него пришлось бы воевать съ Турціею, которая въ то время была очень сильна. Между тѣмъ крымскіе татары, оправившись отъ удара, нанесеннаго имъ Адашевымъ, вторглись въ Россію, нечаянно напали на Москву и сожгли ее (1571). Приэтомъ погибло множество народа, такъ что Москва рѣка не могла пронести мертвыхъ; нарочно приставлены были люди спускать трупы внизъ по рѣкѣ; болѣе ста тысячъ человѣкъ было также уведено въ плѣнъ.

Паденіе Ливонскаго ордена 1561 г. Но воюя съ татарами и

покоряя ихъ царства, Іоаннъ въ тоже время старался войти въ болѣе тѣсныя и близкія сношенія съ западною Европою, чтобы воспользоваться наукою, открытіями и изобрѣтеніями, которыя были тамъ сдѣланы. Онъ вызывалъ оттуда разныхъ мастеровъ цѣлыми сотнями и первый началъ посылать за границу русскихъ людей учиться. При немъ заведена была въ Россіи первая типографія. Сосѣди наши поляки и особенно ливонскіе нѣмцы боялись, что Россія чрезъ это сдѣлается слишкомъ сильна и опасна для нихъ; поэтому прибѣгали къ все возможнымъ средствамъ для того, чтобы по крайней мѣрѣ замедлить знакомство русскихъ съ европейскою образованностію. Они задерживали иноземцевъ, отправлявшихся на службу въ Москву, препятствовали вывозу въ Россію военныхъ снарядовъ и т. п. Однажды Дерптскій епископъ узналъ, что одинъ нѣмецъ, умѣющій лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, думаетъ отправиться на службу въ Россію. Схвативъ этого нѣмца, онъ сослалъ его неизвѣстно куда. Другой подобный случай еще болѣе замѣчателенъ. Іоаннъ поручилъ одному саксонцу, по имени Шлитте, набрать въ Германіи какъ можно болѣе ученыхъ, ремесленниковъ и разныхъ знающихъ людей и привезти ихъ въ Москву. Съ разрѣшенія германскаго императора, Шлитте набралъ ихъ болѣе ста человѣкъ и уже хотѣлъ сѣсть на корабль и отправиться съ ними въ Россію. Но ливонское правительство, провѣдавъ объ этомъ, представило императору какъ опасно пропускать такихъ людей въ Россію и получило дозволеніе задержать нѣмцевъ. Саксонца Шлитте посадили въ тюрьму, а спутники его разбѣжались. Одинъ изъ нихъ попытался было тайкомъ пробраться въ Россію, но на дорогѣ былъ схваченъ и тоже заключенъ въ тюрьму; освободившись изъ заключенія, настойчивый нѣмецъ снова предпринялъ путешествіе въ Москву, но недалеко отъ русской границы опять былъ задержанъ и на этотъ разъ уже казненъ.

Но чѣмъ болѣе Іоаннъ встрѣчалъ препятствій къ знакомству съ Европой, тѣмъ настойчивѣе стремился къ этому. Вслѣдствіе этого какъ только онъ обезпечилъ себя съ востока взятіемъ Казани и Астрахани, тотчасъ же началъ войну съ Ливоніею, чтобы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Ливонскій орденъ въ это время былъ уже такъ слабъ сравнительно съ Россіею, что совершенно не могъ бороться съ нею. Русскіе безъ труда взяли у нѣмцевъ нѣсколько городовъ и орденъ кончилъ свое существованіе. Разсказываютъ, что когда плѣнныхъ нѣмцевъ водили по

Москвѣ на показъ народу, то одинъ плѣнный татарскій ханъ сказалъ: „по дѣломъ вамъ, нѣмцы; вы дали царю въ руки розги (то есть, оружіе), которыми онъ сначала высѣкъ насъ, а теперь сѣчетъ и васъ самихъ.“ Однако Іоаннъ не могъ завладѣть прибалтійскимъ краемъ. Здѣсь утвердились теперь поляки и шведы. Главная причина неудачнаго окончанія этой войны заключалась въ томъ, что въ Іоаннѣ въ это время произошла опять большая перемѣна.

Казни бояръ. Ненависть къ боярамъ, которую Іоаннъ питалъ съ юности, теперь дошла до того, что онъ началъ казнить безъ пощады всѣхъ, и правыхъ, и виноватыхъ. Еще вскорѣ послѣ покоренія Казани онъ сталъ тяготиться своими совѣтниками Сильвестромъ и Адашевымъ, потому что они успѣли составить себѣ при дворѣ сильную партію изъ бояръ и распоряжались дѣлами, какъ хотѣли. Іоаннъ по природѣ своей не любилъ никакихъ противорѣчій и могъ терпѣть такихъ совѣтниковъ только до поры до времени. Вскорѣ онъ возненавидѣлъ ихъ. Случилось это такъ. Царь сильно заболѣлъ, такъ что всѣ отчаялись въ его выздоровленіи. Готовясь къ смерти, онъ потребовалъ, чтобы бояре присягнули сыну его Димитрію, которому не было еще и года. Но большая часть бояръ не хотѣла присягать ему изъ боязни, что въ малолѣтство его повторятся прежніе безпорядки и бѣдствія. Они желали на царство двоюроднаго брата Іоаннова Владиміра Андреевича Старицкаго. По этому случаю тутъ же во дворцѣ между боярами открылся большой споръ и шумъ, такъ что больной царь самъ все слышалъ. Когда Іоаннъ выздоровѣлъ, онъ узналъ, что Сильвестръ и Адашевъ были также явно на противной сторонѣ. Разумѣется онъ сталъ теперь подозрительно смотрѣть на нихъ. А тутъ случилось еще одно обстоятельство, для нихъ неблагопріятное. Іоаннъ, оправившись отъ болѣзни, поѣхалъ съ семействомъ на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и по дорогѣ заѣхалъ въ одинъ монастырь, въ которомъ жилъ на покоѣ сосланный боярами епископъ коломенскій Вассіанъ Топорковъ, другъ его отца. Царь зашелъ къ нему въ келью и между прочимъ спросилъ его: „какъ бы мнѣ царствовать такъ, чтобы вельможи были у меня въ полномъ повиновеніи?“ Вассіанъ будто бы прошепталъ ему на ухо: „если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ совѣтниковъ умнѣе себя.“ Іоаннъ поцѣловалъ ему руку и сказалъ: „и отецъ родной не далъ бы мнѣ совѣта болѣе полезнаго.“ Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого онъ удалилъ отъ

себя совѣтниковъ своихъ. Адашевъ былъ посланъ воеводою въ Ливонію, а Сильвестръ, видя совершенную холодность къ себѣ царя, самъ ушелъ на житье въ Кирилловъ монастырь. Вслѣдъ за тѣмъ умерла царица Анастасія Романовна. Она была женщина кроткая и добродѣтельная. Царь очень любилъ ее и она одна могла удерживать его отъ вспышекъ гнѣва. Теперь, когда ее не стало, Іоаннъ далъ полную волю себѣ. Такъ какъ покойная царица не любила ни Сильвестра, ни Адашева и притомъ начали ходить слухи, что будто они извели ее волшебствомъ, то царь прежде всего принялся за нихъ и за близкихъ къ нимъ лицъ; Сильвестра сослалъ въ Соловецкій монастырь, а Адашева заключилъ подъ стражу, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ; родственниковъ ихъ и приверженцевъ также однихъ сослалъ, другихъ казнилъ. Во время Ливонской войны одинъ изъ самыхъ близкихъ къ царю бояръ, князь Андрей Курбскій, проигравъ битву, бѣжалъ отъ страха въ Польшу и оттуда прислалъ ему со своимъ слугою Шибановымъ укорительное письмо. Слуга подалъ письмо царю при выходѣ его изъ дворца. Іоаннъ оперся своимъ остроконечнымъ жезломъ въ ногу Шибанова и приказалъ читать письмо. Укоры въ жестокости, которыми наполнено было письмо, такъ раздосадовали его, что онъ велѣлъ сначала пытать Шибанова, а потомъ казнить. Измѣна Курбскаго окончательно вооружила Іоанна противъ бояръ и онъ рѣшился начать поголовное истребленіе ихъ.

Опричники. Въ концѣ 1564 г. Іоаннъ со всѣмъ семействомъ, съ большою свитою и съ имуществомъ, неожиданно выѣхалъ изъ столицы. Въ Москвѣ всѣ остались въ большомъ недоумѣніи. Царь, повидимому, милостиво со всѣми простился, но не сказалъ куда и зачѣмъ поѣхалъ. Черезъ мѣсяцъ дѣло разъяснилось. Іоаннъ остановился въ Александровской слободѣ, около ста верстъ отъ Москвы, и оттуда прислалъ въ столицу гонца съ грамотами къ митрополиту и народу. Къ митрополиту онъ писалъ, что не можетъ долѣе сносить измѣнъ и грабежей бояръ, за которыхъ заступается духовенство, и потому оставляетъ государство и хочетъ поселиться, гдѣ ему Богъ положитъ на сердце. Въ грамотѣ же къ народу царь объявлялъ, чтобъ гости, купцы и всѣ христіане ничего не боялись; гнѣва и опалы на нихъ нѣтъ никакой. Когда эти грамоты были прочтены, въ народѣ раздался плачъ и рыданія. Всѣ начали упрашивать митрополита, чтобъ онъ умолилъ царя не оставлять государства, а съ измѣнниками и лиходѣями раз-

дѣлаться какъ ему угодно. Митрополитъ въ сопровожденіи высшаго духовенства и бояръ отправился въ Александровскую слободу и передалъ царю мольбу народа. Іоаннъ согласился не покидать государства, но только съ тѣмъ, чтобы никто не мѣшалъ ему казнить измѣнниковъ-бояръ и отбирать ихъ имѣнія. Тогда началось страшное время. Въ Александровской слободѣ, посреди дремучаго лѣса, Іоаннъ Грозный построилъ себѣ особый дворецъ, обвелъ его рвомъ и валомъ, а для охраненія назначилъ отдѣльную стражу изъ стрѣльцовъ; для безпрекословнаго же и безмолвнаго выполненія своихъ страшныхъ велѣній набралъ изъ мелкихъ дворянъ особыхъ людей, которыхъ стали называть опричниками. Поступая на службу къ царю, они должны были отрекаться отъ родственниковъ и друзей, даже отъ отца и матери, и давали клятву выполнять волю только одного государя. Число опричниковъ постепенно увеличивалось и дошло наконецъ до шести тысячъ человѣкъ. На содержаніе ихъ Іоаннъ отдѣлилъ до 30 городовъ, напримѣръ: Можайскъ, Вязьму, Суздаль, часть Москвы. Все это учрежденіе называлось опричниною, а остальное государство — земщиною. Александровская слобода сдѣлалась мѣстомъ частыхъ пытокъ и казней. Опричники, ѣздя на конѣ, привязывали къ сѣдлу собачью голову и метлу; это означало, что они должны были грызть и выметать изъ земли измѣнниковъ. Желая угодить царю и воспользоваться имѣніями казненныхъ, опричники дѣлали ложные доносы, обвиняли въ чародѣйствѣ, въ мнимыхъ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ — и бояре гибли одинъ за другимъ. Въ это время погибъ также двоюродный братъ царя, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій. Его обвинили въ мнимомъ намѣреніи отравить царя. За это онъ самъ былъ отравленъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Отъ опричниковъ доставалось, впрочемъ, не однимъ боярамъ, а и простому народу. Всѣ были въ страхѣ.

Св. Филиппъ. Одинъ митрополитъ Филиппъ, человѣкъ святой жизни, не боялся и смѣло осуждалъ царя и злодѣйства опричниковъ. Іоаннъ, не терпя обличеній его, старался избѣгать встрѣчи съ нимъ, но, при свиданіяхъ въ церкви, между ними происходили иногда разговоры такого рода:

— Только молчи, одно говорю тебѣ—молчи!—говорилъ царь, подходя къ митрополиту подъ благословеніе и едва сдерживая свой гнѣвъ,—молчи и благослови насъ.

— Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть причиняетъ,—отвѣчаетъ Филиппъ.

— Ближніе мои возстали на меня, ищутъ мнѣ зла, — продолжаетъ Іоаннъ; какое тебѣ дѣло до нашихъ царскихъ распоряженій?

— Я—пастырь стада Христова,—возражаетъ митрополитъ.

— Филиппъ! — восклицаетъ Іоаннъ въ гнѣвѣ, не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой, или лучше оставь митрополію.

— Я не просилъ, — спокойно замѣчаетъ митрополитъ, — не искалъ черезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?

Филиппъ происходилъ изъ боярскаго рода, но чувствуя призваніе къ монашеской жизни постригся и передъ поставленіемъ въ митрополиты былъ игуменомъ Соловецкаго монастыря. Онъ согласился быть митрополитомъ только исполняя желаніе самаго Іоанна. Царь наконецъ не могъ долѣе выслушивать обличеній Филиппа, нарядилъ надъ нимъ судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и лишилъ сана. Поводомъ къ этому послужилъ слѣдующій случай. Однажды во время крестнаго хода, въ которомъ участвовалъ и царь, одинъ изъ опричниковъ надѣлъ на голову шапку. Митрополитъ замѣтилъ объ этомъ тутъ же царю. Но въ то время, какъ онъ говорилъ, опричникъ уже снялъ шапку. Іоаннъ, не вѣрившій ничему, что говорили ему противъ опричниковъ, разсердился и ушелъ. Прошло нѣсколько недѣль. Филиппъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ. Вдругъ сюда ворвались опричники, прочли митрополиту приговоръ суда, надѣли на него простое монашеское платье, вывели изъ церкви и повезли изъ Кремля. Народъ со слезами провожалъ своего любимаго архипастыря. Филиппъ былъ заточенъ въ Тверской отрочь монастырь, гдѣ его черезъ нѣсколько лѣтъ лишилъ жизни Малюта Скуратовъ, одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ опричниковъ.

Погромъ Новгородскій. Гнѣвъ Іоанна Грознаго падалъ иногда на цѣлые города. Такъ въ 1570 г. страшная участь постигла Новгородъ и съ нимъ другіе города: Клинъ, Тверь, Вышній-Волочекъ.

Новгородцы еще помнили свою вольность и Іоаннъ искалъ случая отбить, такъ сказать, у нихъ память о ней. Случай скоро представился. Какой-то бродяга Петръ, родомъ волынецъ, за что-то наказанный новгородскими властями, изъ мести донесъ царю, что новгородцы хотятъ передаться польскому королю и что у нихъ для этого составлена уже грамата, подписана ихъ архіепископомъ Пименомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ

Богородицы. Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ довѣреннаго человѣка разузнать объ этомъ. Дѣйствительно грамата была найдена. Но хотя она была ложная и подпись архіепископа на ней поддѣльная, царь всему повѣрилъ; ему нуженъ былъ поводъ, для разгрома Новгорода. Іоаннъ двинулся изъ Александровской слободы съ опричниками и стрѣльцами. Разгромъ начался съ Тверской области. Города: Клинъ, Тверь, Вышній-Волочекъ и всѣ мѣста до Ильменя были опустошены такъ, какъ будто здѣсь прошла цѣлая непріятельская армія. Въ началѣ января 1570 г. передовой отрядъ царскій окружилъ Новгородъ, чтобы никто не могъ уйти изъ него. Опричники еще до пріѣзда Іоанна схватили многихъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ — и однихъ поставили на правежъ, требуя денегъ, а другихъ заключили подъ крѣпкую стражу; имущества же ихъ опечатали. Вскорѣ пріѣхалъ самъ Іоаннъ и остановился на городищѣ. Черезъ два дня онъ отправился съ опричниками въ Софійскій соборъ къ обѣднѣ. Архіепископъ, по обычаю, встрѣтилъ его съ образами на Волховскомъ мосту и хотѣлъ осѣнить крестомъ. Но Іоаннъ не пошелъ ко кресту и назвалъ Пимена измѣнникомъ. Онъ однако велѣлъ ему идти въ соборъ служить обѣдню и самъ пошелъ, а послѣ службы отправился къ нему обѣдать; но во время обѣда вдругъ громко закричалъ, давая знакъ опричникамъ; они бросились грабить, а Пимена схватили и засадили подъ стражу. Послѣ того начался судъ надъ новгородцами. Къ Іоанну ежедневно приводили отъ пяти сотъ до тысячи и болѣе человѣкъ; ихъ подвергали жестокимъ пыткамъ, а потомъ большею частію топили въ Волховѣ. Послѣ суда начался грабежъ въ Новгородѣ и въ окрестностяхъ его верстъ на двѣсти и болѣе. Весь погромъ Новгородскій продолжался около шести недѣль. По окончаніи его Іоаннъ велѣлъ привести къ себѣ по одному человѣку отъ каждой улицы. Они явились блѣдные, полумертвые отъ страха. Но грозный царь взглянулъ на нихъ милостиво и сказалъ: „вы остались въ живыхъ; молите же Бога, чтобъ онъ далъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ нашихъ. Богъ судья общему нашему измѣннику и вашему архіепископу Пимену и его злымъ совѣтникамъ. Вся пролитая кровь взыщется на нихъ, измѣнникахъ, а вы объ этомъ не скорбите.“ Пименъ былъ лишенъ сана и заточенъ.

Изъ Новгорода Іоаннъ Грозный отправился во Псковъ, который тоже еще не забылъ своей вольности. Но псковичи, по распо-

ряженію умнаго и догадливаго своего воеводы Юрія Токмакова, выставили передъ домами столы съ хлѣбомъ-солью. Когда царь въѣхалъ въ городъ, его поразило слѣдующее зрѣлище: всѣ граждане съ женами и дѣтьми стояли на колѣняхъ около столовъ и кланялись ему до земли. Іоаннъ умилился и не велѣлъ никого казнить. Разсказываютъ, что онъ посѣтилъ здѣсь юродиваго Николу Салоса, который предложилъ ему, вмѣсто хлѣба-соли, кусокъ сыраго мяса. Въ это время былъ великій постъ и царь сказалъ, что въ постъ не ѣстъ мяса. „А кровь христіанскую пьешь?“ возразилъ юродивый, и потомъ, разъѣзжая на палочкѣ, началъ предсказывать такія бѣды, что Іоаннъ испугался и поспѣшилъ уѣхать изъ Пскова. Онъ прибылъ въ Москву и здѣсь продолжалъ розыскъ о мнимой измѣнѣ Новгородцевъ. Пытаемые нестерпимыми пытками мнимые измѣнники оговорили множество другихъ невинныхъ. Составилось огромное „сыскное измѣнное дѣло“ и представлено на рѣшеніе царю. Онъ велѣлъ половину изъ нихъ, человѣкъ полтараста, казнить.

Такъ губилъ Іоаннъ Грозный мнимыхъ измѣнниковъ своихъ. Ничто не могло спасти отъ кары, если падало на кого нибудь подозрѣніе—ни знатность происхожденія, ни заслуги отечеству, ни даже самая близость къ царю. Изъ главныхъ опричниковъ только одинъ Малюта Скуратовъ до конца жизни своей сохранилъ расположеніе и довѣріе Іоанна. Малюта даже въ тѣ страшныя и суровыя времена рѣзко выдавался изъ ряда другихъ своею жестокостью.

Конецъ жизни грознаго царя. Посредствомъ пытокъ и казней Іоаннъ Грозный докончилъ дѣло, начатое великими князьями московскими. Воля царя сдѣлалась для всѣхъ непреложнымъ закономъ. Россія, управляемая одною волею, составила крѣпкое и несокрушимое государство. Но пытки и казни дорого обошлись Іоанну. Онъ чувствовалъ, что вдается въ крайности и терзался совѣстію. Онъ даже исхудалъ и преждевременно состарѣлся. Чтобы заглушить угрызенія совѣсти, онъ горячо молился, клалъ земныя поклоны съ такимъ усердіемъ, что на лбу оставались кровавые знаки. Но за этими горячими молитвами слѣдовали самыя жестокія пытки и казни, и царь нерѣдко оставался мрачнымъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворялъ своей страсти „Тѣло мое изнемогло, пишетъ Іоаннъ въ своемъ завѣщаніи, болѣзнуетъ духъ; струпы душевные и тѣлесные умножились и нѣтъ врача, который бы меня исцѣлилъ.“ Къ концу царствованія Іоанна пытки и казни стали

рѣже; но нравъ царя не измѣнился; по прежнему онъ былъ скоръ на гнѣвъ и опалы. Въ пылу гнѣва онъ даже убилъ своего старшаго и любимаго сына Іоанна; разсердившись на него за противорѣчіе въ чемъ-то, онъ такъ неосторожно ударилъ его своею палкою въ високъ, что тотъ палъ на мѣстѣ. Царь сильно горевалъ и терзался по своемъ сынѣ, каялся, служилъ панихиды, разсылалъ деньги на поминъ души по монастырямъ, въ Іерусалимъ и въ другія дальнія мѣста; иногда по ночамъ вскакивалъ съ постели, звалъ убитаго сына, бросался на полъ и долго лежалъ безъ движенія въ забытьи. Скоро въ немъ обнаружилась неизлѣчимая болѣзнь; онъ сталъ гнить изнутри, пухнуть снаружи. Въ мартѣ 1584 г. Іоаннъ Грозный скончался, процарствовавъ 50 слишкомъ лѣтъ.

Ермакъ,
покоритель Сибири.

Донскіе казаки. Подъ конецъ царствованія Іоанна Грознаго покорена была Сибирь. Ее покорили донскіе казаки подъ предводительствомъ атамана Ермака Тимоѳеевича. Когда татары начали слабѣть, а Москва крѣпнуть, въ южныхъ степяхъ стали селиться бѣглые русскіе люди. Любимыми притонами ихъ были рѣки Донъ и Днѣпръ. До поры до времени они жили независимо ни отъ кого,

управлялись сами собой, выбирали себѣ атамановъ и подъ ихъ предводительствомъ ходили на сосѣдей. Большею частію они нападали на татарскія и турецкія земли и опустошали ихъ; но нерѣдко отъ нихъ доставалось и русскимъ. Донскіе казаки нерѣдко перебирались на Волгу и здѣсь разбивали караваны судовъ съ товарами, грабили прибрежные села и города. Когда разбои ихъ становились слишкомъ велики, противъ нихъ высылали изъ Москвы отряды войскъ. Тогда казацкія шайки большею частію разбѣгались. При Іоаннѣ Грозномъ одна такая шайка казаковъ, которою командовалъ атаманъ Ермакъ, бѣжала отъ царскихъ войскъ на р. Каму, въ Пермскій край.

Строгановы. Здѣсь жили въ то время богатые люди Строгановы. Они занимались разными промыслами: варили соль, рубили лѣса, пахали землю. Владѣнія ихъ тянулись верстъ на полтараста и болѣе. Въ тѣ времена пустыхъ земель было много и государи московскіе съ охотою раздавали ихъ всѣмъ, кто брался заселять ихъ и обработывать. Такіе люди получали даже разныя льготы, напримѣръ, освобождались на нѣсколько лѣтъ отъ податей и повинностей. Строгановымъ же, кромѣ того, дано было право судить своихъ поселенцевъ, строить у себя городки и содержать военные отряды для защиты своихъ поселеній отъ нападенія дикихъ народцевъ. До какой степени они были богаты, видно между прочимъ изъ того, что они своими средствами много помогли великому князю Василію Темному выкупиться изъ казанскаго плѣна. Къ нимъ-то и поступилъ теперь на службу Ермакъ съ своими казаками. Строгановы въ это время много терпѣли отъ набѣговъ сибиряковъ.

Сибирь. За Уральскими горами было татарское царство, столицею котораго былъ городъ Сибирь на р. Иртышѣ. Послѣ покоренія Казани и Астрахани сибирскій царь билъ челомъ Іоанну Грозному и обѣщался платить дань. Но это было только на словахъ. Пользуясь отдаленностію края и вслѣдствіе этого безнаказанностію, сибирскіе цари не только часто не платили дани, но иногда убивали московскихъ пословъ, переходили по сю сторону Урала и грабили русскихъ. Строгановы для отраженія сибиряковъ испросили у Іоанна позволеніе посылать свои отряды за Уралъ и строить тамъ крѣпости. Теперь они и предложили Ермаку отправиться туда съ своими казаками.

Личность Ермака. Ермакъ былъ роду простаго. Какъ человѣкъ бѣдный, ничего неимѣющій, онъ нанялся сначала въ бурлаки и

тянулъ барки по Волгѣ и Камѣ. Звали его собственно Василіемъ, но товарищи прозвали его Ермакомъ, потому что онъ у нихъ былъ кашеваромъ. Какъ артельный таганъ, въ которомъ варили кашу, назывался у нихъ ермакомъ, такъ прозвали они и самаго кашевара. Бурлацкая жизнь однакожъ надоѣла Ермаку и онъ ушелъ къ Донскимъ казакамъ. Здѣсь его выбрали старшиной одной станицы. Ермакъ хотя былъ средняго роста, но отличался необыкновенною силою и имѣлъ сановитую наружность; борода у него была черная и окладистая, волосы кудрявые, глаза свѣтлые и быстрые. Кромѣ того, онъ былъ очень смышленъ, боекъ на словахъ и отличался удальствомъ. Скоро соскучилось ему и на Дону. Онъ набралъ шайку удалыхъ казаковъ, ушелъ съ ними на Волгу и сталъ грабить. Никому не давалъ спуску Ермакъ, ни царскимъ судамъ, ни купеческимъ товарамъ, ни иноземнымъ посламъ. Узнавъ про эти разбойническія дѣла, Іоаннъ Грозный приговорилъ его къ смертной казни, а для поимки выслалъ отрядъ войска. Но Ермакъ успѣлъ увернуться.

Покореніе Сибири 1582 г. Много слыхалъ Ермакъ разныхъ разсказовъ про Сибирь, про ея богатства, про ея обитателей. Давно хотѣлось ему пробраться въ эту страну и побиться съ татарами. Теперь, когда Строгановы предложили ему отправиться туда, онъ съ радостію согласился. „Будетъ мнѣ удача, говорилъ Ермакъ, я пожалуй и завоюю Сибирь. Тогда и у царя заслужу и у добрыхъ людей.“ Строгановы дали казакамъ оружіе, съѣстныхъ припасовъ и лодки. Ермакъ обѣщалъ все это воротить, если будетъ удача, и въ 1581 г. съ 850 казаками двинулся въ походъ. Много трудовъ стоило ему перебраться черезъ уральскія горы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода въ рѣкахъ, по которымъ плыли казаки, была мелка и не поднимала лодокъ; тогда Ермакъ приказывалъ растягивать поперекъ рѣки паруса; вода поднималась и лодки проходили; иногда же казакамъ приходилось перетаскивать на себѣ лодки. Наконецъ Ермакъ добрался до сибирской страны. Здѣсь при первой встрѣчѣ съ татарами, казаки выказали полное превосходство свое надъ ними. Сибиряки были вооружены стрѣлами и копьями и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ были совсѣмъ незнакомы; когда казаки выстрѣлили изъ ружей и пушекъ, они подумали, что это громъ небесный и со страху попадали на землю, а потомъ, опомнившись, бросились бѣжать. Но русскіе превосходили сибирскихъ татаръ не однимъ оружіемъ и храбростію, а и смѣтливостію. Разсказываютъ, что однажды Ермакъ

прибѣгъ къ такой хитрости. Плывя по р. Тоболу, онъ вдругъ видитъ протянутыя черезъ рѣку желѣзныя цѣпи. Три дня бьется онъ съ многочисленною толпою татаръ и никакъ не можетъ одолѣть ихъ. Тогда онъ приказываетъ одѣть въ лишнее казацкое платье чучелы изъ хвороста, а самъ съ казаками выходитъ на берегъ и бросается на татаръ; сибиряки сначала защищаются, но потомъ, замѣтивъ, что въ лодкахъ еще много казаковъ, обращаются въ бѣгство.

Въ Сибири въ это время царемъ былъ Кучумъ. Узнавъ о появленіи русскихъ, онъ испугался; уже давно предсказывали ему шаманы или колдуны, что погибнетъ царство сибирское отъ русскихъ. Однако Кучумъ не думалъ добровольно уступать его. Онъ выслалъ противъ казаковъ сильное войско подъ начальствомъ своего племянника, богатыря Маметкуля, а самъ укрѣпился на Чувашьей горѣ, недалеко отъ своей столицы. Ермакъ разбилъ Маметкуля и подступилъ къ укрѣпленію. Но тутъ на казаковъ напало сомнѣніе. Ихъ оставалось ужъ не болѣе 500 человѣкъ, а у Кучума были многія тысячи. Казаки собрались въ кругъ и большая часть ихъ стала говорить, что надо уходить домой. Тогда выступилъ Ермакъ и началъ убѣждать остаться. „Куда мы пойдемъ? говорилъ онъ. Пришли мы сюда водою, а теперь ужъ рѣки мерзнутъ. И какая пойдетъ про насъ слава. Скажутъ—ходили разбойничать. Нѣтъ, братцы, постоимъ до конца. Тогда память о насъ никогда не умретъ.“ Эта рѣчь ободрила всѣхъ. На утро 23 октября 1582 г. едва начало разсвѣтать, казаки были ужъ на готовѣ; они помолились Богу и пошли на смертный бой. Сибиряки осыпали ихъ стрѣлами, какъ градомъ. Чѣмъ ближе подходилъ Ермакъ къ укрѣпленію, тѣмъ больше падало у него людей. Видя, что казаковъ осталось мало, сибиряки вышли изъ укрѣпленія и бросились на враговъ, подъ начальствомъ Маметкуля. Но Ермакъ успѣлъ поставить своихъ храбрецовъ стѣною и началъ отстрѣливаться изъ ружей. Бились долго. Наконецъ казаки ранили Маметкуля. Это произвело смятеніе въ сибирякахъ. Они бросились назадъ, казаки за ними и вломились въ укрѣпленіе. Кучумъ все время битвы стоялъ на горѣ и молился съ своими муллами или священниками. Теперь, видя своихъ бѣгущими, онъ въ страхѣ также побѣжалъ и скрылся въ степяхъ. Три дня казаки отдыхали послѣ этой упорной битвы и хоронили своихъ мертвыхъ, которыхъ было больше ста человѣкъ. Потомъ Ермакъ безъ труда занялъ столицу Сибирь и утвердился въ ней. Казаки

нашли здѣсь много разныхъ богатствъ: золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ собольихъ, куньихъ, лисьихъ—и все это подѣлили между собою поровну. Черезъ нѣсколько времени къ Ермаку начали являться князьки разныхъ сибирскихъ народцевъ—остяковъ, вогуличей и другихъ, съ поклономъ и съ подарками. Они просили также у него защиты отъ Кучума. Ермакъ всѣхъ ласково принималъ, назначалъ небольшую дань и обѣщалъ защищать отъ Кучума. Вскорѣ онъ взялъ въ плѣнъ и самаго Маметкуля, на котораго Кучумъ возлагалъ всѣ свои надежды. Такъ покорена была Сибирь. Но у Ермака оставалось теперь ужъ не болѣе трехъ сотъ казаковъ.

Съ извѣстіемъ о покоренiи Сибири и съ просьбою о подмогѣ, Ермакъ отправилъ въ Москву атамана Кольцо. Кольцо, также какъ и Ермакъ, былъ приговоренъ царемъ къ смертной казни за разбои на Волгѣ. Но онъ теперь смѣло поѣхалъ въ Москву. Явившись къ Іоанну Грозному, онъ упалъ ему въ ноги и сказалъ: „Царь, не вели казнить, вели рѣчь держать.“ Узнавъ о покоренiи царства, Іоаннъ очень обрадовался, простилъ всѣхъ казаковъ, хвалилъ ихъ за храбрость, жаловалъ подарками. Ермаку же онъ послалъ дорогую шубу съ своихъ плечъ и милостивую грамату, въ которой называлъ его княземъ сибирскимъ. Вся Москва праздновала покореніе новаго царства. Объ Ермакѣ и его сподвижникахъ въ народѣ пошли разные разсказы, стали слагаться пѣсни и нѣкоторыя изъ нихъ дошли до насъ.

Гибель Ермака. На помощь Ермаку Іоаннъ Грозный отправилъ двухъ воеводъ съ ратниками. Но, вскорѣ по прибытiи ихъ въ Сибирь, Ермакъ погибъ. Царь Кучумъ, видя, что съ Ермакомъ не справиться въ открытой битвѣ, сталъ пускаться на разныя хитрости, чтобы погубить его. Онъ обманомъ заманивалъ къ себѣ казаковъ и убивалъ ихъ, не пропускалъ купцовъ въ городъ Сибирь и тому подобное. Разъ Ермакъ пошелъ отыскивать Кучума, чтобы сгубить его совсѣмъ. Онъ поплылъ вверхъ по рѣкѣ Иртышу. Но поднялась сильная буря и казаки очень устали отъ трудной гребли. На ночь они пристали къ одному островку и легли всѣ спать. Считая себя здѣсь совершенно безопасными, они не поставили даже сторожей. Между тѣмъ Кучумъ издали слѣдилъ за ними. Убѣдившись, что казаки всѣ спятъ, какъ убитые, онъ перебрался съ татарами на островокъ, напалъ на спящихъ и началъ рубить. Ермакъ, проснувшись, схватился за мечъ, сталъ звать товарищей, но они уже большею частію лежали мерт-

вые. Тогда онъ бросился вплавь черезъ рѣку, но тяжелая броня потянула его ко дну и онъ утонулъ въ 1584 г. Сильно горевали казаки, узнавъ о смерти своего атамана-князя. Не надѣясь удержаться безъ него въ городѣ Сибири, они оставили его и сюда вернулся опять Кучумъ. Но дѣло, сдѣланное Ермакомъ Тимоѳеевичемъ, не пропало даромъ. Русскіе послѣ того являются въ Сибирь, какъ въ страну покоренную, основываютъ города, прокладываютъ дороги и подвигаются все далѣе и далѣе на востокъ. Такъ Сибирь скоро сдѣлалась русскою землею. Въ сибирскомъ городѣ Тобольскѣ до сихъ поръ поминаютъ въ церквахъ Ермака и казаковъ, погибшихъ съ нимъ при завоеваніи Сибири. Здѣсь же поставленъ ему въ 1839 г. большой памятникъ съ надписью: „Покорителю Сибири—Ермаку.“

VIII. Смутное время на Руси.

Правленіе Бориса Годунова. Іоаннъ Грозный оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Ѳеодора и Димитрія. Царемъ объявленъ былъ старшій, Ѳеодоръ. Но онъ царствовалъ только по имени. Будучи тихаго и кроткаго нрава, онъ склоненъ былъ болѣе къ монашеской жизни, нежели къ дѣламъ государственнымъ. Большую часть времени онъ проводилъ въ постѣ и молитвѣ и каждую недѣлю отправлялся на богомолье въ одинъ изъ ближнихъ монастырей. Управленіе же государствомъ забралъ въ свои руки бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, на сестрѣ котораго, Иринѣ, Ѳеодоръ былъ женатъ. Годуновъ былъ человѣкъ очень умный, хитрый и тонкій. Онъ происходилъ отъ одного татарскаго мурзы, который давно уже выѣхалъ изъ орды на службу въ Россію. Но возвышаться Годуновъ началъ только съ того времени, какъ женился на дочери Малюты Скуратова, любимца Іоанна Грознаго. Бракъ Ѳеодора на Иринѣ еще болѣе приблизилъ Бориса къ престолу. Въ страшную пору пытокъ и казней онъ умѣлъ какъ-то не принимать участія въ злодѣйствахъ опричниковъ и, въ то же время сохранять расположеніе къ себѣ царя. Іоаннъ Грозный передъ смертію назначилъ его, на ряду съ немногими боярами, опекуномъ надъ своими дѣтьми. Ѳеодоръ же Іоанновичъ, сдѣлавшись царемъ,

скоро совершенно подчинился умному своему шурину. Все дѣлалось именемъ царя, но волею Годунова.

Однако, захвативши въ свои руки власть, Борисъ Годуновъ не былъ спокоенъ духомъ. Бояре его ненавидѣли. Ѳеодоръ же былъ слабъ здоровьемъ и дѣтей у него не было. Правитель долженъ былъ частенько подумывать о томъ, что будетъ съ нимъ, когда не будетъ царя. Конечно престолъ тогда долженъ былъ перейти къ царевичу Димитрію, котораго народъ уже и считалъ наслѣдникомъ Ѳеодора. Но для Годунова это равнялось почти смерти.

Смерть царевича Димитрія. Съ самаго начала своего правленія Борисъ удалилъ царевича съ матерью и родственниками ея Нагими въ г. Угличь, и не давалъ имъ никакого ходу. Разумѣется всѣ они ненавидѣли его и если бы царевичу пришлось занять престолъ, то постарались бы погубить его такъ или иначе. Чтобы избѣжать этой участи, Борисъ задумалъ самъ сдѣлаться царемъ по смерти Ѳеодора. Но этого нельзя было иначе достигнуть, какъ порѣшивши прежде съ царевичемъ. Борисъ сначала задумалъ отравить его. Разсказываютъ, что мамка Димитрія, боярыня Василиса Волохова и сынъ ея Осипъ взялись за это черное дѣло. Но неизвѣстно отчего отрава не дѣйствовала. Тогда Годуновъ подъискалъ людей, которые обѣщали такъ или иначе извести царевича. Это были: Битяговскій, Качаловъ и тотъ же Осипъ Волоховъ. Борисъ щедро наградилъ ихъ и назначилъ на разныя должности при дворѣ царевича. Однако злодѣямъ не легко было совершить свой злодѣйскій поступокъ. Мать царевича, подозрѣвая злой умыселъ, не пускала сына съ глазъ своихъ, сама кормила и поила его. Но вотъ однажды передъ обѣдомъ мамка повела царевича на дворъ погулять; царица почему-то на этотъ разъ замѣшкалась въ хоромахъ. Едва только царевичъ вышелъ на крыльцо, къ нему подошли Волоховъ, Битяговскій и Качаловъ. Волоховъ, взявши царевича за руку спросилъ: „у тебя государь, новое ожерельеце?“ Ребенокъ поднялъ голову и отвѣтилъ: „нѣтъ старое.“—Въ эту минуту сверкнулъ ножъ. Волоховъ ударилъ имъ царевича въ горло и убѣжалъ. Но убійца только нанесъ рану; однако царевичъ упалъ на землю; кормилица бросилась на него желая защитить, и начала кричать. Битяговскій же и Качаловъ вырвали у ней ребенка и докончили дѣло. Тутъ выбѣжала царица и тоже стала кричать. На дворѣ не было никого. Но пономарь видѣлъ все это съ колокольни и ударилъ въ набатъ. Тотчасъ же сбѣ-

жался народъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, отыскалъ злодѣевъ и умертвилъ ихъ. Это случилось въ маѣ 1591 г., когда царевичу было около девяти лѣтъ. Немедленно съ вѣстію объ этомъ послали гонца къ царю. Но Борисъ Годуновъ разставилъ по дорогѣ своихъ людей, которые схватили гонца и привели къ нему. Грамоту гонца онъ скрылъ, а царю подалъ другую, въ которой написано было, что царевичъ, играя съ дѣтьми, самъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололся на ножъ. Нагіе же, думая избавиться отъ отвѣта за недосмотръ, напустили народъ на невинныхъ людей. Ѳеодоръ Іоанновичъ горько заплакалъ, узнавъ о случившемся; но всему повѣрилъ. Однако для изслѣдованія такого важнаго дѣла, въ Угличь посланъ былъ бояринъ Василій Ивановичъ Шуйскій съ другими знатными людьми. Но слѣдователи донесли царю такъ, какъ желалъ Борисъ Годуновъ. Тогда Нагихъ за небреженіе о воспитаніи царевича разослали по дальнимъ городамъ и тюрьмамъ, мать Димитрія постригли, а главныхъ виновниковъ изъ народа — однихъ казнили, другимъ отрѣзали языки или засадили въ тюрьмы; прочихъ же угличанъ — всѣхъ почти сослали въ Сибирь; даже колоколъ, въ который звонилъ пономарь, отправили туда же. Съ тѣхъ поръ обширный городъ Угличъ, въ которомъ было до 30 тысячъ жителей и до 150 однихъ церквей, опустѣлъ навсегда. Но молва народная обвиняла Годунова въ смерти царевича.

Учрежденіе патріаршества 1589 г. Между тѣмъ Борисъ Годуновъ устроилъ уже и другія весьма важныя дѣла, которыя обезпечивали ему избраніе въ цари. Ненавидимый боярами, онъ думалъ опереться, при достиженіи престола, на духовенство. Чтобы имѣть поддержку въ немъ, онъ поставилъ въ митрополиты Іова, человѣка совершенно преданнаго себѣ. Тогда митрополитъ считался первымъ лицомъ по государѣ. Въ случаѣ упраздненія престола, ему принадлежалъ первый голосъ при рѣшеніи дѣлъ. Слѣдовательно отъ него много долженъ былъ зависѣть и выборъ царя. Поставивъ въ митрополиты друга своего Іова, Борисъ обезпечилъ себя съ этой стороны. Но этого мало. Чтобы дать еще большій, такъ сказать, вѣсъ голосу Іова при выборѣ царя, онъ рѣшился возвести его въ патріархи. Случилось такъ, что въ это время въ Москвѣ былъ Константинопольскій патріархъ, отъ котораго это дѣло главнымъ образомъ зависѣло. Онъ согласился на возведеніе русскаго митрополита въ патріархи. Ѳеодора Іоанновича Годунову разумѣется легко было склонить на это. Такъ митро-

политъ Іовъ въ 1589 г. нареченъ былъ патріархомъ всероссійскимъ. Съ тѣхъ поръ на Руси высшимъ духовнымъ лицомъ сталъ патріархъ и это продолжалось болѣе ста лѣтъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ 1590 г. Для успѣха въ задуманномъ дѣлѣ, Борисъ Годуновъ старался также расположить къ себѣ мелкихъ дворянъ или помѣщиковъ, которые составляли тогда главную ратную силу. А это повело къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и къ крестьянской неволѣ. Крестьяне до этого времени были люди совершенно вольные. Были на Руси и невольники или рабы, но ихъ вообще было мало и они назывались холопами. Крестьяне же составляли особый классъ людей свободныхъ. Если большая часть изъ нихъ и жили на помѣщичьихъ земляхъ, то отъ помѣщиковъ не зависѣли. Они судились своимъ судомъ посредствомъ своихъ выборныхъ судей; имѣли своихъ выборныхъ старостъ и головъ, которые распредѣляли между ними подати и налоги и завѣдывали другими крестьянскими дѣлами. Правда крестьяне обработывали помѣщичью землю, но дѣлали это по уговору и за работу получали плату хлѣбомъ и другими произведеніями земли. Притомъ если крестьянину не нравилось жить на землѣ какого-либо помѣщика, то онъ могъ перейти къ другому. Для этого назначенъ былъ и срокъ въ году, именно около Юрьева осенняго дня. Но крестьяне, пользуясь правомъ перехода, конечно старались селиться на мѣстахъ болѣе выгодныхъ для себя, то есть у богатыхъ и знатныхъ людей, которые бы могли имъ покровительствовать и защищать отъ обидъ и притѣсненій, или на земляхъ монастырскихъ, изъ которыхъ многія освобождены были отъ податей и повинностей. Поэтому земли мелкихъ помѣщиковъ нерѣдко оставались безъ крестьянъ и обработывать ихъ было некому. Чтобы избавить помѣщиковъ отъ такого непріятнаго положенія Борисъ Годуновъ около 1590 года и запретилъ крестьянамъ переходить съ одной земли на другую. Съ этихъ поръ крестьяне должны были ужъ навсегда остаться на тѣхъ земляхъ, на которыхъ засталъ ихъ царскій указъ. Пользуясь этимъ, помѣщики мало по малу начали подчинять себѣ крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ, и наконецъ сдѣлали ихъ полными своими рабами. Лѣтъ черезъ сто слишкомъ, когда произведена была (1719 г.) первая народная перепись и когда установлена была подушная подать, никакой почти разницы между холопомъ и крестьяниномъ ужъ не было. Помѣщикъ, платя исправно за крестьянъ подушныя подати, могъ дѣлать съ ними,

что хотѣлъ: наказывалъ, закладывалъ, продавалъ, ссылалъ на поселеніе, отдавалъ въ солдаты. Вотъ къ чему привело запрещеніе переходить съ одной земли на другую. Поэтому-то память о немъ и до сихъ поръ живетъ въ народной поговоркѣ: „вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.“

Избраніе Бориса Годунова на царство 1598 г. Между тѣмъ въ началѣ 1598 г. скончался Ѳеодоръ Іоанновичъ, послѣдній царь, происходившій отъ Рюрика. Тотчасъ послѣ смерти его Москва присягнула было супругѣ его Иринѣ. Но она удалилась въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась. Вслѣдъ за нею переѣхалъ туда и Годуновъ. Въ Кремлѣ патріархъ и бояре стали совѣщаться кому вручить правленіе. По рѣшенію ихъ, государственный дьякъ и печатникъ вышелъ къ народу, собравшемуся на площади кремлевской и потребовалъ присяги на имя боярской думы. Но толпа, настроенная клевретами Годунова, закричала: „да здравствуетъ отецъ нашъ Борисъ Ѳеодоровичъ!“ Послѣ этого всѣмъ соборомъ отправились въ Новодѣвичій монастырь и со слезами стали упрашивать Бориса принять корону. Но онъ желалъ быть избраннымъ всею землею, поэтому на этотъ разъ отказался. Между тѣмъ въ Москву съѣхались выборные изъ всѣхъ русскихъ городовъ, гдѣ также работали агенты Годунова. Составился великій земскій соборъ. На немъ патріархъ Іовъ первый подалъ голосъ за Бориса. Послѣ того, разумѣется, уже никто не осмѣлился высказаться противъ Бориса. Такъ Годуновъ избранъ былъ на царство. Черезъ нѣсколько дней, отслуживши молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, всѣ опять отправились въ Новодѣвичій монастырь упрашивать Годунова. Но онъ и теперь отказался отъ избранія, желая показать, что никогда не домогался царскаго престола. Тогда патріархъ, въ сопровожденіи высшаго духовенства, бояръ и огромной толпы народа, отправился въ третій разъ со крестами и иконами. Отслуживъ обѣдню въ монастырской церкви, онъ пошелъ въ келью царицы-инокини умолять ее, чтобы благословила брата на царство. Между тѣмъ толпа народа, пригнаннаго клевретами Годунова большею частію насильно, подъ угрозою штрафа, пала на землю и начала плакать и вопить; кто не дѣлалъ этого, того заставляли силою. Долго умоляли царицу, стоя на колѣняхъ. Наконецъ она тронулась и со слезами на глазахъ согласилась. Борисъ Годуновъ также плакалъ, повторяя, что у него никогда не было и на умѣ быть царемъ. Наконецъ и онъ согласился. Тогда патріархъ, за нимъ духовенство, бояре и

всѣ пали на колѣни и вознесли благодареніе Богу. Во время коронованія Борисъ умилился душою и отъ избытка чувства, обратившись къ патріарху, сказалъ: „Богъ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ нищаго или сираго! И эту послѣднюю раздѣлю съ народомъ," присовокупилъ онъ, потрясая воротомъ рубахи.

Слухи о самозванцѣ. Достигши завѣтной цѣли, Годуновъ дѣйствительно въ первые годы царствованія былъ образцомъ монарха. Но года черезъ два начали ходить слухи, что Димитрій царевичъ не убитъ, а, спасенный своими друзьями, гдѣ-то живетъ. Эта роковая вѣсть совершенно измѣнила Годунова. Онъ дѣлается чрезвычайно подозрительнымъ, мстительнымъ, жестокимъ. Подозрѣвая, что это дѣло бояръ, онъ принимается за нихъ: подвергаетъ ихъ пыткамъ, ссылаетъ, заключаетъ въ тюрьмы. Особенно пострадали приэтомъ Романовы, родственники первой супруги Іоанна Грознаго, Анастасіи Романовны, которыхъ Борисъ Годуновъ считалъ самыми опасными своими соперниками. По ложному доносу холопа, ихъ обвинили въ намѣреніи извести царя волшебствомъ и завладѣть престоломъ. За это послѣ жестокихъ пытокъ ихъ всѣхъ разослали по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ; старшаго же брата, Ѳеодора Никитича, отличавшагося умомъ и начитанностію, Борисъ приказалъ постричь подъ именемъ Филарета и заточить въ монастырь. Борисъ Годуновъ, подвергая пыткамъ бояръ, думалъ напасть на слѣдъ своего страшнаго, невѣдомаго соперника. Но слѣдъ не былъ отысканъ. Поэтому Борисъ сдѣлался еще подозрительнѣе. По улицамъ ходили шпіоны и подслушивали, что говорится въ народѣ; людей неосторожныхъ тотчасъ же хватали и подвергали пыткамъ. „И стала великая смута, говоритъ лѣтописецъ; жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей. Никто другъ другу не вѣрилъ."

Смута еще болѣе увеличилась вслѣдствіе страшнаго голода и мора, постигшаго Россію въ то время. Въ одной Москвѣ погибло тогда до 150 тысячъ человѣкъ. Борисъ щедро раздавалъ милостыню, хоронилъ погибавшихъ на свой счетъ, затѣвалъ разныя постройки, чтобы дать работу бѣднымъ; такъ въ это время построена была колокольня Ивана Великаго. Но помощь царя была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ бѣдствіемъ. Народъ роптalъ и считалъ Бориса виновникомъ небывалаго несчастія. Имя его сдѣлалось теперь ненавистнымъ для всѣхъ; даже близкіе и родные отвернулись отъ него.

Самозванцы.

Лжедимитрій I 1605—1606. Осенью 1604 г. въ Сѣверской Украйнѣ явился человѣкъ, который называлъ себя царевичемъ Димитріемъ, спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. У него былъ отрядъ войска, состоявшій изъ поляковъ, казаковъ и всякихъ бѣглыхъ и отчаянныхъ людей. Кто же такой былъ этотъ самозванецъ? До сихъ поръ достовѣрно еще неизвѣстно, кто онъ былъ. Но вотъ что обыкновенно разсказываютъ о немъ. Говорятъ, что онъ былъ родомъ изъ галицкихъ мелкихъ дворянъ. Звали его Григоріемъ Отрепьевымъ. Еще въ дѣтствѣ онъ лишился отца и велъ скитальческую жизнь; былъ въ услуженіи у разныхъ бояръ въ Москвѣ и сдѣлался извѣстенъ Годунову, какъ человѣкъ подозрительный. Спасаясь отъ гнѣва царскаго, онъ постригся въ монахи, скитался по монастырямъ и наконецъ попалъ опять въ Москву, въ Чудовъ монастырь. Здѣсь обратилъ на него вниманіе патріархъ Іовъ и, какъ грамотнаго человѣка, взялъ къ себѣ для письменныхъ дѣлъ. Но тутъ Отрепьевъ началъ проговариваться о своемъ царскомъ происхожденіи. Вѣсть объ этомъ дошла и до царя. Уже отданъ былъ приказъ заточить его. Однако Отрепьеву удалось бѣжать въ Литву. Тамъ онъ сбросилъ съ себя монашеское платье и поступилъ въ шайку, гдѣ учился по-латыни и по-польски; послѣ того онъ пропалъ безъ вѣсти. Полагаютъ, что въ это время онъ былъ у запорожскихъ казаковъ, гдѣ научился ловко ѣздить на конѣ и владѣть оружіемъ. Снова Отрепьевъ является уже въ Литвѣ, въ услуженіи у князя Адама Вишневецкаго. Поживъ здѣсь не много, онъ притворился больнымъ и на исповѣди открылъ свое царское происхожденіе. Вишневецкій повѣрилъ и молва о спасшемся царевичѣ быстро распространилась между польскими панами. Одинъ изъ нихъ, Юрій Мнишекъ, дочь котораго Марина понравилась Лжедимитрію, принялъ въ немъ особенное участіе. Но Мнишекъ обѣщался выдать дочь свою за самозванца только тогда, когда онъ сдѣлается царемъ. Большое участіе въ мнимомъ царевичѣ приняли также польскіе іезуиты. Іезуиты въ католической церкви составляютъ общество, цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы поддерживать власть папы и распространять латинскую вѣру всюду и всѣми мѣрами, хорошими и дурными. Когда самозванецъ тайно обратился въ католичество и обѣщалъ русскую церковь подчи-

нить папѣ, іезуиты обрадовались и стали усердно помогать ему. При помощи ихъ, онъ получилъ доступъ къ королю польскому, Сигизмунду III, и былъ признанъ имъ за царевича. Король позволилъ ему набрать войско изъ польской шляхты и назначилъ ему около 6 т. рублей годоваго содержанія. Скоро подъ знаменами самозванца собралось около 1500 поляковъ, казаковъ и всякаго сброду. И чѣмъ ближе подходилъ онъ къ русской границѣ, тѣмъ войско его становилось болѣе. Когда Лжедимитрій перешелъ во владѣнія Россіи, то пограничные города стали сдаваться ему одинъ за другимъ, признавая его истиннымъ царевичемъ. Но, при встрѣчѣ съ войсками Годунова, онъ потерпѣлъ такое пораженіе, что хотѣлъ было даже бѣжать въ Польшу; однако его не пустили. Счастіе и тутъ помогло самозванцу. Борисъ Годуновъ угощалъ однажды иноземныхъ пословъ, но, по окончаніи угощенія, едва вышелъ изъ-за стола, какъ вдругъ почувствовалъ себя дурно; кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта и онъ тутъ же скончался. Народъ видѣлъ въ этомъ кару Божію и цѣлыми толпами сталъ теперь переходить на сторону самозванца. Хотя Москва и присягнула сыну Бориса, Ѳеодору, но скоро Лжедимитрію передался главный воевода Басмановъ, на котораго Годуновы возлагали всѣ свои надежды. Участь ихъ была теперь рѣшена. Самозванецъ безпрепятственно шелъ къ Москвѣ, посылалъ туда одну грамату за другою. Когда одна изъ такихъ граматъ была прочтена передъ народомъ съ Лобнаго мѣста, взволнованная чернь бросилась во дворецъ и Ѳеодоръ былъ свергнутъ съ престола. Вслѣдъ затѣмъ Москва отправила къ самозванцу пословъ съ повинною, а Ѳеодоръ съ матерью были задушены. Приэтомъ патріархъ Іовъ также былъ лишенъ сана и отправленъ въ заточеніе.

Лѣтомъ 1605 года Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москву. Народъ съ восторгомъ встрѣчалъ новаго царя, падая передъ нимъ на колѣни, называлъ его солнышкомъ-праведнымъ. День былъ ясный и тихій. Но вдругъ поднялся сильный вихрь; пыль полетѣла столбомъ. Народъ ужаснулся и началъ креститься.

Вступивъ на московскій тронъ, самозванецъ дѣятельно принялся за управленіе государствомъ. Каждый день онъ присутствовалъ въ боярской думѣ и быстро рѣшалъ дѣла. Но бояре уже распускали по городу слухи, что новый царь—самозванецъ. Хитрый и честолюбивый князь Василій Шуйскій, тотъ самый, который производилъ слѣдствіе въ Угличѣ уже на третій день послѣ въѣзда Лжедимитрія въ Москву, былъ уличенъ въ этомъ.

Его предали суду собора и приговорили къ смерти. Но самозванецъ простилъ и отправилъ его только въ ссылку, да и оттуда скоро вернулъ. Это великодушіе, однакожъ, мало принесло пользы Лжедимитрію. Мало помогло ему также и то, что онъ вызвалъ изъ монастыря мнимую мать свою, которая была еще жива. Самозванецъ торжественно встрѣтилъ ее передъ Москвою и показалъ приэтомъ сыновнюю нѣжность. Народъ, смотря на трогательное свиданіе царя съ матерью, повидимому, сильнѣе убѣждался въ томъ, что онъ истинный царь. Но по городу продолжали ходить слухи объ его самозванствѣ. Виноватъ тутъ, впрочемъ, всего болѣе былъ самъ Лжедимитрій. Онъ пренебрегалъ старинными русскими обычаями и церковными постановленіями, напримѣръ: не соблюдалъ постовъ, не молился передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, ѣлъ телятину, что считалось тогда предосудительнымъ, послѣ обѣда не умывалъ рукъ, не спалъ. Народъ никакъ не могъ повѣрить, чтобы такъ поступалъ истинный православный царь. Но особенно сильное неудовольствіе въ народѣ произвела женидьба самозванца. Онъ вызвалъ изъ Польши Марину Мнишекъ и, не обративъ ее въ православіе, женился на ней и, притомъ, вопреки церковныхъ правилъ, подъ праздникъ. Неудовольствіе и ропотъ народа усиливали еще поляки, прибывшіе въ свитѣ Марины. Они гордо обходились съ москвичами, позволяли себѣ разныя безчинства и насилія, напримѣръ, ходили по церквамъ съ собаками.

Убіеніе Лжедимитрія I. Всѣмъ этимъ ловко воспользовался Василій Шуйскій и подготовилъ возстаніе противъ Лжедимитрія. 17 мая, рано утромъ, по Москвѣ раздался звонъ колоколовъ и толпа народа съ крикомъ: „Поляки рѣжутъ царя!“—устремилась въ Кремль. Во главѣ этой толпы ѣхалъ на конѣ князь Шуйскій, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ. Когда народъ сталъ ломиться во дворецъ, вышелъ Басмановъ, любимецъ самозванца, и сталъ уговаривать разойтись, но его положили на мѣстѣ. Лжедимитрій, спасаясь отъ ярости озлобленнаго народа, выпрыгнулъ изъ окна на задній дворъ, но вывихнулъ ногу и не могъ бѣжать. Тутъ нашли его караульные стрѣльцы и хотѣли было защищать. Имъ погрозили напасть на стрѣлецкую слободу и истребить ихъ женъ и дѣтей. Тогда стрѣльцы оставили самозванца. У него начали спрашивать: „кто онъ таковъ?“ и „откуда?“ — „Спросите мать мою,“ говорилъ Лжедимитрій. Онъ просилъ также, чтобы его вывели на Лобное мѣсто для объясненія съ народомъ. Но тутъ одинъ бояринъ закричалъ, что царицу уже спрашивали

и что она отрекается отъ него. Послѣ того, со всѣхъ сторонъ закричали: „бей его! руби!“—и застрѣлили. Вслѣдъ затѣмъ народъ разсыпался по Москвѣ грабить и бить поляковъ, и ихъ погибло нѣсколько сотъ. Марина Мнишекъ спаслась случайно: ее не узнали. Надъ трупомъ самозванца неистовая чернь издѣвалась нѣсколько дней. Потомъ его похоронили за городомъ. Но въ это время, не смотря на то, что былъ май мѣсяцъ, случились морозы. Суевѣрному народу показалось, что причиною этого самозванецъ, котораго теперь ужъ считали чернокнижникомъ и волшебникомъ. Трупъ его вырыли и сожгли на кострѣ, потомъ собрали пепелъ, зарядили имъ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда самозванецъ пришелъ.

Василій Шуйскій 1606—1610 г. Черезъ нѣсколько дней, послѣ убіенія самозванца, царемъ избранъ былъ князь Василій Шуйскій. Но избраніе его совершилось безъ земскаго собора. Онъ былъ возведенъ на престолъ только своими приверженцами. Народъ не любилъ его. Поэтому едва только онъ сдѣлался царемъ, какъ стали ходить слухи, что Лжедимитрій спасся, что вмѣсто него убитъ кто-то другой, а онъ бѣжалъ въ Литву. Чтобы убѣдить народъ въ томъ, что если Лжедимитрій и спасся, то все-таки, какъ самозванецъ, не имѣетъ права на престолъ, Шуйскій приказалъ торжественно перенести въ Москву изъ Углича мощи Св. Димитрія царевича; приэтомъ объявилъ, что онъ какъ мученикъ палъ подъ ножами убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Но народъ потерялъ всякое довѣріе къ Шуйскому. И въ самомъ дѣлѣ, при Годуновѣ онъ доносилъ, что царевичъ накололся самъ на ножъ; при Лжедимитріѣ увѣрялъ, что онъ спасся, а вмѣсто него убитъ и погребенъ поповъ сынъ; теперь же старался доказать, что царевичъ убитъ. Поэтому молва о спасшемся самозванцѣ продолжала распространяться.

Тушинскій воръ. Скоро нашелся и человѣкъ, который рѣшился принять на себя роль перваго самозванца. Онъ появился въ той же Сѣверской сторонѣ, откуда пришелъ и первый Лжедимитрій. Кто онъ такой былъ—неизвѣстно. Одни говорятъ, что онъ былъ поповъ сынъ, потому что зналъ службу церковную, другіе—еврей, третьи—школьный учитель. Достовѣрно только, что онъ былъ человѣкъ хитрый, ловкій и чрезвычайно безнравственный. Замѣчательно, какъ онъ назвался царемъ. Въ одномъ городѣ его приняли за шпіона и посадили въ тюрьму. Чтобы освободиться оттуда, онъ придумалъ назваться Нагимъ, дядею царя Димитрія.

Послѣ того его дѣйствительно выпустили. Но теперь къ царскому дядѣ начали приставать разные искатели приключеній, между прочимъ одинъ подъячій, Рукинъ. Въ Стародубѣ ихъ начали допрашивать: „гдѣ царь Димитрій и скоро-ли онъ явится?“ Приэтомъ подъячаго стали сѣчь кнутомъ. Не стерпя муки, Рукинъ указалъ, на названнаго Нагаго. Тотъ, опасаясь тоже подвергнуться пыткѣ, принялъ повелительный видъ и назвался Димитріемъ. Стародубцы, пораженные грозною его осанкою, невольно упали къ нему въ ноги.

Подъ знамена новаго самозванца начали стекаться опять поляки, казаки и всякіе бродяги. Съ ними онъ быстро подвигался къ Москвѣ, распуская всюду молву, что онъ царь Димитрій, спасшійся отъ рукъ мятежниковъ во время возстанія въ Москвѣ. На дорогѣ къ нему присоединился цѣлый отрядъ поляковъ. Поляки не вѣрили, что царикъ есть настоящій Димитрій. Но онъ нуженъ былъ имъ для того, чтобы побольше надѣлать зла Россіи. Лѣтомъ 1608 г. войско Лжедимитрія II подступило къ Москвѣ и расположилось лагеремъ въ 12 верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ, отчего этотъ самозванецъ и извѣстенъ болѣе подъ именемъ Тушинскаго вора. Въ Тушино цѣлыми толпами начали переходить изъ Москвы недовольные Шуйскимъ. Нѣкоторые опять возвращались въ Москву и снова уходили въ Тушино. Ихъ поэтому называли перелетами. Случалось такъ, что родные и знакомые обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись во дворецъ, а другіе въ Тушино. Скоро село Тушино превратилось въ цѣлый городъ. Сюда пріѣхали польскіе купцы и навезли товаровъ. Изъ русскихъ городовъ, присоединившихся къ Тушинскому вору, также потянулись въ Тушино обозы. Весьма много пользы принесло Тушинскому вору и то, что къ нему прибыла Марина Мнишекъ. Возвращаясь съ отцомъ своимъ изъ Россіи въ Польшу, она на дорогѣ была перехвачена самозванцемъ и согласилась признать его своимъ мужемъ. Послѣ того на имя Лжедимитрія II начали сдаваться одинъ за другимъ города, и войска его стали еще болѣе увеличиваться. Отряды его разсѣялись по окрестностямъ Москвы и все грабили и предавали огню и мечу. Только одна Троицкая Лавра мужественно выдерживала осаду 30-ти тысячнаго польскаго отряда.

Положеніе Шуйскаго въ Москвѣ въ это время день ото дня становилось все хуже и хуже. Противъ него составлялись заговоры, происходили даже открытыя возстанія. Однажды толпа

недовольныхъ москвитянъ собралась въ Кремль и, вызвавъ патріарха изъ Успенскаго собора на лобное мѣсто, начала кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, одною Москвою, безъ согласія другихъ городовъ, что за него не стоитъ проливать кровь. Патріархомъ въ это время былъ знаменитый впослѣдствіи Гермогенъ. Онъ сталъ увѣщевать бунтовщиковъ. Тогда они бросились было во дворецъ. Но и здѣсь не нашли ни въ комъ поддержки и бѣжали въ Тушино. Это, однакожъ, не успокоило волнующіеся умы.

Скопинъ-Шуйскій. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, Шуйскій рѣшился, наконецъ, прибѣгнуть къ иноземной помощи. Племянникъ царя, молодой князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, отправился въ Новгородъ и вступилъ въ переговоры съ шведами. Шведскій король (Карлъ IX), у котораго Сигизмундъ оспаривалъ престолъ, боялся, какъ-бы поляки не утвердились въ Россіи и потому переговоры шли недолго. Пятитысячный отрядъ шведовъ скоро присоединился къ русскому войску. Тогда Скопинъ началъ очищать одинъ городъ за другимъ отъ Тушинцевъ. Они сняли также осаду съ Троицкой Лавры, выдерживавшей ее почти полтора года, и пошли было на встрѣчу Скопину, но были разбиты. По мѣрѣ того, какъ Скопинъ подвигался къ Москвѣ, положеніе Тушинскаго вора становилось болѣе и болѣе опаснымъ. Но противъ него поднялась гроза еще съ другой стороны. Польскій король Сигизмундъ III, узнавъ о союзѣ Шуйскаго съ шведами, самъ выступилъ въ походъ противъ Россіи и осадилъ городъ Смоленскъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ поляковъ, служившихъ самозванцу, рѣшились оставить его и перейти къ королю. Въ тушинскомъ лагерѣ открылись волненія. Опасаясь быть выданнымъ Сигизмунду, самозванецъ, переодѣвшись крестьяниномъ, бѣжалъ въ Калугу. Вслѣдъ за нимъ прискакала туда и Марина Мнишекъ въ гусарскомъ платьѣ. Послѣ этого тушинскій лагерь опустѣлъ и его сожгли. Такимъ образомъ Москва безъ битвы освободилась отъ Тушинскаго вора. Скопинъ-Шуйскій теперь безпрепятственно вступилъ въ нее. Москвитяне встрѣтили его съ восторгомъ. Среди всеобщаго уныній и неудачъ народъ въ немъ одномъ видѣлъ своего избавителя и не скрывалъ надежды видѣть его на престолѣ по смерти стараго, бездѣтнаго дяди. Но именно поэтому-то Скопина возненавидѣлъ братъ царя, Дмитрій Шуйскій, который считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола. Вдругъ, на пиру у одного изъ бояръ, Скопинъ занемогъ

кровотеченіемъ изъ носу и чрезъ нѣсколько дней скончался. Съ грустью и со слезами проводилъ народъ юнаго любимца своего въ могилу и еще болѣе возненавидѣлъ Шуйскихъ, которыхъ молва народная обвиняла въ отравленіи его.

Сверженіе Шуйскаго. Послѣ смерти Скопина-Шуйскаго, въ Москвѣ опять открываются волненія и заговоры. Когда же московское войско, отправленное противъ поляковъ, было разбито, то народъ явно возсталъ и потребовалъ сверженія Шуйскаго. Нѣкоторые изъ бояръ отправились во дворецъ и объявили объ этомъ царю Василію. Онъ принужденъ былъ согласиться и переѣхалъ изъ дворца въ свой боярскій домъ. Черезъ два дня его насильно постригли въ монахи. Потомъ онъ былъ отправленъ плѣнникомъ въ Польшу, гдѣ и кончилъ скоро жизнь свою.

Семибоярщина. По сверженіи Шуйскаго, Москва, до избранія царя, присягнула на имя Верховной Думы, членами которой были семь знатнѣйшихъ бояръ. Но вопросъ о томъ, кого избрать въ цари, раздѣлилъ народъ на нѣсколько партій. Большая часть знатныхъ людей желали вручить корону сыну Сигизмунда, королевичу Владиславу. Простой народъ больше склонялся на сторону Тушинскаго вора. Патріархъ же Гермогенъ съ благомыслящими людьми предлагалъ избрать на царство кого либо изъ русскихъ бояръ. Сначала партія, желавшая королевича, едва было не достигла своей цѣли. Подъ Москвою стояло польское войско. Неподалеку отъ нея находился также опять и Тушинскій воръ. Опасаясь, чтобы приверженцы Лжедимитрія II не впустили его тайно въ Москву, бояре поспѣшили вступить въ переговоры съ поляками. Они соглашались признать Владислава царемъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ еще до прибытія въ Москву принялъ православную вѣру. Уже Москва присягнула Владиславу и къ отцу его Сигизмунду, стоявшему подъ Смоленскомъ, отправлено было посольство для окончательныхъ переговоровъ. Изъ страха передъ простымъ народомъ, который и теперь еще не переставалъ обнаруживать свое расположеніе къ Тушинскому вору, бояре даже ввели польское войско въ Москву. Къ удивленію всѣхъ, Сигизмундъ принялъ пословъ очень холодно, тянулъ переговоры и требовалъ сдачи Смоленска прежде нежели отпустить сына. Между тѣмъ обнаружилось, что онъ самъ желаетъ быть московскимъ царемъ. Тогда для всѣхъ стало ясно, какая опасность угрожаетъ Россіи и православной вѣрѣ. Сигизмундъ всею душею былъ преданъ латинской вѣрѣ. Онъ съ яростію преслѣдовалъ своихъ поддан-

ныхъ, православныхъ русскихъ. Одно имя его было ненавистно русскому народу.

Патріархъ Гермогенъ. Теперь начинаетъ дѣйствовать патріархъ Гермогенъ. Онъ былъ возведенъ въ этотъ санъ Василіемъ Шуйскимъ, потому что сильнѣе другихъ обличалъ неправославные поступки самозванца. И дѣйствительно это былъ человѣкъ съ сильною волею, готовый пострадать за вѣру и правду. Онъ разрѣшилъ народъ отъ присяги, данной Владиславу, и сталъ разсылать по городамъ граматы, призывая всѣхъ на защиту вѣры и отечества. Внимая голосу Гермогена, народъ вооружался и шелъ къ Москвѣ. Движеніе народа противъ поляковъ сдѣлалось тѣмъ сильнѣе, что Тушинскаго вора не стало. Онъ былъ убитъ въ Калугѣ, на охотѣ. Многіе, согласившіеся признать царемъ Владислава только изъ страха покориться Тушинскому вору, теперь отстали отъ него.

Прокопій Ляпуновъ. Первый поднялся, для освобожденія Москвы отъ поляковъ, Прокопій Ляпуновъ, воевода рязанскій. Подъ его предводительствомъ составилось ополченіе 25-ти городовъ. Къ нему присоединились также отряды казаковъ, служившихъ Тушинскому вору, подъ предводительствомъ князя Трубецкаго, атамана Заруцкаго и др. По мѣрѣ того, какъ ополченіе приближалось къ Москвѣ, полякамъ становилось все хуже и хуже среди волнующагося населенія столицы. Положеніе ихъ было тѣмъ труднѣе, что они своимъ буйствомъ и насиліями усиливали вражду къ себѣ въ русскихъ. Такъ одинъ полякъ выстрѣлилъ въ икону Богородицы, другой въ крестъ на церковномъ куполѣ. Хотя виновныхъ и наказывали, но раздраженіе въ народѣ противъ поляковъ оставалось. Выведенные изъ терпѣнія, жители Москвы наконецъ возстали противъ нихъ и истребили бы ихъ всѣхъ, если бы они не подожгли города. Со всѣхъ сторонъ запылала Москва, такъ что, когда ополченіе подступило къ столицѣ, она представляла груды пепла и развалинъ. Остались цѣлы только Кремль и Китай-городъ, гдѣ и сидѣли поляки. Въ это время они заключили подъ стражу и патріарха Гермогена, какъ виновника возстанія. Теперь всѣ свои надежды Русь возлагала на городовое ополченіе и на храбраго вождя его, Прокопія Ляпунова. Но поляки вскорѣ погубили и этого послѣдняго защитника отечества. Онъ не ладилъ съ Трубецкимъ и Заруцкимъ, потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ быть первымъ. Сверхъ того Ляпуновъ вооружилъ противъ себя казаковъ, строго наказывая ихъ

за грабежи и разбои. Этимъ и воспользовались поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ. Они подослали въ казацкій станъ подложную грамату, написанную отъ имени Ляпунова, въ которой предписывалось бить и топить казаковъ и высказывалась угроза истребить ихъ всѣхъ по успокоеніи государства. Казаки взбунтовались и умертвили Ляпунова.

Бѣдственное положеніе Россіи. По смерти Ляпунова въ Россіи наступила окончательная неурядица. Ополченіе, лишившись предводителя, большею частію разошлось; казаки же Трубецкаго и Заруцкаго и недумали о защитѣ государства; они занимались только грабежемъ и разбоемъ. Между тѣмъ Смоленскъ, долго выдерживавшій осаду, наконецъ былъ взятъ Сигизмундомъ; Новгородъ былъ занятъ шведами и шведскій король Густавъ Адольфъ задумалъ возвести на московскій престолъ брата своего. Во Псковѣ появился новый самозванецъ, какой-то бѣглый дьяконъ Исидоръ, а нѣкоторыя области присягнули сыну Марины Мнишекъ, рожденному отъ втораго самозванца. Въ то же время внутри Россіи бродили безчисленныя шайки казаковъ и поляковъ, которые предавали все огню и мечу. Казалось все погибло. Одинъ современникъ очевидецъ такъ описываетъ бѣдствія народа въ это смутное время. „И превратились тогда жилища человѣческія въ звѣриныя; медвѣди, волки и лисицы бродили по городскимъ площадямъ, а хищныя птицы изъ дремучихъ лѣсовъ слетались надъ грудами человѣческихъ труповъ... Люди скрывались по лѣсамъ и въ водѣ между кустовъ. Ни днемъ, ни ночью не было имъ покоя и мѣста, гдѣ бы можно было укрыться. И вмѣсто луны ночью пожары освѣщали поля и лѣса и никому нельзя было двинуться съ мѣста: людей поджидали какъ звѣрей, выходящихъ изъ лѣсовъ. Злодѣи перестали гоняться за звѣрями, а завели гоньбу за своими братьями, за людьми, преслѣдуя ихъ съ собаками, какъ звѣрей. И настоящіе звѣри пожирали людей, спасающихся бѣгствомъ, и люди, звѣри по нраву, истребляли ихъ... И было тогда такое лютое время Божія гнѣва, что люди не чаяли впредь спасенія себѣ; чуть не вся русская земля опустѣла. И прозвали старики наши это лютое время *лихолѣтьемъ*.“

Троицкая лавра. Но, въ это время всеобщаго безначалія и истребленія, неусыпно дѣйствовала на спасеніе отечества и на защиту вѣры Троицкая Сергіева лавра. Обнесенная крѣпкими стѣнами и окруженная глубокимъ рвомъ, она недоступна была ни для поляковъ, ни для казаковъ, и одна, какъ неприступная

твердыня, стояла за дѣло освобожденія Руси отъ злыхъ враговъ. Архимандритомъ лавры былъ тогда Діонисій, мужъ высокаго благочестія и сострадательной души. Помощникомъ у него былъ келарь Авраамій Палицынъ, человѣкъ также благочестивый и горячо преданный отечеству. Они неутомимо разсылали по городамъ и селамъ граматы, призывая народъ на защиту святой вѣры православной и на очищеніе земли отъ поляковъ и казаковъ.

Мининъ и Пожарскій,

освободители Москвы отъ поляковъ.

Въ октябрѣ 1611 года одна изъ граматъ, разсылаемыхъ Троицкою лаврою, пришла въ Нижній Новгородъ. По этому случаю у воеводы собрались власти нижегородскія и въ числѣ ихъ былъ посадскій староста, Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ. Онъ торговалъ скотомъ, но немного былъ знакомъ и съ ратнымъ дѣломъ. Нижегородцы любили его за справедливость, умъ и доброту. Козьма сильно скорбѣлъ о бѣдствіяхъ отечества и старался внушить народу, что только единодушіемъ можно спасти вѣру и отечество. Думы объ этомъ постоянно занимали его. Разъ, во время такихъ думъ, Мининъ забылся сномъ. И видитъ онъ —

его молельная комната наполнилась свѣтомъ, явился благолѣпный старецъ, поднялъ надъ нимъ благословляющую руку и сказалъ: „Козьма! Иди спасать Москву! Буди уснувшихъ!“ Мининъ вскочилъ. Въ комнатѣ было темно. Слышался звонъ къ заутрени. Въ тотъ же день и иришли гонцы съ граматою изъ Троицкой лавры. Мининъ видѣлъ въ этомъ перстъ Божій. И теперь, когда грамата была прочитана у воеводы, онъ сталъ требовать, чтобы ее прочли въ соборѣ передъ народомъ. На другой день въ соборной церкви ударили въ большой колоколъ, какъ бы въ праздникъ, хотя были будни. Народъ повалилъ въ соборъ. Тамъ служили обѣдню, а по окончаніи ея соборный протопопъ вышелъ на амвонъ и сталъ читать троицкую грамату. Нижегородцы, слушая ее, умилились; послышались жалостные стоны и плачъ. По выходѣ изъ церкви народъ столпился на площади; поднялся общій говоръ. Но вотъ на паперти показался Мининъ. Это былъ пожилой, статный и здоровый мужчина, съ открытымъ и мужественнымъ видомъ. Всѣ бросились къ нему, желая слышать отъ него разумное слово. „Православные! заговорилъ онъ, коли захочемъ помочь московскому государству, не пожалѣемъ ничего; продадимъ свои дома, заложимъ женъ и дѣтей и наймемъ ратныхъ людей. Дѣло великое! Мы совершимъ его, если насъ Богъ благословитъ. Я знаю—только мы на это подвигнемся, къ намъ пристанутъ многіе города и мы вмѣстѣ съ ними дружно отобьемся отъ иноземцевъ.“ Рѣчь эта понравилась нижегородцамъ. Они съ радостію стали вооружаться и приносить пожертвованія на городскую площадь для найма ратныхъ людей. Мининъ первый подалъ примѣръ. Одна вдова изъ 12 тысячъ рублей, скопленныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, отдала на общее дѣло 10 тысячъ. Но кромѣ денегъ и войска нуженъ былъ еще предводитель. Мининъ указалъ на достойнаго вождя. Въ это время жилъ въ своей деревнѣ, верстахъ въ 120-ти отъ Нижняго, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Онъ уже бился съ поляками въ ополченіи Ляпунова; былъ раненъ и теперь долечивался отъ ранъ. Нижегородцы отправили къ нему пословъ. Пожарскій согласился быть воеводой. Мининъ же былъ выбранъ народомъ распоряжаться въ ополченіи казною. Такъ начало составляться въ Нижнемъ земское ополченіе. Вѣсть объ этомъ разнеслась скоро и по другимъ городамъ. Вездѣ народъ сталъ подниматься на святое дѣло освобожденія Москвы. Поляки узнавши объ этомъ, испугались и не знали, что дѣлать. Въ плѣну у нихъ сидѣлъ патріархъ Гермо-

генъ. Они потребовали, чтобы онъ написалъ въ Нижній и запретилъ собирать ополченіе. Но святитель изрекъ нижегородцамъ благословеніе, а полякамъ проклятіе. За это его стали содержать въ большой тѣснотѣ и томить голодомъ. Такъ, говорятъ, и заморили.

Весною 1612 года, когда въ Нижнемъ собралось уже довольно войска, Мининъ и Пожарскій выступили въ походъ къ Москвѣ. Дорогою къ нимъ присоединились новыя ополченія изъ разныхъ городовъ. Движеніе нижегородскаго ополченія непріятно подѣйствовало и на казаковъ, стоявшихъ подъ Москвою. Они понимали, что имъ не позволятъ теперь грабить и разбойничать; сверхъ того они уже присягнули было псковскому самозванцу. Чтобы разстроить ополченіе атаманъ Заруцкій подослалъ убійцъ къ князю Пожарскому. Однажды князь осматривалъ въ Ярославлѣ пушки. Злодѣи подкрались къ нему въ толпѣ народа и одинъ изъ нихъ хотѣлъ ударить его ножемъ, но промахнулся и попалъ въ ногу своему товарищу. Тутъ ихъ перехватали и они во всемъ сознались. Послѣ этой неудачи Заруцкій удалился изъ-подъ Москвы, взявши съ собою Марину Мнишекъ съ сыномъ. За нимъ пошла толпа самыхъ отчаянныхъ казаковъ.

Между тѣмъ ополченіе подступило къ Москвѣ. Сюда же на другой день пришелъ новый отрядъ поляковъ съ обозомъ, чтобы подкрѣпить сидѣвшихъ въ Кремлѣ и Китай-Городѣ. Теперь вся задача состояла въ томъ, чтобы не допустить до этого поляковъ. Три дня продолжался съ ними бой. Сначала поляки стали брать верхъ. Самъ Пожарскій получилъ легкую рану. Это происходило отъ того, что казаки, стоявшіе подъ Москвою, не слишкомъ дружно дѣйствовали съ ополченіемъ. Но въ рѣшительную минуту Авраамій Палицынъ и ихъ убѣдилъ помочь ополченію. Особенную услугу при этомъ оказалъ также Мининъ. Выпросивши у Пожарскаго три сотни служилыхъ людей, онъ стремительно бросился съ ними на поляковъ и смялъ ихъ. Тѣмъ временемъ казаки отрѣзали у непріятеля обозъ. Тогда поляки, видя, что все, съ чѣмъ они пришли, пропало, удалились изъ-подъ Москвы. Теперь оставалось только очистить отъ поляковъ Китай-Городъ и Кремль. Ополченіе и осадило ихъ здѣсь. Осада продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Въ это время казаки опять стали враждовать съ земскимъ ополченіемъ изъ-за жалованья. Имъ дѣйствительно слѣдовало бы выдать хоть сколько нибудь, да не изъ чего было, а между тѣмъ одни изъ нихъ хотѣли уйти, а другіе грозили даже

напасть на дворянъ, ограбить и перебить ихъ. Келарь Авраамій Палицынъ помогъ горю и на этотъ разъ. Чтобы какъ нибудь успокоить казаковъ, онъ привезъ имъ въ залогъ изъ Троицкаго монастыря церковныя ризы, шитыя золотомъ и унизанныя жемчугомъ. Это такъ тронуло казаковъ, что они отослали вещи назадъ и дали обѣщаніе во чтобы то ни стало очистить Москву отъ поляковъ. Дѣйствительно съ помощію ихъ скоро взятъ былъ Китай-Городъ. Вслѣдъ за тѣмъ страшный голодъ заставилъ сдаться и кремлевскихъ сидѣльцевъ. Мининъ и Пожарскій торжественно въѣхали въ Кремль. Такъ Москва очищена была отъ поляковъ. 25 октября 1612 г. архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры, Діонисій, торжественно на лобномъ мѣстѣ, отслужилъ по этому случаю благодарственный молебенъ.

На помощь полякамъ, сидѣвшимъ въ Кремлѣ, спѣшилъ было самъ польскій король Сигизмундъ съ войскомъ, но, дорогою узнавши о сдачѣ Кремля, вернулся назадъ.

Освободители Москвы отъ поляковъ были потомъ щедро награждены царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Пожарскій изъ стольниковъ былъ прямо пожалованъ въ бояре, а Мининъ сдѣланъ былъ думнымъ дворяниномъ и засѣдалъ въ Царской Думѣ. Но онъ скоро удалился на родину и тамъ въ 1616 году скончался и погребенъ въ одномъ соборѣ. Пожарскій же еще долго служилъ царю и отечеству и дожилъ до глубокой старости. Лѣтъ сто спустя послѣ смерти Минина гробницу его посѣтилъ царь Петръ Великій. Павши ницъ передъ нею, онъ сказалъ: „Здѣсь лежитъ спаситель отечества.“ Благодарная Россія поставила Минину и Пожарскому памятникъ въ Москвѣ на Красной площади. На памятникѣ Мининъ представленъ зовущимъ Пожарскаго спасать русскую землю.

VIII. Первые цари изъ Дома Романовыхъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ,
первый царь изъ Дома Романовыхъ.

Избраніе на царство 1613 г. Когда Москва освобождена была отъ поляковъ, по всѣмъ городамъ земли русской разосланы были граматы съ предложеніемъ прислать выборныхъ людей для избранія царя. Какъ только выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный строгій постъ. Въ тоже время служили молебны, чтобы Богъ вразумилъ выборныхъ людей избрать достойнаго царя. Послѣ того составился великій земскій соборъ. На немъ общимъ голосомъ положили избрать на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 21 февраля 1613 года выборные собрались на Красную площадь, наполненную народомъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ взошли на Лобное мѣсто, чтобы спросить и у народа: „кого онъ хочетъ въ цари?“ Но прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ сказать слово, какъ вся народная громада въ одинъ голосъ закричала: „Ми-

хаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь московскому государству и всей русской державѣ." „Се бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога!" сказалъ при этомъ Авраамій Палицынъ. Послѣ того по всѣмъ церквамъ стали служить благодарственные молебны съ колокольнымъ звономъ и на эктеніяхъ поминали новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ сынъ боярина Ѳеодора Никитича Романова, племянника Анастасіи Романовны, первой супруги Іоанна Грознаго. Никакой другой родъ не пользовался такою любовью народа и никто не заслужилъ ея болѣе, какъ родъ Романовыхъ. Въ народѣ живо сохранялась память о кроткой и добродѣтельной Анастасіи Романовнѣ. Хорошо помнили также, любимаго въ свое время народомъ, брата ея Никиту Романовича, дѣда новоизбраннаго царя. О немъ сохранилось преданіе, что онъ постоянно заступался за опальныхъ при Грозномъ, хотя за это ему самому грозилъ гнѣвъ царскій. Отецъ же Михаила Ѳеодоровича былъ еще живъ и его страданія и заслуги были всѣмъ извѣстны. Борисъ Годуновъ, видя въ немъ опаснаго соперника себѣ, заточилъ его въ монастырь и приказалъ постричь подъ именемъ Филарета. При Лжедимитріѣ I онъ возведенъ былъ въ санъ ростовскаго митрополита, а когда Москва присягнула Владиславу, то его, въ числѣ главныхъ пословъ, отправили къ Сигизмунду подъ Смоленскъ. Но отсюда польскій король препроводилъ его плѣнникомъ въ Варшаву за то, что онъ твердо стоялъ за вѣру и отечество. Филаретъ и теперь, когда сына его избрали на царство, томился въ плѣну у поляковъ.

Михаилу Ѳеодоровичу было въ это время 16 лѣтъ и онъ жилъ съ своею матерью, инокинею Марѳою, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близь самой Костромы. Сохранилось извѣстіе, что поляки, узнавши о томъ, что его хотятъ избрать на престолъ, рѣшились погубить его. Отрядъ ихъ былъ уже недалеко отъ Ипатьевской обители. Но крестьянинъ села Домнина, Иванъ Сусанинъ, пожертвовалъ собою для спасенія царя. Онъ вызвался проводить поляковъ къ мѣсту жительства Михаила, а вмѣсто того завелъ ихъ въ непроходимый лѣсъ. Поляки, видя, что они обмануты, умертвили Сусанина. Михаилъ Ѳеодоровичъ, сдѣлавшись царемъ, наградилъ зятя Сусанина, Богдана Собинина. Онъ далъ ему жалованную грамату на землю и освободилъ его и весь родъ его на вѣки вѣчные отъ всякихъ податей и повинностей. Потомки Сусанина и до сихъ поръ подъ именемъ бѣлопашцевъ пользуются дарованными имъ

правами и преимуществами. Самому же Сусанину лѣтъ 20 слишкомъ тому назадъ поставленъ въ Костромѣ памятникъ.

Избравши на царство Михаила Ѳеодоровича, земскій соборъ отправилъ къ нему посольство изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Послы, прибывъ въ Кострому, на другой день съ хоругвями и иконами, при колокольномъ звонѣ, отправились въ монастырь. Инокиня Марѳа съ сыномъ вышли на встрѣчу за ворота монастыря и приложились къ образамъ. Но зная, зачѣмъ пришло посольство, они не хотѣли было идти за образами въ соборную монастырскую церковь. Едва упросили ихъ. Послѣ молебна, въ соборной церкви костромскаго ипатьевскаго монастыря, послы и вручили Михаилу Ѳеодоровичу грамату объ избраніи; при этомъ прочитали также длинную рѣчь. Но Михаилъ отказался. Мать тоже не соглашалась благословить сына на царство. „Сынъ мой, говорила она, еще молодъ, а люди всякихъ чиновъ измалодушествовались вслѣдствіе частыхъ измѣнъ послѣднимъ государямъ. Кромѣ того, государство раззорено въ конецъ; служилые люди бѣдны; чѣмъ жаловать ихъ? Чѣмъ пополнять и государственные расходы? Мнѣ, прибавила инокиня Марѳа, благословить сына на государство развѣ на одну гибель.“ Послы увѣряли, что теперь уже всѣ люди въ московскомъ государствѣ пришли въ соединеніе и готовы головы свои класть за царя и лить кровь до смерти. Когда же и послѣ этого инокиня Марѳа и Михаилъ продолжали отказываться, то послы начали грозить имъ гнѣвомъ Божіимъ. Тогда мать, наконецъ, благословила сына и Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ изъ рукъ главнаго посла царскій посохъ. Сейчасъ же запѣли многолѣтіе новому царю, а потомъ всѣ прибывшіе подходили къ царской рукѣ. По прибытіи въ Москву Михаилъ Ѳеодоровичъ короновался.

Успокоеніе государства. Государство въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Казна царская была совершенно пуста. Ее растратилъ первый самозванецъ на пиры и увеселенія и на подарки своей невѣстѣ Маринѣ Мнишекъ, а остальное потомъ расхитили поляки. Народъ былъ страшно раззоренъ. Между тѣмъ и извнѣ и внутри продолжали терзать Русь враги. Шведскій король, потерявши надежду посадить своего брата на московскій престолъ, старался по крайней мѣрѣ побольше захватить русскихъ земель и прибралъ къ своимъ рукамъ даже Новгородъ. Поляки еще не теряли надежды возвести своего королевича Владислава на мо-

сковскій тронъ и скоро съ этою цѣлію вторглись опять въ Россію. Внутри государства повсюду бродили шайки казаковъ и разбойниковъ и все грабили, жгли и опустошали. Особенно опасенъ былъ атаманъ Заруцкій, при которомъ находилась Марина Мнишекъ съ сыномъ. Онъ злодѣйствовалъ на юговостокѣ Россіи близъ Астрахани. У него была мечта посадить на царство сына Марины и именемъ его управлять.

О печальномъ положеніи государства можно видѣть изъ разсказа одного голландскаго посла, пріѣзжавшаго въ это время въ Москву. Онъ разсказываетъ, что на пути изъ Ревеля въ Новгородъ голландцы нигдѣ не находили селеній и почти всегда должны были ночевать въ лѣсу; только изрѣдка попадался имъ гдѣ нибудь полуразрушенный монастырь. На пути изъ Новгорода въ Москву они также находили много необитаемыхъ хижинъ, ночевали въ опустѣлыхъ деревняхъ и прежде нежели войти въ какую нибудь избу, вытаскивали изъ нея трупы людей, убитыхъ казаками; но нерѣдко невыносимый смрадъ выгонялъ путниковъ и изъ избы и они принуждены были ночевать на морозѣ.

Несмотря, однакожъ, на такое безотрадное положеніе государства, Михаилъ Ѳеодоровичъ водворилъ въ немъ порядокъ и успокоилъ его, хотя былъ молодъ и неопытенъ. Народъ, истомленный продолжительными смутами безгосударнаго времени, дружно поддерживалъ царя въ его заботахъ и ничего не щадилъ для общей пользы. Мало по малу шайки казацкія были уничтожены и предводители ихъ подверглись достойной казни. Самый опасный изъ нихъ, атаманъ Заруцкій, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ сыномъ Марины, былъ преданъ позорной казни; сама же Марина умерла, говорятъ, въ темницѣ. Труднѣе было справиться съ внѣшними врагами. Шведы едва было не отняли у насъ Новгородъ. Только мужественная оборона Пскова заставила ихъ отказаться отъ этого старѣйшаго русскаго города. Но все-таки (при заключеніи мира, въ Столбовѣ 1617 г.) съ шведами, мы должны были уступить имъ земли по Финскому заливу и такимъ образомъ совершенно были отрѣзаны отъ Балтійскаго моря. Шведскій король былъ очень доволенъ этимъ и разъ такъ говорилъ на этотъ счетъ въ собраніи своихъ сановниковъ: „Россія опасный сосѣдъ. Но теперь безъ нашего позволенія русскіе не могутъ выслать въ Балтійское море ни одной лодки; насъ отдѣляютъ отъ нея великія озера: Ладожское и Пейпусъ, обширныя болота въ 30 верстъ и сильныя крѣпости... Слава Богу, Россія отрѣзана отъ Балтійскаго моря и

есть надежда, что русскимъ не легко будетъ перешагнуть черезъ этотъ ручеекъ...“

Еще долѣе безпокоили насъ поляки. Самъ королевичъ Владиславъ, надѣясь отнять престолъ у Михаила Ѳеодоровича, два раза подступалъ съ войскомъ къ Москвѣ. Но всякій разъ встрѣчалъ мужественный отпоръ и наконецъ принужденъ былъ совершенно отказаться отъ притязаній на московскую корону. Однако Смоленскъ, захваченный поляками въ смутную пору, остался за ними. Такъ трудно было Россіи поправиться послѣ бѣдствій смутнаго времени.

Весьма много помогалъ Михаилу Ѳеодоровичу въ управленіи государствомъ отецъ его, Филаретъ. Онъ былъ освобожденъ поляками изъ плѣна и тотчасъ по возвращеніи въ Россію былъ возведенъ въ санъ патріарха. Въ этомъ санѣ онъ сталъ называться великимъ государемъ и сдѣлался, можно сказать, соправителемъ своего сына; всѣ дѣла докладывались ему, точно также, какъ и царю; иноземные послы представлялись ему тотчасъ же послѣ представленія царю; имя патріарха Филарета писалось даже во всѣхъ граматахъ на равнѣ съ царскимъ именемъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Соборное уложеніе 1649 г. Михаилу Ѳеодоровичу наслѣдовалъ 16-ти-лѣтній сынъ его Алексѣй Михайловичъ. Новый царь также

искренно заботился о благосостояніи своихъ подданныхъ. Онъ самъ принималъ челобитныя, ходилъ по тюрьмамъ, распрашивалъ колодниковъ, заглядывалъ въ бумаги дьяковъ и приказныхъ людей. Кромѣ того, Алексѣй Михайловичъ отличался особенною набожностію. Народъ любилъ кроткаго и набожнаго царя. Но Алексѣй Михайловичъ былъ очень мягкаго характера и подпадалъ вліянію людей, которые иногда злоупотребляли его довѣріемъ и притѣсняли слабыхъ; поэтому въ народѣ стали происходить волненія сначала въ Москвѣ, а потомъ и по другимъ городамъ. Чтобы положить конецъ безпорядкамъ, царь задумалъ издать новые законы. Онъ поручилъ нѣсколькимъ боярамъ и дьякамъ выписать подходящія статьи изъ постановленій св. отцовъ церкви, изъ греческихъ и изъ прежнихъ русскихъ законовъ и расположить ихъ въ порядкѣ. Когда это было сдѣлано, Алексѣй Михайловичъ собралъ выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій въ Москву. Въ Грановитой палатѣ имъ и прочитаны были новые законы. Большая часть выборныхъ одобрили и подписали ихъ; потомъ они были изданы и по нимъ стали судить и вершить дѣла. Новые законы извѣстны подъ названіемъ Соборнаго Уложенія. Въ немъ было сказано, чтобы людямъ всѣхъ чиновъ былъ одинаковый судъ и расправа во всѣхъ дѣлахъ, чтобы судьи вершили дѣла по совѣсти и не брали бы взятокъ подъ страхомъ жестокаго наказанія. Но, несмотря на то, воеводы и ихъ приказные люди продолжали притѣснять слабыхъ. Оттого и мятежи въ народѣ по временамъ вспыхивали. Они обыкновенно были скоро усмиряемы.

Стенька Разинъ. Но лѣтъ черезъ двадцать слишкомъ по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича въ юговосточной части Россіи открылся такой бунтъ, который прекратили съ большимъ трудомъ. То былъ бунтъ Стеньки Разина.

Стенька Разинъ былъ донской казакъ. Разсказываютъ, что онъ поклялся отмстить властямъ за то, что одинъ воевода повѣсилъ старшаго его брата за побѣгъ съ войны. Набравъ шайку казаковъ, Стенька хотѣлъ было сначала пробраться въ Черное море, чтобы пограбить турецкіе берега, но его не пустили туда. Тогда онъ поплылъ вверхъ по Дону, переправился на Волгу и сталъ грабить караваны судовъ. Съ Волги Стенька перебрался въ Каспійское море и началъ опустошать прибрежные города и села. Берега Каспійскаго моря тогда большею частію принадлежали Персіи. Шахъ выслалъ противъ грабителей войско на кораб-

ляхъ. Стенька побилъ его на голову. Однако шахъ могъ выслать другое еще большее войско; притомъ же у казаковъ было награблено много золота и всякаго добра. Стенька сталъ подумывать, какъ бы вернуться домой на Донъ. Тутъ главнымъ препятствіемъ была Астрахань. Нужно было проходить мимо нея, а у астраханскихъ воеводъ была уже заготовлена сильная рать противъ бунтовщиковъ. Но Стенька нашелся, какъ поступить. Онъ отправилъ къ воеводѣ двухъ казаковъ съ повинною, приэтомъ обѣщалъ ему значительную часть добычи. Воевода, не слишкомъ-то надѣялся на свою рать, да и чернь астраханская выказывала свое сочувствіе къ отважному атаману. Поэтому Стенька получилъ прощеніе и отпущенъ былъ на Донъ. Но молва о немъ и объ его богатой добычѣ разнеслась далеко и къ нему начали стекаться бѣглецы со всѣхъ сторонъ. Къ тому же Стенька былъ добръ и ласковъ къ народу; со всѣми привѣтливо разговаривалъ, сыпалъ деньгами, пособлялъ бѣднымъ. Вѣщимъ чародѣемъ казался онъ въ глазахъ простыхъ людей; при встрѣчѣ съ нимъ они снимали шапки, становились на колѣни, кланялись въ землю. Скоро вокругъ Стеньки собралось тысячъ до семи казаковъ и онъ снова отправился съ ними на Волгу. Теперь онъ задумалъ неслыханное дѣло. Взявши Царицынъ, онъ объявилъ казакамъ свой замыселъ идти вверхъ по Волгѣ и изводить по городамъ воеводъ, а крестьянамъ и холопамъ дать полную волю. Но прежде, чѣмъ идти вверхъ, нужно было обезопасить себя съ тылу. Стенька бросился на Астрахань и, вслѣдствіе измѣны стрѣльцовъ и простаго народа, взялъ ее приступомъ. Приэтомъ начальные и знатные люди были большею частію перебиты. Погулявши здѣсь и оставивши своихъ правителей, Стенька на двухъ стахъ судахъ поплылъ вверхъ по Волгѣ, занялъ Саратовъ, Самару. Единомышленники его разсѣялись по городамъ и распространили бунтъ по всему юговосточному краю. Силы Разина увеличивались съ каждымъ днемъ. Зная, какъ велико въ простомъ народѣ уваженіе къ царскому дому, Стенька пустился еще на хитрость, чтобы привлечь къ себѣ побольше народа. Онъ изготовилъ два судна, богато убранныя и распустилъ молву, что при немъ находится царевичъ Алексѣй (который недавно умеръ) и патріархъ Никонъ, (который не задолго передъ тѣмъ былъ лишенъ сана). Но не смотря на громадный, по видимому, успѣхъ, дѣло казаковъ оказалось весьма непрочнымъ. Подъ Симбирскомъ Стенька встрѣтился съ царскимъ воеводою княземъ Барятинскимъ, у котораго

часть войска была выучена иноземному строю, и былъ разбитъ имъ на голову. Пораженіе было такъ сильно, что Стенька ночью, тайкомъ, бѣжалъ на Донъ. Здѣсь онъ пытался было снова поднять донскихъ казаковъ. Но его схватили и представили въ Москву, гдѣ, послѣ обычныхъ допросовъ и пытокъ, онъ былъ четвертованъ. Волненіе, произведенное Стенькою, скоро послѣ того было успокоено. Но во время этого бунта погибло до ста тысячъ человѣкъ. Память о страшномъ атаманѣ Стенькѣ Разинѣ до сихъ поръ живетъ еще въ пѣсняхъ народныхъ.

Патріархъ Никонъ,
исправитель богослужебныхъ книгъ.

Какъ Никонъ сдѣлался патріархомъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича большое значеніе имѣлъ патріархъ Никонъ. Замѣчательно, какъ онъ сдѣлался патріархомъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго крестьянина Нижегородской области. Въ міру его звали Никитой. Съ раннихъ лѣтъ Никита лишился матери, но отецъ его женился на другой женѣ. Мачиха невзлюбила своего пасынка и больно его била. Она даже думала какъ нибудь извести его. Разъ мальчикъ влѣзъ въ печку погрѣться и уснулъ тамъ. Мачиха наложила туда дровъ, подожгла ихъ, а сама ушла. Когда пошелъ

дымъ и стало душно, Никита проснулся и началъ кричать. Къ счастію одна сосѣдняя женщина услыхала и вытащила его изъ печки. Въ другой разъ мачиха дала Никитѣ каши съ мышьякомъ. Поѣвши немного, мальчикъ замѣтилъ, что въ кашѣ что-то не ладно, пересталъ ѣсть и началъ пить воду. Этимъ и спасся. Но обращеніе мачихи вредно дѣйствовало на нравъ Никиты. Онъ постоянно озлоблялся и изъ него вышелъ человѣкъ суровый и строптивый. Къ счастью ему удалось какъ-то выучиться грамотѣ. Въ тѣ времена это была большая рѣдкость, особенно въ крестьянскомъ быту. Научившись грамотѣ, Никита сталъ усердно читать книги. Но такъ какъ книги тогда были почти все духовныя, то у Никиты рано появилась охота къ монашеской жизни. Онъ даже разъ убѣжалъ изъ родительскаго дома въ монастырь; едва отецъ упросилъ его вернуться домой и помогать ему въ хозяйствѣ. Разсказываютъ, что еще въ молодости одинъ колдунъ-татаринъ предсказалъ Никитѣ, что онъ будетъ патріархомъ. Никита послѣ того сталъ еще прилежнѣе читать священное писаніе и изучать церковную службу; чтобы не просыпать заутрени, онъ ложился на ночь подъ колокольню. Когда отецъ Никиты умеръ, онъ совсѣмъ ужъ рѣшился было постричься, но родственники уговорили его лучше сдѣлаться священникомъ. Въ тѣ времена прихожане сами выбирали себѣ священниковъ, а архіерей испытывалъ въ знаніи службы церковной и посвящалъ. На двадцатомъ году отъ роду Никиту посвятили въ сельскіе священники. Онъ былъ хорошій священникъ и прихожане очень любили его. Скоро московскіе купцы перезвали его изъ села въ Москву. Десять лѣтъ Никита былъ священникомъ и имѣлъ троихъ дѣтей; но, лишившись ихъ, убѣдилъ жену пойти въ монастырь и самъ постригся подъ именемъ Никона, въ одномъ изъ монастырей на Бѣломъ озерѣ. Здѣсь онъ началъ вести самую строгую подвижническую жизнь, такъ что сами монахи удивлялись ему. Когда у нихъ умеръ игуменъ, они на его мѣсто выбрали Никона. Въ санѣ игумена Никонъ сталъ жить еще строже. Молва объ его подвижнической жизни дошла до царя. Разъ Никону пришлось быть въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ. Набожный Алексѣй Михайловичъ пожелалъ видѣть его. Умныя рѣчи Никона и наружность его такъ понравились царю, что онъ оставилъ его въ Москвѣ архимандритомъ одного монастыря. Замѣтивъ же въ немъ особенное состраданіе къ бѣднымъ и убогимъ, Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ ему каждую пятницу приходить въ дворцовую церковь и ходатай-

ствовать за нихъ. Тутъ, въ разговорахъ царь еще болѣе узналъ Никона и они сдѣлались друзьями. Скоро Никона поставили митрополитомъ въ Новгородѣ. Въ этомъ санѣ онъ оказалъ большую услугу царю. Въ Новгородѣ произошло тогда волненіе въ народѣ. Никонъ, не жалѣя себя, образумилъ бунтовщиковъ. Царь еще болѣе привязался послѣ того къ своему другу. По смерти стараго патріарха, онъ никого кромѣ его не хотѣлъ возводить въ этотъ высшій санъ духовный. Однажды въ Успенскомъ соборѣ собрались высшія духовныя лица, бояре и народъ, пришелъ и царь. Никону объявили, что онъ выбранъ въ патріархи. Но онъ отказался. Тогда царь и весь народъ упали на землю и со слезами начали умолять его. Никонъ, обратившись къ народу, спросилъ: „будете ли почитать меня, какъ архипастыря и отца и дадите ли мнѣ устроить церковь?“ Всѣ съ клятвой отвѣчали, что будутъ и дадутъ. Послѣ того онъ согласился и былъ нареченъ патріархомъ.

Исправленіе церковныхъ книгъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ дѣйствительно очень усердно принялся за устройство дѣлъ церковныхъ. Главное вниманіе онъ обратилъ на исправленіе книгъ, по которымъ служили въ церквахъ. Въ прежнее время, когда еще не умѣли печатать, церковныя книги переписывались. Отъ небрежности и невѣжества переписчиковъ въ нихъ много вкралось ошибокъ. При Іоаннѣ Грозномъ въ Москвѣ открыта была первая типографія и съ этого времени книги стали печатать. Конечно, ошибки, вкравшіяся въ рукописи, перешли и въ печатныя книги. Люди свѣдущіе давно замѣчали это и давно думали объ исправленіи книгъ. Наконецъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, приступили къ дѣлу. Но исправленіе попало въ руки людей малосвѣдущихъ, которые притомъ сами придерживались нѣкоторыхъ ложныхъ мнѣній; напримѣръ, учили, что при знаменованіи себя крестомъ нужно складывать два пальца, а не три; произносить аллилуія во время службы также два раза; совершать обѣдню на семи просфорахъ, а не на пяти, какъ было изстари. Эти ложные обычаи, незамѣтно вкравшіеся въ наше богослуженіе, они безъ повѣрки внесли и въ исправленныя книги. Книгъ этихъ напечатали до шести тысячъ и разослали по всему государству. Такимъ образомъ обычай креститься двумя крестами, произносить аллилуія два раза, а не три, съ этихъ поръ еще болѣе укоренился. Самъ Никонъ и Алексѣй Михайловичъ такъ дѣлали. Были, однако, люди, которые понимали эти ошибки и не молчали; ихъ голосъ

только мало имѣлъ значенія, потому что на сторонѣ исправителей былъ самъ патріархъ. Теперь Никонъ, ставши патріархомъ, снова принялся за пересмотръ церковныхъ книгъ. Онъ приступилъ къ нему съ большою осторожностію, собралъ изъ русскихъ монастырей самыя старыя книги, выписалъ съ Аѳонской горы, изъ Іерусалима и другихъ святыхъ мѣстъ старинныя греческія рукописи. Со всѣми этими рукописями сличены были свѣдущими людьми наши мнимо исправленныя книги. Оказалось, что онѣ были испорчены. Никонъ самъ убѣдился въ этомъ. Тогда собранъ былъ соборъ изъ духовныхъ лицъ и на немъ рѣшено было вновь исправить книги; старыя же испорченныя книги приказано было отбирать и уничтожать.

Начало раскола. Но противъ этого возстали прежніе исправители. Они начали смущать простой народъ, разглашали, что Никонъ измѣняетъ вѣру. Такъ возникъ расколъ. Неразумные люди готовы были скорѣе пострадать, нежели разстаться съ старыми испорченными книгами или измѣнить старые церковные обычаи. Никонъ въ глазахъ ихъ казался антихристомъ. Когда раскольниковъ стали преслѣдовать, они удалялись въ глушь лѣсовъ и тамъ устраивали раскольничьи скиты. И до настоящаго времени еще много на Руси раскольниковъ или старовѣровъ.

Никонъ оставляетъ патріаршество. Но заботясь объ устройствѣ церкви, Никонъ, по своему крутому нраву, поступалъ иногда жестоко и опрометчиво съ духовными лицами. Онъ гордо и недоступно держалъ себя также и въ отношеніи бояръ, окружающихъ царя. Поэтому нажилъ себѣ много враговъ. Набожный Алексѣй Михайловичъ питалъ самую искреннюю дружбу къ Никону и имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе. Они вмѣстѣ молились, вмѣстѣ обѣдали. Никонъ крестилъ царскихъ дѣтей. Царь совѣтовался съ патріархомъ о всѣхъ важныхъ и неважныхъ дѣлахъ. Въ свое отсутствіе изъ Москвы Алексѣй Михайловичъ поручалъ Никону свое семейство и управленіе государствомъ. Наконецъ онъ сталъ называть его великимъ государемъ. Но Никонъ, пользуясь задушевнымъ расположеніемъ царя, началъ слишкомъ властвовать. Окружающіе стали внушать Алексѣю Михайловичу, что великій государь патріархъ не довольствуется и равенствомъ власти съ царемъ, но старается превысить его, что посланцевъ патріаршихъ боятся больше, чѣмъ царскихъ. Когда царь удостовѣрился въ справедливости этихъ внушеній, онъ охладѣлъ къ Никону и сталъ удаляться его. Наконецъ произошелъ окон-

чательный разрывъ между царемъ и патріархомъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. При дворѣ угощали одного грузинскаго царевича. Сверхъ всякаго ожиданія Никонъ не былъ приглашенъ на обѣдъ. Онъ послалъ во дворецъ разузнать объ этомъ. Но въ это время одинъ царедворецъ прочищалъ дорогу царевичу, то есть, надѣлялъ палочными ударами тѣхъ, которые высовывались изъ толпы. Случилось, что подъ палку попалъ и посланный патріарха. „Не дерись!“ закричалъ онъ, „вѣдь я не просто пришелъ сюда, а за дѣломъ.“—„Ты кто такой?“ спросилъ царедворецъ. — „Я отъ патріарха, съ дѣломъ.“ — „Не чванься!“ сказалъ царедворецъ и вслѣдъ затѣмъ ударилъ его еще палкою. Тотъ побѣжалъ жаловаться. Никонъ тотчасъ же написалъ письмо къ царю, въ которомъ просилъ изслѣдовать дѣло и наказать царедворца. Царь обѣщалъ, но медлилъ. Патріархъ надѣялся поговорить объ этомъ при свиданіи, но Алексѣй Михайловичъ избѣгалъ свиданій, пересталъ даже выходить въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Наступилъ праздникъ, въ который прежде онъ всегда слушалъ обѣдню въ соборѣ, но теперь прислалъ боярина Ромодановскаго сказать, чтобы его не дожидались. Приэтомъ Ромодановскій сказалъ Никону: „Царь гнѣвается на тебя, зачѣмъ пишешься великимъ государемъ.“ — „Такъ угодно было царю“, отвѣчалъ Никонъ; „я не самъ собою называюсь великимъ государемъ.“—„Царь почтилъ тебя, какъ отца и пастыря“, продолжалъ Ромодановскій, „а ты этого не понялъ. Теперь царь приказалъ сказать тебѣ, чтобы ты не писался и не назывался великимъ государемъ.“ Тѣмъ разговоръ и кончился. Никонъ пошелъ служить обѣдню; но послѣ обѣдни вышелъ на амвонъ и торжественно передъ народомъ объявилъ, что онъ болѣе не патріархъ; вслѣдъ затѣмъ сталъ разоблачаться и послалъ за простымъ монашескимъ платьемъ. Въ народѣ послышался плачъ и вопли: „на кого ты насъ сирыхъ оставляешь!“ Когда принесли мѣшокъ съ монашескимъ платьемъ, народъ отнялъ его. Никонъ пошелъ въ ризницу и написалъ письмо царю, въ которомъ просилъ келіи для себя. Въ ожиданіи отвѣта, онъ то садился на ступени амвона, то подходилъ къ дверямъ, чтобы уйти изъ церкви, но народъ не пускалъ его. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился, когда узналъ, что происходитъ въ соборѣ. „Словно сплю я съ открытыми глазами и все это во снѣ вижу“, сказалъ онъ. Всѣ ждали, что царь самъ придетъ и послѣдуетъ примиреніе. Но этого не случилось. Два раза приходилъ бояринъ и убѣждалъ

именемъ царскимъ не оставлять патріаршества. Но Никонъ рѣшительно отрекся и, въ сопровожденіи плачущаго народа, отправился на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря, или Новаго Іерусалима, а оттуда чрезъ нѣсколько дней и въ самый монастырь, верстахъ въ 50 отъ Москвы.

Судъ надъ Никономъ и ссылка. Никонъ на самомъ дѣлѣ не думалъ оставлять патріаршаго престола. Онъ хотѣлъ только, чтобы царь самъ попросилъ его, какъ было при поставленіи въ патріархи. Но на этотъ разъ онъ ошибся. Восемь съ половиною лѣтъ прожилъ Никонъ въ Новомъ Іерусалимѣ и все это время между нимъ и царемъ продолжалась распря. Иногда Никонъ, какъ будто смирялся. Тогда добрый царь, вспоминая прежнюю дружбу, готовъ былъ помириться съ нимъ. Но бояре, не любившіе Никона, заводили снова смуту. Алексѣй Михайловичъ сильно скорбѣлъ объ этомъ и не зналъ, что дѣлать. Отказавшись отъ патріаршества, Никонъ не слагалъ съ себя архіерейства, вслѣдствіе чего царь затруднялся выбрать новаго патріарха. Никонъ даже сталъ потомъ увѣрять, что онъ не хочетъ быть только патріархомъ московскимъ, а отъ патріаршества не отказывался. Наконецъ Алексѣй Михайловичъ рѣшился отдать дѣло Никона на судъ собора. Для этого онъ просилъ прибыть въ Москву патріарховъ восточныхъ. Двое изъ нихъ—александрійскій и антіохійскій прибыли. Подъ ихъ предсѣдательствомъ и составился духовный соборъ въ Москвѣ, который осудилъ Никона. Какъ простой монахъ онъ сосланъ былъ на житье въ одинъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей. Передъ отправленіемъ туда добрый и сострадательный царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ Никону на дорогу денегъ и шубу и просилъ благословенія. Никонъ не принялъ ни того, ни другаго и благословенія не далъ. Но соборъ, осудившій Никона, одобрилъ всѣ его труды объ устройствѣ церкви и утвердилъ исправленныя имъ богослужебныя книги.

Около 15 лѣтъ пробылъ Никонъ въ заточеніи, но не смирился духомъ. Только по смерти Алексѣя Михайловича, сынъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ, освободилъ Никона изъ заточенія и позволилъ поселиться въ любимомъ его Воскресенскомъ монастырѣ. Но эта радостная вѣсть застала его уже на смертномъ одрѣ. Съ трудомъ его повезли, а на дорогѣ онъ скончался, имѣя 76 лѣтъ отъ роду. Никона погребли какъ патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ. Скоро, по просьбѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, и патріархи восточные сняли съ него осужденіе и возвратили ему санъ патріаршій.

Богданъ Хмельницкій,
освободитель Малороссіи отъ поляковъ.

Не смотря на частыя волненія, Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича уже настолько оправилась и окрѣпла, что начала возвращать отъ сосѣдей тѣ земли, которыхъ она лишилась въ злое время татарщины и въ смутную эпоху начала XVII вѣка. Самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ въ это царствованіе была Малороссія. Въ этомъ дѣлѣ Россія много обязана гетману малороссійскому Богдану Хмельницкому.

Какъ Хмельницкій вышелъ въ люди. Хмельницкій былъ природный малороссійскій казакъ. Онъ получилъ по тогдашнему времени хорошее образованіе: учился въ кіевскомъ духовномъ училищѣ, зналъ латинскій языкъ и между казаками считался ученымъ человѣкомъ. Окончивъ ученье, онъ поступилъ на службу конюшимъ къ богатому польскому пану, Потоцкому. Разсказываютъ, что Потоцкій разъ, въ пьяномъ видѣ едва было, такъ для потѣхи, не отрубилъ голову своему конюшему. Спасая свою жизнь, Хмельницкій бѣжалъ отъ Потоцкаго и скоро поступилъ

въ казацкую службу. Здѣсь онъ пріобрѣлъ уваженіе за храбрость, смѣтливость и расторопность, а такъ какъ онъ въ то же время былъ человѣкъ книжный, то чрезъ нѣсколько лѣтъ его сдѣлали войсковымъ писаремъ. Въ казачьемъ быту это былъ высокій и почетный чинъ. Хмельницкому было теперь хорошо жить. Но его сокрушали бѣдствія и притѣсненія, которыя терпѣлъ малороссійскій народъ отъ поляковъ.

Угнетеніе крестьянъ въ Югозападной Руси. Нигдѣ въ Европѣ крестьяне не были въ такомъ угнетеніи, какъ въ Польшѣ. Польскіе паны и шляхтичи или мелкіе дворяне забрали такую силу, что совсѣмъ не слушались своихъ королей, жили въ своихъ помѣстьяхъ, какъ маленькіе царьки, и дѣлали, съ своими крестьянами, что хотѣли. Никто вступиться за нихъ и облегчить ихъ жалкую участь не могъ. Польскіе законы предоставляли панамъ полную власть надъ своими крестьянами или хлопами. Они могли даже казнить ихъ, никому не давая отчета въ этомъ. Оттого и говорили, что „крестьяне мучатся въ Польшѣ, какъ въ аду, а господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю.“ Во второй половинѣ XVI вѣка, хитрые поляки устроили такъ, что Литва и Югозападная Русь соединились съ Польшею, не смотря на то, что ни подъ какимъ видомъ не хотѣли этого. Тогда и здѣсь завелись польскіе порядки. Поляки начали занимать здѣсь чиновныя должности, пріобрѣтать имѣнія и, такимъ образомъ, распространять свой польскій языкъ, польскіе обычаи и нравы и свою латинскую вѣру. Участь здѣшнихъ крестьянъ сдѣлалась невыносима. Не говоря уже о тяжкихъ работахъ, о безчисленныхъ поборахъ и пошлинахъ, которыми обложены были домашній скотъ, хлѣбъ и всѣ жизненные предметы крестьянъ, — самая вѣра ихъ давала поводы къ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ.

Преслѣдованія за вѣру. Поляки хотѣли во что бы то ни стало своихъ русскихъ подданныхъ обратить въ латинскую вѣру. Но русскій народъ твердо стоялъ за свою православную вѣру. Тогда католическіе монахи и іезуиты прибѣгли къ хитрости. Отъ православныхъ христіанъ требовали только, чтобы они признавали своимъ духовнымъ главою папу римскаго и его поминали бы въ церквахъ своихъ, а все остальное дѣлали бы по прежнему, и молились, и причащались, и пѣли въ церквахъ, и всѣ другіе обряды церковные совершали бы какъ и прежде по православному. Такъ какъ хитрые іезуиты успѣли склонить на свою сторону нѣсколько

высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, то имъ и удалось достигнуть этого. Въ югозападной Руси и въ Литвѣ введена была въ 1596 году такъ называемая унія и всѣ принявшіе ее стали называться уніатами. Но не много нашлось такихъ людей. Большая же часть православныхъ ни за что не хотѣли принимать унію. Тогда поляки и іезуиты стали силою распространять унію. Они старались назначать въ митрополиты и въ епископы уніатовъ; отдавали уніатамъ богатѣйшіе монастыри и приходы; на лучшія мѣста по службѣ также назначали большею частію уніатовъ. Въ то же время люди, твердо стоявшіе за православіе, подвергались всякаго рода притѣсненіямъ. Польскіе паны обыкновенно отдавали свои имѣнія въ аренду жидамъ, а евреи не замедлили извлечь для себя выгоды и изъ уніи. Они брали къ себѣ ключи отъ православныхъ храмовъ и за каждое богослуженіе назначали пошлину; обложили податями крестины, браки и другія таинства и обряды церковные; наконецъ установили такъ называемый пасочный сборъ: требовали, чтобы православныя семейства въ праздникъ пасхи покупали куличи только у нихъ, по числу душъ въ семействѣ, не исключая и дѣтей, и платили бы за каждый куличъ цѣну, назначаемую ими по произволу. Особенно же жестоко преслѣдовали православныхъ служителей церкви. Нерѣдко толпа шляхтичей, живущихъ у какого нибудь пана на хлѣбахъ, врывалась въ православный монастырь, или нападала на церковь, производила въ нихъ безчинства и грабежи, а иноковъ и священниковъ подвергала различнымъ позорнымъ мученіямъ, принуждая къ уніи. Равнымъ образомъ, по ложнымъ доносамъ, православныхъ священниковъ предавали суду, заковывали въ цѣпи, съ безчестіемъ изгоняли изъ приходовъ. Вслѣдствіе этого цѣлые округи оставались безъ священниковъ; больныхъ некому было пріобщать святыхъ таинъ, мертвыхъ хоронить, младенцевъ крестить. Многія церкви православныя были также запираемы или разрушаемы, нѣкоторыя же обращали въ шинки и конюшни.

Угнетеніе крестьянъ и преслѣдованія за вѣру были до такой степени невыносимы, что въ Малороссіи нерѣдко происходили возстанія противъ поляковъ и жидовъ. Но возстанія были подавляемы польскимъ войскомъ и предводители возстаній гибли самымъ мучительнымъ образомъ. Такъ гетманъ Наливайко предводитель одного возстанія, былъ, какъ говорятъ, изжаренъ въ мѣдномъ быкѣ. Съ Павлюка, предводителя другаго возстанія, съ жи-

ваго содрали поляки кожу. Участь же православныхъ крестьянъ послѣ этихъ возстаній становилась еще хуже. Однако дѣло не могло оставаться навсегда въ такомъ положеніи.

Оскорбленіе Хмельницкаго. Въ половинѣ XVII вѣка въ Малороссіи произошло новое возстаніе, которое кончилось присоединеніемъ ея къ московскому государству. Предводителемъ этого возстанія былъ Богданъ Хмельницкій. Вотъ какъ это сдѣлалось. Не смотря на то, что Богданъ былъ важнымъ человѣкомъ на Украйнѣ, онъ никакъ не могъ найти правосудія въ польскихъ судахъ на самоуправство одного поляка, который жестоко оскорбилъ его. Былъ у Хмельницкаго хуторъ Суботово, доставшійся ему отъ отца. Хуторъ этотъ понравился поляку Чаплинскому, подстаростѣ чигиринскому, и онъ хотѣлъ купить его, но Хмельницкій не продавалъ. Тогда Чаплинскій съ толпою слугъ напалъ на хуторъ, завладѣлъ хлѣбомъ, взялъ жену Богдана и обвѣнчался съ нею, а одного изъ сыновей его такъ жестоко высѣкъ, что тотъ вскорѣ отъ этого умеръ. Хмельницкій подалъ жалобу на Чаплинскаго въ судъ, но въ судѣ отказали. Въ варшавскомъ сенатѣ и даже у самаго короля онъ также не могъ найти правосудія. Король на жалобу Хмельницкаго отвѣтилъ, что онъ не въ силахъ помочь ему, но что у казаковъ есть сабли, посредствомъ которыхъ они сами могутъ мстить за свои обиды. Тогда Хмельницкому ничего болѣе не оставалось, какъ самому взяться за оружіе. Но онъ задумалъ свое дѣло связать съ судьбою всего малороссійскаго народа. „Я рѣшился мстить панамъ-ляхамъ не за свою только обиду, говорилъ онъ, но за попраніе и поруганіе вѣры русской и за угнетеніе народа русскаго.“ Возвратившись на Украйну Хмельницкій сталъ подговаривать казаковъ къ возстанію. Конечно онъ вездѣ находилъ готовность. Но поляки провѣдали объ этомъ, схватили его и едва было не казнили. Хмельницкій успѣлъ убѣжать въ Запорожскую Сѣчь.

Запорожская Сѣчь. Въ Малороссіи былъ у казаковъ притонъ, гдѣ они могли жить на полной волѣ. Этотъ притонъ назывался Запорожскою Сѣчью. Сѣчь находилась на Хортицкомъ островѣ за Днѣпровскими порогами, потому и называется Запорожскою. Островъ, занимаемый ею, былъ почти недоступенъ. Рѣка здѣсь имѣетъ болотистые берега и покрыта густымъ высокимъ камышомъ. Сюда не проникали ни поляки, ни турки. Только одни казаки могли свободно плавать на своихъ плоскодонныхъ челнокахъ или чайкахъ по неглубокимъ протокамъ между островками.

Поэтому мѣсто это издавна было убѣжищемъ всякихъ бѣглыхъ людей. Казаки жили здѣсь не домами, а въ общихъ жильяхъ или куреняхъ, сплетенныхъ изъ хвороста, по нѣскольку десятковъ человѣкъ вмѣстѣ. Женщины не допускались въ Сѣчь подъ страхомъ смерти. Кромѣ платья и оружія у запорожцевъ было все общее. Они сходились даже обѣдать вмѣстѣ. Когда нужно было рѣшить какое нибудь важное дѣло, то казаки собирались на площадь. Это собраніе называлось у нихъ радою. Рада выбирала главнаго начальника или кошеваго, рѣшала нужно ли предпринять куда походъ или нѣтъ и тому подобное. Число запорожскихъ казаковъ не было опредѣлено. Къ нимъ собирались удальцы со всѣхъ окрестныхъ сторонъ и всѣхъ принимали здѣсь, не спрашивая: кто онъ? откуда? лишь бы только былъ православной вѣры; для этого заставляли перекреститься по православному и прочитать „Вѣрую“ и „Отче нашъ.“ Главный обѣтъ, который давалъ каждый вступающій въ казацкую общину—это бить безъ пощады басурманъ. Поэтому запорожцы, точно также какъ и донцы, главные набѣги свои производили на татарскія и турецкія земли. По возвращеніи съ добычи, запорожцы обыкновенно начинали пировать. Когда награбленное выходило все, казаки снова замышляли походъ на невѣрныхъ. Такова была жизнь запорожскихъ казаковъ. Часто и семейные украинскіе казаки, наскучивъ осѣдлою жизнію, приходили въ сѣчь попировать, повеселиться, достать славы и добычи. Угнетенія же и преслѣдованія, производимыя поляками и жидами въ юго-западныхъ русскихъ городахъ и деревняхъ, заставляли бѣжать туда народъ цѣлыми толпами. Своими разсказами о тяжкой участи православнаго русскаго народа, бѣглые казаки возбуждали въ запорожцахъ сильное негодованіе противъ поляковъ и жидовъ и желаніе отомстить имъ.

Когда Хмельницкій прибѣжалъ въ Запорожскую Сѣчь, его приняли тамъ съ радостію. Кошевой созвалъ запорожцевъ и дѣло возстанія противъ поляковъ было рѣшено. Но прежнія неудачныя возстанія показывали, что одними своими силами казаки не въ состояніи освободиться отъ гнета. Нужна была помощь со стороны. Хмельницкій отправился въ Крымъ и заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ противъ поляковъ. По возвращеніи въ Запорожье, Хмельницкій былъ избранъ въ гетманы всего запорожскаго войска. Такъ началось возстаніе, которое повело къ освобожденію Малороссіи отъ польской неволи.

Возстаніе Малороссіи. Весною 1648 года Хмельницкій, под-

крѣпленный крымскими татарами, выступилъ съ запорожцами противъ поляковъ и въ двухъ битвахъ нанесъ имъ жестокое пораженіе. Вслѣдъ затѣмъ вся Украйна закипѣла бунтомъ. Крестьяне начали страшно мстить панамъ и жидамъ за свои долговременныя страданія. Образовалось множество казацкихъ шаекъ, которыя ходили по городамъ и деревнямъ и безчеловѣчно истребляли своихъ притѣснителей, а богатства ихъ забирали себѣ. „Каждый хлопъ, говоритъ одинъ тогдашній польскій писатель, намъ теперь непріятель, каждое русское мѣстечко и селеніе — гнѣздо враговъ.“ Ненависть ко всему польскому была такъ велика, что гибли многіе и изъ православныхъ русскихъ за то только, что, слѣдуя модѣ, носили польское платье, или говорили по-польски. Еще съ большимъ ожесточеніемъ казаки губили жидовъ. Однажды они напали на замокъ, въ которомъ заперлись поляки и жиды. Не видя надежды на спасеніе, шляхтичи рѣшились просить пощады и предложили за себя выкупъ. „Васъ мы пощадимъ, отвѣчали казаки, если заплатите выкупъ, а жидовъ ни за какія деньги не помилуемъ; они наши заклятые враги; они оскорбили нашу вѣру и мы поклялись истребить все племя ихъ. Выгоните ихъ изъ города и не будьте съ ними въ согласіи.“ Жиды были выгнаны и всѣ, около трехъ тысячъ, погибли въ страшныхъ мукахъ.

Возстаніе распространилось по всѣмъ русскимъ землямъ, подвластнымъ Польшѣ. Спасаясь отъ ярости озлобленныхъ казаковъ и крестьянъ, польскіе паны принуждены были бѣжать. Но нѣкоторые, болѣе сильные и отважные, вооруживши свою челядь, отплачивали казакамъ и крестьянамъ подобными же жестокостями. Изъ нихъ особенно прославился князь Іеремія Вишневецкій. Онъ былъ родомъ русскій, но по примѣру большей части другихъ русскихъ дворянъ, въ Юго-западномъ краѣ, принялъ католическую вѣру и сдѣлался польскимъ паномъ. Вишневецкій съ какою-то яростію и ожесточеніемъ губилъ возмутившихся крестьянъ. Забирая ихъ въ плѣнъ, онъ подвергалъ ихъ прежде страшнымъ истязаніямъ, а потомъ уже лишалъ жизни. „Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ,“ кричалъ онъ въ какомъ-то изступленіи палачамъ. Память объ этомъ ужасномъ времени до сихъ поръ живетъ въ преданіи малороссійскаго народа.

Поляки, разбитые Хмельницкимъ въ нѣсколькихъ битвахъ, сначала согласились было облегчить тяжкую участь малороссовъ; но вскорѣ имъ удалось нанести казакамъ одно пораженіе. Тогда

все почти пошло по старому. Между тѣмъ въ теченіе пяти лѣтъ, въ которые продолжалось возстаніе, народъ уже отвыкъ отъ неволи; притѣсненія польскихъ помѣщиковъ стали теперь еще болѣе невыносимы для казаковъ и цѣлыми толпами они начали покидать свое отечество и перебираться въ Московскую Украйну, гдѣ и заселили своими слободами огромныя пространства, остававшіяся дотолѣ пустынными.

Подданство Малороссіи 1654 г. Богданъ Хмельницкій еще при началѣ возстанія вступилъ въ сношенія съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и просилъ помощи противъ поляковъ. Теперь же, когда ясно было, что отъ Польши нельзя ожидать улучшенія жалкой участи казаковъ, онъ настойчиво сталъ упрашивать московскаго царя принять Малороссію „подъ свою высокую руку.“ Долго Алексѣй Михайловичъ не соглашался и старался примирить казаковъ съ Польшею. Но Хмельницкій и казаки говорили, что они скорѣе пойдутъ въ неволю къ турецкому султану, нежели будутъ терпѣть угнетенія отъ поляковъ. Тогда царь созвалъ земскій соборъ и по рѣшенію его изъявилъ желаніе принять Малороссію въ свое подданство. Въ началѣ 1654 года послы московскіе прибыли въ Переяславль, чтобы привести малороссійскій народъ къ присягѣ. Сюда же пріѣхалъ гетманъ Хмельницкій и вся казацкая старшина. Прощаясь въ послѣдній разъ съ плѣнными поляками, Хмельницкій сказалъ имъ такую рѣчь: „теперь, господа поляки, мнѣ кажется, что мы уже навѣкъ разлучимся, такъ что вы не будете наши, а мы ваши; за эту потерю вы никогда не можете себя вознаградить, да и мы никогда уже не покажемъ склонности къ вознагражденію. Не наша вина, а ваша; а потому жалуйтесь на самихъ себя за то, что все добровольно потеряли, по собственному своему неблагоразумію и легкомыслію.“ И дѣйствительно, послѣ потери Малороссіи, Польша начала быстро клониться къ паденію. На 8-е января Хмельницкій назначилъ общую раду въ Переяславлѣ. На разсвѣтѣ, въ седьмомъ часу утра въ этотъ день ударили въ котлы, по казацкому обычаю, и площадь переяславская стала наполняться народомъ. Сюда же пришелъ и гетманъ со всею казацкою старшиною. По данному знаку говоръ въ толпѣ прекратился и Хмельницкій сказалъ народу рѣчь, въ которой предложилъ избрать въ цари государя московскаго. Народъ въ одинъ голосъ закричалъ: „Хотимъ быть подданными царя православнаго!“ „Да будетъ такъ!“ сказалъ Хмельницкій; да укрѣпитъ насъ Богъ подъ его царскою крѣпкою ру-

*

кою.“ Народъ снова воскликнулъ: „Боже утверди! Боже укрѣпи! чтобъ мы на вѣки были всѣ едино.“ Послѣ того московскіе послы привели гетмана и весь малороссійскій народъ къ присягѣ на вѣчное подданство царю московскому.

Борьба за Малороссію. Но не скоро еще упрочено было обладаніе Малороссіею. Поляки не могли добровольно отказаться отъ такой богатой области, какъ Украйна, которую они называли раемъ Польши. Поэтому открылась война за Малороссію между Россіею и Польшею. Царь Алексѣй Михайловичъ самъ отправился въ походъ и объявилъ, что идетъ сражаться за святые Божіи храмы и за православныхъ христіанъ. Вслѣдствіе этого крестьяне западнаго края охотно принимали царскія войска. Нѣкоторые города защищались только для виду, другіе сдавались безъ боя. Въ короткое время русскіе завоевали множество городовъ. Самъ Алексѣй Михайловичъ принудилъ къ сдачѣ Смоленскъ. Въ то же время Хмельницкій, подкрѣпленный царскими войсками, громилъ Польшу съ юго-востока, повсюду радостно встрѣчаемый крестьянами. Но борьба за Малороссію, начатая такъ удачно, впослѣдствіи затянулась. Россія, однако, удержала за собою весь лѣвый берегъ Днѣпра и кромѣ того города Смоленскъ и Кіевъ, древнюю свою столицу. Польша же во время этой войны дошла до послѣдней степени истощенія. Вообще потеря Малороссіи, можно сказать, рѣшила судьбу Польши. Царствовавшій въ то время въ Польшѣ король Янъ-Казиміръ, отрекаясь отъ престола, предсказалъ, что черезъ столѣтіе она будетъ раздѣлена между сосѣдями.

Смерть Хмельницкаго. Борьба за Малороссію кончилась, когда уже Богдана Хмельницкаго не было въ живыхъ. Разсказываютъ, что смерть приключилась ему отъ лихаго зелья. Одинъ знатный польскій дворянинъ посватался за его дочь. Гетманъ не прочь былъ выдать ее за него. Ударили по рукамъ. Женихъ собрался домой, чтобы поскорѣй изготовить все къ свадьбѣ. На прощаньи Хмельницкій захотѣлъ угостить своего нареченнаго зятя какимъ-то рѣдкимъ виномъ. Налили по чаркѣ. Случилось такъ, что гетманъ зачѣмъ-то отвернулся. Въ это время полякъ подлилъ чего-то въ его чарку. Съ тѣхъ поръ о женихѣ и слухъ пропалъ, а Хмельницкій началъ сохнуть и хирѣть. Въ 1657 году онъ скончался, завѣщавъ похоронить себя въ любимомъ своемъ хуторѣ Суботовѣ, изъ-за котораго началась борьба съ поляками. Съ горемъ проводили казаки въ могилу своего освободителя. Рыданія и вопли народа при его погребеніи заглушали церковное пѣніе.

„То не вѣтры осенніе бушевали въ дубравѣ, то плакали и вопили казаки, погребая батьку своего, стараго Хмельницкаго.“ Такъ, говоритъ современная малороссійская дума, дошедшая до насъ. Гробъ Хмельницкаго поставили въ каменной церкви, построенной имъ самимъ. Но поляки, завладѣвъ впослѣдствіи Суботовымъ, выбросили на поруганіе кости человѣка, отнявшаго у нихъ Малороссію. Въ настоящее же время въ Кіевѣ ставятъ памятникъ освободителю Малороссіи отъ поляковъ.

X. Бытъ и нравы русскаго народа въ древности.

Въ древности предки наши твердо держались старины и потому бытъ и нравы ихъ долго сохранялись неизмѣнными. Въ простомъ народѣ даже и до сихъ поръ много осталось древнихъ обычаевъ, повѣрій, примѣтъ и тому подобное. Съ другой стороны, въ старину жизнь нашихъ предковъ различныхъ классовъ и состояній не такъ рѣзко различалась, какъ въ настоящее время. Богатый и знатный русскій боярин такого же, напримѣръ, покроя носилъ одежду, какъ и простой бѣдный поселянинъ; разница была только въ достоинствѣ и цѣнности матеріи; даже царская одежда по покрою была одинакова съ крестьянскою. Одинаковые порядки и церемоніи домашняго быта можно было встрѣтить какъ въ хоромахъ вельможъ, такъ и въ убогихъ хижинахъ обитателей селъ и деревень. Равнымъ образомъ, почти одинаковымъ развлеченіямъ и увеселеніямъ предавались какъ богатые и знатные люди, такъ и бѣдные поселяне. Наконецъ тѣми же понятіями, чувствами, даже суевѣріями и предразсудками былъ проникнутъ какъ высшій классъ народа, такъ и нисшій.

Чтобы познакомиться съ стариннымъ бытомъ и нравами нашихъ предковъ, взглянемъ на жизнь русскаго боярина въ древности, такъ какъ его образъ жизни, не смотря на сходство въ главныхъ чертахъ съ бѣдною жизнію крестьянина, представляетъ и нѣкоторыя отличительныя стороны и вообще былъ полнѣе и разнообразнѣе. Но при этомъ не будемъ упускать изъ виду и особенностей быта крестьянскаго.

Русскій бояринъ.

Жилища. Посреди огромнаго двора, обнесеннаго заборомъ или острымъ тыномъ, стоялъ деревянный боярскій домъ съ крыльцомъ, къ которому отъ воротъ вела дорога, а на воротахъ висѣлъ образъ.

Въ старину дома строились исключительно почти деревянные, во-первыхъ потому, что предки наши не особенно искусны были въ каменныхъ постройкахъ, а во-вторыхъ потому, что тогда было убѣжденіе, что въ деревянныхъ домахъ жить здоровѣе. Каменные дома были рѣдкость. Когда въ XV вѣкѣ одинъ купецъ, по прозванью Тараканъ, построилъ себѣ близъ Кремля каменный домъ, то москвичи приходили смотрѣть на него какъ на диковинку. Только со времени Михаила Ѳеодоровича началъ распространяться вкусъ на каменныя постройки, хотя еще при Грозномъ было учреждено особенное вѣдомство или приказъ, завѣдывавшій каменными постройками.

Лицевая сторона и крыша боярскаго дома обыкновенно украшались разными фигурами птицъ, звѣрей, всадниковъ, листьевъ, травъ и т. п. Все это было рѣзное и наводилось золотомъ и

яркими красками. Самыя стекла въ окнахъ также большею частію были цвѣтныя. Впрочемъ, до открытія стеклянныхъ фабрикъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, вмѣсто стеколъ чаще употреблялась для оконъ слюда, вставлявшаяся въ желѣзные переплеты; она также расписывалась разными фигурами. Домъ боярина или хоромы состояли изъ нѣсколькихъ отдѣленій, соединенныхъ сѣнями или крытыми переходами. Въ нихъ большею частію было три этажа. Нижній назывался *подклѣтомъ*, и въ немъ помѣщались людскія комнаты и кладовыя. Надъ подклѣтомъ находилась *горница*, нерѣдко раздѣлявшаяся перегородками на нѣсколько комнатъ. Здѣсь-то и жилъ самъ бояринъ. Верхній же этажъ боярскаго дома составляла *свѣтлица*, которую называли также *теремомъ*, отчего въ народныхъ пѣсняхъ терема и называются высокими. Въ нихъ у большихъ или красныхъ оконъ, называемыхъ въ пѣсняхъ *косящатыми*, и проводили время боярскія жены и дочери, занимаясь вышиваньемъ золотомъ и жемчугомъ. Около теремовъ всегда почти устраивались балконы, которые назывались гульбищами.

Жилища же простыхъ людей—*изба*—теплый покой и *клѣть*—лѣтнее холодное помѣщеніе—были до такой степени не хитры, что ихъ продавали на рынкахъ совсѣмъ готовыми. Вотъ почему послѣ пожаровъ, которые были весьма часты, города и села скоро опять отстраивались. Въ простыхъ избушкахъ окна затягивались кожею, пузыремъ и даже масляннымъ полотномъ и вообще были маленькія, для того чтобы въ комнатѣ было теплѣе; но за то въ такой комнатѣ даже посреди дня было почти темно; такъ какъ печи въ избахъ бѣдныхъ людей устраивались безъ трубъ, то для пропуска дыма дѣлали такъ называемыя *волоковыя* окна, которыя задвигались или *заволакивались* доскою, какъ это бываетъ и теперь въ крестьянскихъ избушкахъ.

Вокругъ боярскаго дома было множество людскихъ избъ и службъ. Такъ какъ у богатыхъ людей большею частію все приготовлялось дома, то тутъ были особыя строенія для печенія хлѣба, варки пива, сыченія меда и тому подобное. Баня или мыльня составляла необходимую принадлежность не только боярскаго, но и всякаго зажиточнаго дома. Равнымъ образомъ сады и огороды были также во всѣхъ зажиточныхъ домахъ. У знатныхъ же людей на огородѣ почти всегда былъ свой рыбный прудъ.

Старинные дома не отличались изяществомъ постройки, пра

вильнаго, красиваго расположенія въ нихъ не было. Самые дворцы представляли пеструю массу зданій разнообразной величины, раскиданныхъ безъ всякаго порядка. Таковъ, напримѣръ, Коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича, планъ котораго сохранился. Но не смотря на то нѣкоторые дворцы отличались великолѣпіемъ и богатствомъ украшеній какъ снаружи, такъ и внутри. Не говоря о разнаго рода вычурныхъ рѣзныхъ украшеніяхъ, въ нихъ иногда самыя кровли и куполы отдѣлывались серебромъ и золотомъ. О Коломенскомъ дворцѣ одинъ путешественникъ замѣчаетъ, что онъ такъ изукрашенъ былъ рѣзьбою и позолотою, что походилъ на игрушку, только что вынутую изъ ящика.

Внутреннее украшеніе домовъ въ старину составляли прежде всего образа въ серебрянныхъ и золотыхъ окладахъ съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и въ створчатыхъ кіотахъ. Они обыкновенно ставились на полкахъ или *божницахъ* въ переднемъ углу, и передъ ними теплились лампады, а въ праздники зажигались и свѣчи. Въ боярскихъ домахъ, равно и во дворцахъ, была еще комната, гдѣ образа ставились во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса, и передъ ними стояли подсвѣчники съ восковыми свѣчами и аналой съ богослужебными книгами. Эта комната называлась крестовою. Въ ней совершалась молитва утренняя и вечерняя; въ ней же домовый священникъ отправлялъ ежедневно заутреню, часы и вечерню. У многихъ бояръ и знатныхъ людей были и свои домовыя церкви. Кромѣ образовъ, въ старину рѣдко допускались другія украшенія на стѣнахъ. Но въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе западнаго иноземнаго вліянія, началъ распространяться вкусъ къ расписыванью потолковъ и сводовъ, а иногда и стѣнъ. Впрочемъ во дворцахъ еще гораздо ранѣе стѣны и потолки расписывались разными священными изображеніями, напримѣръ: Господь Саваоѳъ, Страсти Господни, Крещеніе Св. Ольги; въ древнихъ дворцахъ рисовали также небесныя свѣтила, портреты великихъ князей и царей русскихъ и тому подобное. Сообразно вкусу времени стѣнныя изображенія въ древности отличались блескомъ золота, яркостію красокъ и разными вычурными украшеніями. Въ XVII же вѣкѣ и въ домахъ боярскихъ начали входить въ употребленіе въ видѣ стѣнныхъ украшеній такъ называемыя лубочныя картины въ золоченыхъ рамахъ, большею частію также религіознаго содержанія. Вкусъ къ нимъ сталъ распространяться и въ другихъ сословіяхъ и къ концу XVII в. ихъ продавали уже въ лавкахъ въ Москвѣ. Въ это время, вслѣд-

ствіе также знакомства съ западною Европою, въ ряду комнатныхъ украшеній встрѣчаются еще часы стѣнные и столовые, хотя во дворцѣ московскихъ государей они существовали гораздо ранѣе. Часы карманные или зепные въ старину составляли рѣдкость. Но за то часы башенные съ боемъ и музыкою были въ большомъ употребленіи. Въ древности не было также стѣнныхъ зеркалъ. Церковь не одобряла ихъ употребленія. Духовнымъ лицамъ даже соборомъ запрещено было имѣть ихъ въ своихъ домахъ. Но къ концу XVII в. появляются и зеркала. Стѣны въ домахъ вельможъ, кромѣ украшеній картинами, обивались сукномъ или кожею различныхъ цвѣтовъ. Къ стѣнамъ пониже оконъ придѣлывались широкія лавки, которыя съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и до начала XVIII в. составляли необходимую мебель даже во дворцахъ; онѣ накрывались матеріями суконными, шелковыми, бархатными, нерѣдко шитыми серебромъ и золотомъ. Передъ лавками въ углу ставились длинные и узкіе столы, большею частію дубовые, иногда разрисованные разными изображеніями изъ священной исторіи и украшенные рѣзьбою. Кромѣ лавокъ для сидѣнья употреблялись еще длинныя и широкія скамьи и табуреты или стольцы, которыя также накрывались кусками дорогихъ матерій; на скамьяхъ обыкновенно послѣ обѣда ложились отдыхать. Въ концѣ XVII в. начали появляться кресла и стулья. У стѣнъ комнаты, гдѣ не было лавокъ, ставили шкафы, называемые поставцами, или придѣлывались полки, въ которыхъ выставлялась на показъ посуда золотая и серебрянная и вообще всякаго рода дорогія и рѣдкія вещи. Послѣ образовъ это составляло въ древности главное убранство комнатъ. Немаловажнымъ украшеніемъ въ старину служила также печь съ лежанкою, выложенная затѣйливыми изразцами и выдвигавшаяся обыкновенно на первый планъ горницы. Полы въ нѣкоторыхъ домахъ и дворцахъ дѣлались изъ квадратныхъ дубовыхъ брусковъ, называемыхъ дубовымъ кирпичемъ. Это былъ родъ паркета, но его не натирли воскомъ какъ теперь дѣлаютъ, а расписывали иногда красками въ видѣ шахматныхъ досокъ. Полы устилались также коврами, особенно въ праздники. Вообще, предки наши старались какъ можно лучше убрать комнаты къ большимъ праздникамъ или въ какихъ нибудь торжественныхъ случаяхъ. Царскіе хоромы и палаты особенно пышно и роскошно убирались при пріемѣ иноземныхъ пословъ.

Утро русскаго боярина. Вставалъ русскій бояринъ, точно также

какъ и простой человѣкъ, обыкновенно очень рано, когда начинали благовѣстить къ заутрени. Первымъ дѣломъ его по пробужденіи было перекреститься, глядя на образъ. Потомъ, надѣвши зипунъ — это обыкновенное короткое домашнее платье, и умывшись розовою или простою водою, бояринъ шелъ молиться въ крестовую комнату. Сюда же собиралась вся семья его и даже прислуга. Тутъ затепливались лампады, зажигались свѣчи, раскуривался ладонъ и начиналась общая молитва. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ вслухъ утреннія молитвы. Предки наши при каждомъ удобномъ случаѣ ходили также въ церковь къ утрени и обѣднѣ. Послѣ молитвы или по возвращеніи изъ церкви, боринъ, напившись сбитню съ калачомъ или взварцу изъ наливокъ съ клюквою и малиною, дѣлалъ распоряженія по хозяйству: заказывалъ ключнику обѣдъ, обходилъ съ дворецкимъ надворныя строенія, заходилъ въ хлѣва посмотрѣть на скотину. Сдѣлавъ домашнія распоряженія, бояринъ собирался во дворецъ или на службу въ приказъ. При этомъ посмотримъ на его одежду.

Одежда. Предки наши вообще любили показать себя роскошью нарядовъ и потому, выходя изъ дому или принимая гостей дома, они надѣвали самыя дорогія и роскошныя одежды. Чтобы выказать свое богатство, русскій бояринъ, иногда, принимая гостей, сидѣлъ въ дорогой шубѣ дома въ комнатѣ. Во время пріема иностранныхъ пословъ цари выдавали бѣднымъ придворнымъ изъ своей казны шитое золотомъ и жемчугомъ платье. Собираясь во дворецъ или куда бы то ни было, бояринъ надѣвалъ на зипунъ кафтанъ или армякъ съ длинными, доходящими до земли рукавами и подпоясывался длиннымъ и широкимъ поясомъ, а поверхъ кафтана накидывалъ еще эпанчу или шубу изъ лисьяго, собольяго или другаго какого нибудь дорогаго мѣха. Одежды боярскія обыкновенно дѣлались изъ дорогихъ матерій яркихъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго, зеленаго и другихъ, вышивались золотомъ и серебромъ и украшались разными нашивками и множествомъ пуговицъ. Немаловажное украшеніе въ боярской одеждѣ составлялъ воротникъ или ожерелье, какъ его тогда называли; онъ пристегивался къ рубахѣ и, кромѣ разныхъ вышивокъ золотомъ, унизывался еще жемчугомъ. Не послѣднюю вещь въ боярскомъ убранствѣ составляли и сапоги; они обыкновенно дѣлались изъ сафьяна, большею частію краснаго, желтаго и голубаго, съ острыми носками и высокими подборами; по швамъ, носкамъ и каблукамъ, они также вышивались разными золотыми узорами и унизывались

жемчугомъ; подошвы на сапогахъ подбивались серебряными гвоздями, а каблуки — серебряными подковами. На голову бояринъ надѣвалъ шапочку или тафью, а поверхъ ея высокую горлатную шапку. Она называлась такъ потому, что выдѣлывалась изъ мѣха, добываемаго съ горла дорогихъ пушныхъ звѣрей. Такую шапку могли носить только одни бояре. Какъ бы ни былъ богатъ, напримѣръ, посадскій человѣкъ, какъ бы ни любилъ онъ пощеголять, однако не смѣлъ надѣть горлатной шапки. Бояре часто въ комнатахъ, за нарядными столами, сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ и не снимали ихъ во время засѣданій думы въ присутствіи государевомъ. Этотъ восточный обычай у нашихъ предковъ поддерживался другимъ тоже восточнымъ обычаемъ — плотно стричь и даже брить волосы на головѣ. Отращиваніе волосъ на головѣ въ боярскомъ быту допускалось только въ случаѣ траура или царской опалы. За то встарину всѣ носили бороды и у кого борода была длиннѣе и окладистѣе, тотъ пользовался бо́льшимъ почетомъ; напротивъ у кого не росла борода на того смотрѣли подозрительно и считали его способнымъ на дурное дѣло.

Въ довершеніе своего убранства, бояринъ вѣшалъ иногда на шею золотую цѣпь съ крестомъ, вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ; въ ухо вдѣвалъ серьгу; на пальцы надѣвалъ множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами, а съ боку привѣшивалъ шпагу или затыкалъ за поясъ ножъ, нерѣдко также кинжалъ.

Выѣздъ изъ дому. Разодѣвшись, бояринъ выходилъ на крыльцо и садился верхомъ на лошадь, если было лѣто; зимою же усаживался въ сани. Ходить пѣшкомъ для важнаго человѣка встарину считалось предосудительнымъ и неприличнымъ, и, хотя бы нужно было сдѣлать отъ дома нѣсколько шаговъ, бояринъ считалъ необходимымъ, для поддержанія своего достоинства, ѣхать, а не идти. Когда господинъ усаживался въ сани, то у ногъ его, на тѣхъ же саняхъ, становились два холопа; нѣсколько холоповъ шли по сторонамъ, а сзади бѣжалъ мальчикъ-казакъ; сани везла, большею частію, одна лошадь и кучеръ сидѣлъ на ней верхомъ. Лошадь боярина также убиралась разными цѣпочками, колечками, погремушками, перьями и хвостами лисьими, собольими и другими. Въ XVII в. начала входить въ обычай ѣзда въ каретахъ лѣтомъ и зимою, на нѣсколькихъ лошадяхъ. Но ѣзда въ саняхъ вообще считалась встарину почетнѣе ѣзды на колесахъ. Въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ. Такъ, на-

тріархъ іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву для возведенія въ патріархи Филарета, отца Михаила Ѳеодоровича, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было въ іюнѣ. Архіереи также вообще ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ и зимою и лѣтомъ. Съ большою пышностію въ древности ѣзжали царь и царица. Такъ, когда Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ парадно къ обѣднѣ въ саняхъ, то хотя сани и были запряжены въ одну лошадь, украшенную разными побрякушками и перьями, но за то на запяткахъ стояли два боярина, а два стольника по обѣимъ сторонамъ царя, у его ногъ на полозьяхъ, и поддерживали полость; возница или лейбъ-кучеръ царскій также всегда былъ стольникъ, а это былъ важный придворный чинъ; по сторонамъ царскаго экипажа шла толпа придворныхъ и стрѣльцовъ съ ружьями; всѣ были безъ шапокъ и бояре держали ихъ только въ рукахъ. Когда проѣзжалась царица, то экипажъ ея, закрытый со всѣхъ сторонъ, везли 12 лошадей бѣлой масти; съ нею сидѣли боярыни; сзади провожали разныя придворныя прислужницы, мастерицы и постельницы. Вообще, когда предки наши появлялись передъ публикою, то любили окружать себя пышностію и роскошью. Знатные люди имѣли даже своихъ тѣлохранителей. Когда бояринъ ѣхалъ или верхомъ на разукрашенной лошади, или въ саняхъ, окруженный толпою слугъ, то всѣ разступались; простой народъ дѣлалъ ему земные поклоны и если кто-либо, встрѣтясь съ бояриномъ, тоже ѣхалъ, то поспѣшно вылѣзалъ и кланялся до земли. Впрочемъ въ концѣ XVII в. это было запрещено указомъ.

Пріѣздъ во дворецъ. Но, подъѣзжая къ царскому двору, бояринъ у воротъ его самъ слѣзалъ и черезъ дворъ уже шелъ пѣшкомъ. Какъ-бы ни былъ онъ знатенъ и заслуженъ, но не смѣлъ проѣхать на лошади черезъ царскій дворъ; нѣкоторые же не чиновные люди не осмѣливались въѣзжать даже и въ Кремль, гдѣ обыкновенно жилъ царь. Вообще русскій человѣкъ, еще издали завидя царское жилище, благоговѣйно снималъ шапку. Всякое непристойное слово, сказанное во дворцѣ, а тѣмъ болѣе ссоры и драки почитались *нарушеніемъ чести государева двора* и преслѣдовались закономъ. Когда бояринъ подходилъ къ крыльцу царскаго дворца, здѣсь уже толпились люди меньшихъ чиновъ; на крыльцѣ и въ сѣняхъ тоже собирались царедворцы по чинамъ своимъ нѣсколько выше первыхъ. Но ни тѣ, ни другіе по тогдашнимъ придворнымъ правиламъ, не могли входить въ самые покои царскіе; имъ удавалось видѣть царя только когда онъ вы-

ходилъ на крыльцо. Бояринъ же прямо отправлялся въ пріемную комнату, которая называлась *переднею*. Здѣсь всѣ бояре и знатные люди ожидали царскаго выхода. Нѣкоторые же, пользовавшіеся особенною довѣренностію и расположеніемъ государя, выждавъ время, входили въ самую комнату или кабинетъ царя. Завидѣвъ государя, всѣ бояре кланялись въ землю, но царь никогда не снималъ даже шапки на ихъ поклоны. Поздоровавшись съ боярами и поговоривъ съ нѣкоторыми изъ нихъ немного о дѣлахъ, царь, въ сопровожденіи всѣхъ царедворцевъ, отправлялся часу въ девятомъ къ обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей; если же былъ большой праздникъ, то въ соборъ, или въ какую нибудь городскую церковь, гдѣ былъ храмовой праздникъ. Послѣ обѣдни царь слушалъ доклады по дѣламъ и челобитныя; приэтомъ всѣ бояре стояли; уставшіе стоять выходили посидѣть въ переднюю или въ сѣни, или наконецъ на дворъ.

Мѣстничество бояръ. Въ нѣкоторые дни въ комнатѣ царской бывали засѣданія Боярской Думы. Здѣсь рѣшались важныя государственныя дѣла. Присутствовали въ Боярской Думѣ только самые важные сановники: бояре, окольничіе и думные дворяне. Они разсаживались по лавкамъ, поодаль отъ царя въ строго опредѣленномъ порядкѣ, по чинамъ и знатности рода. Въ старину это весьма строго соблюдалось. Большимъ безчестіемъ считалось боярину сѣсть ниже окольничаго, а окольничему ниже думнаго дворянина. Этотъ обычай соблюдался и при занятіи должностныхъ мѣстъ. Такъ напримѣръ сынъ или внукъ боярина не могъ находиться подъ начальствомъ сына или внука окольничаго; даже два лица не могли служить въ одинаковыхъ званіяхъ если предки одного стояли хотя одною ступенью выше предковъ другаго. Если это случалось, то обиженный обыкновенно подавалъ челобитную государю, въ которой высчитывалъ всю свою родословную и говорилъ, что ему служить *невмѣстно*. Это называлось *мѣстничествомъ*. Мѣстническіе споры, по понятіямъ старины, были такъ важны, что нерѣдко самъ царь съ боярами занимался разсматриваніемъ ихъ. Безпрекословные исполнители воли царской, бояре и князья, какъ только дѣло касалось родословныхъ счетовъ, совершенно отказывались повиноваться царю; потому что черезъ это, по понятіямъ того времени, наносился позоръ и униженіе всему роду, или, какъ тогда говорили, терялась *родовая честь*. Обычай этотъ такъ глубоко вкоренился что не только считались мѣстами при назначеніи въ должности, но спо-

рили при занятіи мѣстъ за царскимъ столомъ, при пріемѣ пословъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Легко себѣ представить какой вредъ происходилъ отъ этого. Случалось, что во время походовъ войска наши отъ этого терпѣли неудачи. Соображаясь съ этимъ предразсудкомъ, цари должны были назначать на мѣста не по способностямъ и заслугамъ, а по знатности рода. Одинъ древній русскій писатель говоритъ, что многіе изъ бояръ въ Думѣ не могутъ слова сказать, а сидятъ *уставя брады своя*, потому что царь назначаетъ ихъ не по разуму, а по великой ихъ породѣ. Во избѣжаніе подобныхъ назначеній, цари часто, особенно во время войны, объявляли, чтобы всѣ были безъ мѣстъ, т. е. чтобы никто не считался родословными правами, а служилъ бы тамъ, гдѣ укажетъ государь, что на будущее время это не будетъ приниматься въ разсчетъ и не будетъ служить униженіемъ для рода. Но и это мало помогало. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сынъ Алексѣя Михайловича, рѣшился совсѣмъ уничтожить мѣстничество. Онъ созвалъ для этого соборъ изъ высшаго духовенства и бояръ. На соборѣ патріархъ первый началъ говорить противъ мѣстничества. Назвавъ его источникомъ многихъ золъ и неудачъ въ дѣлахъ государственныхъ, онъ въ заключеніе сказалъ, что не можетъ изрѣчь царю достойной похвалы за его мудрое намѣреніе. Съ мнѣніемъ патріарха согласились и бояре. Тогда Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ принести книги, въ которыхъ заключались мѣстническіе споры. Въ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь и книги были сожжены. Приэтомъ члены Думы говорили: „да погибнетъ во огнѣ это богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки.“

Обѣдъ и отдыхъ. Около 11 часовъ дня служебныя занятія обыкновенно кончались. Въ полдень наступало для всѣхъ время обѣда. Русскій бояринъ садился за столъ одинъ или съ родственниками и пріятелями, проживавшими въ его домѣ; жена же и дѣти обѣдали особо. Столъ русскаго боярина отличался обиліемъ яствъ. „Не красна изба углами, а красна пирогами,“ говорили предки наши. Но, не смотря на то, посты, предписываемые церковію, строго соблюдались; съ особенною строгостію соблюдался великій постъ; въ это время предки наши разрѣшали себѣ рыбу только въ немногіе праздничные дни. Царь Алексѣй Михайловичъ въ великій постъ обѣдалъ только четыре раза въ недѣлю, а въ остальные дни не ѣлъ ничего. Но былъ ли то постъ или

обыкновенное время, предки наши, начиная отъ царя и кончая послѣднимъ поселяниномъ, послѣ обѣда обыкновенно ложились отдыхать. Это былъ обычай, освященный временемъ. Не спать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ прадѣдовскихъ обычаевъ.

Отдохнувши послѣ обѣда, бояринъ опять отправлялся во дворецъ. Царь въ сопровожденіи бояръ снова шелъ въ церковь къ вечерни. Послѣ вечерни иногда, если были важныя дѣла, государь тоже занимался съ боярами нѣсколько часовъ. Ежедневные пріѣзды во дворецъ составляли непремѣнную обязанность бояръ, проживавшихъ въ Москвѣ. Когда кто уклонялся отъ этого, то государь гнѣвался на того и даже подвергалъ опалѣ.

Развлеченія. Вечеръ въ домашнемъ быту боярина обыкновенно посвящался развлеченіямъ, свойственнымъ духу времени. Тутъ являлись на сцену карлы и шуты, которыми наполнены были дома знатныхъ людей. Они увеселяли своихъ господъ разными смѣшными выходками, кривляньями, прибаутками, пѣснями и пляскою. Игра на гусляхъ и органахъ составляла также любимое удовольствіе знатнаго человѣка. Но церковь неблагопріятно смотрѣла на эти удовольствія. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ музыкальные инструменты были запрещены; по приказу патріарха ихъ тогда обобрали во всѣхъ частныхъ домахъ и на нѣсколькихъ возахъ свезли на Москву-рѣку и сожгли. Танцы же или пляска для важныхъ особъ считались встарину дѣломъ неприличнымъ. Церковь запрещала даже смотрѣть на танцы. Подобныя увеселенія однакожъ такъ сообразны были съ духомъ и вкусами стараго времени, что самые благочестивые люди соблазнялись. Такъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, этотъ монахъ на престолѣ, любилъ смотрѣть на подобнаго рода потѣхи.

Любимымъ же удовольствіемъ для народа въ праздничные дни были кулачные бои, въ которыхъ закалялась натура русскаго человѣка. Нерѣдко бойцы выходили изъ этихъ боевъ калѣками, а иныхъ выносили мертвыми. Въ лѣтніе праздники народъ потѣшался также хороводами и пѣснями. Особенно разгулъ народныхъ увеселеній проявлялся въ святки и на масляницѣ. Въ святки главное удовольствіе составляли гаданія и переряживанья, что отчасти сохранилось и донынѣ. Встарину переряживанія были самыя уродливыя и смѣшныя. Всего чаще переряживались въ буку, бабу-ягу, козу, медвѣдя, журавля и т. п. У буки обыкновенно видъ былъ такой: лицо, обмазанное сажею; на головѣ

рога; уши, обвернутыя лохмотьями, руки—соломою; ноги толстыя и кривыя; тѣло обматывалось чѣмъ нибудь косматымъ съ привѣшенными бубенчиками; во рту бука держалъ раскаленныя уголья, а изо рта выпускалъ дымъ. Баба-яга въ ступѣ, съ костяными ногами, помеломъ заметала свой слѣдъ и правила костылемъ. Она задавала загадки и сама отгадывала.

Знатные люди позволяли себѣ также для собственнаго удовольствія травить собаками зайцевъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей. Иногда же для потѣхи господъ въ борьбу съ медвѣдемъ вступали охотники. Для этого отводилось небольшое пространство, обнесенное стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей. Когда впускали медвѣдя, онъ, завидѣвъ человѣка, становился на заднія лапы и съ ревомъ бросался на него. Предупреждая нападеніе, боецъ самъ кидался на медвѣдя и поражалъ его рогатиною въ грудь. Случалось, что медвѣдь погибалъ съ одного удара. Тогда побѣдителя жаловали подарками.

Но самое любимое препровожденіе времени для богатыхъ и знатныхъ людей встарину составляла охота. Соколиная же охота считалась благородною забавою князей и царей. При дворѣ ихъ былъ особый штатъ сокольниковъ, которые завѣдывали этого рода охотою. Особенно любилъ соколиную охоту царь Алексѣй Михайловичъ. При немъ сокольники были поставлены по чину выше стольниковъ, а главный сокольничій былъ его любимецъ.

Изъ невинныхъ удовольствій стараго времени были также, какъ и теперь: катанье на конькахъ по льду, катанье на салазкахъ, качели, шахматы и т. п. Карты также были уже извѣстны.

Пиры и пріемъ гостей. Кромѣ игръ и другихъ забавъ, предки наши любили задавать пиры, которые замѣняли нынѣшніе театры, вечера, увеселительныя поѣздки и тому подобныя развлеченія. Въ древности существовалъ даже обычай устраивать пиры въ складчину, напримѣръ въ праздники,—въ Николинъ день и другіе. Пиры давали цари и крестьяне и разницу между ними составляли только богатство и роскошь угощенія, а отнюдь не пріемы и обряды.

Въ пріемѣ гостей соблюдались тонкія различія, смотря по важности гостя. Такъ знатные люди подъѣзжали прямо къ крыльцу дома; менѣе значительные въѣзжали на дворъ, но останавливались на нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и шли къ нему пѣшкомъ; тѣ же, которые считали себя гораздо нисшими въ сравненіи съ хозяиномъ, привязывали лошадь у воротъ и пѣшкомъ про-

ходили весь дворъ—одни изъ нихъ въ шапкахъ, а другіе, считавшіеся по достоинству ниже первыхъ, съ открытою головою. Войдя въ комнаты, гость прежде всего молился образамъ, касаясь пальцами пола, потомъ кланялся хозяину; приэтомъ соблюдались опять разнаго рода церемоніи, смотря по важности лица; такъ передъ одними только наклоняли голову, другимъ кланялись въ поясъ; передъ нѣкоторыми же становились на колѣна и касались лбомъ земли или „били челомъ.“

Существовалъ также обычай являться на званые обѣды съ подарками, которые назывались поминками. Пользуясь этимъ обычаемъ, знатные люди, особенно намѣстники и воеводы въ городахъ, удостоивали нерѣдко приглашенія купцовъ, приношеніями которыхъ и покрывались издержки пира съ большою лихвою.

За столомъ гости разсаживались по знатности рода и по чинамъ. Сѣсть выше другаго, считавшаго себя знатнѣе, значило нанести ему оскорбленіе, которое сопровождалось споромъ, бранью и даже дракою. Подобные споры случались даже за царскими обѣдами. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ князь Лыковъ, будучи посаженъ за столъ ниже Ивана Никитича Романова, дяди царя, сталъ бить челомъ государю, что „ему меньше Романова быть никакъ нельзя, лучше пусть государь велитъ казнить его смертью.“ Сколько царь ни уговаривалъ спѣсиваго боярина, онъ не сѣлъ за столъ и уѣхалъ домой. Два раза посылали за нимъ, но Лыковъ давалъ одинъ отвѣтъ: „готовъ ѣхать къ казни, а меньше Ивана Никитича мнѣ не бывать.“ Тогда царь приказалъ выдать его головою Романову. Лыкова привели пристава, въ сопровожденіи дьяка, на дворъ Романова и поставили у крыльца. Когда Иванъ Никитичъ вышелъ на крыльцо, то дьякъ сказалъ: „великій государь указалъ, а бояре приговорили выдать тебѣ головою боярина Лыкова.“ Иванъ Никитичъ поблагодарилъ за царскую милость и отпустилъ униженнаго соперника своего, а на другой день ѣздилъ во дворецъ бить челомъ царю. Случалось, что царь приказывалъ иногда заспорившаго о мѣстѣ боярина посадить насильно, но тотъ начиналъ отбиваться и даже забивался подъ столъ; приэтомъ бранилъ и безчестилъ своего соперника. Бывали также случаи, что цари, за неправильные споры о мѣстахъ за столомъ, отбирали имѣнія и ссылали.

Каждый изъ приглашенныхъ гостей садился за столъ въ шапкѣ. Самымъ почетнымъ мѣстомъ былъ передній уголъ подъ образами, куда сажали большею частію духовную особу. Передъ на-

чаломъ пира выходила къ гостямъ хозяйка и кланялась имъ въ поясъ. Гости же кланялись ей въ землю. Желая сдѣлать особую честь гостямъ, она обносила ихъ виномъ; послѣ того уходила и уже болѣе не являлась. У нѣкоторыхъ же богатыхъ и знатныхъ лицъ обрядъ этотъ совершался иначе. Жена хозяина выходила къ гостямъ посреди пира, въ сопровожденіи женъ сыновей и другихъ замужнихъ родственницъ, жившихъ въ домѣ. Поднесши чарку вина почетнѣйшему гостю, она уходила и являлась уже въ другомъ платьѣ; поднесши вина другому гостю, она опять удалялась и снова возвращалась переряженная. Эти переряживанья продолжались до тѣхъ поръ, пока она не обносила виномъ всѣхъ гостей. Обычай переряживанья служилъ для показанія богатства и роскоши. Обычай подносить вино гостямъ существовалъ даже въ царскомъ быту. Такъ въ нѣкоторые торжественные праздники сами царицы подносили по чаркѣ вина всѣмъ приглашеннымъ ко двору, за исключеніемъ иноземцевъ.

Отличительною чертою русскихъ пировъ было множество кушаньевъ, которыя всѣ разомъ ставились на столъ. Искони русскіе славились своимъ гостепріимствомъ и потому у нихъ все подавалось на столъ, иногда число блюдъ доходило до 50 и даже до 100. На царской же кухнѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, ежедневно готовилось до 3000 яствъ. Впрочемъ они разсылались обыкновенно приближеннымъ государя. Нѣкоторыя кушанья, употребляемыя нынѣ, встарину считалось за грѣхъ ѣсть, напримѣръ: телятину, раковъ, зайцевъ, голубей.

Если кто либо изъ приглашенныхъ не могъ быть на пиру, то былъ обычай посылать къ нему кушанья на домъ. Весьма часто жаловали такимъ образомъ цари своихъ приближенныхъ; при этомъ и блюдо, обыкновенно изъ дорогаго металла, оставалось въ собственность царскаго любимца. За столомъ также, желая показать кому нибудь свое расположеніе, царь посылалъ изъ своихъ рукъ хлѣбъ и кушанья; обыкновенно въ это время всѣ вставали и удостоенный царскаго вниманія со всѣми раскланивался. Но высшею почестью считалось, если царь кому либо посылалъ соли, потому что посылка хлѣба и кушанья означала только благосклонность, посылка же соли—любовь. Тоже дѣлали и знатные люди на своихъ пирахъ.

Но заботясь о количествѣ кушаньевъ, русскій бояринъ мало обращалъ вниманія на вкусъ приготовляемыхъ блюдъ. Особенность русской кухни состояла въ пряныхъ приправахъ. Лукъ и

чеснокъ составляли неизбѣжную принадлежность почти каждаго кушанья. Иностранцы не могли ѣсть большей части русскихъ блюдъ. Но за то всѣмъ имъ нравились русскіе меда.

Русскій бояринъ выказывалъ свое богатство во время пировъ не только обиліемъ яствъ и напитковъ, но и роскошью посуды. Тутъ выставлялись массивныя серебрянныя, а иногда и золоченыя блюда, ложки, ножи и огромные кубки. Впрочемъ дорогая и роскошная посуда у русскаго аристократа появляется только съ половины XVII вѣка. Около этого же времени входитъ въ употребленіе и хрустальная посуда.

Но не смотря на роскошную обстановку, предки наши не отличались опрятностію за столомъ; они не употребляли салфетокъ, а обтирали руки полотенцами или о края скатертей; кушанья ѣли по нѣскольку человѣкъ изъ одного блюда и нѣкоторыя брали прямо руками, безъ вилокъ; даже за царскими обѣдами не всѣмъ клали тарелки.

Старинныя пиршества вообще были длинны; съ полудня продолжались иногда до поздняго вечера. Это происходило между прочимъ и оттого, что когда пили за здоровье государя, то при этомъ провозглашали полный титулъ его; равнымъ образомъ при каждомъ тостѣ пѣли многія лѣта.

Не смотря на весь разгулъ старинныхъ пировъ, религіозность нашихъ предковъ и здѣсь проявлялась въ большой силѣ. Люди степенные обыкновенно передъ пиромъ поднимали въ домъ образа, служили молебенъ, святили воду и кропили ею иконы и всѣ покои; во время самаго пира иногда дьячки пѣли духовныя пѣсни; въ сѣняхъ и на дворѣ сынъ хозяина или кто либо изъ родныхъ кормилъ нищихъ, а иногда ихъ сажали за одинъ столъ съ гостями; послѣ же стола хозяинъ раздавалъ нищимъ милостыню. Вообще милосердіе и состраданіе къ бѣднымъ и убогимъ составляли отличительную черту древняго русскаго человѣка. Нищихъ кормили нерѣдко въ самомъ дворцѣ и государи изъ своихъ рукъ жаловали имъ милостыню. Передъ большими праздниками цари, а также знатные и богатые люди обыкновенно посѣщали тюрьмы и богадѣльни и раздавали милостыню колодникамъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ.

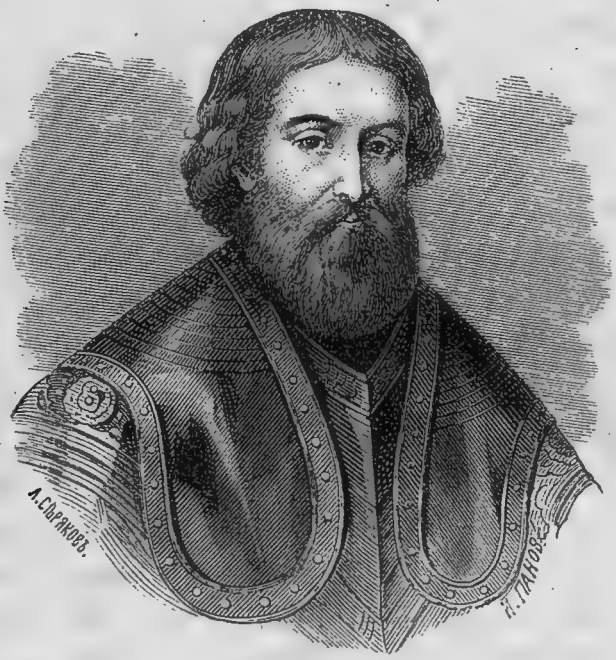
Любознательность предковъ. Но не въ однихъ пирахъ и увеселеніяхъ проводили вечера встарину наши вельможи. Люди любознательные занимались и чтеніемъ книгъ по большей части духовнаго содержанія. Правда изъ среды князей и бояръ встарину

не мало было такихъ, которые за неграмотностію не могли прикладывать своихъ рукъ къ соборнымъ граматамъ. Но нѣкоторые изъ бояръ даже славились своею начитанностію. Таковъ, напримѣръ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Отъ него дошла до насъ переписка съ царемъ Іоанномъ Грознымъ и исторія этого государя. Предки наши любили также разсказы бывалыхъ людей о дальнихъ странахъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Извѣстно, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, которые назывались *верховыми богомольцами*. Въ длинные зимніе вечера государь призывалъ ихъ къ себѣ и они, въ присутствіи царскаго семейства, повѣствовали о событіяхъ, происходившихъ на ихъ памяти, о дальнихъ странствіяхъ и походахъ.

Конецъ дня. Вечеромъ русскій бояринъ ужиналъ, а послѣ ужина совершалъ вечернюю молитву. Снова въ крестовой комнатѣ затепливались свѣчи и лампады передъ иконами, снова собирались туда домочадцы и прислуга, и хозяинъ читалъ вслухъ вечернія молитвы. Послѣ этого считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить. Всѣ скоро ложились спать.

Западное вліяніе. Въ XVII вѣкѣ въ образѣ жизни московскихъ бояръ появляются значительныя перемѣны. Причина этого заключается въ томъ, что со времени сверженія татарскаго ига сношенія русскихъ съ западными иноземными народами: нѣмцами, французами, англичанами и другими становятся болѣе и болѣе частыми; многіе изъ иноземцевъ поступаютъ къ намъ въ военную службу; нѣкоторые устраиваютъ у насъ заводы и фабрики и занимаются разными промыслами. Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ уже такъ много было западныхъ иноземцевъ, что они близъ города населяли цѣлую слободу, которая называлась нѣмецкою. Сами русскіе также стали чаще ѣздить за границу, гдѣ процвѣтали науки и искусства. Еще Іоаннъ Грозный началъ посылать молодыхъ людей за границу учиться. Борисъ Годуновъ, задумавши основать школы въ Россіи, отправилъ 18 молодыхъ людей въ Германію, Англію и Францію для образованія. Конечно, знакомясь съ иноземцами и посѣщая иноземныя страны, русскіе не оставались равнодушными къ европейской жизни. Такъ изъ 18 молодыхъ людей, отправленныхъ за границу Годуновымъ, только одинъ вернулся въ Россію; прочимъ же такъ понравилась заграничная жизнь, что они остались тамъ навсегда. Тоже самое случалось и съ другими. Вслѣдствіе иноземнаго вліянія даже при

дворѣ въ XVII в. появляются нѣкоторыя новизны. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ бояринъ Морозовъ, воспитатель царскихъ дѣтей, пошилъ имъ и воспитывавшимся съ ними сверстникамъ нѣмецкое платье; весь штатъ ихъ также одѣтъ былъ въ короткое платье. Изъ числа бояръ XVII в., болѣе всѣхъ замѣчателенъ любовію къ образованію и къ хорошимъ иноземнымъ обычаямъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича.



Бояринъ Матвѣевъ,
основатель придворнаго театра.

Дружба съ царемъ. Матвѣевъ былъ сынъ одного небогатаго дьяка. Онъ обратилъ на себя вниманіе еще царя Михаила Ѳеодоровича своимъ умомъ и образованіемъ, рѣдкимъ въ то время. Алексѣй Михайловичъ, при которомъ Матвѣевъ находился съ молодыхъ лѣтъ, также полюбилъ его за начитанность, доброту души, безкорыстіе и усердную службу. Въ тѣ времена человѣку незнатнаго происхожденія чрезвычайно трудно было возвыситься, а сдѣлаться бояриномъ было почти невозможно. Матвѣевъ достигъ боярскаго званія, благодаря только тому, что царь очень любилъ и уважалъ его. Алексѣй Михайловичъ часто бывалъ у Матвѣева и называлъ его по просту: „другъ Сергѣичъ.“ Еще

больше царь привязался къ своему другу, когда лишился первой супруги и женился во второй разъ на воспитанницѣ его. Случилось это такимъ образомъ. Посѣщая часто Матвѣева, Алексѣй Михайловичъ однажды пожелалъ отужинать вмѣстѣ съ его семействомъ запросто. Къ столу явилась жена Матвѣева съ сыномъ и кромѣ того еще молодая, красивая и высокая ростомъ дѣвушка. То была Наталья Кирилловна, дочь небогатаго тарусскаго помѣщика Нарышкина, съ которымъ Матвѣевъ прежде служилъ и теперь еще былъ друженъ. Она воспитывалась у Матвѣева. Царь, увидѣвъ ее, сказалъ: „Я не зналъ, Сергѣичъ, что у тебя есть дочь.“—„Это не дочь моя, а пріемышъ,“ отвѣчалъ Матвѣевъ. За столомъ Алексѣй Михайловичъ разговорился съ дѣвушкой и увидѣлъ, что она была умна, добра и скромна. Царь былъ веселъ, шутилъ и обѣщалъ найти ей жениха. Черезъ нѣсколько дней, онъ опять пріѣхалъ къ своему любимцу и объявилъ, что нашелъ жениха для Наталіи и что этотъ женихъ—онъ самъ. Артамонъ Сергѣевичъ обрадовался этому и въ то же время испугался, боясь злобы враговъ и завистниковъ. Онъ палъ передъ государемъ на колѣни и молилъ его—или оставить это намѣреніе, или защитить его отъ враговъ. Царь далъ слово не вѣрить ни чьимъ навѣтамъ. Вскорѣ, по тогдашнему обычаю, собрано было во дворецъ до 60 благородныхъ дѣвицъ и изъ нихъ супругой царя избрана была Наталья Кирилловна. Въ день царской свадьбы Матвѣевъ сдѣланъ былъ думнымъ дворяниномъ, а потомъ вскорѣ пожалованъ былъ въ бояре. Царь питалъ къ нему неограниченное довѣріе, поручалъ ему самыя важныя вѣдомства и во всемъ совѣтовался съ нимъ. И Артамонъ Сергѣевичъ вполнѣ заслуживалъ царской дружбы и довѣрія. Своею добротою и ходатайствомъ передъ царемъ за невинныхъ и слабыхъ, онъ пріобрѣлъ также и любовь народа. Однажды москвичи узнали, что Матвѣевъ хочетъ строить себѣ новый домъ и нуждается въ камнѣ на фундаментъ. Цѣлою толпою пришли они къ нему на дворъ и предложили ему камня. Артамонъ Сергѣевичъ, сталъ отказываться. „Благодѣтель нашъ!“ сказали москвичи; „не отказывайся; „мы для тебя не жалѣемъ камней съ могилъ нашихъ предковъ.“ Это такъ тронуло Матвѣева, что онъ не зналъ, что дѣлать. Онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія царя. „Такой подарокъ и я бы охотно принялъ,“ сказалъ Алексѣй Михайловичъ своему любимцу.

Введеніе новыхъ обычаевъ. Но особенную извѣстность Артамонъ Сергѣевичъ пріобрѣлъ тѣмъ, что понималъ потребность образованія

и старался усвоить отъ иноземцевъ все хорошее и полезное. Посѣщая по дѣламъ службы разныя страны, онъ имѣлъ случай наблюдать нравы и образъ жизни другихъ народовъ. Любознательный отъ природы, Матвѣевъ охотно вступалъ въ разговоры съ иноземцами объ ихъ жизни и обычаяхъ, и видѣлъ, что многому слѣдуетъ у нихъ поучиться. Встрѣчая же сочувствіе къ иноземному въ самомъ царѣ, онъ не боялся и въ жизни своей слѣдовать иностраннымъ обычаямъ. Такъ онъ украсилъ комнаты въ своемъ домѣ, на манеръ европейскій, картинами, зеркалами, часами; иконостасъ въ своей домовой церкви велѣлъ разрисовать итальянскою живописью, которая была несравненно лучше нашей иконной живописи; сына своего онъ училъ иностраннымъ языкамъ и разнымъ наукамъ. Онъ не любилъ также окружать себя сказочниками и шутами, какъ было тогда въ обычаѣ, не задавалъ длинныхъ и шумныхъ пировъ; къ нему съѣзжались гости не для того только, чтобы ѣсть и пить, а чтобы провести время въ пріятныхъ и умныхъ разговорахъ. Любимымъ развлеченіемъ его и отдохновеніемъ отъ служебныхъ занятій было чтеніе книгъ; извѣстно также, что онъ занимался русскою исторіею и излагалъ нѣкоторыя событія изъ ней по лѣтописямъ. Вообще Матвѣевъ былъ человѣкъ образованный и своимъ образованіемъ производилъ пріятное впечатлѣніе даже на иноземцевъ. Артамонъ Сергѣевичъ также одинъ изъ первыхъ ослабилъ у себя строгость затворнической жизни женщины. Въ старину установился нелѣпый обычай, по которому чѣмъ знатнѣе была женщина, тѣмъ болѣе удаляема была отъ людей. Въ силу этого обычая царица и царевны почти никому не показывались. Кромѣ самыхъ близкихъ людей, ихъ никто никогда не видалъ; даже доктора лечили ихъ по разсказамъ прислужницъ. Если случалось ѣхать куда нибудь, напримѣръ, въ монастырь на богомолье или въ дворцовое село, то ихъ возили не иначе какъ въ закрытыхъ экипажахъ и съ завѣшанными окнами; когда приходилось въ Кремлѣ идти въ церковь, то на этотъ разъ запирали ворота и никого не впускали въ Кремль; жителямъ самаго Кремля запрещали выходить на улицу, а чтобы изъ оконъ нельзя было видѣть царицы или царевенъ, то передъ ними несли ширмы; народъ зналъ ихъ только по именамъ, которыя вычитывались въ церквахъ, да по милостынямъ, которыя отъ нихъ раздавались бѣднымъ, убогимъ и заключеннымъ. Царевны ничему кромѣ грамоты не учились и ничего не знали; замужъ они не выходили, потому что за подданныхъ было не въ обычаѣ, а за иноземныхъ принцевъ

не позволяла вѣра. Онѣ проводили всю жизнь внутри своихъ теремовъ, въ кругу сѣнныхъ дѣвушекъ, занимаясь разными вышиваньями. Точно также почти скрывали своихъ женъ и дочерей бояре. Изъ своихъ теремовъ боярскія жены выходили почти только въ церковь, во дворецъ, да къ близкимъ родственникамъ. Особенно строго содержали наши предки дочерей; до замужества ихъ можно сказать не видалъ глазъ посторонняго мужчины; даже женихъ въ первый разъ могъ хорошо разсмотрѣть свою невѣсту только тогда, когда она становилась его женою. Все устраивалось родителями или родственниками вступающихъ въ бракъ. При такомъ порядкѣ дѣло не обходилось безъ обмана. Случалось, что родители выводили на показъ не ту, которую хотѣли выдать замужъ, потому что она или была дурна собой, или имѣла природный какой либо недостатокъ, а другую, болѣе красивую, даже служанку. Обманъ открывался только послѣ вѣнчанія, но уже дѣлать было нечего. Мужъ большею частію вымѣщалъ свою злобу и досаду на женѣ. И вообще семейная жизнь встарину много страдала оттого, что женщинъ держали вдали отъ свѣта и ничему не учили. Матвѣевъ не слѣдовалъ этимъ обычаямъ старины. Такъ онъ садился за столъ обѣдать или ужинать не одинъ, какъ дѣлали другіе бояре, а со всѣмъ семействомъ. Воспитанница его Наталья Кирилловна, сдѣлавшись царицею, также стала показываться народу и выѣзжать въ открытомъ экипажѣ. Замѣчательно, что когда она разъ во время въѣзда иноземнаго посла въ Москву, стояла у открытаго окна и глядѣла на церемонію, то народъ, проходя мимо, опускалъ глаза внизъ, не смѣя смотрѣть на царицу.

Устройство придворнаго театра. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, сдѣлавшись сильнымъ человѣкомъ, ввелъ еще болѣе важную новость. Это театральныя представленія при дворѣ. За границею узнали, что въ Москвѣ есть уже много такихъ образованныхъ людей, которые не прочь посмотрѣть на театральныя представленія и послушать нѣмецкой музыки. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича сюда и прибыло нѣсколько нѣмецкихъ актеровъ. Они обратились къ Матвѣеву съ просьбою, чтобы онъ испросилъ имъ у царя позволеніе давать при дворѣ представленія духовнаго содержанія. Матвѣевъ, вполнѣ сочувствуя самъ этому дѣлу, исполнилъ ихъ просьбу. Алексѣй Михайловичъ сначала обратился за совѣтомъ къ духовнику своему. Тотъ, ссылаясь на примѣръ греческихъ царей, которые позволяли себѣ подобныя развлеченія, отвѣчалъ, что можно играть нѣмцамъ во

дворцѣ. Первыя пьесы, игранныя во дворцѣ, были: „Есѳирь,“ „Юдиѳь и Олофернъ,“ „Адамъ и Ева“ и другія. При этомъ на музыкальныхъ инструментахъ играли дворовые люди Матвѣева, обученные нѣмцами. На представленіяхъ, кромѣ бояръ и придворныхъ, была и царица съ царскою семьею. Не смотря на незатѣйливость игры, зрители плакали отъ умиленія во время этихъ представленій. Алексѣю Михайловичу они такъ нравились, что онъ иногда просиживалъ на нихъ далеко за полночь. Онъ поручилъ Матвѣеву устроить для театра особенныя палаты. Въ нѣмецкой слободѣ учреждена была даже театральная школа, въ которую набирались ученики изъ подъячихъ и мѣщанъ и обучались тамъ, какъ тогда говорили, комидійному искусству. Такъ, благодаря Матвѣеву, введено было у насъ новое благородное и чрезвычайно полезное развлеченіе.

Ссылка Матвѣева. Но не долго, всего года четыре, просуществовалъ этотъ первый придворный театръ. Въ началѣ 1676 года царь Алексѣй Михайловичъ скончался. На престолъ вступилъ старшій сынъ его, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, рожденный отъ первой супруги Маріи Ильинишны изъ рода Милославскихъ. Новый царь окружилъ себя родственниками по матери и ихъ приверженцами, которые начали тѣснить и преслѣдовать Нарышкиныхъ и особенно боярина Матвѣева. Не прошло и году, какъ онъ лишенъ былъ боярскаго сана и имущества и отправленъ былъ въ ссылку въ маленькій городишко Пустозерскъ у Ледовитаго моря, гдѣ едва не умеръ отъ голода и холода. Что же послужило поводомъ къ этому? А тѣ самые порядки и новизны, которые онъ заводилъ при дворѣ, и у себя дома, и за которые теперь его прославляютъ. Не смотря на пробудившуюся потребность въ образованіи, масса народа тогда еще коснѣла въ невѣжествѣ; школъ почти не было; учиться было негдѣ; повсюду распространены были разныя суевѣрія и предразсудки; всѣ вѣрили въ волшебство, въ колдуновъ и вѣдьмъ, которыя могутъ портить людей, насылать на страну разныя бѣды и напасти. Между прочимъ и увеселенія, заводимыя Матвѣевымъ при дворѣ, для многихъ казались дѣломъ нечистой силы. Тогда какъ теперь актеры пользуются вездѣ почетомъ, въ тѣ времена многіе боялись говорить съ ними, полагая, что въ нихъ сидитъ нечистый духъ, избѣгали всякаго сообщества съ ними, даже чуждались самихъ зрителей; души же актеровъ считали совершенно погибшими. Враги Артамона Сергѣевича и рѣшились воспользоваться этимъ, чтобы погубить его. Они сначала стали распускать слухи еще при Алек-

сѣѣ Михайловичѣ, что онъ чернокнижникъ; потомъ подбросили во дворцѣ безъимянное письмо, въ которомъ говорилось, что Матвѣевъ чародѣй, знаетъ тайную силу травъ. Царь Алексѣй Михайловичъ строго преслѣдовалъ волшебство. Такъ одного боярина, прежде обвиненнаго также подметнымъ письмомъ въ чародѣйствѣ, онъ лишилъ боярскаго сана, отобралъ у него имѣніе и отправилъ въ ссылку. Но теперь онъ не обратилъ вниманія на подметное письмо. При Ѳеодорѣ же Алесѣевичѣ враги Матвѣева достигли своей цѣли. Его обвинили въ занятіяхъ чернокнижествомъ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ нечистыми духами, кромѣ того, еще въ умыслѣ на царскую жизнь. Въ доказательство послѣдняго обвиненія, враги Матвѣева приводили то, что онъ будтобы не отвѣдывалъ лекарствъ, прописываемыхъ царю и не выпивалъ остатковъ лекарствъ, послѣ царскихъ пріемовъ. Матвѣевъ долженъ былъ это дѣлать, потому что завѣдывалъ царскою аптекою и онъ дѣйствительно не только отвѣдывалъ царскія лекарства, но и пилъ ихъ въ угоду царю. Не смотря на то, извѣтъ враговъ былъ также поставленъ ему въ вину. Около пяти лѣтъ провелъ Матвѣевъ въ ссылкѣ. Только когда умеръ Ѳеодоръ Алексѣевичъ и на престолъ былъ избранъ Петръ, его возвратили изъ ссылки.

Матвѣевъ съ радостію былъ встрѣченъ новымъ царемъ и матерію его; Натальею Кирилловною. Бояре и всѣ почти сановники спѣшили также поздравить его съ возвращеніемъ. Народъ поднесъ ему хлѣбъ-соль. Домъ его, запустѣлый и запущенный, совершенно преобразился, украсился и наполнился всѣмъ необходимымъ. Матвѣевъ снова принялся было и за государственыя дѣла. Но у враговъ въ это время все уже было готово, чтобы погубить его окончательно. Прошло только три дня, по возвращеніи Матвѣева. Въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ стрѣльцовъ во время котораго онъ и былъ убитъ (1682 г.).

X. Преобразованіе Россіи.

Петръ Великій,
преобразователь Россіи.

Дѣтскіе годы Петра. Тридцатаго мая 1672 года, въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго, рано утромъ, въ Кремлѣ раздался колокольный звонъ. Это была вѣсть жителямъ Москвы, что у царя Алексѣя Михайловича, отъ второй его супруги Натальи Кирилловны Нарышкиной, родился царевичъ. Его назвали Петромъ. Весело встрѣтилъ жизнь царевичъ. Онъ былъ крѣпкаго здоровья, красивъ собою; яркій румянецъ такъ и игралъ на щекахъ его; росъ онъ, какъ богатыри въ сказкахъ, не по днямъ, а по часамъ; черезъ полгода уже началъ ходить, а въ 10 лѣтъ казался 16 лѣтнимъ. Родители не могли наглядѣться на сына и налюбоваться имъ. Въ мальчикѣ съ раннихъ поръ начала обнаруживаться также необыкновенная живость и острота ума. Вотъ, напримѣръ, что разсказывается объ этомъ въ одномъ мѣстѣ. Однажды царю представлялся нѣмецкій посолъ. Это дѣлалось тогда съ большою церемоніею. Царица смотрѣла на церемонію тайно, изъ сосѣдней комнаты; съ нею былъ и царевичъ; вдругъ онъ настежъ раство-

рилъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидѣть московскую государыню.

Но только первые годы своего младенчества царевичъ Петръ рѣзвился и игралъ, не зная никакого горя. На 4 году онъ лишился отца и съ тѣхъ поръ ему стало гораздо хуже. Правда на престолъ вступилъ старшій братъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Но онъ былъ отъ другой съ нимъ матери. Новый царь не долюбливалъ своей мачихи и всѣхъ ея родныхъ и приближенныхъ. Окружающіе его подмѣтили это и начали тѣснить и преслѣдовать ихъ. Сейчасъ же разсказано было, какъ они погубили боярина Матвѣева. Сама даже царица Наталья Кирилловна подвергалась оскорбленіямъ. Царевичъ не разъ видѣлъ мать свою въ слезахъ, слышалъ жалобы ея на враговъ и конечно все это сильно озлобляло его. Разсказываютъ, что, будучи еще семилѣтнимъ мальчикомъ, онъ самъ разъ вступился за мать. Недоброжелатели хотѣли было выжить Наталью Кирилловну изъ дворца, въ которомъ жилъ царь. Царица плакала по этому случаю и жаловалась на дерзость враговъ своихъ. Царевичъ, узнавъ это, пошелъ къ царю-брату, все разсказалъ ему и просилъ защиты. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, удивленный смышленностію и рѣшимостью царевича, разцѣловалъ его и поспѣшилъ успокоить царицу-мачиху.

При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, и воспитаніе юнаго Петра не могло идти какъ слѣдуетъ. Когда наступило время ученія, то есть когда царевичу было лѣтъ пять, къ нему приставили въ учители дьяка или приказнаго чиновника Никиту Моисеевича Зотова. Передъ началомъ самаго ученія приглашенъ былъ патріархъ, который отслужилъ молебенъ, окропилъ отрока святою водою, благословилъ и передалъ учителю. Зотовъ же, принявъ царевича, посадилъ его, поклонился ему до земли и началъ учить. Ученіе началось разумѣется съ азбуки или букваря; потомъ читали часословъ, псалтырь, Апостолъ и Евангеліе. Позже, когда царевичу исполнилось лѣтъ восемь, его начали учить писать. Петръ учился также пѣнію церковному и, какъ видно, очень любилъ его, потому что, будучи уже царемъ, любилъ пѣть басомъ на клиросѣ вмѣстѣ съ пѣвчими. Но кромѣ чтенія, пѣнія и письма Петру начали рано сообщать разныя свѣдѣнія по картинкамъ. По распоряженію Зотова много было нарисовано для царевича разныхъ картинокъ и развѣшано по стѣнамъ. Въ свободное время Зотовъ и разсказывалъ царственному ученику своему, по этимъ картинкамъ, о великихъ подвигахъ русскихъ государей, о битвахъ,

корабляхъ, городахъ. Царевичъ учился прилежно и охотно; былъ очень понятливъ и весьма скоро все запоминалъ. Разсказываютъ, что онъ все Евангеліе и Апостолъ могъ прочитать наизустъ. Но Зотовъ вообще самъ мало зналъ, поэтому могъ научить царственнаго отрока немногому. Нерѣдко случалось, что пытливый ученикъ задавалъ своему учителю такіе вопросы, на которые онъ не могъ давать отвѣтовъ. Зотовъ даже и грамотѣ-то выучилъ его плохо: на 17 году Петръ едва выводилъ буквы и писалъ съ самыми грубыми ошибками.

Избраніе въ цари 1682 г. Но вотъ скоро опять произошла большая перемѣна въ жизни царевича Петра. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ человѣкъ больной; процарствовавъ шесть лѣтъ, онъ скончался, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Остались у него два брата: Іоаннъ, отъ одной съ нимъ матери, и Петръ. Но онъ никого изъ нихъ не назначилъ себѣ преемникомъ. Патріархъ и бояре, собравшіеся тотчасъ послѣ смерти царя во дворцѣ, были въ недоумѣніи, кого изъ двухъ царевичей выбрать на царство. Іоаннъ былъ 16 лѣтъ, но имѣлъ самое слабое здоровье, плохо видѣлъ и совсѣмъ неспособенъ былъ править. Царевичъ Петръ былъ цвѣтущаго здоровья, весьма способенъ и уменъ, но ему было только десять лѣтъ. Находясь въ такомъ затрудненіи, патріархъ и бояре положили спросить народъ, который, по случаю смерти царя, толпился передъ дворцомъ. Вмѣстѣ съ боярами и съ духовенствомъ, патріархъ вышелъ на красное крыльцо, держа въ рукахъ крестъ. Мгновенно говоръ въ толпѣ смолкъ и посреди глубокой тишины первосвятитель произнесъ: „царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ по себѣ двухъ братьевъ, но преемника не назначилъ. Кому изъ нихъ быть царемъ?“ Народъ закричалъ: „Быть царемъ-государемъ царевичу Петру Алексѣевичу.“ Послышались было голоса и въ пользу Іоанна Алексѣевича, но они были заглушены. Тогда патріархъ, благословивъ народъ, возвратился въ царскія палаты и нарекъ царемъ Петра. Москва и вслѣдъ за нею вся Россія немедленно присягнули ему. Такъ 10-лѣтній Петръ сдѣлался царемъ. Конечно управленіе государствомъ до совершеннолѣтія его должно было перейти въ руки матери его Натальи Кирилловны и близкихъ ей лицъ. За Матвѣевымъ, еще томившимся въ ссылкѣ, тотчасъ же поскакалъ курьеръ. Но едва только онъ успѣлъ возвратиться въ Москву, какъ здѣсь произошло небывалое событіе. И хотя Петръ остался царемъ, но управлять

государствомъ стала не Наталья Кирилловна и не близкіе къ ней люди.

Царевна Софія. Была тогда въ царской семьѣ замѣчательная царевна. Ей было лѣтъ двадцать пять. Звали ее Софія Алексѣевна. Она была родная сестра Петру, но также отъ другой матери, а потому не любила ни его, ни мачихи и никого изъ приближенныхъ ихъ. Софія была умна, хитра, бойка на словахъ и ей вздумалось самой править царствомъ. Какъ же это могло придти ей въ голову, при тогдашней затворнической жизни царевенъ? Дѣло въ томъ, что въ это время строгость теремной жизни знатныхъ женщинъ стала нѣсколько ослабѣвать. Царевны стали иногда показываться при дворѣ и знакомиться понемногу со свѣтомъ и съ тѣмъ, что дѣлается въ свѣтѣ. Онѣ посѣщали также театральныя представленія, заведенныя при дворѣ Матвѣевымъ, и изъ нихъ тоже кое-что начали узнавать. Но никто изъ царевенъ такъ не воспользовался этими новыми порядками, какъ умная Софія. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, который почти всегда хворалъ, она часто ходила въ царскіе покои навѣщать и ухаживать за больнымъ братомъ. Здѣсь ей приходилось встрѣчаться съ умными и образованными вельможами. Она вступала съ ними въ разговоры, распрашивала ихъ о томъ, о другомъ. Кромѣ того посѣщеніе театра пробудило въ ней охоту къ чтенію. Она даже сама стала сочинять комедіи. Изъ книгъ и изъ разговоровъ Софія узнала, что въ другихъ государствахъ царевны иногда управляли народомъ и прославились своимъ мудрымъ правленіемъ. Царевна чувствовала, что и она могла бы управлять, а тутъ обстоятельства подавали нѣкоторую надежду на это. Послѣ Ѳеодора Алексѣевича старшимъ царевичемъ оставался Іоаннъ Алексѣевичъ, отъ одной съ нею матери. Ему по настоящему и слѣдовало бы царствовать. Но онъ, какъ уже сказано, совсѣмъ не способенъ былъ заниматься государственными дѣлами. „Отчего бы, думала царевна, ей вмѣсто него не править?“ Вотъ какъ появилась у царевны Софіи мысль управлять Россіею. Избраніе Петра въ цари вдругъ разрушало всѣ ея надежды и мечты. Мало того, оно обрекало ее и всѣхъ близкихъ ея какъ бы на опальную жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, чего они могли ожидать себѣ отъ приближенныхъ царицы Натальи Кирилловны, которыхъ такъ преслѣдовали при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ?—Когда патріархъ, по избраніи Петра, пришелъ въ покои царевенъ и объявилъ имъ объ этомъ, Софія не выдержала. „Избраніе это неправо!“ вос-

кликнула она. „Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ. Онъ долженъ быть царемъ. Или пусть по крайней мѣрѣ оба царствуютъ.“ „Многоначаліе пагубно,“ отвѣтилъ ей святитель. „Да будетъ единъ царь. Такъ Богу угодно.“ Софія однако скоро одумалась, затаила злобу въ сердцѣ и пошла вмѣстѣ съ другими царевнами поздравить новаго государя. Но въ душѣ она рѣшалась во что бы то ни стало достигнуть власти. И вотъ какъ она начала дѣйствовать.

Возмущеніе стрѣльцовъ. Было въ Москвѣ тогда тысячъ двадцать—тридцать постояннаго войска, которое называлось стрѣлецкимъ. Но оно по устройству своему мало походило на нынѣшнюю армію. Во-первыхъ, стрѣльцы были люди семейные, а во-вторыхъ, живя въ Москвѣ слободами, они занимались торговлею и разными промыслами. Дѣла семейныя и хозяйственныя въ мирное время отвлекали ихъ отъ занятій воинскихъ, а въ военное—тянули поскорѣй вернуться домой. Многіе тяготились военною службою еще и оттого, что посредствомъ торговли и разныхъ промысловъ нажили себѣ состояніе. Вообще же надо сказать, что въ стрѣлецкомъ войскѣ мало было дисциплины или подчиненія. Посредствомъ стрѣльцовъ-то и думала царевна сдѣлаться правительницею. Довѣренные люди ея раздавали имъ деньги, угощали ихъ, сулили разныя обѣщанія, а въ то же время распускали между ними нелѣпые слухи; наконецъ стали даже разглашать, что Нарышкины, родственники Натальи Кирилловны, хотятъ извести царевича Іоанна. Преданные царскому дому, стрѣльцы стали жалѣть о царевичѣ и волноваться. Когда все было подготовлено и когда въ Москву возвратился изъ ссылки Матвѣевъ, по стрѣлецкимъ слободамъ проскакали однажды верхами клевреты Софіи и кричали: „Нарышкины задушили царевича Іоанна!“ Стрѣльцы схватили ружья, пушки и съ распущенными знаменами бросились въ Кремль. Здѣсь только-что кончилось во дворцѣ засѣданіе бояръ и они собирались идти по домамъ. Матвѣевъ сходилъ по лѣстницѣ изъ дворца. Вдругъ ему говорятъ, что стрѣльцы взбунтовались. Онъ вернулся во дворецъ, сдѣлалъ было распоряженіе, чтобы заперли ворота въ Кремль и не впускали мятежниковъ. Но уже было поздно. Крики ихъ послышались передъ самымъ дворцомъ. Стрѣльцы требовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича Іоанна. Чтобы убѣдить ихъ, что царевичъ живъ и никто его не трогалъ, царица Наталья Кирилловна сама, въ сопровожденіи патріарха и бояръ, вывела на красное крыльцо Петра и

Іоанна и сказала: „Вотъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, а вотъ государь царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ. Они благодатію Божіею здравствуютъ.“ Стрѣльцы не вѣрили глазамъ своимъ. Нѣкоторые изъ нихъ подставили лѣстницы, взлѣзли на крыльцо и спросили самого царевича: „Ты ли царевичъ Іоаннъ и кто тебя изводитъ?“ Стрѣльцы, видя, что они обмануты, не знали что дѣлать. Воспользовавшись этимъ, Матвѣевъ и патріархъ сошли съ крыльца внизъ и начали кротко уговаривать ихъ разойтись. Вразумительныя слова ихъ подѣйствовали. Стрѣльцы стали переглядываться, пятиться и готовы были расходиться. Нѣкоторые даже просили Матвѣева, чтобы онъ заступился за нихъ передъ царемъ. Матвѣевъ, считая дѣло улаженнымъ, взошелъ было уже на верхъ къ царицѣ. Но сообщники Софіи не дремали. По ихъ наущенію стрѣльцы снова зашумѣли и теперь уже ничѣмъ нельзя было ихъ остановить. Матвѣевъ и многіе другіе, на кого указывали имъ клевреты Софіи, погибли. Послѣ того стрѣльцы, по настроенію Софіи, потребовали, чтобы царемъ былъ также и Іоаннъ, а правленіе, ради юныхъ лѣтъ обоихъ государей, вручено было бы ей. Всѣ согласились. Такъ при помощи стрѣльцовъ царевна достигла власти. Вскорѣ происходило вѣнчаніе на царство обоихъ царей. Для нихъ былъ сдѣланъ двойной тронъ съ крытымъ позади его мѣстомъ для правительницы, откуда бы она могла подсказывать братьямъ, что дѣлать и говорить имъ во время, напримѣръ, пріема иноземныхъ пословъ.

Воспитаніе Петра. Въ правленіе царевны Софіи, равно какъ и въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, Петръ большею частію жилъ съ матерію своею въ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы. Рѣдко пріѣзжалъ онъ въ Москву и то чтобы участвовать, напримѣръ, въ крестномъ ходѣ или въ пріемѣ чужихъ пословъ. Здѣсь, въ Преображенскомъ, продолжалось и его воспитаніе. Чрезвычайно любознательный отъ природы, молодой царь, не могши многому научиться отъ своего несвѣдущаго учителя Зотова, принялся самъ за образованіе себя. Одинъ случай пробудилъ въ немъ большую охоту къ занятіямъ ариѳметикою и нѣкоторыми другими науками. Разъ одинъ вельможа, отправляясь посломъ во Францію, въ разговорѣ съ царемъ, упомянулъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстоянія, не двигаясь съ мѣста. Это была астролябія. Въ пылкомъ Петрѣ закипѣло желаніе поскорѣе видѣть дивную вещь, но ему сказали, что она пропала. Тогда онъ наказываетъ непремѣнно купить ее во Фран-

ціи. По возвращеніи изъ Франціи вельможа привезъ инструментъ въ подарокъ царю. Но новая бѣда. Петръ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать; обращается къ одному, къ другому, тоже никто не знаетъ. Онъ показываетъ его наконецъ доктору-нѣмцу, и докторъ не знаетъ, но этотъ по крайней мѣрѣ указалъ на знающаго человѣка. Это былъ простой бѣдный голландецъ, Францъ Тиммерманъ, который жилъ въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ и занимался мелкою торговлею. Его потребовали къ царю и показали инструменты. Посмотрѣвъ на нихъ, Францъ сказалъ, что можетъ показать, какъ ими пользоваться, но что для этого нужно знать математику. Тогда Петръ чрезвычайно обрадовался, что нашелъ наконецъ знающаго человѣка и сталъ у него учиться. Бѣдному голландцу и во снѣ никогда не снилось быть царскимъ учителемъ. Притомъ, занимаясь торговыми дѣлами, онъ многое перезабылъ и изъ того, что зналъ и дѣлалъ ошибки въ первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики. Но за неимѣніемъ лучшаго, царь былъ радъ и ему. Геніальный ученикъ, выслушавъ у Тиммермана первыя четыре правила ариѳметики, тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло, самъ своею рукою безошибочно и отчетливо изложилъ ихъ, пояснилъ примѣрами и пошелъ далѣе; скоро дошелъ до того, что сталъ самъ употреблять астролябію, выучился сооружать крѣпости, бросать бомбы и тому подобное. Въ это время Петру было лѣтъ шестнадцать. Но все-таки онъ получилъ образованіе недостаточное и впослѣдствіи сильно жалѣлъ объ этомъ. Однажды, заставъ своихъ дочерей за уроками, онъ сказалъ со вздохомъ: „Ахъ если-бы я въ молодости былъ выученъ какъ слѣдуетъ!“ Онъ говорилъ также: „Я желалъ бы лучше не имѣть на рукѣ одного пальца, нежели того, что въ молодости меня не учили.“

Потѣшные. Но у царственнаго отрока была другая школа, въ которой крѣпли его молодыя силы, развивалась отвага и предпріимчивость, росъ умъ. То были дѣтскія игры. Разсказываютъ, что еще съ раннихъ лѣтъ въ Петрѣ начала обнаруживаться склонность къ воинскимъ забавамъ. Когда ему было около трехъ лѣтъ, московскіе купцы поднесли ему въ день имянинъ много разныхъ игрушекъ и между ними саблю. Царевичъ прямо схватился за саблю и съ тѣхъ поръ почти никогда не разставался съ нею; нерѣдко даже засыпалъ съ саблею. Когда же онъ подросъ, то завелъ игру въ солдаты съ сверстниками. Встарину царевичей воспитывали такъ, что до 15 лѣтъ ихъ никому, кромѣ самыхъ близкихъ людей, не показывали. Они никого не видѣли, не зна-

ли самыхъ обыкновенныхъ вещей и медленно развивались. Къ счастію при воспитаніи Петра этотъ обычай не соблюдался. Живя въ Преображенскомъ, онъ пользовался просторомъ и свободою. Будучи отъ природы необыкновенно быстрый и живой, онъ скучалъ во дворцѣ своей печальной матери и сталъ большую часть времени проводить съ своими сверстниками на улицѣ и въ тѣнистыхъ рощахъ Преображенскаго. И тутъ-то впервые сказалась живая, огненная натура необыкновеннаго царевича. Тутъ было гдѣ развернуться его богатырскимъ силамъ. Онъ составилъ изъ своихъ сверстниковъ полкъ, учился съ ними солдатскому строю, командовалъ ими, сооружалъ съ ними земляныя крѣпостцы и штурмомъ бралъ ихъ. Товарищи его игръ получили названіе потѣшныхъ. По мѣрѣ того, какъ Петръ выросталъ, игры его принимали болѣе и болѣе широкіе размѣры и становились все серьёзнѣе и серьёзнѣе. Когда царю-богатырю было лѣтъ пятнадцать, онъ кликнулъ кличъ по новую дружину. И тутъ ужъ не разбиралось: знатный ли, не знатный — всѣхъ принимали въ царскую дружину. Изъ числа незнатныхъ былъ и Меньшиковъ, который впослѣдствіи сдѣлался любимцемъ Петра и первымъ сановникомъ. Такъ изъ потѣшныхъ мало по малу составились два полка—Преображенскій и Семеновскій, названные такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ. Новые царскіе полки совсѣмъ не чета была стрѣлецкимъ. Тутъ совсѣмъ ужъ другая была служба. Самъ царь началъ въ Преображенскомъ полку служить съ простаго барабанщика и получалъ повышенія въ чинахъ за дѣйствительную службу. Солдаты же только и знали одно военное дѣло. И чѣмъ кто усерднѣе служилъ, тѣмъ скорѣе выслуживался. Царь съ новыми своими воинами выстроилъ на берегу рѣки Яузы, близъ Москвы, значительную крѣпость и съ раскатовъ ея грянулъ громъ пушекъ. Вотъ какъ отъ дѣтскихъ игръ геніальный Петръ перешелъ къ изученію военнаго дѣла, которое должно было возвеличить Россію.

Ботикъ Петра. Между тѣмъ случайное обстоятельство пробудило въ молодомъ царѣ страстную охоту къ забавамъ другаго рода, отъ которыхъ онъ перешелъ къ изученію морскаго и корабельнаго дѣла. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ. „Случилось намъ, говоритъ Петръ, быть въ Измайловѣ на льняномъ дворѣ (Измайлово было дворцовое село верстахъ въ семи отъ Москвы). Гуляя тамъ по амбарамъ, я увидѣлъ между разными вещами иностранное судно и спросилъ Франца (Тиммермана): Что

это за судно? Францъ сказалъ, что это англійскій ботъ. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ: при корабляхъ для ѣзды и возки. Я опять спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами, потому что видѣлъ, что онъ и по виду, и по прочности лучше нашихъ? Францъ сказалъ мнѣ, что онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Это меня удивило и казалось невѣроятнымъ. Потомъ я еще спросилъ его: есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и показалъ мнѣ ходъ его? Онъ сказалъ, что есть. Услышавъ это, я обрадовался и велѣлъ сыскать его. Францъ сыскалъ голландца Брандта, который призванъ былъ при отцѣ моемъ въ числѣ другихъ корабельныхъ мастеровъ для строенія судовъ въ Каспійское море.“ При Алексѣѣ Михайловичѣ постройка судовъ какъ-то не пошла въ ходъ и старикъ Брандтъ добывалъ себѣ теперь кусокъ хлѣба въ Москвѣ столярнымъ мастерствомъ. Вдругъ неожиданное счастіе выпало на долю этого новаго иноземца. Его потребовали къ царю и онъ остался при немъ. „Брандтъ, продолжаетъ разсказывать Петръ, починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и на Яузѣ при мнѣ началъ плавать въ разныя стороны. Это было для меня еще удивительнѣе и очень понравилось. Потомъ, когда я часто самъ съ нимъ дѣлалъ это, а ботъ не всегда хорошо ворочался и упирался въ берега, то я спросилъ его: отчего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяный прудъ (въ Измайлово); но и тамъ немного лучше было, а охота часъ отъ часу становилась сильнѣе. Я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды. Мнѣ сказали, что Переяславское озеро (въ 120 верстахъ отъ Москвы) гораздо болѣе. Я, подъ видомъ обѣщанія въ Троицкій монастырь, выпросился туда у матери, а потомъ уже сталъ просить ее и явно, чтобы строить тамъ суда. Брандтъ сдѣлалъ два малые фрегата и три яхты, и я тамъ нѣсколько лѣтъ съ охотою работалъ.“

Работы на Переяславскомъ озерѣ. Эти новыя потѣхи Петра на водѣ приводили въ ужасъ нечаявшую въ немъ души мать Наталью Кирилловну. Чтобы удержать при себѣ неугомоннаго сына, она поспѣшила женить его; нашла ему невѣсту, Евдокію Ѳеодоровну изъ рода Лопухиныхъ, и отпраздновала свадьбу. Но русская ословица—„женится-перемѣнится“ — на этотъ разъ не оправдалась. Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Петръ оставилъ молодую жену и ускакалъ въ Переяславль, гдѣ Брандтъ строилъ суда. Здѣсь онъ самъ опять взялъ въ руки топоръ и принялся помо-

гать Брандту. Любопытно письмо, которое онъ написалъ матери по прибытіи въ Переяславль. „Матушка Государыня! Благослови сынишку твоего Петрушку, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось. Всѣ суда, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами станетъ. Вели прислать ихъ по семи сотъ саженъ, не мѣшкавъ. Иначе житье наше здѣсь продолжится.“ Петръ хитритъ здѣсь. Чтобы поскорѣе получить канаты, онъ стращаетъ мать тѣмъ, что иначе дольше проживетъ. Но вмѣсто посылки канатовъ мать требовала, чтобы онъ скорѣе пріѣзжалъ домой на панихиду по царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Петръ повиновался, но едва поспѣлъ къ панихидѣ, а черезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на озеро.

Сверженіе Софіи. Но скоро занятія Петра кораблестроеніемъ и плаваніемъ были прерваны на время. По мѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, царевна Софія, управлявшая государствомъ, приходила все въ большее и большее безпокойство. Она видѣла, что рѣшительный братъ ея не нынче-завтра захочетъ самъ править, а ей жалко было разстаться съ властію. Наконецъ Петръ дѣйствительно сталъ требовать отъ сестры, чтобы она перестала вмѣшиваться въ дѣла и не показывалась бы народу. Софія и не думала уступать ему. Однажды былъ крестный ходъ, въ который собирались идти оба царя. Царевна также стала готовиться. Петръ подошелъ къ ней и сказалъ, чтобы она не ходила. Она же, напротивъ взяла образъ и понесла его. Царь вспыхнулъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ Москвы. Но этотъ случай показалъ правительницѣ, что братъ хочетъ непремѣнно отнять у ней власть. Чтобы удержать ее за собою, царевна по прежнему хотѣла возмутить стрѣльцовъ. Но на этотъ разъ козни ея были безуспѣшны. Когда наступила опасность для царя, нѣсколько стрѣльцовъ дали клятву передъ крестомъ и евангеліемъ спасти его. Двое изъ нихъ въ полночь прискакали къ нему въ Преображенское и разсказали, что въ Кремлѣ затѣвается что-то недоброе. Петръ тотчасъ же сѣлъ на коня и поскакалъ въ Троицкую лавру. За нимъ послѣдовали обѣ царицы и всѣ приверженцы его. Петръ надѣялся найти вѣрную защиту за крѣпкими стѣнами лавры. Софія, узнавъ объ отъѣздѣ брата туда, перепугалась. Чтобы выманить его оттуда, она посылала къ нему бояръ и патріарха просить его пріѣхать въ Москву и примириться. Но Петръ не поддавался на хитрости сестры. Онъ, напротивъ, собиралъ вокругъ себя ратныхъ людей Наконецъ Софія сама отправилась къ нему. Но на дорогѣ встрѣ-

тилъ ее бояринъ и отъ имени царя объявилъ, чтобы она не ходила, иначе съ нею поступлено будетъ дурно. Нечего дѣлать. Скрѣпя сердце, она вернулась. Между тѣмъ въ Троицкую лавру къ Петру стали переходить и бояре и стрѣльцы, и иноземцы, служившіе въ Россіи. Самъ патріархъ, посланный Софіею, остался у Троицы. Наконецъ царь потребовалъ отъ правительницы выдачи главныхъ сообщниковъ ея. Какъ ни больно было это для нея, однако она должна была выдать — и они были казнены. Вслѣдъ затѣмъ присланъ былъ къ царевнѣ бояринъ предложить ей, чтобы она оставила дворецъ и поселилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Долго она медлила, но, наконецъ, видя, что всѣ ее покинули, переѣхала. По удаленіи Софіи въ монастырь, Петръ возвратился въ Москву и съ радостію былъ встрѣченъ братомъ своимъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. Петру было въ это время семнадцать лѣтъ слишкомъ и онъ сдѣлался полнымъ правителемъ государства, потому что Іоаннъ и теперь совсѣмъ ни во что не вмѣшивался, хотя имя его въ бумагахъ обыкновенно писалось первымъ.

Путешествіе на Бѣлое море. Упрочивши свою власть, Петръ опять съ жаромъ принялся за любимыя свои занятія. Теперь уже никто и ничто ему не мѣшало, и онъ цѣлыя пять лѣтъ, въ началѣ правленія своего, провелъ въ строеніи судовъ и въ изученіи военнаго дѣла на сушѣ и водѣ. Трудна была эта наука для Петра, потому что наставники его многаго сами не понимали. Державный ученикъ долженъ былъ пріобрѣтать необходимыя свѣдѣнія болѣе самоучкою и тяжелымъ трудомъ, нежели черезъ уроки учителей. Для усовершенствованія себя и своихъ сподвижниковъ въ сухопутномъ военномъ дѣлѣ, Петръ часто производилъ маневры въ окрестностяхъ Москвы и притомъ съ такимъ увлеченіемъ, что не щадилъ жизни. Такъ однажды взрывомъ гранаты опалило ему лицо и переранило стоявшихъ подлѣ него офицеровъ. Отъ маневровъ на сушѣ царь обратился опять къ кораблямъ. Въ Переяславлѣ Брандтъ съ нѣсколькими корабельными мастерами не переставалъ работать, но онъ строилъ небольшія суда. Теперь Петръ, прибывъ туда, заложилъ самъ довольно большой военный корабль, самъ выстроилъ его и торжественно, съ колокольнымъ звономъ, спустилъ на воду. На это торжество онъ пригласилъ царицъ и весь почти дворъ. Съ этихъ поръ вообще спускъ корабля на воду почти всегда при Петрѣ праздновался, какъ событіе радостное и торжественное. Но Переяславское озеро скоро

стало тѣсно для Петра. Онъ рѣшился видѣть море. Въ то время Россія прилегала своими берегами только къ Бѣлому и Каспійскому морямъ, очень отдаленнымъ отъ Москвы. Царь сталъ проситься у матери въ Архангельскъ, чтобы взглянуть на Бѣлое море, по которому къ намъ пріѣзжали иноземцы съ Запада. „Многократно, разсказываетъ Петръ, мать возбраняла мнѣ столь опасный путь, но, видя великое желаніе мое, поневолѣ позволила.“ Приэтомъ, однакожъ, Наталья Кирилловна взяла съ сына обѣщаніе въ море не ходить, а посмотрѣть на него только съ берега. Но, прибывъ въ Архангельскъ, Петръ не утерпѣлъ. Въ это время тамъ было нѣсколько англійскихъ и голландскихъ караблей, которые, нагрузившись товарами, собрались въ обратный путь. Какъ не посмотрѣть на плаваніе настоящихъ кораблей по морю! Царь отправился проводить ихъ. Съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдилъ онъ за всѣми ихъ движеніями, любовался ихъ стройнымъ ходомъ, красивою, доселѣ невиданною имъ, отдѣлкою, ловкостію и искусствомъ матросовъ. Петръ такъ увлекся, что почти и не замѣтилъ, какъ отдалился отъ Архангельска болѣе чѣмъ на 300 верстъ. Наконецъ онъ распростился съ англичанами и голландцами, пожелавъ имъ счастливаго плаванія, и возвратился въ Архангельскъ. Царица-мать ужаснулась, узнавъ о морскомъ путешествіи сына. „Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, писала она ему, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего-радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя ко мнѣ, что былъ на морѣ, а ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ не ходить.“ Скорбящая мать не знала, какъ выманить поскорѣй Петра изъ Архангельска. Наконецъ она послала ему письмо отъ имени трехлѣтняго сына его царевича Алексѣя Петровича, въ которомъ тоже умоляла его пожаловать въ Москву, не замѣшкавъ. Но, несмотря на неотступныя просьбы и горькія жалобы матери, Петръ, по возвращеніи изъ морскаго путешествія, прожилъ въ Архангельскѣ еще болѣе 6 недѣль. Онъ нашелъ здѣсь много интереснаго и поучительнаго. Кромѣ того, въ геніальной головѣ его зароились разные планы, которые онъ и началъ приводить въ исполненіе. Архангельскъ въ то время былъ единственный въ Россіи приморскій городъ, куда пріѣзжали иноземные корабли съ разными заграничными товарами. Сюда же рѣкою Двиною приплывали и русскія барки съ хлѣбомъ, пенькою, саломъ, мѣхами, кожами и тому подобными предметами. Поэтому въ лѣтнее время городъ

этотъ представлялъ самый оживленный видъ. Особенно кипѣла же здѣсь жизнь въ Успенскую ярмарку, когда сюда приходило до 100 кораблей иноземныхъ. Все это въ высшей степени занимало любознательнаго царя. Онъ все съ жаднымъ любопытствомъ разсматривалъ, обо всемъ внимательно распрашивалъ. Но грустно было видѣть ему, что въ числѣ кораблей нѣтъ ни одного русскаго. Въ отдаленныя времена русскіе вели обширную торговлю и по Черному, и по Балтійскому, и по другимъ морямъ, посылали свои корабли и въ Константинополь и въ нѣмецкіе города. Было время, когда Черное море называлось даже русскимъ. Но потомъ насъ отбили отъ него татары и турки, а отъ Балтійскаго—нѣмцы, шведы и поляки. При Іоаннѣ Грозномъ открытъ былъ путь въ Россію черезъ Бѣлое море, но здѣсь большую силу забрали англичане и голландцы. Пытались и русскіе предпріимчивые торговцы посылать этимъ путемъ свои товары за границу. Но корыстные иноземцы старались всѣми мѣрами препятствовать имъ. Такъ однажды ярославскій купецъ Антонъ Лаптевъ поплылъ самъ за море съ грузомъ дорогихъ мѣховъ, но не могъ продать ни на одинъ рубль, потому что тамошніе купцы стакнулись не покупать у него ничего и тѣмъ сразу отбить охоту у русскихъ ѣздить съ товарами за границу. Бѣдный ярославецъ чуть съ голоду не умеръ и такъ воротился въ Архангельскъ, не продавъ ничего. Но тутъ иноземцы тотчасъ же раскупили у него весь товаръ и дали хорошую цѣну. Послѣ такого случая дѣйствительно ужъ ни одинъ русскій торговецъ не посылалъ своихъ товаровъ за-море. Это сокрушало Петра, и онъ рѣшился теперь же, во время пребыванія своего въ Архангельскѣ, положить начало русской заграничной торговлѣ. Онъ снарядилъ при себѣ въ путь одинъ корабль, приказавъ нагрузить его такими товарами, въ которыхъ наиболѣе нуждались за границей, какъ-то: смолою, рыбьимъ клеемъ, икрою и другими. Во время пребыванія въ Архангельскѣ, Петръ началъ также дѣлать приготовленія для морскихъ маневровъ. Взглянувъ на море, онъ уже задумалъ устроить на немъ флотъ и приняться настоящимъ образомъ за изученіе мореплаванія. Для этого онъ устроилъ здѣсь верфь и собственными руками заложилъ на ней одинъ корабль, а другой 44 пушечный заказалъ въ Голландіи. Будущимъ же лѣтомъ неутомимый царь хотѣлъ пріѣхать съ большою компаніею въ Архангельскъ и устроить морской походъ. По возвращеніи въ Москву, онъ также ревностно принялся за приготовленія къ нему: наточилъ въ своей токарнѣ, въ Преображен-

скомъ, блоковъ для корабля, строющагося въ Архангельскѣ; отлилъ для вооруженія его пушки; выбралъ въ матросы лучшихъ солдатъ изъ преображенскаго и семеновскаго полковъ; придумалъ морскіе сигналы; назначилъ командировъ будущаго флота; при этомъ самъ принялъ званіе шкипера и требовалъ, чтобы его не иначе называли, даже въ бумагахъ. Весело поджидалъ Петръ весну, чтобы по первому пути двинуться въ Архангельскъ со всею своею компаніею, какъ вдругъ его постигло большое несчастіе. Онъ лишился нѣжно любимой имъ матери. Сильно горевалъ онъ. Но время мало по малу разсѣяло его тоску и грусть. Весною онъ былъ уже въ Архангельскѣ.

Неустрашимость Петра. Первымъ дѣломъ Петра по прибытіи туда было спустить на воду вновь выстроенный корабль. Но такъ какъ нужно было время для оснастки его и вооруженія, сверхъ того еще не пришелъ заказанный корабль изъ Голландіи, то царь, пользуясь свободнымъ временемъ, отправился въ Соловецкій монастырь поклониться, по обѣщанію, мощамъ святыхъ угодниковъ Зосимы и Савватія. Монастырь этотъ находится на островѣ въ морѣ. Поэтому туда нужно было ѣхать на кораблѣ. Страшная буря застигла царя во время плаванія. Судно, сокрушаемое порывами вѣтра, казалось, сейчасъ же распадется или погрузится въ море. Бывалые моряки, управлявшіе имъ, не скрывали, что крушеніе неминуемо. Всѣ сопровождавшіе царя оцѣпенѣли отъ ужаса. Одинъ онъ, пріобщившись Святыхъ Таинъ, безстрашно смотрѣлъ на бушующее море и самъ взялся за руль. Но въ это время къ нему рѣшился подойти одинъ лоцманъ Антипъ Тимоѳеевъ, служитель Соловецкаго монастыря. Онъ былъ опытный кормчій и зналъ хорошо тамошнія мѣста. Подойдя къ государю, онъ доложилъ, что только однимъ средствомъ можно спастись—это завернуть въ одну губу или маленькій заливъ, который былъ тутъ неподалеку. Царь отдалъ ему руль, но не утерпѣлъ и началъ вмѣшиваться самъ. „Поди прочь! закричалъ на него лоцманъ; коли ты отдалъ мнѣ руль, такъ и не мѣшай!“ Царь отошелъ въ сторону. Между тѣмъ судно управляемое Антипомъ, счастливо прошло между подводными камнями. Увидѣвъ послѣ лоцмана, царь, смѣясь, сказалъ ему: „а помнишь, какъ ты отдѣлалъ меня на морѣ?“ Испуганный Антипъ бросился въ ноги. „Нѣтъ, ты былъ правъ, сказалъ Петръ, а я виноватъ.“ Онъ поцѣловалъ его три раза въ голову, подарилъ ему на память все измокшее свое платье, далъ 30 рублей и сверхъ того назна-

чилъ ежегодную пенсію и приказалъ освободить отъ монастырскихъ работъ.

Первый морской походъ. Когда утихла буря, Петръ исполнилъ свое обѣщаніе въ Соловецкомъ монастырѣ и возвратился въ Архангельскъ. Здѣсь, въ ожиданіи прибытія корабля изъ Голландіи, онъ рѣшился испытать всю морскую службу, такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную. Онъ избралъ себѣ въ учителя одного искуснаго голландскаго шкипера. Тотъ сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ. „Если хочешь учиться, сказалъ онъ, то начинай съ должности каютнаго мальчика.“—„А въ чемъ же состоитъ эта должность?“ спросилъ царь.—„Вотъ поди, раскуримнѣ трубку; надобно учиться служить другимъ, чтобы научиться повелѣвать“.— Царь бросился на кухню, схватилъ тамъ уголекъ и вмигъ исполнилъ приказаніе своего учителя. „Хорошо, сказалъ шкиперъ;— теперь полѣзай на мачту“. Онъ ужаснулся, когда царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требовалъ продолженія уроковъ и прошелъ такимъ образомъ всю службу морскую до офицерскаго чина. Между тѣмъ, скоро все было готово къ плаванію и первый морской походъ начался. Не смотря на неопытность моряковъ, онъ совершился благополучно. Великій шкиперъ съ своими сподвижниками достигъ крайняго пункта Бѣлаго моря, и впервые взглянули русскіе на океанъ, который грозно въ это время шумѣлъ.

Кожуховскіе маневры. По возвращеніи изъ плаванія, неутомимый Петръ недолго оставался въ Архангельскѣ. Онъ спѣшилъ въ Москву, къ новой задуманной имъ потѣхѣ. Здѣсь неподалеку отъ Симонова монастыря, за деревнею Кожухово, уже сдѣланы были приготовленія къ большимъ маневрамъ на сушѣ: выстроено было большое земляное укрѣпленіе, обнесено было большимъ валомъ и обведено рвомъ. Петръ вскорѣ по прибытіи въ Москву раздѣлилъ войска на двѣ непріятельскія арміи и открылъ маневры по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства. Тутъ дѣлали подкопы, производили вылазки, устраивали приступы, бросали бомбы. Самъ царь участвовалъ въ этихъ маневрахъ въ званіи бомбардира Преображенскаго полка и отличался въ метаніи бомбъ. Кожуховскій походъ продолжался болѣе мѣсяца. Но онъ былъ послѣднею потѣхою Петра. Въ это время ему было 22 года слишкомъ и онъ изучилъ военное искусство болѣе, нежели насколько то возможно было тогда въ Россіи. Все, что нужно было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, артиллеристу,

инженеру,—все узналъ этотъ необыкновенный царь своимъ опытомъ и изучилъ такъ основательно, что едвали кто изъ окружающихъ его лицъ умѣлъ искуснѣе его владѣть ружьемъ и топоромъ, править рулемъ, наводить орудія, бросать бомбы, дѣлать подкопы, взрывать укрѣпленія. Свои познанія въ военномъ искусствѣ великій царь рѣшился теперь приложить къ дѣлу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ самъ говоритъ: „Хотя въ ту пору, какъ осенью, въ продолженіе пяти недѣль потѣшались мы подъ Кожуховымъ, ничего болѣе, кромѣ игры на умѣ не было, однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла.“

Азовскіе походы. Задачу всей жизни Петра, цѣль всѣхъ его задушевныхъ помысловъ, неимовѣрныхъ трудовъ и нечеловѣческихъ усилій составляло прежде всего желаніе добыть море, черезъ которое русскіе могли бы удобно сноситься съ другими образованными народами, торговать съ ними и перенимать отъ нихъ все хорошее и полезное. И вотъ онъ, изучивши самъ въ молодые годы военное искуство и научивши ему свое войско, рѣшился во что бы то ни стало пріобрѣсть берега Чернаго или Балтійскаго морей, по которымъ гораздо удобнѣе сноситься съ чужими народами и выгоднѣе торговать, нежели черезъ Бѣлое море. Но первымъ владѣли Турки, а вторымъ—Шведы. Эти народы были тогда очень сильны и справиться съ ними было весьма трудно. Однако Петръ, рѣшивши разъ дѣло, не откладывалъ его вдаль. Онъ попытался прежде утвердиться на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, куда впадаютъ большія наши рѣки Донъ и Днѣпръ. При впаденіи Дона въ Азовское море у турокъ находилась сильная крѣпость Азовъ. Ее-то и рѣшился Петръ прежде всего взять, тѣмъ болѣе, что турки были тогда съ нами во враждѣ. Онъ самъ отправился туда съ войскомъ въ чинѣ бомбардира Преображенскаго полка и осадилъ крѣпость. Великій бомбардиръ самъ во время осады во всемъ подавалъ примѣръ и вездѣ былъ первый; самъ изготовлялъ снаряды, наводилъ орудія, прикладывалъ пальникъ, работалъ въ траншеяхъ съ циркулемъ въ рукахъ. Опасность постоянно угрожала его жизни. Братъ его, царь Іоаннъ Алексѣевичъ, и любимая сестра, Наталья Алексѣевна, зная его безстрашіе, умоляли въ письмахъ беречь свое здоровье и хранить себя отъ вражескихъ пуль, Петръ по этому случаю разъ писалъ сестрѣ: „Сестрица! по письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однакожъ хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо.“ Вооду-

шевляемые самоотверженіемъ царя, солдаты сражались и работали, также не щадя жизни. Но Петръ вскорѣ убѣдился, что безъ кораблей крѣпости нельзя взять, такъ какъ турки моремъ подвозили въ нее и запасы, и людей. Онъ отступилъ, но съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее лѣто придти сюда съ кораблями, и взять Азовъ во что бы то ни стало. Царь задумалъ въ теченіе зимы построить такой флотъ, который заперъ бы туркамъ входъ въ крѣпость съ моря. Вещь почти немыслимая, потому что въ Россіи не было тогда ни настоящихъ верфей, ни хорошихъ корабельныхъ мастеровъ. Но могучая воля Петра преодолѣла всѣ препятствіи. Подъ Воронежемъ, близъ Дона, гдѣ росъ хорошій корабельный лѣсъ, онъ устроилъ верфь, собралъ туда всѣхъ мастеровъ, какихъ только могъ найти, и приступилъ къ дѣлу. Онъ заставилъ работать тамъ плотниковъ даже съ чужеземныхъ кораблей, бывшихъ тогда въ Россіи. Неутомимый царь и самъ пріѣхалъ въ Воронежъ. Дни и ночи проводилъ онъ на верфи и въ холодъ, и въ дождь; работалъ то съ цыркулемъ въ рукахъ, то съ топоромъ; однимъ указывалъ, другихъ понуждалъ. Зато дѣйствительно къ лѣту было построено 30 небольшихъ судовъ, которыя по Дону и спущены были къ Азову. Самое же лучшее судно изъ этихъ кораблей, самое легкое на ходу и красивое по отдѣлкѣ, было выстроено царемъ-плотникомъ. Въ новопостроенномъ флотѣ Петръ принялъ чинъ капитана. Подступивъ къ Азову съ флотомъ, русскіе загородили теперь дорогу туркамъ съ моря къ устьямъ Дона и крѣпость должна была скоро сдаться. Петръ съ торжествомъ возвратился въ Москву. Замѣчательна приэтомъ скромность великаго царя. Генералы его ѣхали по улицамъ Москвы въ пышныхъ мундирахъ, въ раззолоченныхъ каретахъ, а онъ, въ простомъ мундирѣ морскаго капитана, шелъ передъ своимъ полкомъ. Взятіе Азова было дѣйствительно большимъ торжествомъ для русскихъ, потому что это была первая побѣда ихъ надъ басурманами-турками, еще страшными тогда для всей Европы. Поэтому о взятіи Азова поется даже въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ.

Начало флота. Въ Москвѣ многіе радовались покоренію Азова, потому что видѣли въ этомъ конецъ трудамъ и тревогамъ, никакъ не воображая, что это было только начало трудовъ. Петръ на дѣлѣ увидѣлъ, какъ необходимъ флотъ для торжества Россіи надъ сосѣдями, и потому рѣшился теперь же, не откладывая дѣла, завести настоящій флотъ. Еще до возвращенія въ Москву, на другой день послѣ взятія Азова, онъ поручилъ составить планъ

укрѣпленія его, а самъ, не теряя ни минуты, отправился отыскивать мѣсто, гдѣ бы устроить гавань для будущаго флота и нашелъ его у мыса Таганрога. Въ воображеніи Петра уже рисовались русскіе корабли, плавающіе по Азовскому и Черному морямъ, и крѣпости, возвышающіяся на берегахъ ихъ. По возвращеніи же въ Москву онъ немедленно созвалъ бояръ и предложилъ имъ пріискать средства для безотлагательной постройки настоящаго флота. Рѣшено было, что всѣ—и дворяне, и духовные, и купцы, и посадскіе—должны, по мѣрѣ силъ, принять участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ. Тогда составились компаніи, вызваны были изъ чужихъ краевъ корабельные мастера, и на Воронежской верфи началась спѣшная постройка кораблей. Чтобы положить прочное начало морскому дѣлу, царь выбралъ изъ знатныхъ фамилій до 50 молодыхъ людей и отправилъ ихъ за границу изучать тамъ кораблестроеніе, мореплаваніе и другія необходимыя для этого науки. Къ каждому изъ нихъ было приставлено по одному солдату, какъ для наученія морскому дѣлу, такъ и для того, чтобы они смотрѣли за баричами, не привыкшими къ труду. Дѣйствительно съ большою неохотою, даже со слезами, отправлялись они въ дальніе края, тѣмъ болѣе, что не знали иноземныхъ языковъ, да и на иноземцевъ-то, къ которымъ ѣхали, большею частію смотрѣли какъ на басурмановъ и еретиковъ. Одинъ изъ посланныхъ даже бѣжалъ съ дороги на Афонскую гору и тамъ постригся. Но воля царя, думавшаго только о благѣ государства, была непреклонна. Посланнымъ объявлено было, чтобы они и не думали возвращаться въ отечество безъ письменныхъ свидѣтельствъ въ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія; въ противномъ случаѣ будутъ лишены имущества.

Первое путешествіе Петра за границу. Всегда первый труженикъ, подававшій во всемъ примѣръ собою, Петръ собрался и самъ за море, чтобы поучиться тамъ разнымъ вещамъ, посмотрѣть на разныя диковинки, а главное поучиться корабельному и морскому дѣлу, поработать самому на голландскихъ, англійскихъ и другихъ верфяхъ. Чтобы избавиться отъ разныхъ церемоній, пышныхъ встрѣчъ, торжественныхъ въѣздовъ, а главное, чтобы не быть предметомъ любопытства, Петръ придумалъ такое средство. Онъ снарядилъ пословъ къ иноземнымъ государямъ, а самъ записался въ свиту ихъ, подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Всѣ почести предоставилъ онъ посламъ, на свою же долю взялъ трудъ и науку. Свитѣ посольской строго запрещено было

разсказывать, что въ ней находится самъ царь. На письмахъ къ нему велѣно было надписывать: „Господину Петру Михайлову.“ Къ царскимъ письмамъ прикладывалась печать, которая представляла молодаго плотника, окруженнаго корабельными инструментами и военными орудіями, съ надписью: „азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую.“ И дѣйствительно все почти время пребыванія своего за границею Петръ провелъ въ наукѣ. Онъ все старался узнать; посѣщалъ фабрики, заводы, крѣпости, арсеналы, библіотеки, аптеки; заходилъ въ школы, знакомился съ учеными людьми, слушалъ ихъ лекціи. Такъ въ Пруссіи, онъ учился артиллеріи и получилъ отъ своего учителя аттестатъ, въ которомъ говорилось, что въ непродолжительное время, къ общему изумленію, онъ такіе оказалъ успѣхи, что вездѣ за искуснаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера признаваемъ быть можетъ. Въ другомъ мѣстѣ, зашедши къ одному ученому человѣку, у котораго было богатое собраніе разныхъ рѣдкихъ вещей, онъ такъ засмотрѣлся на нихъ, что съ трудомъ рѣшился выйдти оттуда. Онъ познакомился съ этимъ ученымъ запросто, обѣдалъ съ нимъ, слушалъ лекціи его и впослѣдствіи купилъ у него собраніе рѣдкостей. На одной писчебумажной фабрикѣ, Петръ, приглядѣвшись, какъ дѣлаютъ бумагу, проворно черпнулъ изъ чана жидкости и выкинулъ отличный листъ, такъ что мастеръ похвалилъ его. Зашедши на одну мельницу, гдѣ мололи крупу, царь помогалъ рабочимъ починивать ее. Все хотѣлъ видѣть и знать сгаравшій жаждою къ знаніямъ царь. Боялись быть проводниками его, не надѣясь удовлетворить его любознательности. Случалось, что когда ему попадалось что нибудь особенно любопытное, онъ бросался на диковинку, забывая даже о приличіяхъ. Разъ увидѣлъ онъ на улицѣ даму съ маленькими эмалевыми часами, тотчасъ же подошелъ къ ней, ни слова не говоря, вынулъ у ней часы изъ за пояса, внимательно разсмотрѣлъ ихъ и, положивъ обратно, пошелъ далѣе. Въ другой разъ очень любопытнымъ показался ему парикъ одного нѣмецкаго придворнаго; онъ мигомъ схватилъ его съ головы придворнаго, повертѣлъ въ рукахъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и, разсмѣявшись, бросилъ въ уголъ. Прослышали о великомъ путешественникѣ двѣ ученыя нѣмецкія государыни и захотѣли непремѣнно познакомиться съ нимъ. Онѣ нарочно пріѣхали въ одинъ городокъ, черезъ который долженъ былъ проѣзжать московскій царь и здѣсь видѣлись съ нимъ. „Нельзя ни описать, ни вообразить себѣ этого необыкновеннаго

человѣка, не видавъ его своими глазами," писала потомъ одна изъ нихъ; „онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства. Еслибы его лучше воспитали, онъ былъ бы примѣромъ совершенства."

Пребываніе Петра въ Голландіи и Англіи. Но главною цѣлію путешествія Петра, какъ сказано, было изученіе кораблестроенія и мореплаванія. Голландскіе корабельные мастера изъ мѣстечка Саардама, работавшіе въ Россіи, такъ много наговорили Петру о своей отзизнѣ, что онъ тутъ только надѣялся постигнуть всю суть этого дѣла. Поэтому и спѣшилъ сюда, оставивъ пословъ назади. Царь уже переодѣлся въ одежду голландскаго плотника, надѣлъ красную фризовую куртку, холстинные шаравары и лакированную шляпу. Подъѣзжая къ Саардаму, онъ увидѣлъ знакомаго кузнеца, который работалъ прежде въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловилъ здѣсь рыбу. Царь окликалъ его. Кузнецъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ въ такомъ костюмѣ россійскаго монарха, но еще болѣе изумился, когда Петръ изъявилъ желаніе поселиться у него на нѣсколько мѣсяцевъ съ условіемъ никому не говорить объ этомъ. Кузнецъ сталъ отговариваться бѣдностію и тѣснотою хижины. Въ самомъ дѣлѣ, у него былъ маленькій деревянный домикъ, покрытый черепицею, въ два окна, раздѣленный на двѣ комнаты, съ изразцовою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ. Но Петръ настаивалъ, и кузнецъ долженъ былъ согласиться. Онъ отвелъ ему заднюю половину домика, которая была въ наймахъ у вдовы какого-то поденщика. Вотъ въ какомъ дворцѣ поселился великій царь, тщательно скрывая свой санъ, лишь бы только изучить искусство, необходимое для возвеличенія Россіи.

На другой день Петръ, закупивъ инструменты, отправился на верфь, и тамъ записался плотникомъ. И каждый день съ солнечнымъ восходомъ царь-плотникъ ходилъ на верфь и работалъ тамъ до поту, а потомъ, для подкрѣпленія силъ, отправлялся въ гостинницу обѣдать, или просто заходилъ по дорогѣ въ рынокъ покупать провизію и, придя домой, самъ варилъ себѣ похлебку. Случалось также, что онъ заходилъ въ семейства саардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву, и у однихъ обѣдалъ, у другихъ выпивалъ стаканъ джину. До сихъ поръ сохранились у нихъ въ потомствѣ разные разсказы о необыкновенномъ царѣ-плотникѣ.

Но скоро въ Саардамѣ не стало покоя Петру. Саардамцы и

такъ по виду и по пріемамъ догадывались, что это не простой плотникъ, а тутъ письмо, полученное изъ Москвы однимъ саардамцемъ, совершенно выдало его. Въ письмѣ говорилось, что въ Голландіи будетъ русское посольство, въ свитѣ котораго находится самъ царь, что, вѣроятно, царь посѣтитъ Саардамъ и что его легко узнать по высокому росту, по трясенію головы, по привычкѣ размахивать правою рукой и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Письмо было прочитано въ одной цырюльнѣ, а вскорѣ послѣ того туда зашли московскіе гости. Разумѣется въ числѣ ихъ сейчасъ же узнали царя. Тогда ему не стали давать проходу. Какъ только онъ выйдетъ, цѣлая толпа окружитъ его и глазѣетъ. Это чрезвычайно наскучило Петру и онъ перебрался въ другое мѣсто, болѣе покойное, а именно въ Амстердамъ. Здѣсь онъ распредѣлилъ своихъ царедворцевъ по разнымъ мастерствамъ; однихъ заставилъ учиться мачтовому дѣлу, другихъ парусному, третьихъ блочному и такъ далѣе. Самъ же записался плотникомъ къ одному мастеру. Для царя былъ заложенъ новый корабль. Не отличаясь ничѣмъ отъ простыхъ плотниковъ, Петръ безпрекословно выполнялъ всѣ приказанія своего мастера. Одинъ англичанинъ пріѣхалъ нарочно посмотрѣть на царя-плотника. Въ это время переносили тяжелое бревно. Желая показать англичанину царя, мастеръ закричалъ: „плотникъ Петръ Саардамскій! Что же ты не пособишь своимъ товарищамъ? „И Петръ тотчасъ же подставилъ свое плечо и помогъ перенести бревно. Вообще онъ охотно говорилъ со всѣми, когда его называли просто: „плотникъ Петръ Саардамскій,“ но отвращивался и не отвѣчалъ ни слова, когда ему говорили: „Государь или Ваше Величество.“

Четыре мѣсяца съ половиною учился Петръ въ Амстердамѣ. Корабль, заложенный для него, былъ уже выстроенъ и спущенъ на воду. Державный плотникъ поглотилъ всю голландскую мудрость, но не могъ удовлетвориться ею. Онъ сталъ задавать своему мастеру такіе вопросы, на которые тотъ не въ силахъ былъ отвѣчать. И стало грустно Петру, что онъ предпринялъ такой дальній путь, а желаемой цѣли не достигъ. Но вотъ онъ узнаетъ, что можетъ получить отвѣты на свои вопросы въ Англіи. Петръ отправляется туда, работаетъ тамъ на одной верфи, не подалеку отъ Лондона, еще около трехъ мѣсяцевъ, и такимъ образомъ изучаетъ корабельное дѣло въ совершенствѣ. „Навсегда остался бы я только плотникомъ, говаривалъ онъ впослѣдствіи, еслибы не поучился у англичанъ.“

Изъ Англіи Петръ думалъ пробраться въ Венецію, чтобы поучиться тамъ строить мелкія суда или галеры, искусною постройкою которыхъ славились венеціяне. Но разныя дѣла помѣшали этому, и онъ вернулся домой. Петръ пробылъ въ чужихъ краяхъ около полутора года, и большую часть этого времени употребилъ на изученіе кораблестроенія и мореплаванія.

Начало войны съ шведами. По возвращеніи изъ-за границы, Петръ съ жаромъ принялся приводить въ исполненіе свою завѣтную мысль. Къ этому времени на Воронежской верфи, по царскому указу, словно въ сказкѣ, по щучьему велѣнью, явился цѣлый флотъ. Когда царь прибылъ туда, ему представилось восхитительное зрѣлище. Рѣка покрыта была множествомъ судовъ большихъ и малыхъ. Не менѣе 20 большихъ кораблей ожидали только царскаго повелѣнія, чтобы поднять паруса. Петръ самъ вывелъ свой флотъ въ Азовское море. Сооруженіе флота на степной рѣкѣ, на огромномъ разстояніи отъ морскаго берега, было такимъ дивомъ, что многіе иностранцы нарочно пріѣзжали посмотрѣть на него. Турки же пришли въ ужасъ, когда флотъ нашъ появился въ морѣ. Они съ изумленіемъ осматривали корабли, ощупывали ихъ, даже соскребали смолу, допытываясь, изъ какого дерева они сдѣланы, и никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы такой флотъ могъ быть выстроенъ въ Россіи и русскими людьми. Между тѣмъ Петръ отправилъ посла своего на 46 пушечномъ кораблѣ въ Константинополь требовать отъ султана турецкаго уступки какихъ нибудь городовъ на Черномъ морѣ. Посолъ подплылъ съ пальбою изъ пушекъ къ самому Константинополю и бросилъ якорь въ виду дворца, къ изумленію султана и всѣхъ турокъ. Султанъ не могъ понять, какъ такое судно могло пройти въ мелководномъ устьѣ Дона и очень тревожился. Министры утѣшали его, говорили, что оно плоскодонное и къ плаванію въ бурную погоду не годится.

Но Петръ на этотъ разъ хотѣлъ болѣе попугать турокъ своимъ флотомъ, чтобы они не начинали войны. На самомъ же дѣлѣ у него уже все было готово для войны съ шведами, у которыхъ онъ намѣревался отнять старинныя русскія земли по берегамъ Невы и Финскаго залива и завести здѣсь свой флотъ. Дѣйствительно, на другой же день по заключеніи мира съ турками, объявлена была война шведамъ. Но Швеція въ это время была очень сильна. Поэтому царь прежде нежели рѣшился воевать съ нею, заключилъ союзъ съ польскимъ и датскимъ королями. Союзники въ одно время съ разныхъ сторонъ напали на шведовъ, и тѣмъ болѣе

надѣялись одолѣть ихъ, что король у нихъ былъ въ это время очень молодой и, повидимому, неопытный. Его звали Карлъ XII. Однакожъ оказалось, что онъ былъ необыкновенно храбрый полководецъ и очень любилъ воевать. Онъ самъ повелъ свои войска сначала противъ датчанъ и заставилъ ихъ отказаться отъ союза, потомъ обратился противъ русскихъ, которые осаждали въ это время городъ Нарву, и тоже разбилъ ихъ; наконецъ отправился въ Польшу противъ третьяго врага своего, но, по выраженію Петра, увязъ тамъ. Онъ долго гонялся тамъ за польскимъ королемъ, бралъ штурмомъ города, разрушалъ ихъ, наконецъ свергъ короля съ престола и загналъ его въ нѣмецкую землю. Между тѣмъ Петръ въ это время успѣлъ оправиться.

Въ несчастіи, въ трудныхъ обстоятельствахъ познается величіе человѣка. И Петръ именно теперь-то обнаруживаетъ это величіе своей души. „Господа шведы, говорилъ онъ послѣ Нарвскаго пораженія,—можетъ быть, и еще не разъ побьютъ насъ, но у нихъ же мы научимся и побѣждать ихъ.“ Чтобы ободрить упавшій духомъ свой народъ, онъ какъ буря носится изъ одного конца Россіи въ другой. Вездѣ и за всѣмъ смотритъ самъ, все приводитъ въ движеніе, во всемъ подаетъ примѣръ. Въ одномъ мѣстѣ берется за топоръ, въ другомъ за молотъ, однихъ ободряетъ, другихъ побуждаетъ. И горе было тому, кто думалъ въ это время отдѣлаться отъ работы для общаго дѣла! Опасаясь, какъ бы послѣ Нарвской побѣды Карлъ не двинулся во внутрь Россіи, Петръ принялся укрѣплять Псковъ и Новгородъ. Во Псковѣ онъ согналъ на работу всѣхъ, даже духовныхъ лицъ и женщинъ.

Но прежде всего, разумѣется, нужно было войско. Собравъ разсѣянные полки, Петръ сталъ пополнять ихъ рекрутами и обучать ротному строю. Съ этихъ поръ и начались у насъ постоянные рекрутскіе наборы. Войско это только и знало одну военную службу. За то царь заботился о достаточномъ продовольствіи его и содержаніи. Чтобы увѣриться, сколько именно нужно солдату пищи, онъ самъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ на одномъ солдатскомъ пайкѣ.

Для содержанія войска Петръ потребовалъ денегъ отъ богатыхъ монастырей; для отливки пушекъ приказалъ снять съ церквей лишніе колокола. Благодаря такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, у Петра, въ какой-нибудь годъ времени, явилось новое войско, которое начало одерживать побѣды надъ шведами, считавшимися доселѣ непобѣдимыми. Велика была радость его, когда онъ полу-

чилъ извѣстіе о первой побѣдѣ, хотя она была и незначительная. «Слава Богу! воскликнулъ онъ, наконецъ мы можемъ бить шведовъ.» Главнокомандующему графу Шереметьеву посланъ былъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, портретъ царскій, осыпанный брилліянтами, и пожалованъ былъ чинъ фельдмаршала. Въ Москвѣ, по случаю этой побѣды, цѣлый день звонили въ колокола, палили изъ пушекъ, а вечеромъ сожгли фейерверкъ. И было чему радоваться! Послѣ этой побѣды русское войско ободрилось, и шведы начали терпѣть одно пораженіе за другимъ въ Прибалтійскомъ краѣ, пока король ихъ Карлъ XII воевалъ въ Польшѣ.

Основаніе Петербурга 16 мая 1703 г. Теперь Петръ приступилъ къ выполненію давно задуманной имъ мысли—къ утвержденію на берегахъ Балтійскаго моря. Онъ самъ прибылъ къ войску и повелъ его на берега Невы. Здѣсь при истокѣ рѣки изъ Ладожскаго озера стояла сильная шведская крѣпость Нотебургъ или старинный русскій городъ Орѣшекъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе шведовъ, городъ былъ взятъ, и Петръ писалъ: „правда, что зѣло крѣпокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ.“ Онъ назвалъ его Шлиссельбургомъ, то есть, ключемъ-городомъ, потому что надѣялся, взявъ его, отпереть русскимъ входъ въ Балтійское море. И дѣйствительно, вскорѣ взята была здѣсь послѣдняя шведская крѣпостца, лежавшая при впаденіи Охты въ Неву, а чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Петръ былъ весьма обрадованъ первою побѣдою надъ шведами на морѣ. Шведы, не зная еще о взятіи крѣпостцы, подплыли къ устью Невы, съ тѣмъ чтобы подкрѣпить гарнизонъ свой. Дѣло было ночью. Царь, получивъ извѣстіе объ этомъ, съ двумя полками гвардіи подкрался на лодкахъ къ непріятельскимъ судамъ и, не смотря на жестокую пальбу съ нихъ изъ пушекъ, окружилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ. При этомъ онъ въ числѣ первыхъ взошелъ на непріятельское судно и былъ награжденъ за этотъ геройскій подвигъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Такъ Петръ овладѣлъ берегами Невы.

Разъѣзжаетъ онъ по новой завоеванной странѣ и высматриваетъ, гдѣ-бы удобнѣе укрѣпиться здѣсь. Наконецъ онъ выбралъ мѣсто на островкѣ, который казался ему лучше и удобнѣе другихъ. Островокъ этотъ назывался у шведовъ Люстъ-Элантомъ или веселымъ островомъ. Петръ своими руками срубилъ здѣсь березу, сдѣлалъ крестъ и поставилъ его, сказавъ: „здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла.“ Поэтому

и городъ сталъ называться Санктъ-Петербургомъ, то есть, городомъ Св. Петра. Крѣпость сначала была деревянная, а чрезъ нѣсколько лѣтъ стали выводить ее изъ камня. Неподалеку отъ крѣпости построенъ былъ царскій дворецъ, деревянный, покрытый дощечками въ видѣ черепицы и состоявшій изъ двухъ комнатокъ, раздѣленныхъ сѣнями, съ передней и кухней. Тутъ же начали строить жилья для властей и для солдатъ, а также гостинный дворъ и другія зданія. Въ память основанія Петербурга выстроена была близъ крѣпости деревянная церковь Св. Троицы, потому что заложеніе его происходило въ Троицынъ день. Такимъ образомъ колыбелью Петербурга была нынѣшняя Петербургская сторона. Первымъ губернаторомъ Петербурга былъ любимецъ Петра, князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ. Изъ всѣхъ первоначальныхъ зданій Петербурга только домикъ Петра Великаго остался въ прежнемъ видѣ. Сохраняемый подъ особо устроеннымъ навѣсомъ, онъ сдѣлался святынею для русскаго народа и привлекаетъ къ себѣ толпы молельщиковъ. Одна изъ комнатъ его обращена въ молельню, а другая оставлена въ первобытномъ видѣ, и въ ней находятся нѣсколько вещей временъ Петра Великаго.

Петербургъ строился въ виду шведовъ, постоянно грозившихъ ему съ моря. Для защиты его отъ нихъ, Петръ на островѣ лежащемъ въ заливѣ, въ 25 верстахъ отъ города, построилъ крѣпость, которая называется Кронштадтомъ.

Такъ возникъ Петербургъ на берегу пустынной рѣки, посреди болотъ и лѣсовъ. Кое-гдѣ только виднѣлись здѣсь рыбачьи хижины. Мѣста эти кромѣ того подвергались наводненіямъ при западномъ вѣтрѣ съ моря и бѣдные обитатели ихъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бросали свои хижины и удалялись на Дудерову гору.

Но Петръ полюбилъ новый городъ, какъ свое созданіе, а главнымъ образомъ, потому что съ основаніемъ его открывался морской путь въ просвѣщенную Европу, откуда русскіе должны были получать разныя свѣдѣнія и товары. Онъ называлъ его раемъ и впослѣдствіи, когда уже видно было, что шведы не могутъ отнять его у насъ, поселился въ немъ навсегда и сталъ обстроивать его; при этомъ дѣйствовалъ съ обыкновенною своею рѣшимостью; сгонялъ туда рабочихъ со всѣхъ сторонъ и останавливалъ иногда каменныя постройки въ цѣлой Россіи, чтобы привлечь рабочихъ въ любимый городъ; постановлено было также, чтобы на каждой баржѣ, приходившей въ Петербургъ, на каждомъ въѣзжавшемъ

возѣ непремѣнно привозилось извѣстное количество камней. Дорого обошлась Россіи постройка Петербурга. Полагаютъ, что построеніе одной крѣпости стоило жизни тысячъ ста рабочихъ. Но Петръ, поселившійся самъ въ домикѣ о двухъ маленькихъ комнаткахъ, не обращалъ никакого вниманія на эти единичныя жертвы. Для него важно было только благо и польза цѣлаго народа. Благодаря его неутомимымъ заботамъ, скоро на берегахъ Невы закипѣла жизнь. Вслѣдъ за государемъ сюда стали переселяться и вельможи, и купцы и разные промышленные люди. Царь же всячески поощрялъ это. Всякій могъ совершенно свободно выбирать себѣ любое мѣсто для постройки дома, и каждый самый незначительный человѣкъ могъ смѣло просить къ себѣ государя на закладку дома. Петръ охотно ѣхалъ, выпивалъ рюмку водки, милостиво поздравлялъ хозяина и благодарилъ его. Въ новомъ городѣ основана была также Лавра, и въ нее, въ концѣ царствованія Петра, пересены были изъ Владиміра мощи Св. Александра Невскаго. Петръ самъ правилъ кораблемъ, на которомъ онѣ были привезены въ Лавру.

Особенно же Петръ старался возвысить любимый свой городъ въ торговомъ отношеніи. Велика была радость его, когда къ Петербургу подошелъ при немъ первый иноземный корабль. Онъ самъ отправился на встрѣчу ему, самъ привелъ его въ пристань; шкиперъ и всѣ матросы его были обласканы и отлично угощены; царь былъ первымъ покупателемъ товаровъ на немъ, а по рекомендаціи его они были тотчасъ же всѣ раскуплены. На прощаньи Петръ обнялъ и одарилъ шкипера и всѣхъ матросовъ деньгами. Прибытіе иностранныхъ судовъ вообще считалось какъ бы праздникомъ и возвѣщалось пушечными выстрѣлами. На самой оконечности Васильевскаго острова, вдающейся въ море, была построена каланча, и съ ней прямо во дворецъ давали знать государю, когда вдали показывались паруса купеческаго корабля. Къ концу царствованія Петра въ петербургской пристани развѣвались торговые флаги уже всѣхъ европейскихъ народовъ, а въ самомъ городѣ считалось уже до 40 тысячъ жителей. Такимъ образомъ, благодаря могучей волѣ Петра, какъ бы изъ земли выросъ при морѣ новый русскій городъ на удивленье всему свѣту.

Полтавскій бой 27 Іюня 1709 г. Завладѣвъ необходимою для Россіи мѣстностію при Балтійскомъ морѣ, Петръ готовъ былъ заключить со шведами миръ. Но прошло еще много времени, прежде нежели они согласились на это. Король шведскій,

Карлъ XII, разгромивъ Польшу, двинулся опять на Россію. Наступило время сойтись въ чистомъ полѣ двумъ богатырямъ—русскому и шведскому. Петръ былъ, однакожъ, остороженъ. Онъ предлагалъ Карлу миръ, если только тотъ согласится уступить ему какой-нибудь приморскій пунктъ, хоть одинъ Петербургъ. Но шведскій король въ это время былъ на верху славы. Его считали непобѣдимымъ и боялись, и онъ самъ думалъ, что нѣтъ никого, кто бы могъ поспорить съ нимъ. Въ отвѣтъ нашему царю на мирное предложеніе, онъ назначилъ одного изъ своихъ генераловъ губернаторомъ Москвы. Закипѣлъ Петръ негодованіемъ за такую дерзость. „Мой братъ, Карлъ, сказалъ онъ, хочетъ быть Александромъ Македонскимъ, но онъ не найдетъ во мнѣ Дарія.“ Петръ приказалъ опустошать страну, по которой шелъ непріятель, ломать мосты, истреблять запасы, жечь села и города. Куда ни придутъ шведы—вездѣ все пусто, а народъ изъ-за кустовъ и угловъ стрѣляетъ въ нихъ. Разъ чуть не подстрѣлили самаго Карла. Скоро шведы почувствовали большую нужду во всемъ, и Карлъ приказалъ одному генералу своему, стоявшему съ отрядомъ войска въ Прибалтійскомъ краѣ, придти на помощь. Петръ не допустилъ. Онъ самъ напалъ на этого генерала и совершенно разбилъ его. Но Богъ послалъ еще одно большое испытаніе нашему великому царю. Совершенно неожиданно получаетъ онъ вѣсть, что малороссійскій гетманъ Мазепа, увѣрявшій въ полной преданности, измѣнилъ и передался шведскому королю. Къ счастію народъ малороссійскій остался вѣренъ православному царю. Поэтому шведы, пришедши въ Малороссію, и здѣсь находили однѣ развалины и терпѣли во всемъ недостатокъ. Къ довершенію ихъ бѣдственнаго положенія наступила такая жестокая зима, какой не помнили старожилы: птицы мерзли на лету. Карлъ наконецъ и самъ начиналъ уже понимать опасность своего положенія и не разъ говорилъ: „вижу, что мы научили москвитянъ воевать.“ Многіе совѣтовали ему отступить опять въ Польшу, но стыдно было ему, избалованному побѣдами, дѣлать отступленія. Онъ, напротивъ, осадилъ городъ Полтаву. Здѣсь-то, неподалеку отъ города, и произошла кровавая битва. Въ Полтавѣ находился незначительный отрядъ нашъ, но имъ командовалъ весьма храбрый полковникъ, который хотѣлъ лучше погибнуть, нежели сдаться врагу. Шведы ослабѣли и упали духомъ, продолжая безполезно осаждать Полтаву. Самъ Карлъ получилъ здѣсь рану въ ногу. Всѣ совѣтовали ему отступить. Но онъ съ дерзкою самонадѣянностію говорилъ:

„Если бы Богъ послалъ ангела съ повелѣніемъ отступить, то я и тогда не отступилъ бы.“ Наконецъ Петръ дождался своего часа. Замѣтивъ слабость и упадокъ духа въ шведскомъ войскѣ, онъ вознамѣрился дать Карлу подъ Полтавою рѣшительную битву. Это было лѣтомъ 1709 года. Днемъ битвы назначено было 27 Іюня, когда празднуется память Св. Самсонія. Съ ранняго утра русскія войска поставлены были въ боевой порядокъ, и имъ прочитано было воззваніе, въ которомъ великій царь изрекъ слѣдующія достопамятныя слова: „Воины! говорилъ онъ, пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога. Жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи.“ Еще звучали въ ушахъ русскихъ воиновъ возвышенныя слова эти, когда передъ ними показался тотъ, кто писалъ ихъ. Въ простомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, на бойкомъ свѣтлогнѣдомъ конѣ объѣзжалъ онъ полки и говорилъ: „порадѣйте, товарищи! Вѣра, церковь, отечество ждутъ этого отъ васъ.“ Радостными и громкими криками «ура» отвѣчало войско на слова царя. Но вотъ шведы первые двинулись на насъ—и закипѣлъ отчаянный полтавскій бой. Петръ дѣйствительно не жалѣлъ жизни, и всюду являлся самъ, гдѣ грозила опасность. Пули сыпались на него градомъ; шляпа его была прострѣлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ сѣдло также ударила пуля; сохранилось преданіе, что одна пуля попала ему въ грудь, но на груди былъ большой крестъ, и она отскочила. Король шведскій также не щадилъ себя. По случаю раненой ноги, его возили въ качалкѣ, запряженной двумя лошадьми; ядромъ убило обѣихъ лошадей; изъ тѣлохранителей короля перебиты были всѣ. Онъ также всюду являлся самъ и ободрялъ воиновъ. Но ничто не помогало. Ударъ Петра, напоръ русскихъ былъ неотразимъ. Бой продолжался два часа, съ 9 часовъ утра до 11. Наконецъ одно ядро ударило въ самую качалку Карла, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю; думали, что онъ убитъ. Въ шведскомъ войскѣ между тѣмъ открылось всеобщее смятеніе. Когда короля приподняли и посадили на перекрещенныя пики, то онъ увидѣлъ, что всѣ бѣгутъ и въ отчаяніи закричалъ: „шведы! шведы!“ „Но непобѣдимые господа шведы, по выраженію Петра, хребетъ показали,“ такъ, что никто и ничто уже не могло ихъ остановить. Вслѣдъ за бѣгущими пустился и Карлъ. Онъ едва успѣлъ переправиться

за Днѣпръ и скрыться въ турецкой землѣ. Шведовъ пало на поляхъ полтавскихъ тысячъ десять, а еще болѣе взято въ плѣнъ; между плѣнными находились самыя знатныя лица, напримѣръ, первый министръ Карла и одинъ фельдмаршалъ. Такъ кончился славный для насъ полтавскій бой! Побѣдоносный Петръ, отправивъ казаковъ преслѣдовать бѣгущихъ шведовъ, построилъ храбрыя войска свои, приказалъ поставить передъ ними походную церковь, и тутъ совершено было торжественное молебствіе, при громѣ пушекъ. Конца не было радостнымъ крикамъ солдатъ, когда Петръ, усталый отъ трудовъ и отъ волненій, возвращался на усталомъ конѣ къ своей палаткѣ. Онъ весело кланялся имъ, махая своею прострѣленною шляпою и поздравляя съ побѣдою. Въ палаткѣ царя былъ приготовленъ столъ. При громѣ пушекъ побѣдители торжествовали неслыханную побѣду. Упоенный радостію, Петръ забылъ месть къ врагамъ и приказалъ позвать къ столу плѣнныхъ шведскихъ генераловъ. Посреди пира вдругъ онъ встаетъ съ кубкомъ въ рукѣ и провозглашаетъ: „За здоровье учителей нашихъ въ ратномъ дѣлѣ!“ — „Кто же эти учителя?“ спросилъ плѣнный фельдмаршалъ. „Вы, господа шведы,“ отвѣтилъ царь. „Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей,“ промолвилъ печально фельмаршалъ и выпилъ заздравный кубокъ. Въ Москвѣ полтавскую побѣду праздновали какъ Свѣтлое Христово Воскресенье; цѣлую недѣлю звонили въ колокола; даже женщинамъ дозволено было звонить. И дѣйствительно, было что праздновать. Россія и Петръ, вслѣдствіе одной этой побѣды, вдругъ возвысились въ глазахъ своихъ гордыхъ сосѣдей. Недаромъ полтавскую побѣду называютъ русскимъ воскресеніемъ.

Миръ съ шведами 1722 г. Но не смотря однакожъ на такую блистательную побѣду, борьба со шведами продолжалась еще лѣтъ двѣнадцать. Впрочемъ это послужило къ ихъ вреду. Они потерпѣли еще нѣсколько пораженій, потеряли много городовъ, лишились четверти всего населенія. Самъ король ихъ былъ убитъ. Доведенные до послѣдней крайности, шведы наконецъ запросили мира. Петръ давно и самъ желалъ его, чтобы воспользоваться плодами своихъ заботъ и трудовъ, подвиговъ и побѣдъ и дать отдохнуть народу; поэтому согласился на мирные переговоры; они происходили въ финляндскомъ городкѣ Ништадтѣ. Петръ былъ въ Выборгѣ, когда получилъ извѣстіе, что миръ заключенъ и что шведы уступили намъ и Петербургъ, и Ригу, и Ревель, и Выборгъ и все побережье моря между этими городами. Немедленно

же поплылъ онъ въ Петербургъ съ этою радостною вѣстію. Подплывая къ городу, Петръ каждую минуту стрѣляетъ изъ пушекъ; въ тоже время трубитъ трубачъ. Народъ понялъ, въ чемъ дѣло и устремился толпами къ пристани, которая находилась тогда у крѣпости и Троицкаго собора. „Миръ! братцы, миръ!“ закричалъ Петръ, подъѣхавъ къ пристани, и сейчасъ же въ соборъ. Пока служили молебенъ, на площади передъ соборомъ выстроили войска, выкатили бочки съ пивомъ и виномъ и устроили возвышенное мѣсто. На это возвышеніе, по окончаніи молебна, взошелъ Петръ, поклонился народу и сказалъ: „Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что столь долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ съ Швеціею счастливый, вѣчный миръ.“ Сказавши это, онъ беретъ кубокъ и пьетъ за Россію. Народъ плачетъ и кричитъ: „Да здравствуетъ государь!“ Между тѣмъ съ крѣпости палятъ изъ пушекъ; поставленныя на площади войска стрѣляютъ изъ ружей; по городу ѣздятъ вѣстовщики съ извѣстіями о мирѣ, держа въ рукахъ знамена и лавровыя вѣтви, а передъ ними трубятъ трубачи. Черезъ нѣсколько недѣль происходило церковное празднованіе мира. Тутъ, послѣ обѣдни, въ церкви подошли къ царю всѣ знатнѣйшіе сановники и главный изъ нихъ, выступивъ впередъ, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова, обращаясь къ Петру: „твоими неусыпными трудами, твоимъ единымъ руковожденіемъ, царь, мы изъ тьмы невѣдѣнія и ничтожества на театръ славы всего свѣта вступили и присоединились къ образованнымъ народамъ.“ Въ заключеніе же рѣчи онъ просилъ царя отъ лица всѣхъ подданныхъ принять титулъ Отца отечества, Великаго и Императора Всероссійскаго. При этомъ всѣ присутствующіе въ церкви три раза прокричали эти слова; между тѣмъ зазвонили въ колокола, затрубили въ трубы, забили въ барабаны, раздалась пушечная и ружейная стрѣльба. Петръ со смиреніемъ принялъ эту награду, и съ тѣхъ поръ наши цари стали называться императорами.

Петръ принимался праздновать миръ съ шведами нѣсколько разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Пирамъ, маскарадамъ, иллюминаціямъ, фейерверкамъ не было конца. Особенно оригинальное торжество устроено было имъ въ Москвѣ. Не менѣе 50 судовъ, сдѣланныхъ конечно изъ легкихъ досокъ, были поставлены на полозьяхъ, снабжены мачтами, парусами, пушками и въ назначенный день потянулись по улицамъ Москвы. Одни изъ этихъ кораб-

лей везли медвѣди, другіе—собаки, третьи—свиньи и т. д. Самый же большой корабль едва тащили 15 дюжихъ коней. Царь, царица и всѣ знатные люди сидѣли на этихъ корабляхъ, одѣтые въ самые разнообразные костюмы.

Петръ употреблялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы развить въ своихъ подданныхъ любовь въ кораблямъ и охоту къ мореплаванію. Въ Петербургѣ съ этою цѣлію онъ учредилъ такъ называемую Невскую флотилію. Каждый изъ зажиточныхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ обязанъ былъ имѣть лодку. Въ воскресные и праздничные дни, по сигналу съ крѣпости, всѣ они, подъ опасеніемъ штрафа, должны были на своихъ судахъ выѣзжать на Неву. Появлялся царь съ вельможами и, при звукахъ музыки, вся эта флотилія отправлялась на взморье. Тамъ происходили манёвры въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а по окончаніи ихъ флотилія возвращалась къ лѣтнему дворцу, гдѣ владѣльцамъ лодокъ предлагалось угощеніе. Разсказываютъ также, что Петръ не строилъ въ Петербургѣ мостовъ чрезъ Неву для того, чтобы жители, вынуждаемые переѣзжать черезъ рѣку на лодкахъ, пріучались къ плаванію. Равнымъ образомъ Петръ издалъ также указъ, чтобы никто не смѣлъ подъ опасеніемъ тяжкаго наказанія плавать по Невѣ на веслахъ, но чтобы всѣ постоянно употребляли паруса. Для развитія же морскаго дѣла настоящимъ образомъ, Петръ, едва только добрался до моря, еще до окончанія шведской войны, завелъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ морскія школы; продолжалъ посылать молодыхъ людей за-границу, чтобы учиться тамъ кораблестроенію и мореплаванію, и по возвращеніи оттуда, не рѣдко самъ экзаменовалъ ихъ; основывалъ верфи и т. п. Благодаря такимъ заботамъ, у Петра скоро явился флотъ, который сдѣлался страшнымъ для шведовъ. Во время войны онъ самъ нанесъ имъ большое пораженіе и взялъ въ плѣнъ ихъ адмирала. Къ концу же царствованія Петра у насъ было уже около полусотни большихъ кораблей, кромѣ множества мелкихъ судовъ.

Такъ могучею волею Петра, его неустанными трудами и заботами добыто было для Россіи море, удобное для сношеній съ полуденною Европою и на этомъ морѣ созданъ былъ флотъ, грозный для сосѣдей.

Новые порядки, заведенные Петромъ. Всѣ заботы Петра о морѣ и флотѣ клонились къ тому, чтобы сдѣлать свой народъ болѣе образованнымъ и улучшить его благосостояніе. Для достиженія этой цѣли онъ не упускалъ изъ виду ничего. Такъ, возвратив-

шись изъ перваго заграничнаго путешествія, онъ заставилъ русскихъ перемѣнить длинную одежду на короткое нѣмецкое платье, воспретилъ также носить бороды, потому что все это отчасти мѣшало сближенію нашихъ предковъ съ иноземцами. Замѣчательно, какъ дѣйствовалъ Петръ въ этихъ случаяхъ. На другой день по возвращеніи въ Москву изъ-за границы, онъ принималъ въ Преображенскомъ сановниковъ. Здѣсь, ласково разговаривая съ ними онъ собственноручно, какъ бы въ шутку, обрѣзывалъ бороды то одному, то другому. Послѣ этого догадливые сами обрили бороды; недогадливымъ сдѣлано было еще внушеніе. Въ день новаго года, на пиру у одного изъ сановниковъ, шутъ царскій, при громкомъ смѣхѣ пирующихъ, отрѣзывалъ бороды тѣмъ, которые не въ силахъ были разстаться съ ними сами. Чрезъ нѣсколько же лѣтъ царскимъ указомъ повелѣвалось брить бороды всѣмъ, за исключеніемъ духовенства и крестьянъ. Кто хотѣлъ сохранить бороду, тотъ долженъ былъ заплатить пошлину, напримѣръ, бояринъ или вообще знатный человѣкъ сто рублей. Въ замѣнъ бороды при Петрѣ у насъ въ высшемъ обществѣ вошли въ моду парики, въ подраженіе иноземцамъ (Петръ и самъ носилъ небольшой парикъ). Точно также поступлено было и съ стариннымъ длиннымъ платьемъ. Сначала Петръ, какъ бы шутя, отрѣзывалъ во время пировъ длинныя полы и двухаршинные рукава у царедворцевъ, а потомъ указомъ повелѣлъ носить короткое платье и за старое назначилъ пошлину; портнымъ царскій указъ грозилъ жестокимъ наказаніемъ, если они будутъ кому бы то ни было шить длинныя одежды.

Петръ, начавъ съ внѣшности, съ одежды и бородъ, мало по малу во всемъ ввелъ новые порядки, совершенно все преобразовалъ, поэтому и называется преобразователемъ Россіи. Вотъ самыя главныя изъ его преобразованій.

Встарину у насъ завѣдывали судомъ и государственными дѣлами приказы. Но ихъ было очень много, именно около сорока, а порядка въ нихъ было мало. Отъ этого дѣла очень долго тянулись. Кромѣ того дѣла въ приказѣ рѣшалъ одинъ главный начальникъ его, а „въ единомъ лицѣ, какъ говорилъ Петръ, не безъ грѣха.“ Чтобы ввести болѣе порядка и правды, Петръ уничтожилъ приказы, а вмѣсто нихъ учредилъ 12 коллегій, гдѣ дѣла были точно распредѣлены, напр. все, что касалось торговли, сосредоточено было въ коммерцъ-коллегіи, военныхъ дѣлъ — въ военной коллегіи и такъ далѣе. Но самое главное улучшеніе тутъ

состояло въ томъ, что дѣла рѣшалъ не одинъ человѣкъ, а всѣ члены коллегіи по большинству голосовъ. Притомъ Петръ старался выбирать въ начальники коллегій людей самыхъ честныхъ и способныхъ и тоже по большинству голосовъ. Точно также Петръ раздѣлилъ все государство на 12 губерній и въ нихъ губернаторы вершили дѣла не одни, а вмѣстѣ съ совѣтниками своими, которыхъ выбирали дворяне.

Для наблюденія за правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ коллегіяхъ и губерніяхъ Петръ учредилъ сенатъ, который замѣнилъ боярскую думу. Здѣсь дѣла рѣшались также по большинству голосовъ.

Церковными дѣлами до Петра завѣдывалъ патріархъ. Петръ отмѣнилъ патріаршество на Руси и вмѣсто этого учредилъ святѣйшій синодъ, гдѣ дѣла тоже рѣшались всѣми членами.

Со времени Петра начинаютъ выходить изъ употребленія прежнія названія должностныхъ лицъ: боярина, окольничаго, думнаго дворянина, стольника, думнаго дьяка и другихъ. Петръ издалъ табель о рангахъ или чинахъ и въ ней раздѣлилъ всѣхъ служащихъ на военные и гражданскіе чины, названія которыхъ почти всѣ и до сихъ поръ существуютъ. Особенно важно тутъ было то, что Петръ для повышенія въ чинахъ требовалъ только усердной службы и способностей; поэтому самые высшіе чины и должности давалъ людямъ самаго незнатнаго происхожденія, какъ напримѣръ Меньшикову. Между тѣмъ какъ прежде высшія званія боярина и окольничаго доступны были только для лицъ знатнаго рода. Петръ далъ доступъ къ высшимъ чинамъ и должностямъ и иноземцамъ, но первыя мѣста старался замѣщать русскими. Современи Петра вошло также въ обычай, на манеръ иноземный, награждать графскими и княжескими титулами, а также давать ордена.

Но особенно важны заботы Петра касательно образованія. Онъ понималъ, что никакія его мѣры и распоряженія безъ образованія не принесутъ особенной пользы. Поэтому и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ разныхъ другихъ городахъ онъ открывалъ школы для дѣтей дворянъ, духовныхъ и чиновниковъ. Большихъ трудовъ стоило ему заохотить къ ученію. Для этого онъ долженъ былъ прибѣгать и къ разнымъ строгимъ мѣрамъ. Такъ, напримѣръ, онъ приказывалъ дворянамъ привозить своихъ дѣтей на смотръ въ Петербургъ или Москву и здѣсь ихъ уже распредѣляли по разнымъ учебнымъ заведеніямъ. По окончаніи курса

ученія въ заведеніяхъ болѣе важныхъ, онъ экзаменовалъ учениковъ самъ. Онъ издалъ также указъ, что дворянинъ, не получившій свидѣтельства изъ школы, не можетъ жениться, а дѣти духовныхъ лицъ, не получившіе образованія, записывались въ солдаты. До какой степени Петръ цѣнилъ образованіе, показываетъ слѣдующій случай. Въ ночь передъ Полтавскою битвою, когда все войско отдыхало, онъ въ своемъ шатрѣ просматривалъ письменныя работы учениковъ. Для распространенія всякаго рода знаній въ народѣ Петръ, кромѣ школъ, прибѣгалъ къ разнымъ другимъ мѣрамъ. Такъ онъ открылъ первую библіотеку въ Петербургѣ, приказалъ издавать для всѣхъ газету, учредилъ также для всѣхъ театръ и основалъ кунстъ-камеру или собраніе рѣдкостей. Въ кунстъ-камерѣ Петръ часто бывалъ самъ и объяснялъ посѣтителямъ разныя достопримѣчательныя вещи. Одинъ придворный совѣтовалъ было царю назначить плату за входъ въ кунстъ-камеру; но Петръ замѣтилъ ему, что тогда никто не будетъ посѣщать ее и потому, напротивъ, назначилъ особенную сумму для угощенія посѣтителей.

Не мало стараній Петръ приложилъ также къ развитію разныхъ промысловъ. До него у насъ было всего какихъ нибудь пять-шесть фабрикъ и заводовъ. Послѣ его смерти осталось до двухъ сотъ. И тутъ онъ входилъ также во всѣ подробности и мелочи и употреблялъ всевозможныя мѣры; напримѣръ, предписывалъ снимать хлѣбъ съ полей косами вмѣсто серповъ, запрещалъ вырубать лѣсъ безъ толку; заводчикамъ и фабрикантамъ предоставлялъ разныя льготы, давалъ на подмогу деньги. Вотъ, напримѣръ, какъ вышелъ въ люди, благодаря Петру, извѣстный заводчикъ Демидовъ. Однажды Петръ проѣзжалъ черезъ Тулу и приказалъ спросить тульскихъ кузнецовъ, не возьмутся ли они сдѣлать 300 алебардъ по привезенному имъ съ собою образцу. На вызовъ явился крестьянинъ Никита Демидовичъ Демидовъ. Взглянувъ на него, царь пораженъ былъ его высокимъ ростомъ, мужественнымъ видомъ и сказалъ: „вотъ молодецъ! годится въ гренадеры!“ Демидовъ, думая, что его въ самомъ дѣлѣ хотятъ взять въ солдаты, упалъ въ ноги Петру и умолялъ пощадить его ради престарѣлой матери, у которой онъ былъ единственный сынъ. Государь разсмѣялся и сказалъ: „Я помилую тебя, если сдѣлаешь алебарды согласно съ образцомъ.“ Черезъ мѣсяцъ Демидовъ сдѣлалъ. Петръ такъ остался ими доволенъ, что заплатилъ ему въ трое противъ назначенной цѣны, подарилъ сукна на платье, сере-

бряный ковшъ и, проѣзжая во второй разъ черезъ Тулу, заѣхалъ къ нему въ гости. Оставаясь всегда доволенъ и другими заказами, Петръ далъ потомъ Демидычу (какъ онъ его называлъ) землю около Тулы, и право добывать желѣзную руду. Смышленный и предпріимчивый Демидычъ выстроилъ желѣзный заводъ и пошелъ въ гору. Петръ пожаловалъ ему потомъ обширныя земли въ Сибири, гдѣ онъ устроилъ уже нѣсколько заводовъ. Богатство Демидова росло съ необычайною быстротою. Петръ, наконецъ, возвелъ его въ дворяне и пожаловалъ ему свой портретъ.

Наконецъ Петръ измѣнилъ семейные и общественные порядки нашихъ предковъ. Здѣсь всего важнѣе было уничтоженіе затворничества женщинъ. Чтобы ввести женщину въ кругъ общественной жизни Петръ нерѣдко давалъ во дворцѣ пиры и балы, на которые вельможи должны были являться съ женами и дочерьми; требовалъ, чтобы они возили ихъ также въ театръ. Для сближенія общества, Петръ устраивалъ также маскарады и процессіи, въ которыхъ тоже участвовали женщины. Съ тою же цѣлію лѣтомъ въ Петербургѣ устраивались гулянья въ Лѣтнемъ саду, на которыя лучшая публика должна была являться по барабанному бою; зимою же въ домахъ знатныхъ людей по очереди устроивались вечернія собранія или такъ называемыя ассамблеи. Петръ такое большое значеніе придавалъ этимъ ассамблеямъ, что самъ написалъ уставъ для нихъ. Здѣсь церемонныя встрѣчи, низкіе поклоны и тому подобные обряды, прежде свято соблюдаемые, были совершенно уничтожены. На ассамблеи являлись просто, даже безъ приглашеній; тутъ играла музыка, танцовали, играли въ шахматы или въ шашки, разговаривали, курили, тогда какъ прежде за табакъ строго наказывали. Ассамблеи нерѣдко посѣщалъ самъ царь.

Великій преобразователь затронулъ всѣ стороны жизни русскаго народа, все старался или улучшить или измѣнить. Одинъ современникъ Петра, вскорѣ послѣ его смерти писалъ: „на что въ Россіи ни взгляни, все его имѣетъ началомъ и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.“ Но сколько онъ встрѣчалъ противодѣйствій своимъ реформамъ, сколько испыталъ огорченій! Только онъ самъ да небольшой кружокъ его сподвижниковъ вполнѣ понимали высокое значеніе его преобразованій. Большинство же народа не понимало тогда большей части его великихъ дѣлъ и старалось противодѣйствовать. Но Петръ не обращалъ ни на что вниманія и продолжалъ свое дѣло. Еще въ то время, когда Петръ собрался въ первый разъ за границу, про-

тивъ него составилъ заговоръ окольничій Соковнинъ. Онъ былъ раскольникъ и за старину готовъ былъ рѣшиться на все. Между тѣмъ два его сына назначены были, въ числѣ другихъ царедворцевъ, учиться за границею. Соковнинъ не устоялъ противъ такого, по его понятіямъ, соблазна, и посягнулъ на жизнь царя. Онъ и его соучастники склоняли стрѣльцовъ произвести пожаръ въ Москвѣ и на пожарѣ умертвить государя. Заговоръ былъ открытъ и заговорщики подверглись жестокой казни. Во время пребыванія Петра за границей, стрѣльцы, недовольные новою службою, болѣе трудною для нихъ, взбунтовались. Бунтъ былъ подавленъ; главные мятежники были казнены; стрѣлецкое войско Петръ совсѣмъ уничтожилъ, а сестру свою, царевну Софію, которая возбудила мятежъ, постригъ и заточилъ въ монастырѣ. Когда Петръ ввелъ короткое платье и предписалъ брить бороды, въ Астрахани раскольники произвели бунтъ. Бунтъ этотъ былъ подавленъ силою оружія. Великій преобразователь не пощадилъ даже первой жены своей и старшаго сына, когда замѣтилъ, что они не сочувствуютъ его дѣламъ. Супругу свою, Евдокію Ѳеодоровну, онъ, послѣ возвращенія изъ перваго заграничнаго путешествія, постригъ. Сына же, Алексѣя Петровича, сначала старался образумить: отправилъ его на три года за границу учиться, женилъ его тамъ на иноземной принцессѣ. Когда же это не подѣйствовало, то сталъ грозить лишеніемъ наслѣдства. „Я за мое отечество, писалъ ему Петръ, жизни своей не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя пожалѣть? Лучше будь чужой хорошій, нежели свой да негодный.“ Петръ не могъ быть спокоенъ при мысли, что сынъ, по смерти его, уничтожитъ все, надъ чѣмъ онъ такъ трудился и работалъ. Наконецъ, когда царевичъ, спасаясь отъ гнѣва отца, бѣжалъ за границу къ германскому императору, то Петръ, вытребовавши его оттуда, предалъ суду высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Судъ единогласно приговорилъ Алексѣя Петровича къ смертной казни. Но онъ умеръ (1718 г.) до приведенія въ исполненіе приговора суда.

Такъ поступалъ Петръ, когда дѣло шло о благѣ Россіи. Для возвеличенія ея онъ не щадилъ никого и ничего.

Черты жизни и характера Петра. Въ жизни Петра прежде всего поражаетъ изумительная дѣятельность и трудолюбіе. Это былъ „вѣчный труженикъ на тронѣ.“ Онъ вставалъ всегда рано, часа въ четыре утра, и прямо принимался за работу. Очень часто, пробуждаясь ночью, записывалъ или приказывалъ записывать

мгновенно посѣтившую его мысль. Разъѣзжая изъ конца въ конецъ по Россіи въ простой кибиткѣ, онъ бралъ съ собою двухъ или трехъ расторопныхъ людей, диктовалъ имъ на станціяхъ, при перемѣнѣ лошадей, письма, проэкты, разныя соображенія. Онъ издалъ до 3000 указовъ и написалъ 28 уставовъ и наставленій. Во время самыхъ увеселительныхъ вечеровъ и баловъ Петръ нерѣдко оставлялъ гостей и отправлялся заниматься или велъ съ кѣмъ либо серьезный разговоръ. Желая быть примѣромъ во всемъ для своихъ подданныхъ и любознательный отъ природы, онъ всему учился, все старался узнать, не гнушался никакимъ трудомъ; руки его были всѣ въ мозоляхъ, какъ у простаго работника; онъ былъ ученый, матросъ, плотникъ, кузнецъ, токарь, каменьщикъ; онъ зналъ въ совершенствѣ однихъ ремеслъ четырнадцать. Въ народѣ сохранилось преданіе, что онъ не умѣлъ только лаптя сплесть.

При изумительной дѣятельности Петръ былъ необыкновенно простъ въ обхожденіи, врагъ роскоши и пустыхъ церемоній. Прежняя напыщенность и чопорность были совершенно изгнаны изъ его общества. Съ трубкой табаку онъ садился и подлѣ фельдмаршала и подлѣ корабельнаго мастера, шутилъ, смѣялся, игралъ въ шахматы, танцовалъ; любилъ также спорить, приэтомъ терпѣливо выслушивалъ возраженія; но не любилъ ни упорнаго противорѣчія, ни грубой лести; въ особенности не терпѣлъ, если кто хвалилъ невѣжество и порицалъ науку или искусство. Петръ выходилъ также изъ себя, когда замѣчалъ ложь, злоупотребленія и несправедливости. Въ такихъ случаяхъ онъ иногда становился страшенъ. У него вообще взоръ былъ необыкновенно быстрый и живой; когда же онъ приходилъ въ гнѣвъ то немногіе могли выносить его взглядъ, особенно когда на лицѣ показывались подергиванья. Разсказываютъ, что онъ ходилъ съ дубинкою и когда замѣчалъ упущенія или небрежность, то безъ церемоніи билъ ею провинившихся. Но за то онъ умѣлъ отличать и награждать людей способныхъ и усердныхъ къ службѣ.

Будучи врагомъ роскоши, Петръ былъ необыкновенно бережливъ. Весь расходъ на его дворъ не превышалъ 50,000 рублей въ годъ, тогда какъ при отцѣ его, Алексѣѣ Михайловичѣ, подрядъ на одно вино простирался до 30,000 руб. Петръ садился за столъ съ своею семьею и двумя или тремя гостями и тутъ прислуживалъ одинъ деньщикъ; толпы слугъ онъ терпѣть не могъ. Когда въ Парижѣ для помѣщенія отвели ему великолѣпный дво-

рецъ, то онъ отказался отъ него и поселился въ простомъ домѣ. Петръ отличался также простотою одежды. Онъ носилъ обыкновенно простой суконный кафтанъ, подпоясанный широкимъ поясомъ, на которомъ висѣла сабля, а на голову надѣвалъ небольшой парикъ и трехугольную поярковую шляпу. Обувь его состояла изъ башмаковъ на толстыхъ подошвахъ и чулокъ. Разсказываютъ, что онъ самъ чинилъ себѣ башмаки, а супруга его, Екатерина, штопала ему чулки.

Смерть Петра. Петръ былъ необыкновенно высокаго роста, хорошо сложенъ и обладалъ такою силою, что руками свертывалъ въ трубку серебрянную тарелку. Не смотря на то, неутомимая дѣятельность и постоянныя заботы преждевременно состарили его. Не будучи еще старикомъ, онъ сталъ часто подвергаться болѣзненнымъ припадкамъ. Къ этому присоединилась еще сильная простуда. Плывя однажды по заливу около Лахты, онъ замѣтилъ, какъ бурею бросило на мель ботъ съ солдатами. Онъ поспѣшилъ на помощь несчастнымъ и, спрыгнувъ въ воду, началъ вытаскивать ихъ. Человѣкъ двадцать, такимъ образомъ, было спасено. Но Петръ приэтомъ схватилъ жестокую лихорадку. При помощи докторовъ болѣзнь стала проходить и онъ опять принялся за обычную дѣятельность; но во время крещенскаго водосвятія снова простудился, слегъ въ постель и уже болѣе не вставалъ. Онъ скончался 28 Января 1725 года и погребенъ въ Петропавловской крѣпости, въ соборѣ.

При погребеніи Петра говорилъ рѣчь извѣстный въ то время проповѣдникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Рѣчь его начиналась слѣдующими словами: „Что се есть? До чего мы дожили, о россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“. Едва эти слова были произнесены, какъ Петропавловскій соборъ огласился рыданіями и воплями народа. Въ честь Петра поставлено нѣсколько памятниковъ. Но самый лучшій открытъ былъ въ 1782 г. Императрицею Екатериною II въ Петербургѣ. Памятникъ представляетъ всадника, который верхомъ на конѣ примчался на вершину крутой гранитной скалы и показываетъ рукою впередъ. Конь взвился на дыбы и у ногъ его извивается раздавленная, издыхающая змѣя. Эта змѣя означаетъ то неразуміе, то зло, съ которымъ Петръ Великій боролся всю жизнь. Какъ побѣдитель онъ представленъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

XII. Россія при первыхъ преемникахъ Петра Великаго.

Правленіе временщиковъ. Послѣ смерти Петра Великаго въ теченіе пятнадцати съ небольшимъ лѣтъ въ Россіи перемѣнилось пять царствующихъ лицъ. Сначала года два (1725—1727 г.) царствовала вторая супруга Петра, Екатерина I; потомъ по смерти ея года три (1727—1730 г.) внукъ Петра и сынъ царевича Алексѣя Петровича, Петръ II, который былъ еще несовершеннолѣтенъ. Въ это время государственными дѣлами заправлялъ сначала почти одинъ Меншиковъ, бывшій любимецъ и другъ Петра I. Екатерина I довѣряла ему потому, что онъ много помогъ ей сдѣлаться императрицей. При Петрѣ же второмъ Меньшиковъ имѣлъ большую силу оттого, что несовершеннолѣтній императоръ, въ силу завѣщанія Екатерины I, былъ обрученъ съ дочерью его. Но какъ будущій тесть императора, онъ сталъ ужъ слишкомъ самовольно распоряжаться дѣлами и гордо держать себя. Это его и погубило. По настроенію Долгорукихъ, которые успѣли пріобрѣсть расположеніе Петра II, Меньшиковъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ, всего имѣнія и отправленъ въ Сибирь, въ городъ Березовъ, со всѣмъ семействомъ. Тамъ года черезъ два онъ и умеръ; тамъ же умерла и бывшая невѣста Петра II. Послѣ Меньшикова власть перешла къ Долгорукимъ. Одна изъ княженъ Долгорукихъ была также обручена съ императоромъ. На Долгорукихъ посыпались милости и награды. Но ихъ постигла участь Меньшикова. Императоръ простудился на крещенскомъ водосвятіи, получилъ оспу и скончался въ тотъ самый день, когда назначена была свадьба его. По смерти Петра II высшіе сановники избрали на престолъ въ 1730 г. племянницу Петра Великаго, Анну Іоанновну, которая была герцогиней Курляндской. При ней всѣми дѣлами сталъ заправлять Бирон. Онъ былъ простой курляндецъ. Но Анна Іоанновна сдѣлала его графомъ, а потомъ, благодаря ея поддержкѣ, онъ избранъ былъ даже въ герцоги курляндскіе. Правленіе Бирона отличалось особенною жестокостію. Жадный и корыстолюбивый, онъ учредилъ особую канцелярію для взысканія недоимокъ и сбора податей съ народа. Въ тѣ мѣста, гдѣ сборъ производился медленно, канцелярія посылала особыя коман-

ды, которыя томили крестьянъ на правежѣ, помѣщиковъ и старостъ держали подъ стражею, даже воеводъ заковывали въ кандалы. Слѣдствіемъ этого было то, что сотни тысячъ людей бѣжали за границу, или въ глушь лѣсовъ къ раскольникамъ и въ разбойничьи шайки. Ненавидимый всѣми за свою жестокость, за свое высокомѣріе и тщеславіе, Биронъ окружилъ себя шпіонами, которые всюду подслушивали и обо всемъ доносили ему. Люди неосторожные были ими забираемы и предаваемы пыткамъ; многихъ ссылали и казнили. Лица самыя знатныя гибли на эшафотѣ, если только на нихъ падалъ гнѣвъ Бирона. Такъ погибли Долгорукіе, Волынскій и другіе. Ихъ обвинили въ замыслахъ противъ правительства и казнили. Вообще это было самое мрачное время. Въ народѣ за нимъ осталось названіе „Бироновщины.“ Анна Іоанновна царствовала около 10 лѣтъ. Передъ смертію она назначила наслѣдникомъ престола сына своей племянницы Анны Леопольдовны, Іоанна VI Антоновича. Но такъ какъ онъ былъ еще младенецъ, то до совершеннолѣтія его регентомъ или правителемъ государства былъ назначенъ Биронъ. Регентство его продолжалось однакожъ только три недѣли. Ненависть къ нему была такъ велика, что народъ, слыша имя его, произносимое въ церквахъ послѣ царской фамиліи, приходилъ въ негодованіе и громко роптalъ. Биронъ же думалъ господствовать ужасомъ. Шпіоны его ходили по городу и захватывали всѣхъ подозрительныхъ людей, которыхъ пытали и ссылали, или казнили. Дѣло дошло до того, что жители Петербурга боялись выходить на улицы, обставленныя пикетами и рогатками. Даже родители младенца-императора, оскорбленные Бирономъ, собирались выѣхать изъ Россіи. Наконецъ Россію избавилъ отъ ужасовъ Бироновскаго правленія фельдмаршалъ Минихъ. Съ согласія матери императора, Анны Леопольдовны, онъ отправился ночью (съ 8-го на 9-е Ноября 1740 г.) съ отрядомъ солдатъ во дворецъ, въ которомъ жилъ Биронъ, и арестовалъ его. Бирона сослали въ Сибирь, въ городъ Пелымъ. Но едва только онъ успѣлъ пріѣхать туда, какъ произошелъ новый переворотъ. По сверженіи Бирона, правительницею объявлена была мать императора, Анна Леопольдовна. Между тѣмъ взоры русскихъ людей давно уже обращались къ дочери Петра I, Елизаветѣ Петровнѣ. Наконецъ черезъ годъ, въ 1741 г., она и была возведена на престолъ и царствовала 20 лѣтъ (до 1761 г.). Въ ея царствованіе особенно прославились два замѣчательные человѣка—Ломоносовъ и И. И. Шуваловъ.

Ломоносовъ,
первый русскій поэтъ и ученый.

Петръ I далъ такой сильный толчекъ развитію русскаго народа, что ни частые придворные перевороты, послѣдовавшіе за смертію его, ни ужасы Бироновщины не могли остановить его. Потребность въ образованіи стала всюду чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе. Образованные и ученые люди стали выходить не только изъ высшихъ слоевъ общества, но и изъ нисшихъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого служитъ появленіе Ломоносова, который изъ крестьянъ сдѣлался первымъ русскимъ поэтомъ и ученымъ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 г., слѣдовательно въ то время, когда петровскія преобразованія слѣдовали одно за другимъ. Онъ былъ сынъ крестьянина деревни Денисовки, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Отецъ его былъ рыбакъ и сына своего готовилъ къ тому же промыслу. Но судьба опредѣлила другое. Мальчикъ какъ-то выучился грамотѣ и, будучи отъ природы очень уменъ и любознателенъ, пристрастился къ чтенію. Онъ прочиталъ все, что было подъ рукою—часословъ, псалтырь и другія церковныя книги; у сосѣда нашлись славянская грамматика и ариѳметика, напечатанныя по

*

повелѣнію Петра для школъ; Ломоносовъ выпросилъ ихъ себѣ въ подарокъ и съ такимъ усердіемъ читалъ, что выучилъ наизустъ. Но вскорѣ его постигло горе. Онъ лишился матери, а отецъ женился на другой женѣ. Мачиха стала преслѣдовать и укорять пасынка за то, что онъ все читаетъ и не занимается настоящимъ дѣломъ, не помогаетъ отцу ловить рыбу. Между тѣмъ жажда къ знанію въ молодомъ рыбакѣ день ото дня становилась все сильнѣе и сильнѣе. Кромѣ того ему приходилось слышать разсказы отъ богомольцевъ и отъ купцовъ о великихъ дѣлахъ Петра, о школахъ, заведенныхъ имъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Это еще болѣе разжигало въ немъ желаніе учиться и онъ рѣшился пробраться въ Москву, чтобы тамъ поступить въ школу. Но какъ же это сдѣлать? проситься у отца—нечего было и думать; отецъ ничего не понималъ въ наукѣ; онъ напротивъ собирался женить сына и уже подъискалъ ему выгодную невѣсту. Тогда Ломоносовъ рѣшился покинуть родительскій домъ; тайкомъ отъ отца выхлопоталъ себѣ паспортъ, выпросилъ у знакомаго крестьянина китайчатое полукафтанье, да нѣсколько денегъ и въ одну морозную ночь бѣжалъ, взявъ съ собою свои книги. Дорогою онъ нагналъ обозъ съ рыбою и съ этимъ обозомъ прибылъ въ Москву. Ему было тогда около 19 лѣтъ. Непривѣтливо встрѣтила Москва молодаго крестьянина, жаждавшаго науки. У Ломоносова не было здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ, а въ карманѣ ни копѣйки. Первую ночь онъ долженъ былъ провесть въ саняхъ, подъ открытымъ небомъ. Но на другой день въ обозъ пришелъ какой-то землякъ, который, узнавъ зачѣмъ пріѣхалъ парень въ Москву, взялъ его къ себѣ и обѣщался опредѣлить въ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Но тутъ новая бѣда. Въ школу принимали только дѣтей дворянъ и духовныхъ, а Ломоносовъ былъ крестьянскій сынъ. Впрочемъ начальникъ училища, замѣтивъ въ немъ особенныя способности и сильную охоту къ ученью, согласился принять его. Только посадили его, не смотря на взрослыя лѣта, въ самый нисшій классъ, такъ какъ онъ не зналъ латинскаго языка, который былъ необходимъ въ этой школѣ. Съ жаромъ принялся Ломоносовъ за ученье; черезъ полгода онъ былъ уже переведенъ въ слѣдующій классъ и такъ въ теченіе пяти лѣтъ прошелъ весь курсъ наукъ и выучился латинскому и греческому языкамъ. Но это стоило ему большихъ трудовъ, страданій и лишеній. Съ одной стороны онъ терпѣлъ большую нужду въ средствахъ; школа выдавала только 90 к. въ мѣсяцъ или по алтыну въ день, а этихъ денегъ едва доставало

на хлѣбъ и квасъ. Съ другой стороны его сокрушали жалобы отца на то, что онъ покинулъ его. Все вынесъ и преодолѣлъ Михаилъ Васильевичъ, старая любовію къ наукѣ. Но вотъ уже и московская школа не удовлетворяетъ Ломоносова. Онъ просится въ Кіевъ, гдѣ по слухамъ, учили лучше и больше. Съ котомкой за плечами и съ палкою въ рукахъ прибылъ нашъ ученый крестьянинъ въ древнюю столицу Россіи. Здѣсь дѣйствительно книгъ онъ нашелъ больше и съ жадностію перечиталъ ихъ. Но ученье не особенно понравилось ему. По возвращеніи изъ Кіева Ломоносову представился случай продолжать образованіе.

По мысли и плану Петра Великаго въ Петербургѣ учреждена была академія наукъ, то есть собраніе ученыхъ, которые занимались науками. При академіи находилась также гимназія или школа, гдѣ учили молодыхъ людей. И вотъ въ эту-то школу потребовали теперь изъ Москвы нѣсколько лучшихъ учениковъ. Ломоносовъ былъ отправленъ въ числѣ этихъ лучшихъ, не смотря на то, что туда принимали только дворянскихъ дѣтей. Такъ онъ зарекомендовалъ себя успѣхами въ наукахъ и способностями. Въ Петербургѣ онъ поучился съ годъ времени, а потомъ тоже какъ лучшій ученикъ былъ отправленъ за границу учиться у нѣмецкихъ профессоровъ. Михаилъ Васильевичъ былъ внѣ себя отъ радости. Теперь онъ могъ узнать всю тогдашнею премудрость. И дѣйствительно уже одно пребываніе въ странѣ образованной принесло ему громадную пользу. Тутъ только онъ понялъ всю цѣну образованія. „Тѣ же люди, да не тѣ, говаривалъ онъ; какая безконечная разница между образованнымъ человѣкомъ и необразованнымъ!“ Но кромѣ того за границею, въ Германіи, онъ попалъ въ ученики къ такому ученому человѣку (Вольфу), который своею ученостію былъ извѣстенъ всему свѣту. Ломоносовъ пробылъ за границей около 4 лѣтъ и все это время работалъ неустанно. Профессора удивлялись его трудолюбію, его успѣхамъ и природнымъ дарованіямъ. Онъ скоро усвоилъ нѣмецкій языкъ, выучился французскому, узналъ многія науки и, наконецъ, сдѣлался такимъ образованнымъ человѣкомъ, какихъ въ Россіи тогда не было.

Живя за границей, Ломоносовъ удивилъ также и своихъ соотечественниковъ талантомъ своимъ. Въ это время въ Россіи царствовала Анна Іоанновна. Она вела войну съ Турціею. Послѣ Петра I, турки и крымскіе татары были уже не страшны намъ. Русскіе разбивали ихъ на каждомъ шагу. Вотъ однажды мы взяли сильную турецкую крѣпость Хотинъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла

всю Европу. Ломоносовъ также услыхалъ объ этой побѣдѣ и пришелъ въ восторгъ. Онъ написалъ по этому случаю стихи („Оду на взятіе Хотина“) и прислалъ ихъ въ академію. Здѣсь всѣ были поражены звучностію и легкостію ихъ. Такихъ хорошихъ стиховъ тогда еще никто въ Россіи не могъ писать. Ихъ представили императрицѣ, читали при дворѣ, въ городѣ и вездѣ съ восторгомъ. Съ этихъ поръ и пошла слава о рыбакѣ Ломоносовѣ, какъ первомъ русскомъ поэтѣ или стихотворцѣ.

Но не смотря на славу, Ломоносову пришлось еще много вытерпѣть горя. Академія не слишкомъ исправно высылала за границу жалованье своимъ студентамъ и они принуждены были дѣлать долги. Ломоносовъ же, кромѣ того, женился тамъ на бѣдной дѣвушкѣ, дочери одного ремесленника; у него родилась дочь, расходы увеличились и онъ впалъ въ такіе долги, что долженъ былъ скрываться отъ своихъ заимодавцевъ. Разсказываютъ, что въ это время онъ попалъ въ прусскіе солдаты. Скитаясь по Германіи, онъ въ одномъ мѣстѣ встрѣтился съ прусскими вербовщиками. Высокій ростомъ, статный и видный мужчина, Ломоносовъ понравился имъ; они пригласили его поужинать съ собою, напоили и сонному пришили красный воротникъ, а въ карманъ положили нѣсколько прусскихъ монетъ. Когда Ломоносовъ проснулся, ему объявили, что онъ прусскій солдатъ. Тщетно онъ старался доказать, что никогда не давалъ на это своего согласія. Ему указывали на красный воротникъ и на прусскія монеты въ карманѣ. Котда же онъ продолжалъ спорить, то одинъ изъ вербовщиковъ замахнулся на него палкой. Нечего дѣлать, Ломоносовъ долженъ былъ покориться горькой судьбѣ. Но онъ скоро перехитрилъ пруссаковъ. Отведенный въ одну пограничную крѣпость на службу, онъ усердно сталъ исполнять свои обязачности, казался веселымъ и беззаботнымъ. Тогда подумали, что онъ уже привыкъ и ослабили надзоръ за нимъ. Этого только и ждалъ Ломоносовъ. Выбравъ удобную минуту, онъ ночью перелѣзъ черезъ крѣпость и бѣжалъ. Скоро его хватились и пустились за нимъ въ погоню; однако онъ успѣлъ перебѣжать прусскую границу и скрылся въ лѣсу. Но возвратившись домой къ семьѣ, Ломоносовъ снова подвергся преслѣдованію со стороны кредиторовъ, такъ что вынужденъ былъ тайкомъ бѣжать въ Россію, оставивъ до времени жену и дочь за границей. Несчастія Ломоносова этимъ не кончились.

Повидимому слѣдовало бы ожидать, что академія съ радостію приметъ такого талантливаго и образованнаго человѣка, каковъ

былъ Ломоносовъ. Оказалось противное. Академія наша была тогда наполнена нѣмецкими учеными, которые старались не давать ходу русскимъ. Когда Ломоносовъ, прибывши въ Петербургъ, обратился къ начальнику академіи, то этотъ сначала даже не принялъ его и первому русскому ученому пришлось бы, по возвращеніи на родину, провесть первую ночь на улицѣ, если бы надъ нимъ не сжалился академическій сторожъ, который пустилъ его переночевать къ себѣ. Какъ ученѣйшій человѣкъ, Ломоносовъ, не смотря на нежеланіе нѣмцевъ-академиковъ, опредѣленъ былъ однакожъ профессоромъ въ академію и теперь всего себя посвятилъ наукѣ. Онъ преподавалъ и занимался разными предметами: русскимъ языкомъ, русскою исторіею, физикою, химіею и другими; онъ написалъ первую русскую грамматику, учебникъ русской исторіи. Множество мыслей роилось въ головѣ этого геніальнаго человѣка. Онъ первый объяснилъ русскимъ отчего бываетъ тепло, откуда берется дождь, что такое планеты небесныя, кометы, отчего происходитъ сѣверное сіяніе, и многое другое. Много также Ломоносовъ сочинилъ стиховъ, а главное показалъ, какъ нужно писать стихи, чтобы они выходили болѣе или менѣе хороши. Усталости не зналъ этотъ человѣкъ. Онъ трудился, можно сказать, за цѣлую Россію. Разсказываютъ, что иногда онъ съ такимъ увлеченіемъ предавался ученымъ занятіямъ, что по цѣлымъ недѣлямъ не обѣдалъ какъ слѣдуетъ. Разъ Михаилъ Васильевичъ едва было не сдѣлался жертвою своей любви къ наукѣ. У него былъ споръ съ однимъ товарищемъ профессоромъ объ электричествѣ или молніи. Ломоносовъ старался доказать, что молнія имѣетъ разные цвѣта. Вотъ однажды, во время сильной грозы, они и стали дѣлать пробы посредствомъ проволоки, которая съ крыши была проведена въ комнату. Случилось, что Ломоносова позвали обѣдать, а товарищъ его продолжалъ дотрогиваться до проволоки; но вдругъ грянулъ громъ и онъ былъ убитъ наповалъ. Конечно и Ломоносову угрожала такая же опасность, еслибы онъ не ушелъ обѣдать.

Неутомимая дѣятельность Ломоносова тѣмъ болѣе должна поражать каждаго, что онъ, будучи уже профессоромъ, продолжалъ терпѣть нужду и разныя лишенія. Года черезъ два только по возвращеніи изъ-за границы онъ могъ перевезти къ себѣ свою семью. Много огорченій и непріятностей испытывалъ онъ также отъ нѣмцевъ-академиковъ. Положеніе Ломоносова начало улучшаться только съ того времени, какъ въ немъ приняли участіе

люди сильные, напримѣръ: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Воронцовъ и другіе. Они довели до свѣдѣнія императрицы Елизаветы Петровны объ его ученыхъ трудахъ и она пожаловала ему мызу и деревню недалеко отъ Ораніенбаума. Еще болѣе цѣнила перваго русскаго поэта и ученаго императрица Екатерина II. Она ласково принимала его во дворцѣ, разговаривала съ нимъ объ ученыхъ предметахъ, угощала и наконецъ сама посѣтила его домъ, незадолго до его кончины. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ княгиня Дашкова, съ которою Екатерина была у Ломоносова. „Пріѣзжаю я во дворецъ, пишетъ она, а государыня съ прискорбіемъ и говоритъ мнѣ: нашъ Михаилъ Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился; поѣдемъ къ нему; онъ насъ любитъ... Немедленно отправились мы къ поэту и застали его въ глубокой задумчивости у большаго стола, на которомъ были разложены химическіе инструменты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада; но услыша привѣтъ императрицы: „здравствуйте, Михаилъ Васильевичъ!“—онъ вскочилъ какъ будто съ просонокъ.,, Я пріѣхала съ княгинею посѣтить васъ, продолжала Екатерина, услышавъ о вашемъ нездоровьѣ, или лучше сказать о вашей грусти.“ Нѣсколько минутъ уста Ломоносова были окованы молчаніемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: „Нѣтъ, государыня! не я нездоровъ, не я грустенъ; больна и грустна душа моя!“ — ,,Полечите ее, отвѣчала Екатерина, живымъ перомъ своимъ.‘‘—Императрица пробыла въ кабинетѣ Ломоносова полтора часа, съ любопытствомъ разсматривала его работы и инструменты, бесѣдовала съ нимъ объ его занятіяхъ, а на прощаньи прибавила: ,,Берегите себя, Михаилъ Васильевичъ, помните, что вы нужны для Россіи.‘‘ Она приглашала его также къ себѣ откушать хлѣба-соли. ,,Щи у меня будутъ такіе же горячіе, сказала царица, какими подчивала васъ ваша хозяйка.“ Но Ломоносовъ уже болѣе не видалъ Екатерины. Жизнь его видимо угасала. Весною 1765 г. онъ скончался. ,,Я не тужу о смерти, говорилъ онъ незадолго до кончины; пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ.‘‘ Ломоносова похоронили въ Невской Лаврѣ. Императрица Екатерина отпустила большую сумму денегъ на его похороны. Вскорѣ графъ Воронцовъ поставилъ на свой счетъ надъ могилою его богатый мраморный памятникъ. Сынъ Екатерины II, императоръ Павелъ I, освободилъ отъ подушнаго оклада и отъ рекрутской повинности

родственниковъ Ломоносова крестьянскаго званія. При императорѣ Николаѣ I Ломоносову поставленъ памятникъ въ Архангельскѣ, откуда онъ былъ родомъ. Недавно праздновался столѣтній юбилей со дня смерти Ломоносова. По этому случаю государь императоръ повелѣлъ учредить Ломоносовскую премію, то есть, ежегодно отпускать тысячу рублей за лучшую книгу на русскомъ языкѣ, чтобы на вѣчныя времена утвердить память о Ломоносовѣ въ сердцахъ русскихъ людей. Въ память его основаны также училища въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Наконецъ сама Денисовка, гдѣ Ломоносовъ родился, переименована теперь въ Ломоносовку. Но не въ одной Россіи заслужилъ такую славу Михаилъ Васильевичъ. Еще когда онъ былъ живъ, имя его прогремѣло по всей Европѣ; многіе знаменитые ученые и писатели французскіе и нѣмецкіе считали за честь познакомиться съ нимъ, если не въ лицо, то по письмамъ; нѣкоторыя иностранныя академіи сдѣлали его своимъ членомъ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ,

первый русскій меценатъ или покровитель наукъ и искусствъ.

Главнымъ покровителемъ Ломоносова былъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Это былъ человѣкъ весьма близкій къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ послѣдніе годы ея царствованія всѣ

важныя дѣла проходили черезъ его руки. Но не смотря на такое высокое положеніе, Шуваловъ находилъ истинное наслажденіе и полное успокоеніе только въ наукахъ. Онъ былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени и живо интересовался науками и искусствами. Всѣ свои досуги онъ посвящалъ чтенію; окружалъ себя книгами, картинами, статуями; бесѣдовалъ съ учеными и художниками. Высокое образованіе сообщило особенное благородство душѣ Ивана Ивановича. Будучи первымъ сановникомъ въ имперіи, онъ однако былъ простъ и ласковъ со всѣми; просители и знакомые подходили къ нему, по выраженію современника, „съ какою-то радостію.“ Крестьяне же, можно сказать, обожали своего добраго барина. Разсказываютъ, что однажды Шуваловъ рѣшился продать одну деревню для уплаты долговъ. Крестьяне, узнавъ объ этомъ, тотчасъ сдѣлали складчину и явились къ нему съ просьбою принять деньги и оставить деревню за собою, „потому что, говорили они, намъ не нажить еще такого барина.“ Просвѣщенный Иванъ Ивановичъ былъ также чуждъ корыстолюбія и пустаго тщеславія. Извѣстно, что онъ отказался отъ графскаго титула и отклонилъ подарокъ имѣнія въ 6 тысячъ душъ, жалуемый ему императрицею. За то онъ оставилъ по себѣ славу перваго русскаго мецената или покровителя наукъ и искусствъ. Ничего не жалѣлъ онъ, когда дѣло шло объ этомъ дорогомъ для него предметѣ. Каждый ученый, каждый художникъ могъ смѣло обращаться къ нему и всегда находилъ въ немъ помощь и поддержку. Съ нѣкоторыми же онъ входилъ въ близкія отношенія.

Но никто изъ ученыхъ, можетъ быть, не пользовался столько расположеніемъ Шувалова, какъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ самъ занимающійся науками, вполнѣ понималъ заслуги ученаго человѣка русскому обществу. Онъ внимательно слѣдилъ за трудами Ломоносова, поощрялъ его, оказывалъ всякую помощь. Ломоносовъ представлялъ ему на судъ свои сочиненія, безпрестанно былъ приглашаемъ къ нему, переписывался съ нимъ во время отлучекъ. Иванъ Ивановичъ и самъ часто посѣщалъ Ломоносова. „Мы, разсказываетъ племянница Михаила Васильевича, такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его раззолоченной каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что бывало и не боишься, когда подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичъ.“ Иванъ Ивановичъ покровительствовалъ Ломоносову и находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ до самой смерти его.

Московскій университетъ. Дружба Шувалова и Ломоносова принесла громадную пользу русской наукѣ и русскому просвѣщенію. Какъ тотъ, такъ и другой высоко цѣнили образованіе. Между тѣмъ, не смотря на пробужденіе охоты къ образованію, дѣло воспитанія и обученія въ то время въ Россіи не могло идти хорошо. Прежде всего въ учителяхъ былъ крайній недостатокъ; принуждены были брать въ преподаватели людей большею частію совершенно неприготовленныхъ къ этому; но что всего хуже—нанимали иноземцевъ, въ особенности французовъ, которые изъ русскихъ юношей воспитывали людей, чуждыхъ Россіи. Это къ несчастію вошло даже въ моду тогда. Мало-мальски зажиточные люди непремѣнно нанимали къ своимъ дѣтямъ француза или француженку. Разсказываютъ, что, когда знатные люди выписывали изъ Франціи лакеевъ, то ихъ скоро разбирали здѣсь учителями по частнымъ домамъ. Тогдашній французскій посолъ при дворѣ Елизаветы долженъ былъ высылать изъ Россіи цѣлыя толпы французовъ-бродягъ обоего пола, пріѣзжавшихъ обучать здѣсь русское юношество. Чтобы дать возможность имѣть своихъ болѣе или менѣе хорошихъ учителей и вообще, чтобы распространить образованіе въ народѣ, Шуваловъ составилъ обширный планъ народнаго просвѣщенія. По этому плану предполагалось въ главныхъ городахъ открыть гимназіи, а въ малыхъ—начальныя школы; въ Москвѣ же, какъ центрѣ государства, предполагалось основать университетъ, гдѣ бы можно было получать высшее образованіе. Шуваловъ при этомъ пользовался совѣтами и помощію Ломоносова. Хотя планъ этотъ большею частію и не успѣли тогда привести въ исполненіе, но въ Москвѣ въ 1755 г. былъ открытъ первый русскій университетъ, въ который могли поступать молодые люди уже всѣхъ сословій, за исключеніемъ только крѣпостнаго. Шуваловъ былъ назначенъ попечителемъ университета и заботился о немъ, какъ о своемъ созданіи. Ломоносовъ также принималъ живое участіе въ немъ. По его рекомендаціи туда назначены были двое профессоровъ русскихъ. Благодаря заботамъ Шувалова Московскій университетъ упрочилъ свое существованіе и сдѣлался разсадникомъ наукъ и просвѣщенныхъ людей въ Россіи. Изъ него вышло множество полезныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ. При университетѣ съ самаго почти основанія его начали издаваться „Московскія вѣдомости,“ изданіе которыхъ продолжается и теперь.

Академія художествъ. Ивану Ивановичу Шувалову принадлежитъ также честь основанія (1757 г.) въ Петербургѣ Академіи Худо-

жествъ. Со временъ Петра у насъ начинаютъ быстрѣе развиваться разныя искусства: архитектура или зодчество, живопись, скульптура или ваяніе и другія. Уже Петръ сталъ строить дворцы на манеръ европейскій, любилъ украшать ихъ картинами и статуями. Подражая ему тоже дѣлами и вельможи. Послѣ Петра это вошло даже въ моду. Но удовлетворять этой модѣ могли тогда исключительно почти одни иноземные художники, которые, наживъ въ Россіи въ короткое время капиталъ, возвращались на родину. Чтобы имѣть своихъ архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ и рѣшено было, благодаря заботамъ Ивана Ивановича, учредить академію художествъ. Шуваловъ также сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ этого заведенія, изъ котораго и стали выходить русскіе художники.

Волковъ—первый русскій актеръ. Наконецъ во время силы и значенія Шувалова учрежденъ былъ (1756 г.) постоянный русскій театръ для публики. Замѣчательно происхожденіе этого театра. Случилось однажды быть въ придворномъ театрѣ нѣкоему купеческому сыну Волкову, жившему въ Ярославлѣ. Онъ воспитывался въ одной духовной семинаріи и участвовалъ тамъ въ представленіяхъ духовнаго содержанія. Теперь же побывавши на петербургскихъ представленіяхъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что рѣшился посвятить всю свою жизнь театральному искусству. Возвратившись въ Ярославль, Волковъ началъ обучать ему своихъ меньшихъ братьевъ и другихъ молодыхъ людей. Сначала труппа актеровъ, составленная Волковымъ, давала представленія въ сараѣ и даромъ. Потомъ граждане Ярославля построили деревянный театръ и съ публики уже стали брать небольшую плату. Скоро объ Ярославскомъ театрѣ дошелъ слухъ до Петербурга и императрица Елизавета повелѣла представить Ярославскихъ актеровъ ко двору. Изъ нихъ-то преимущественно и образовался постоянный русскій театръ, благодаря стараніямъ Шувалова.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ умеръ въ 1797 г. До конца жизни онъ старался содѣйствовать всѣми мѣрами развитію образованія, наукъ и искусствъ въ Россіи. До конца жизни у него постоянно собирались ученые и литераторы того времени. Отыскивать людей съ талантами, съ охотою къ ученію, поощрять ихъ, помогать имъ — для него также всегда было истиннымъ наслажденіемъ.

XIII. Развитіе могущества Россіи.

Екатерина II Великая.

Послѣ Петра I Россія весьма возвысилась въ царствованіе Екатерины II.

По происхожденію Екатерина была нѣмецкая принцесса. Но 14 лѣтъ отъ роду она пріѣхала въ Россію и сдѣлалась совершенно русскою. Когда она прибыла въ Россію, здѣсь царствовала Елизавета Петровна. Острый и живой умъ, красота нѣмецкой принцессы обратили на себя вниманіе императрицы и она женила на ней племянника своего Петра Ѳеодоровича (сына Анны Петровны, любимой дочери Петра Великаго), котораго объявила наслѣдникомъ престола. Блистая при русскомъ дворѣ красотою и умомъ, Екатерина однакожъ весь свой досугъ употребляла на образованіе себя. Она много читала, изучала сочиненія замѣчательныхъ писателей и обогатила свой умъ разными полезными свѣдѣніями. Едва ли тогда въ цѣлой Россіи была женщина образованнѣе ея. Въ то же время Екатерина усвоила себѣ обычаи и духъ русскаго народа, а русскій языкъ изучила такъ, что знала всѣ русскія по-

говорки и писала на немъ сочиненія. Въ народѣ высказывались любовь и расположеніе къ ней.

По смерти Елизаветы Петровны на престолъ вступилъ Петръ III, супругъ Екатерины. Но онъ царствовалъ только полгода. Послѣ него императрицей сдѣлалась въ 1762 г. Екатерина II. Обладая рѣдкимъ умомъ и образованіемъ, она въ то же время отличалась искусствомъ управлять и умѣньемъ выбирать людей для выполненія своихъ плановъ. Въ дѣлахъ своихъ она принимала за образецъ Петра Великаго и, постоянно нося портретъ его при себѣ, въ каждомъ важномъ и затруднительномъ случаѣ задавала себѣ вопросъ: „Какъ бы поступилъ тутъ Петръ?“ Екатерина царствовала 34 года. Все это время наполнено громкими побѣдами русскихъ и мудрыми распоряженіями императрицы. Поэтому исторія и дала ей названіе „Великой“ и въ честь ея въ Петербургѣ строятъ памятникъ. Самыми замѣчательными исполнителями воли мудрой императрицы, лицами, наиболѣе прославившими ея царствованіе, были: Румянцевъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Потемкинъ-Таврическій, Бецкій, Суворовъ-Рымникскій и другіе. Съ именемъ каждаго изъ нихъ соединяется какое-нибудь великое дѣло или событіе изъ царствованія Екатерины.

Румянцевъ-Задунайскій. Вступивши на престолъ, Екатерина думала сначала заняться устройствомъ государства и не хотѣла ни съ кѣмъ воевать. Но французы, завидуя возвышенію Россіи, успѣли вооружить противъ нея Турцію. Турецкій султанъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ объявилъ намъ войну. „На начинающаго Богъ!“ писала Екатерина и приказала двинуть свои войска къ предѣламъ Турціи. Героемъ этой первой турецкой войны сдѣлался графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ. Въ 1770 г. онъ одержалъ надъ врагами двѣ блистательныя побѣды, первую при р. Ларгѣ (въ Молдавіи) надъ крымскими татарами, а вторую при Кагулѣ надъ самими турками. Особенно замѣчательна побѣда при Кагулѣ. Армія Румянцева и такъ была не велика, а послѣ битвы при Ларгѣ уменьшилась до такой степени, что въ ней оставалось не болѣе 17 тысячъ человѣкъ. Тщетно просилъ онъ подкрѣпленія. Екатерина писала ему, что „римляне не хотѣли знать числа враговъ, а спрашивали только, гдѣ они.“ Между тѣмъ въ виду русскихъ появилась огромная турецкая армія тысячъ въ полтораста. Положеніе было тѣмъ болѣе опасное, что и съ тылу начали угрожать крымскіе татары, которые послѣ Ларгскаго пораженія успѣли собраться. Но Румянцевъ не упалъ духомъ.

Отрядивъ часть войска для удержанія татаръ, онъ съ остальнымъ устремился на турокъ и разбилъ ихъ на голову. Побѣда эта была единственно дѣломъ Румянцева. Когда правое наше крыло, подвергшись стремительному натиску со стороны турокъ, въ замѣшательствѣ начало было отступать, неустрашимый полководецъ подскакалъ къ солдатамъ и закричалъ: „стой, ребята!“ Голосъ любимаго начальника остановилъ робкихъ; они дружно ударили на непріятеля въ штыки и обратили его въ бѣгство. Послѣ этой побѣды турки начали сдавать намъ одну крѣпость за другою. Румянцевъ перешелъ черезъ Дунай, за что и получилъ прозваніе Задунайскаго. Въ честь его побѣдъ въ Петербургѣ поставленъ памятникъ.

Чесменскій бой 1770 г. Почти въ одно время съ побѣдами Румянцева на сушѣ, уничтоженъ былъ турецкій флотъ на морѣ. Чтобы нанести туркамъ рѣшительный ударъ, Екатерина снарядила флотъ и отправила его въ Средиземное море. Главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Близъ береговъ Малой Азіи, у Чесменскаго порта, русскіе встрѣтились съ турецкимъ флотомъ. Между ними завязалась жаркая перестрѣлка. Передовой нашъ корабль сцѣпился съ турецкимъ адмиральскимъ кораблемъ и оба съ страшнымъ трескомъ взлетѣли на воздухъ. Турки пришли въ ужасъ отъ этого взрыва и поспѣшно отступили въ Чесменскую бухту. Здѣсь русскіе заперли турецкій флотъ и рѣшились истребить его весь посредствомъ брандеровъ, или судовъ, наполненныхъ горючимъ веществомъ. Въ назначенное время русскіе открыли сильнѣйшій огонь по непріятельскимъ кораблямъ и привели ихъ въ замѣшательство. Пользуясь этимъ, четыре брандера пробрались въ средину турецкаго флота и были подожжены. Мгновенно пламя охватило весь непріятельскій флотъ и отъ него остался только одинъ корабль, да и тотъ былъ взятъ нами въ плѣнъ. За этотъ подвигъ къ фамиліи графа Орлова было присоединено наименованіе Чесменскаго.

Кайнарджійскій миръ. Но несмотря на жестокіе удары, наносимые туркамъ нашимъ оружіемъ, султанъ, благодаря вмѣшательству Франціи, еще нѣсколько лѣтъ продолжалъ войну съ нами. Наконецъ въ 1774 г. Румянцевъ заставилъ турокъ подписать миръ въ лагерѣ своемъ при мѣстечкѣ Кайнарджи, близъ Силистріи. По этому миру Крымъ былъ признанъ независимымъ отъ Турціи; Россія получила часть береговъ Азовскаго и Чернаго

морей съ нѣсколькими крѣпостями, а главное Турція признала за Россіею право покровительствовать православнымъ христіанамъ, подвластнымъ Турціи, то есть, грекамъ и славянамъ.

Потемкинъ-Таврическій. Послѣ первой турецкой войны огромное вліяніе на дѣла государственныя пріобрѣлъ Григорій Александровичъ Потемкинъ. Онъ былъ сынъ небогатаго смоленскаго помѣщика; учился сначала въ смоленской семинаріи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ, однакожъ, не кончилъ курса. Отецъ готовилъ его въ духовное званіе, но честолюбивый молодой человѣкъ поступилъ на службу въ гвардію. Высокаго роста, статный, умный и образованный офицеръ скоро обратилъ на себя вниманіе императрицы. Во время турецкой войны онъ участвовалъ, подъ командою Румянцева, во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ и по окончаніи ея былъ щедро награжденъ и вызванъ ко двору. Здѣсь онъ скоро сталъ выше всѣхъ и возведенъ былъ въ достоинство свѣтлѣйшаго князя. Екатерина, уважая въ немъ свѣтлый умъ и возвышенную, благородную душу, удостоила его такого довѣрія, какимъ не пользовался у ней никто ни прежде его, ни послѣ. Она не предпринимала ни одного важнаго дѣла безъ совѣта съ нимъ.

Присоединеніе Крыма 1783 г. Любимою мечтою Потемкина было изгнаніе турокъ изъ Европы и возстановленіе греческой имперіи. Но для достиженія этой цѣли нужно было прежде присоединить къ Россіи Крымъ и заселить тѣ обширныя степи, которыя лежали между Крымомъ и Россіею. Потемкинъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ этого края, который названъ былъ Новороссійскимъ, и съ большою энергіею принялся за устройство его. Въ короткое время онъ построилъ здѣсь нѣсколько городовъ, напримѣръ Херсонъ, Николаевъ и др., улучшилъ пути сообщенія, развелъ разнаго рода промыслы, привлекъ сюда множество поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ. Приэтомъ уничтожена была (1775 г.) знаменитая Запорожская сѣчь. Казаки, жившіе тамъ, или превратились въ мирныхъ поселянъ, или переведены были на Кубань, для защиты русскихъ границъ отъ набѣговъ хищныхъ кавказскихъ горцевъ. Но занимаясь устройствомъ Новороссійскаго края, Потемкинъ въ то же время не спускалъ глазъ съ Крыма. Признанный по Кайнарджійскому миру независимымъ, Крымъ недолго могъ оставаться въ такомъ положеніи. Верховный визирь, прощаясь, по заключеніи этого мира, съ посломъ Екатерины, откровенно сказалъ ему, что если Крымъ останется независимымъ, то миръ

не можетъ быть продолжителенъ. Дѣйствительно, Турція всѣми мѣрами старалась возвратить себѣ Крымъ. Но и Россія, съ своей стороны, тоже старалась держать крымцевъ въ повиновеніи, чтобы наконецъ избавить южныя границы свои отъ ихъ опустошительныхъ набѣговъ. Вслѣдствіе этого, въ Крыму образовались двѣ враждебныя партіи—русская и турецкая, которыя находились въ постоянной борьбѣ между собою; одерживала верхъ то та, то другая партія; сообразно съ этимъ и ханами въ Крыму дѣлались приверженцы то Россіи, то Турціи. Такимъ образомъ въ теченіе 8 лѣтъ царство Гиреевъ, достигшее независимости, было раздираемо междоусобіями. Наконецъ, Екатерина, воспользовавшись просьбою хана—прислать ему войско для усмиренія мятежниковъ, приказала занять Крымъ русскими войсками. Между тѣмъ Потемкинъ повелъ дѣло такъ, что ханъ самъ сложилъ съ себя ханское достоинство и поселился въ Россіи. Крымъ, такимъ образомъ, былъ навсегда присоединенъ къ Россіи въ 1783 г. Екатерина переименовала его въ Тавриду и ввѣрила управленію свѣтлѣйшаго князя. Потемкинъ съ такимъ же усердіемъ принялся заселять и оживлять этотъ богатый край, какъ и Новороссію. Кромѣ того онъ устроилъ здѣсь Севастопольскій портъ, завелъ Черноморскій флотъ и т. д. Черезъ нѣсколько лѣтъ Екатерина предприняла сюда поѣздку, чтобы посмотрѣть, что сдѣлано здѣсь. Она вполнѣ осталась довольна всѣмъ, что видѣла въ Новороссіи и въ Крыму и въ благодарность дала Потемкину наименованіе Таврическаго.

Бецкій. Воюя съ сосѣдями, пріобрѣтая новыя земли, императрица Екатерина въ то же время весьма заботилась о внутреннемъ устройствѣ государства. Особеннаго вниманія заслуживаютъ заботы ея о воспитаніи и образованіи. „Хотите ли предупредить преступленія? писала она, сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими есть усовершенствованіе воспитанія.“ При Екатеринѣ составлена была особая коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ. Коммиссія, выработавъ первый уставъ народныхъ училищъ, озаботилась предварительно приготовленіемъ народныхъ учителей для нихъ, составленіемъ необходимыхъ учебныхъ руководствъ и пособій и потомъ уже приступила къ открытію училищъ. Народныя училища назначались для всѣхъ сословій. Открытіе ихъ предполагалось въ городахъ большихъ и малыхъ, равно и въ селеніяхъ; но конечно при полномъ господствѣ въ то время крѣпостнаго права, открытіе ихъ въ селеніяхъ было не осуществимо. Изъ

городскихъ же училищъ вскорѣ вышли замѣчательные люди. Екатерина обратила также вниманіе на образованіе женщины. Главнымъ исполнителемъ ея мыслей, по этой части, былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій. Однажды Екатерина сказала ему: „Надо, посредствомъ воспитанія, произвести, такъ сказать, новую породу людей, или новыхъ отцовъ и матерей?“ По плану Бецкаго при Смольномъ монастырѣ открыто было училище для благородныхъ дѣвицъ и такимъ образомъ положено было начало образованію женщины въ Россіи. По его же плану учреждены были воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ, въ которыхъ стали находить и до сихъ поръ находятъ призрѣніе многія несчастныя дѣти. Вообще, Иванъ Ивановичъ Бецкій всю жизнь свою неутомимо трудился для блага русскаго юношества и потому вполнѣ заслужилъ благодарность потомства.

Суворовъ,
великій русскій полководецъ.

Конецъ царствованія Екатерины Великой наполненъ громкими подвигами величайшаго въ свѣтѣ русскаго полководца, Александра Васильевича Суворова.

Страсть къ военной службѣ. Суворовъ родился въ 1729 г. Отецъ его былъ заслуженный генералъ и крестникъ Петра Великаго.

Еще съ раннихъ лѣтъ въ немъ начали проявляться необыкновенная смѣлость, отвага и неустрашимость. Отецъ Суворова былъ человѣкъ образованный и рано началъ внушать сыну охоту къ наукамъ. Поэтому не удивительно, что Александръ Васильевичъ рано также пристрастился къ чтенію. Но уже и тутъ начала въ немъ высказываться наклонность къ военной службѣ. Онъ съ какою-то жадностію читалъ книги, въ которыхъ описывались походы, опасности на войнѣ, подвиги полководцевъ. Отъ чтенія такихъ книгъ въ немъ мало по малу развилась такая страсть къ военной службѣ, что онъ только и мечталъ о ней, бредилъ ею и во снѣ и на яву. Но какъ на бѣду Суворовъ родился хилымъ и слабымъ мальчикомъ, былъ худощавъ и малаго роста. Поэтому отецъ боялся отдать его въ военную службу. Въ тѣ времена военная служба считалась гораздо выше гражданской или штатской, оттого знатные люди и съ достаткомъ старались опредѣлять своихъ сыновей въ полки; но такъ какъ тогда требовалось начинать ее съ самаго нижняго солдатскаго чина, то они обыкновенно дѣлали такъ: едва только у нихъ рождался сынъ, они записывали его въ полкъ на службу; пока мальчикъ росъ, ему шли чины, а когда онъ вырасталъ и поступалъ на дѣйствительную службу, то уже дѣлался офицеромъ. Отецъ же Суворова, опасаясь за здоровье сына, не записалъ его въ дѣтствѣ въ полкъ, а сталъ готовить къ штатской службѣ. Онъ даже и тогда не хотѣлъ отдавать его въ военную службу, когда мальчикъ только и бредилъ ею. „Ну гдѣ тебѣ тянуть солдатскую лямку, говорилъ онъ ему; ты и ружья-то не поднимешь; ну какой ты будешь солдатъ.“ Слова отца сильно огорчали маленькаго Суворова—и онъ, чтобы укрѣпить свое здоровье, старался пріучать себя и къ холоду и къ зною, бѣгалъ безъ устали по полямъ, ѣздилъ верхомъ, купался раннею весною и въ позднюю осень. Такъ прожилъ онъ въ домѣ отца до 12-ти лѣтняго возраста.

Но вотъ случилось, что къ отцу пріѣхалъ въ гости старый другъ и товарищъ его по службѣ. Разговоръ зашелъ о сынѣ. Отецъ сталъ жаловаться на свое затруднительное положеніе. „Сынъ мой, говорилъ онъ, бредитъ военною службою, но здоровье его едвали позволитъ ему переносить трудности этой службы. Я думаю опредѣлить его въ штатскую.“ Гость принялъ участіе въ положеніи отца; но, поговоривъ съ сыномъ, послушавъ, съ какимъ жаромъ тотъ разсказываетъ о битвахъ, походахъ, полководцахъ, рѣшилъ, что военная служба есть для него призваніе

свыше. Онъ началъ убѣждать отца не противиться этому призванію и не отнимать счастія у сына. Долго колебался старый Суворовъ, наконецъ согласился и благословилъ сына въ военную службу. Теперь началось уже настоящее приготовленіе Суворова къ военной службѣ. Отецъ самъ занялся съ нимъ нѣкоторыми военными науками. Молодой Суворовъ всею душею предался имъ. Комната его вся завалена была книгами, чертежами, планами битвъ.

Солдатская служба. Единственнымъ желаніемъ Суворова, завѣтною его мечтою стало теперь—когда нибудь самому сдѣлаться полководцемъ. Но онъ 12-ти лѣтъ только записанъ былъ въ полкъ. Поэтому ему пришлось начинать дѣйствительную службу съ солдатскихъ чиновъ. Пятнадцати лѣтъ онъ былъ отправленъ въ полкъ и долженъ былъ пройти всѣ солдатскіе чины. Цѣлыхъ девять лѣтъ несъ онъ солдатскую лямку. Ему шелъ двадцать пятый годъ, когда онъ произведенъ былъ только въ первый офицерскій чинъ, между тѣмъ какъ сверстники его въ эти лѣта и даже ранѣе были генералами.

Служба въ нижнихъ чинахъ послужила, впрочемъ, Суворову въ большую пользу. Это дало ему возможность совершенно освоиться съ солдатскою службою. Онъ на ряду съ простыми солдатами жилъ въ казармахъ, ѣлъ солдатскую пищу, чистилъ себѣ платье, сапоги, стоялъ на часахъ во всякую погоду. Поэтому, будучи еще солдатомъ, онъ уже успѣлъ обратить на себя вниманіе. Пришлось ему стоять на часахъ въ Петергофскомъ саду. Въ то время царицей была Елизавета Петровна. Гуляя разъ по саду, она проходила мимо часоваго. Суворовъ такъ бойко и ловко отдалъ ей честь, что она остановилась и спросила, какъ его зовутъ, чей онъ сынъ и проч. Услышавъ не менѣе бойкіе и быстрые отвѣты, государыня вынула изъ кармана серебрянный рубль и сказала: „Вотъ тебѣ награда за твою усердную службу.“—Ваше Величество! не возьму, сказалъ почтительно Суворовъ; законъ запрещаетъ солдату, стоящему на часахъ, брать что либо!“ — „Молодецъ, славный солдатъ!“ отвѣтила императрица и, обласкавъ его, положила рубль на землю и прибавила: „Возьми, когда смѣнишься.“ Суворовъ былъ внѣ себя отъ радости; до конца жизни хранилъ подарокъ, какъ драгоцѣнность, и гордился имъ, какъ первою наградою, полученною за то, что былъ лихой солдатъ.

Солдатская служба была полезна Суворову и въ отношеніи здоровья. Служа долго солдатомъ, онъ, можно сказать, передѣлалъ самую натуру свою. Съ виду щедушный и слабый онъ при-

выкъ лучше другихъ выносить, и утомленіе и непогоду, и лишенія всякаго рода.

Особенно же важно было это вотъ въ какомъ отношеніи. Проживъ долго съ солдатами, Суворовъ вполнѣ сроднился съ ихъ бытомъ, съ ихъ нуждами, съ ихъ привычками; онъ сдѣлался для нихъ такъ сказать свой человѣкъ; онъ даже выучился говорить ихъ языкомъ. Это дало ему возможность впослѣдствіи, когда онъ дѣйствительно сдѣлался полководцемъ, творить чудеса съ своими солдатами, или, какъ онъ ихъ называлъ, „чудо-богатырями.“ Достаточно бывало одного его слова, одного взгляда, даже одного появленія—и солдаты забывали опасность и усталость, бросались въ рѣку, рвались въ огонь, лѣзли на неприступную крѣпость.

Суворовская тактика. Но служа солдатомъ, Суворовъ не переставалъ заниматься и науками. Въ Россіи въ то время было немного такихъ образованныхъ людей, какъ онъ, а военныя науки едвали кто лучше его зналъ и понималъ. Впрочемъ онъ создалъ свою науку побѣждать, которой оставался вѣренъ до конца жизни. По его наукѣ глазомѣръ, быстрота, натискъ, должны были рѣшать все дѣло на войнѣ. И дѣйствительно Суворовскіе походы или марши своею быстротою приводили всѣхъ въ изумленіе и вошли въ поговорку. Во время натиска особенную важность онъ придавалъ штыку. „Пуля—дура, штыкъ—молодецъ,“ говаривалъ онъ обыкновенно. Но самое большое значеніе въ суворовской наукѣ имѣло слово „впередъ!“ „Ребята! говорилъ онъ обыкновенно своимъ чудо-богатырямъ; для русскаго солдата нѣтъ средины между побѣдою и смертію. Коли сказано „впередъ!“ такъ я не знаю что такое отступленіе, усталость, голодъ и холодъ.“

Странности Суворова. Но кромѣ этого Суворовъ рано сдѣлался извѣстенъ своими странностями. И чѣмъ дальше, чѣмъ онъ больше входилъ въ славу, тѣмъ болѣе становился страннымъ и причудливымъ: притворялся, что не терпитъ зеркалъ, боясь увидѣть въ нихъ самого себя; ходилъ какъ-то припрыгивая; говорилъ прибаутками и загадками; въ разговорѣ съ другими какъ-то кривлялся; когда всѣ ожидали отъ него отвѣта, онъ вдругъ засмѣется и убѣжитъ, прыгая на одной ногѣ, или запоетъ пѣтухомъ. Разъ Суворовъ продѣлалъ такую вещь. Шелъ онъ съ своимъ полкомъ мимо одного монастыря. Вдругъ ему пришло въ голову показать солдатамъ, какъ берутъ крѣпости и онъ отдалъ приказъ штурмовать монастырь по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Солдаты взобрались на монастырскія стѣны и привели въ ужасъ братію. Самый

образъ жизни, который велъ Суворовъ, поражалъ также своими странностями. Онъ вставалъ на зарѣ; обѣдалъ въ 7 или 8 часовъ утра; передъ обѣдомъ адъютантъ читалъ „Отче нашъ;“ въ концѣ же молитвы всѣ, и гости, если были, должны были говорить „аминь;“ кто забывалъ, тому не подавали водки; пищу употреблялъ всегда самую простую, большею частію щи и кашу и запивалъ квасомъ, любилъ также пироги, кислую капусту, рѣдьку и вообще всѣ русскія кушанья.

Говорятъ, что Суворовъ принялъ на себя роль чудака для того, чтобы обратить на себя вниманіе. И дѣйствительно о немъ вездѣ говорили, его всѣ знали еще прежде нежели онъ прославился побѣдами. Одни удивлялись ему; другіе же, не понимавшіе его, считали его чуть не помѣшаннымъ; а враги старались очернить его передъ императрицей. Но Екатерина понимала Суворова и говорила: „не троньте его; я его знаю“. Въ самомъ дѣлѣ странности и причуды не только не мѣшали ему дѣлать свое дѣло и не умаляли его генія; напротивъ весьма много помогали ему въ дѣлѣ и возвышали его. Когда кто-то изъ друзей замѣтилъ Суворову, что его трудно разгадать, то онъ, быстро прервавъ его, сказалъ: „Помилуй Богъ! и не трудитесь; я вамъ самъ себя раскрою: цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись; побасенками говорилъ я правду при дворахъ, былъ Балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, чтобы пробуждать сонливыхъ.“

Подвиги Суворова. Начиная съ конца царствованія Елизаветы Петровны, Суворовъ участвовалъ во всѣхъ почти походахъ и войнахъ, которыя вела Россія съ сосѣдями. Командуя небольшими отрядами, исполняя порученія своихъ начальниковъ, онъ вездѣ обнаруживалъ быструю сообразительность и необыкновенную удаль и геройство. Онъ билъ нѣмцевъ, поляковъ, турокъ и татаръ. Но въ полномъ блескѣ геній Суворова началъ проявляться только со времени второй турецкой войны при Екатеринѣ (1787—1791). Турція никакъ не могла забыть потери Крыма и чтобы возвратить его, начала съ нами новую войну. Екатерина назначила главнокомандующимъ своихъ войскъ Потемкина. Но главныя побѣды надъ турками въ эту войну были одержаны Суворовымъ.

Кинбурнъ. Стоялъ Суворовъ съ своимъ отрядомъ въ Кинбурнской крѣпости, расположенной на косѣ, далеко вдающейся въ Черное море. Вдругъ большой турецкій флотъ подплылъ къ крѣпости и началъ бомбардировать ее, а потомъ турки высадились

на берегъ и пошли на приступъ. Русскіе сначала не мѣшали имъ и не стрѣляли; ихъ даже не видно было; самъ Суворовъ спокойно стоялъ въ крѣпостной церкви и слушалъ обѣдню. И только когда непріятель подошелъ уже къ самой крѣпости, Суворовъ внезапно ударилъ на него и смялъ. Турки побѣжали. Но оказалось, что имъ бѣжать-то некуда; корабли ихъ, по приказанію нашему, отчалили отъ берега. Тогда турки повернулись назадъ и съ яростію напали на русскихъ, тѣмъ болѣе, что они далеко превосходили ихъ числомъ. Въ эту опасную минуту Суворовъ самъ бросился впередъ и крикнулъ: „ребята! за мной!“ Но ядромъ оторвало морду у его лошади и онъ упалъ. Турки окружили его, а одинъ изъ нихъ уже занесъ саблю, чтобы поразить его на смерть. Къ счастію подоспѣли солдаты и спасли своего генерала. Турки же снова были отбиты; но, не видя спасенія въ бѣгствѣ, они въ третій разъ напали и еще съ большимъ ожесточеніемъ. Всѣ окружавшіе Суворова были перебиты или переранены. Самъ онъ раненъ былъ пулею въ лѣвую руку и, истекая кровью, принужденъ былъ удалиться съ поля битвы; но перевязавъ наскоро рану и надѣвъ рубашку сухимъ рукавомъ на больную руку, опять полетѣлъ въ бой. Тутъ подоспѣло подкрѣпленіе и турки были большею частію перебиты.

Побѣда при Рымникѣ. Вскорѣ Суворовъ совершилъ еще болѣе блистательный подвигъ. Вторую турецкую войну мы вели въ союзѣ съ австрійцами. Вдругъ на австрійцевъ сдѣлалъ нападеніе самъ турецкій визирь съ арміею тысячъ въ сто. Главнокомандующій австрійскихъ войскъ, принцъ Кобургскій, въ ужасѣ пишетъ Суворову: „Спасите насъ!“ Герой отвѣтилъ однимъ словомъ: „Иду!“ И дѣйствительно съ невѣроятною быстротою явился онъ на помощь. Принцъ тотчасъ же послалъ просить его къ себѣ. Но посланному сказали: „Суворовъ Богу молится.“ Чрезъ нѣсколько времени принцъ снова шлетъ. Ему говорятъ: „Суворовъ ужинаетъ.“ На третье приглашеніе былъ отвѣтъ: „Суворовъ спитъ.“ Но Суворовъ вовсе не спалъ, а, взобравшись на высокое дерево, обозрѣвалъ оттуда расположеніе непріятельскаго войска. Только на утро пришелъ онъ къ принцу и предложилъ ему немедленно напасть на турокъ. Принцъ ужаснулся. Ему казалось немыслимымъ съ 25 тысячнымъ войскомъ, какое было у нихъ, нападать на стотысячную армію. Но довѣріе къ Суворову было такъ велико, что онъ не смѣлъ спорить. Турецкія войска были расположены близъ р. Рымника. Суворовъ, зная уже, какъ они были размѣщены, тихо

и незамѣтно подошелъ къ нимъ и потомъ такъ быстро и неожиданно ударилъ, что турки всѣ переполошились. Визирь въ это время сидѣлъ съ трубкою и пилъ кофе. Чашка и трубка выпали у него изъ рукъ, когда ему донесли, что Суворовъ уже сражается. Онъ самъ отправился на мѣсто битвы, чтобы ободрить свои растерявшіяся войска. Дѣйствительно съ появленіемъ его турки воодушевились и стремительно бросились на русскихъ, но ничего не могли сдѣлать противъ жгучаго натиска Суворова. Они снова разстроились и пустились въ бѣгство. Напрасно визирь останавливалъ ихъ, убѣждалъ, показывалъ имъ коранъ или священную книгу ихъ пророка Магомета; онъ приказалъ наконецъ стрѣлять въ бѣгущихъ изъ пушекъ, чтобы остановить ихъ. Ничто не помогло. Тѣснимые, поражаемые, преслѣдуемые, турки безъ оглядки бѣжали, бросая по дорогѣ оружіе, одежду и все, что было у нихъ. Тысячами труповъ ихъ покрылось поле битвы. Самъ визирь вскорѣ умеръ отъ горя; Суворовъ же за эту блистательную побѣду былъ пожалованъ въ графы съ прозваніемъ Рымникскаго, а имя его прогремѣло не только по всей Россіи, но и за границею.

Послѣ побѣды при Рымникѣ Суворовъ думалъ идти далѣе и поражать турокъ. Но австрійцы заключили миръ съ ними, а русскимъ войскамъ приказано было отступить. Это весьма опечалило его. „Впередъ бы надо, помилуй Богъ впередъ, повторялъ онъ, прямо на Царьградъ, взять бы его, да и сразу покончить съ турками.“

Взятіе Измаила. Но не смотря на отступленіе нашихъ войскъ, война съ турками еще продолжалась и Рымникскому герою представился случай снова прославить себя такимъ подвигомъ, который затмилъ собою всѣ прежніе его подвиги. Русскіе осаждали турецкую крѣпость Измаилъ. Осада ведена была вяло и нерѣшительно. Распоряжавшійся осадою генералъ донесъ даже главнокомандующему, что взять ее, по крайней мѣрѣ вскорости, невозможно. Между тѣмъ императрица Екатерина, предписала нанести туркамъ рѣшительный ударъ. Тогда Потемкинъ поручилъ взять Измаилъ Суворову. Но крѣпость эта считалась неприступною. Не смотря на то Суворовъ рѣшился взять ее. Какъ обыкновенно водится, онъ сначала потребовалъ добровольной сдачи крѣпости. Ему отвѣчали: „скорѣе небо упадетъ на землю, а Дунай потечетъ вверхъ, нежели Измаилъ сдастся.“ Тогда стали готовиться къ штурму. Суворовъ самъ училъ солдатъ какъ переходить ровъ, какъ ставить лѣстницы, лѣзть на стѣны; всѣмъ отданы были самыя точныя приказанія.

Наступила темная, непроглядная декабрьская ночь (1790 г.). Въ три часа взвилась ракета. Войска встрепенулись. Черезъ часъ пущена была другая ракета, потомъ третья. Въ пять часовъ войска стояли уже въ боевомъ порядкѣ и какъ волны устремились на крѣпость. Подъ губительнымъ огнемъ со стѣнъ непріятельскихъ они быстро переходили ровъ и смѣло лѣзли на валъ, въ иныхъ мѣстахъ даже безъ лѣстницъ, втыкая въ валъ штыки и подсаживая другъ друга. Въ одномъ мѣстѣ солдаты смѣшались было, но среди ихъ явился священникъ съ крестомъ въ рукахъ и они ободрились и опять полѣзли. При такомъ самоотверженіи, при такомъ забвеніи всякихъ опасностей ничто не могло остановить Суворовцевъ. Къ восьми часамъ утра они уже овладѣли стѣнами. Но въ самомъ городѣ открылась еще болѣе страшная рѣзня; приходилось брать приступомъ каждую улицу, каждый домъ; сражались даже турчанки и дѣти. И только къ 4 часамъ пополудни Измаилъ сталъ русскимъ городомъ. За то болѣе 20 тысячъ турокъ полегло здѣсь; спасся только одинъ, который и принесъ верховному визирю горестную вѣсть о паденіи крѣпости. Суворовъ такъ доносилъ императрицѣ о взятіи Измаила: ,,гордый Измаилъ у ногъ вашего величества,“ а Потемкину писалъ: ,,не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но онъ взятъ.“ Покореніе Измаила, какъ подвигъ, которому до сихъ поръ подобнаго не было, прославило Суворова на весь міръ. Вездѣ имя его произносилось съ уваженіемъ; вездѣ удивлялись этому великому русскому полководцу; а поэты воспѣвали Измаильскій штурмъ въ стихахъ. У Суворова впрочемъ было довольно враговъ и завистниковъ, которые побѣды его приписывали одному счастію. ,,Но, говорилъ Александръ Васильевичъ, сегодня счастіе, завтра счастіе, всегда счастіе; помилуй Богъ! Дайте же сколько нибудь и ума.“ Императрица Екатерина однакожъ вполнѣ понимала Суворова и вполнѣ цѣнила его талантъ. Вскорѣ онъ опять является дѣйствующимъ лицомъ.

Паденіе Польши. Въ это время наступалъ конецъ Польшѣ. Тамъ уже давно происходили страшные безпорядки, которые предвѣщали близкое паденіе ея. Польскіе паны и шляхтичи короля своего совсѣмъ не слушались, между собою ссорились и дрались, а крестьянъ своихъ сильно угнетали. Эти безпорядки причиняли много хлопотъ и сосѣдямъ, въ особенности Россіи. Польша еще владѣла коренными русскими землями, напримѣръ: Бѣлоруссіею, Волынью и Подоліею. Поляки старались обратить православное

населеніе этихъ земель въ свою латинскую вѣру. Но русскіе твердо и крѣпко стояли за свой законъ. За это ихъ страшно преслѣдовали: отнимали у нихъ храмы Божіи и раззоряли ихъ или закрывали, безвинно лишали мѣстъ православныхъ священниковъ, такъ что случалось, что некому было исправлять церковныя требы; крестьянъ же православныхъ паны и шляхтичи заставляли отбывать тяжкія работы и облагали множествомъ поборовъ. Православные русскіе, подвластные Польшѣ, часто просили единовѣрныхъ русскихъ государей походатайствовать за нихъ. Но ходатайства эти мало имѣли успѣха. Преслѣдованія и угнетеніе годъ отъ году становились все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ императрица Екатерина рѣшилась добиться во что бы то ни стало облегченія тяжкой участи православныхъ русскихъ христіанъ въ Польшѣ. Она силою оружія принудила къ этому поляковъ. Но такъ какъ въ Польшѣ была полная неурядица: нынче отмѣняли то, что вчера положили; вѣрить ничему нельзя было;—то Екатерина оставила свой гарнизонъ въ Варшавѣ, столицѣ Польской. Поляки же разъ ночью, въ страстную пятницу, напали на сонныхъ и безоружныхъ русскихъ солдатъ и нѣсколько тысячъ перерѣзали ихъ. Императрица, узнавъ объ этомъ, сильно встревожилась и немедленно отправила въ Польшу армію, а главнокомандующимъ назначила Суворова. Суворову было тогда уже 64 года; но бодрость и живость его не измѣнились; неутомимость его была изумительна. Екатерина такъ вѣрила въ него, что, назначая его, сказала: „Я посылаю въ Польшу двойную силу — армію и Суворова.“ И дѣйствительно страхъ напалъ на поляковъ, когда они узнали о назначеніи Суворова. Они знакомы были съ нимъ не по слухамъ только; лѣтъ двадцать назадъ, когда они воевали съ Россіей, Суворовъ уже безпощадно разбивалъ ихъ отряды, находясь самъ подъ командою другихъ; тогда уже онъ сдѣлался грознымъ для нихъ. Что же будетъ теперь, думали поляки, когда онъ назначенъ командиромъ большой арміи. Опасенія ихъ сбылись.

Суворовъ прискакалъ къ арміи въ простой телѣжкѣ и остановился передъ палаткой, приготовленной для него на лугу, близъ лагеря. Мгновенно по всему лагерю пронеслась вѣсть: „Суворовъ пріѣхалъ!“ Всѣ встрепенулись и ожили; всѣ почувствовали какъ будто новыя силы въ себѣ. Въ палатку къ Суворову явились генералы и офицеры. Объявивъ имъ въ краткихъ словахъ волю императрицы, онъ вдругъ вытянулся, зажмурилъ глаза и скороговоркою произнесъ: „войскамъ выступать когда пѣтухъ

запоетъ. Идти быстро—полкъ за полкомъ. Голова хвоста не ждетъ.“ Знавшіе Суворова поняли этотъ приказъ и поэтому, хотя до пѣнія пѣтуховъ было еще далеко, начали сейчасъ же готовиться къ выступленію въ походъ. Дѣйствительно черезъ нѣсколько времени и, именно въ семь часовъ вечера, изъ палатки главнокомандующаго послышалось хлопанье въ ладоши, подобное взмаху крыльевъ пѣтуха, и протяжное кукарику. Это сдѣлалъ самъ Суворовъ. Поэтому сигналу мгновенно все поднялось на ноги и двинулось въ походъ. Суворовъ ѣхалъ тутъ же вмѣстѣ съ войсками. Объѣзжая ряды солдатъ, онъ со многими изъ нихъ разговаривалъ. Такъ, ободряя и воодушевляя солдатъ, быстро шелъ онъ къ Варшавѣ. Главнокомандующій польскихъ войскъ генералъ Косцюшко, на котораго поляки возлагали всѣ свои надежды, хотѣлъ было загородить Суворову дорогу и съ этою цѣлію напалъ на одинъ русскій отрядъ (находившійся подъ командою генерала Ферзена), но былъ разбитъ на голову и самъ попался въ плѣнъ. Разсказываютъ, что, падая съ лошади въ изнеможеніи отъ ранъ, онъ произнесъ: „Конецъ Польшѣ!“ Дѣйствительно страхъ и отчаяніе овладѣли поляками, когда они узнали объ этомъ. Между тѣмъ Суворовъ теперь уже безостановочно и прямо шелъ къ Варшавѣ. Осенью 1794 года русскія войска подступили къ Прагѣ. Это было укрѣпленное предмѣстіе Варшавы, отдѣлявшееся отъ нея р. Вислою. Сначала Суворовъ нѣсколько времени медлилъ, въ ожиданіи, что поляки такъ, безъ кровопролитія, покорятся; но увидѣлъ, что безъ штурма обойтись нельзя. Штурмъ Праги, какъ и штурмъ Измаила, начался рано утромъ, когда еще было темно. Мгновенно вся окрестность озарилась пламенемъ и на валахъ крѣпости открылся отчаянный рукопашный бой. Суворовъ стоялъ на высокомъ холмѣ вблизи вала, внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями и отдавалъ приказанія. Чрезъ нѣсколько часовъ на мѣстѣ Праги остались окровавленныя, дымящіяся развалины и груды обгорѣлыхъ, изуродованныхъ труповъ и раненыхъ, стонавшихъ въ предсмертныхъ мукахъ. Когда стихли ужасы приступа, Суворовъ въѣхалъ въ Прагу или, лучше сказать, на мѣсто, гдѣ находилась Прага. На слѣдующее утро на р. Вислѣ показались двѣ лодки. Это переѣзжали послы изъ Варшавы. Суворовъ сидѣлъ въ своей палаткѣ на обрубкѣ бревна, когда ввели ихъ къ нему; другой обрубокъ служилъ ему вмѣсто стола. „Миръ!“ воскликнулъ онъ, при входѣ пословъ, бросилъ саблю на полъ и съ распростертыми руками пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Пораженные такимъ ласковымъ пріі-

емомъ, послы не могли удержаться отъ слезъ. Суворовъ нѣсколько времени дружески разговаривалъ съ ними, даже шутилъ, но потребовалъ, чтобы Варшава сдана была черезъ 24 часа. Когда же, по истеченіи этого срока, послы снова явились и начали просить еще недѣли срока, то онъ гнѣвно вскричалъ: „ни одного часа!“—и отдалъ приказъ войскамъ переправляться черезъ Вислу. Нечего дѣлать—жители Варшавы покорились. Торжественно въѣзжалъ Суворовъ въ столицу Польши, при звукахъ музыки, при громѣ барабановъ, окруженный своими сподвижниками. У моста встрѣтили его правители города съ хлѣбомъ-солью и поднесли городскіе ключи серебрянные, вызолоченные, которые и теперь хранятся въ Петропавловскомъ соборѣ.

О взятіи Варшавы Суворовъ донесъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „Всемилостивѣйшая государыня! Ура! Варшава наша!“ Екатерина отвѣтила на это также кратко: „Ура! фельдмаршалъ.“ Этимъ она возводила его въ фельдмаршалы. Чинъ этотъ особенно обрадовалъ героя прагскаго. Но онъ выказалъ радость свою по своему. Въ минуту полученія извѣстія у него было нѣсколько генераловъ. Не говоря имъ ни слова, онъ всѣхъ ихъ перецѣловалъ и потомъ выбѣжалъ въ другую комнату. Никто не могъ понять, что это значитъ. Но вотъ вошелъ камердинеръ и началъ ставить стулья посреди комнаты, поодаль одинъ отъ другаго, но въ равномъ разстояніи. Когда ихъ было постановлено девять, Суворовъ сталъ перепрыгивать черезъ нихъ, называя приэтомъ имена тѣхъ девяти генераловъ, которые были старше его по службѣ и черезъ которыхъ онъ перескочилъ, получивъ чинъ фельдмаршала. „Всѣхъ обошелъ,“ сказалъ онъ, перепрыгнувъ черезъ послѣдній стулъ, „никого не уронилъ и даже не задѣлъ. Помилуй Богъ! какъ это славно“. Подвигъ Суворова дѣйствительно заслуживалъ этой награды. Послѣ взятія Варшавы судьба Польши была рѣшена окончательно. И прежде отъ нея были уже отдѣлены нѣкоторыя земли; теперь же она была окончательно подѣлена (1795 г.) между сосѣдями: часть отошла къ Пруссіи, другая къ Австріи. Россія же при паденіи Польши возвратила свои старинныя земли: Бѣлоруссію, Волынь, Подолію и другія. Изъ нихъ только Галиція осталась за Австріею.

Это время для Суворова было временемъ полнаго упоенія своею славою. Для окончательнаго умиренія края, онъ около года прожилъ въ Польшѣ и во все это время съ нимъ сносились иноземные государи, его окружали послы и дипломаты, а отъ рус-

ской императрицы онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ. Когда Суворовъ возвратился въ Петербургъ, всѣ спѣшили выказать вниманіе, уваженіе и удивленіе къ завоевателю Польши; всѣ считали за счастіе его посѣщеніе; старались предупреждать всѣ его желанія, даже самыя причуды. Суворову отвели для житья Таврическій дворецъ, но зная нелюбовь его къ роскоши, повынесли изъ него дорогую мебель, занавѣсили зеркала, вмѣсто кровати постлали сѣна. И сколько разныхъ анекдотовъ разсказывали про него! Особенно много говорили о шубѣ, которую подарила ему императрица. Суворовъ такъ пріучилъ себя къ холоду, что несмотря на старческіе годы, ходилъ безъ теплой одежды даже въ сильные морозы. Екатерина разъ замѣтила ему, что онъ не бережетъ своего здоровья и прислала въ подарокъ дорогую шубу. Но старый фельдмаршалъ по прежнему ходилъ безъ шубы; за то всякій разъ, когда нужно было ѣхать во дворецъ, бралъ съ собою въ карету человѣка, который и держалъ шубу въ рукахъ, а при выходѣ изъ кареты надѣвалъ на него. „Не смѣю ослушаться императрицы, говорилъ Суворовъ; шуба со мною, а нѣжиться солдату не слѣдуетъ.“

Походъ въ Италію. Между тѣмъ для подвиговъ великаго русскаго полководца открывалось новое поприще. Въ это время во Франціи происходила страшная революція. Безбожные французы казнили своего короля и начали губить и рѣзать другъ друга. Цѣлыя тысячи народа гибли иногда совершенно безвинно. Въ то же время у нихъ появился молодой геніальный полководецъ, Наполеонъ Бонапартъ, подъ предводительствомъ котораго они стали нападать на чужія земли и завоевывать ихъ. Императрица Екатерина не рѣдко задумывалась надъ этими дѣлами и совѣтовалась съ Суворовымъ. Старый фельдмаршалъ съ радостію готовъ былъ идти противъ французовъ и даже просилъ объ этомъ императрицу. „Матушка! писалъ онъ ей разъ, пошли меня бить французовъ.“ Но, прежде нежели рѣшенъ былъ походъ, она скончалась въ 1796 году. На престолъ вступилъ сынъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ (1796—1801 г.), который хотѣлъ жить въ мирѣ со всѣми. Для Суворова же наступило теперь время тяжкаго испытанія. По навѣтамъ враговъ онъ подвергся гнѣву императора, былъ уволенъ въ отставку и отправленъ на житье въ имѣніе свое, село Кончанское, Новгородской губерніи. Старый фельдмаршалъ повелъ здѣсь самую простую и оригинальную жизнь. Вставши рано поутру, шелъ на колокольню звонить; во время церковной

службы отправлялъ должность дьячка—читалъ и пѣлъ, подавалъ священнику кадило; гуляя по деревнѣ, вмѣшивался въ игры крестьянскихъ мальчиковъ, бѣгалъ и прыгалъ съ ними, игралъ въ бабки. Живя въ деревнѣ, Суворовъ, казалось, всѣми былъ забытъ. Но слава прежнихъ великихъ дѣлъ его скоро заставила вспомнить о немъ.

Бонапартъ отнялъ у нѣмецкаго императора итальянскія земли и угрожалъ отнять еще болѣе. Не надѣясь на свои силы, императоръ сталъ просить помощи у нашего государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ прислать Суворова въ предводители войскъ. Немедленно въ село Кончанское поскакалъ курьеръ съ собственноручнымъ письмомъ императора Павла. Какъ будто ожилъ старый герой. Слезы радости покатились изъ глазъ его. Онъ поцѣловалъ письмо государя, отдалъ приказъ сейчасъ же собираться въ дорогу, а самъ побѣжалъ въ церковь и велѣлъ служить молебенъ; стоя на колѣнахъ, молился, пѣлъ и плакалъ.

Вотъ по улицамъ Петербурга мчится почтовая кибитка, а въ ней сидитъ сѣдой старичекъ. Кибитка останавливается у зимняго дворца. Старичекъ бодро выскакиваетъ изъ нея и бѣжитъ по лѣстницѣ. Это былъ Суворовъ. Императоръ ласково принялъ его и, долго разговаривалъ съ нимъ. Черезъ часъ во всемъ Петербургѣ заговорили о пріѣздѣ Суворова. Невозможно себѣ представить общаго восторга; съ пріѣздомъ его знакомые поздравляли другъ друга какъ бы съ праздникомъ; народъ бѣгалъ за его каретою по улицамъ, собирался толпами на парады, чтобы посмотрѣть на него. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ разсказывались тысячи анекдотовъ о разныхъ его шуткахъ и продѣлкахъ. Такъ разсказывали, будто съ однимъ вельможею онъ сыгралъ такую шутку. Пресерьёзно разговаривая съ нимъ о важныхъ предметахъ, онъ, вдругъ, когда тотъ превратился весь въ слухъ и вниманіе, остановился и запѣлъ пѣтухомъ. „Какъ это можно!“ воскликнулъ вельможа, оскорбившись. „Поживи съ мое — запоешь курицей“, отвѣчалъ ему Суворовъ. Однажды застали его прыгающимъ черезъ чемоданы, въ которые укладывали дорожныя вещи. „Что это вы дѣлаете?“ спросили у него. „Учусь прыгать“, отвѣтилъ онъ. Вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой! великъ прыжокъ; надобно поучиться.“

Получивъ отъ государя полную волю дѣйствовать по своему усмотрѣнію, Суворовъ на почтовыхъ поскакалъ въ Вѣну, столицу Австріи, вслѣдъ за русскими войсками. Австрійскій или нѣмецкій императоръ принялъ его съ большими почестями, сдѣлалъ своимъ фельдмаршаломъ и вручилъ ему команду надъ своею арміею.

Но совѣтники императора потребовали отъ Суворова самаго точнаго плана кампаніи. Русскій полководецъ, привыкшій дѣйствовать по своимъ правиламъ, гдѣ главную роль играли глазомѣръ, быстрота, натискъ, отказался представить такой планъ и доказывалъ, что до личнаго обозрѣнія мѣста дѣйствія ни о какомъ планѣ и рѣчи быть не можетъ. Когда же главный совѣтникъ и министръ сталъ настойчиво требовать у Суворова плана, то онъ, какъ говорятъ, выведенный изъ терпѣнія, развернулъ передъ нимъ бланкетъ или пустой бѣлый листъ бумаги, подписанный императоромъ Павломъ, и сказалъ: „вотъ мой планъ!“ Такъ, не добившись плана, австрійцы и отпустили Суворова въ Италію воевать съ французами. Весело шли (1799 г.) русскіе солдаты на французовъ, считая себя непобѣдимыми подъ командою Суворова. Но однако воевать съ французами было совсѣмъ не то, что съ турками или поляками. Французы — народъ очень храбрый и искусный на войнѣ; да и полководцы ихъ были не то, что турецкіе визири и паши или польскіе паны. Съ французами трудно было справляться въ Италіи еще и потому, что ихъ было здѣсь очень много и что почти всѣ главныя крѣпости были въ ихъ рукахъ. Не смотря на то, Суворовъ съ своими чудо-богатырями постоянно одерживалъ верхъ и надъ ними. Французы не могли надивиться его быстротѣ, сообразительности и искусству. Особенно замѣчательно одно дѣло съ ними, гдѣ вполнѣ выказался талантъ Суворова и его волшебное дѣйствіе на солдатъ. Французскіе полководцы Моро и Макдональдъ, дѣйствуя сначала на разныхъ пунктахъ, задумали соединиться и общими силами ударить на Суворова. Съ этою цѣлію они старались разными маневрами ввести въ обманъ русскаго полководца. Но Суворовъ понялъ ихъ хитрости и въ свою очередь началъ производить такія странныя передвиженія войскъ, что совершенно сбилъ ихъ съ толку и не далъ имъ соединиться. Тогда онъ самъ напалъ на Макдональда, не смотря на то, что у того было больше войска. Битва продолжалась три дня въ нестерпимый жаръ. Изнуренные палящимъ зноемъ и неравною борьбою, русскіе подъ конецъ едва могли держаться. Суворовъ самъ былъ въ изнеможеніи. Но вотъ ему доносятъ, что полки колеблются. „Коня!“ закричалъ онъ и поскакалъ въ передніе ряды въ одной рубашкѣ. Едва солдаты завидѣли своего стараго предводителя, заслышали его волшебную команду, какъ забыли усталость, ударили въ барабаны и бросились на непріятеля въ штыки.

Французы думали, что къ русскимъ на подмогу прибыли свѣжія войска и съ большимъ уономъ отступили.

Послѣ этого пораженія французы убѣдились, что имъ не сладить съ русскими богатырями и начали сдавать имъ одинъ городъ за другимъ. Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ то и дѣло получали извѣстія о побѣдахъ и ключи отъ покоренныхъ городовъ. Въ какіенибудь четыре-пять мѣсяцевъ Италія была свободна отъ власти французовъ. Они разбиты были въ двухъ большихъ и шести малыхъ битвахъ; у нихъ взято было въ плѣнъ до 80 тысячъ человѣкъ, отнято 25 крѣпостей. Императоръ Павелъ не зналъ ужъ чѣмъ наградить богатырскіе подвиги Суворова. „Вы поставили себя выше всѣхъ наградъ“, писалъ онъ ему. Суворовъ уже получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя съ прозваніемъ Италійскаго. Наконецъ повелѣно было отдавать ему воинскія почести, подобныя царскимъ, даже въ присутствіи государя. „Достойному достойное!“ говорилъ императоръ въ своемъ рескриптѣ.

Подвиги италійскаго героя приводили въ удивленье и въ восторгъ не одного русскаго государя и не однихъ русскихъ. Англичане—народъ гордый, но и они были восхищены побѣдами русскаго полководца. Въ ихъ театрахъ пѣли въ честь Суворова стихи; въ газетахъ описывались его жизнь и побѣды; они выбили даже медаль съ его портретомъ. Имя Суворова сдѣлалось въ Англіи моднымъ: тамъ появились суворовскія шляпы, суворовскіе пироги, суворовскія прически.

Переходъ черезъ Альпы. Но, среди блистательныхъ побѣдъ, среди необыкновенныхъ почестей и наградъ, Суворовъ почти постоянно былъ снѣдаемъ скорбію и печалію. Дѣло въ томъ, что австрійцы стали завидовать славѣ русскаго полководца, который, повидимому, безъ всякихъ плановъ всюду разбивалъ враговъ, тогда какъ они до сихъ поръ терпѣли отъ французовъ одни пораженія, не смотря на всѣ свои глубокомысленные планы. Своимъ вмѣшательствомъ они старались вредить ему теперь на каждомъ шагу. Суворовъ приходилъ въ отчаяніе. Онъ писалъ, жаловался императору Павлу, даже просилъ объ отзывѣ себя въ Россію; но, убѣждаемый государемъ, продолжалъ командовать. Наконецъ совѣтники австрійскаго императора прислали Суворову такой планъ войны, который разрушалъ всѣ его великія надежды. Онъ намѣревался, по изгнаніи французовъ изъ Италіи, идти прямо на Парижъ, чтобы разомъ покончить съ революціонною Франціею и возстановить въ Европѣ миръ и спокойствіе. Но австрійскій импе-

раторъ вдругъ предписываетъ ему идти въ Швейцарію и, соединившись съ другими русскими войсками, продолжать тамъ войну съ французами. Походъ этотъ, даже въ случаѣ счастливаго окончанія, не обѣщалъ особенныхъ выгодъ, а тутъ еще нужно было, чтобы попасть изъ Италіи въ Швейцарію, переходить черезъ высочайшія въ свѣтѣ горы, которыя называются Альпами. Только повинуясь волѣ своего государя, Суворовъ отправился въ этотъ походъ. Но ему и въ голову не приходили тѣ трудности и опасности, какія довелось испытать русскимъ войскамъ при переходѣ черезъ Альпы. Они часто должны были карабкаться на отвѣсныя и притомъ обледенѣлыя скалы или спускаться съ нихъ, причемъ малѣйшая неосторожность угрожала опасностью упасть въ бездонную пропасть; иногда же имъ приходилось идти по такимъ узкимъ тропинкамъ, по которымъ могъ проходить только одинъ человѣкъ съ вьюкомъ; или переходить черезъ бурные потоки и водопады, которые уносили съ собою и людей, и лошадей, и все попадающееся на пути; а то вдругъ оборвется съ горъ огромная льдина и тоже передавитъ все, что попадется; или на высотѣ двухъ верстъ отъ поверхности моря поднимется вьюга, загремитъ гроза такая, что не взвидишь свѣта, а укрыться негдѣ. Къ довершенію же всѣхъ трудностей нужно было еще почти на каждомъ шагу биться съ французами, которые заняли всѣ проходы и отовсюду—изъ-за враговъ, изъ-за утесовъ и каменьевъ стрѣляли въ русскихъ. Всѣ эти трудности русское войско однакожъ преодолѣло, но только благодаря Суворову, который особенно умѣлъ ободрять и воодушевлять его. Онъ то во время привала подойдетъ къ солдатамъ, попробуетъ ихъ кашицу, скажетъ двѣ-три прибаутки, то, замѣтивъ въ нихъ усталость, вдругъ во всю мочь затянетъ своимъ старческимъ голосомъ какую нибудь пѣсню. Солдаты расхохочутся и прошла усталость. Разъ же Суворову пришлось прибѣгнуть къ такому средству. Въ началѣ похода солдаты, при видѣ горъ, покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ и уходящихъ въ облака, смутились было и возроптали. Суворовъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ поставить ихъ въ ряды, а не вдалекѣ рыть могилу; потомъ явился самъ и съ гнѣвомъ сталъ говорить: „Вы безславите мои сѣдины. Я водилъ къ побѣдамъ отцовъ вашихъ, но вы не дѣти мои и я не отецъ вамъ. Положите меня въ могилу. Я не переживу моего стыда и вашего позора.“ И онъ побѣжалъ къ могилѣ. „Отецъ нашъ! закричали солдаты. Веди насъ куда хочешь! Умремъ съ тобою!“ Они бросились къ нему, падали передъ нимъ на колѣни,

цѣловали руки его, клялись умереть съ нимъ. И ни одного слова неудовольствія не проронили они потомъ во весь походъ, несмотря на всѣ опасности, лишенія и ужасы.

Переходъ черезъ Чертовъ мостъ. Особенно замѣчателенъ былъ въ это время переходъ черезъ такъ называемый Чертовъ мостъ. Здѣсь, казалось, сама природа хотѣла испытать, дѣйствительно ли нѣтъ ничего невозможнаго для русскихъ войскъ, предводимыхъ Суворовымъ. Представьте себѣ огромныя, нависшія скалы, между которыми съ утеса на утесъ несется вся въ пѣнѣ рѣка и падаетъ съ высоты почти 30 саженей. Шумъ отъ ея паденія слышенъ на далекомъ разстояніи. Отвѣсныя скалы, спирающія съ обѣихъ сторонъ этотъ величественный водопадъ, до того сближаются между собою въ одномъ мѣстѣ, что здѣсь черезъ водопадъ перекинута только одна арка на высотѣ десяти слишкомъ саженей надъ бездною. Это и есть Чертовъ мостъ, черезъ который нужно было перейти русскимъ. Но, чтобы добраться до него, нужно было еще пройти черезъ мрачное отверстіе въ скалѣ, шаговъ 80 длины и такое узкое, что въ немъ и два человѣка рядомъ не могли идти. По выходѣ же изъ отверстія дорога огибаетъ скалу въ видѣ карниза и круто спускается къ Чертову мосту. Въ такой мѣстности и такъ почти невозможно было двигаться арміи; но если обратить вниманіе на то, что здѣсь всѣ удобныя мѣста заняты были французами, то переходъ черезъ Чертовъ мостъ покажется почти что чудомъ. Вотъ какъ онъ былъ совершенъ. Сначала, разумѣется, русскіе попробовали пройдти черезъ отверстіе въ скалѣ, но едва только вступили туда, какъ встрѣчены были пушечными и ружейными выстрѣлами французовъ; пробиться оказалось совершенно невозможнымъ; французы перебили бы тутъ всѣхъ по одиночкѣ. Тогда охотники стали взбираться на скалы, висѣвшія надъ отверстіемъ. Трудно повѣрить, чтобы можно было вскарабкаться на такія крутизны, какія были здѣсь; но это было сдѣлано. Французы, расположившіеся у отверстія, такъ поражены были неожиданнымъ появленіемъ русскихъ на высотахъ, что смѣшались и, боясь быть отрѣзанными отъ своихъ войскъ, поспѣшно отступили за мостъ. Они не успѣли даже разрушить его, а только испортили. Тогда закипѣла жаркая перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ водопада. Французы изъ-за каждаго камня и утеса, изъ-за каждаго куста посылали свои мѣткія пули. Не смотря на то, суворовскіе чудо—богатыри грудью прокладывали себѣ дорогу: одни спрыгивали съ утесовъ и по поясъ въ водѣ перебирались на другую сторону водопада, не думая объ

опасности; другіе лѣзли на скалы, чтобы оттуда удобнѣе стрѣлять въ непріятеля, третьи же спѣшили устроить переправу черезъ испорченный мостъ; для этого притащили бревна, на-скоро перевязали ихъ офицерскими шарфами и по этой зыбкой переправѣ начали перебѣгать; нѣкоторые обрывались и низвергались въ бездну. Благодаря такой отвагѣ, такому презрѣнію опасностей, русскіе перебрались на другой берегъ въ такомъ количествѣ, что заставили французовъ отступить. Но чтобы съ успѣхомъ преслѣдовать ихъ, нужно было переправить черезъ мостъ всю армію, а для этого нужно было прежде исправить его. Исправленіе взяли на себя австрійцы, бывшіе при русскомъ войскѣ. Дѣло было спѣшное, а они стали сначала судить да рядить. Выведенные изъ терпѣнія, русскіе попросили у нихъ инструменты и принялись за работу по своему: вмигъ натаскали бревенъ, досокъ, хворосту и чрезъ нѣсколько часовъ исправили мостъ. Австрійцы удивлялись, глядя на ихъ работу, и только повторяли: „Гутъ! гутъ!“ т. е. хорошо. „То-то *гутъ!*“ замѣтилъ имъ русскій солдатъ, распоряжавшійся работою; „вы бы до вечера тутъ *гутъли*, а дѣлу хода бы не дали.“ Такъ совершенъ былъ переходъ черезъ Чертовъ мостъ. Но французовъ уже и слѣдъ простылъ.

Измѣна австрійцевъ. Преодолѣвая невѣроятныя трудности и лишенія, Суворовъ наконецъ спустился съ своею арміею въ долину и думалъ отдохнуть здѣсь. Не тутъ-то было. Совершенно неожиданно онъ получаетъ страшную вѣсть. Онъ узнаетъ, что русскій отрядъ въ Швейцаріи, для соединенія съ которымъ шла армія его, разбитъ французами и что ему самому совершенно запертъ выходъ изъ долины. Особенно же приводило его въ негодованіе то, что виною всему этому были австрійцы... Отправляясь въ походъ черезъ Альпы, Суворовъ просилъ австрійское правительство не выводить своихъ войскъ изъ Швейцаріи, а оно вывело, вслѣдствіе чего русскій отрядъ и былъ разбитъ тамъ. Тутъ была ужъ явная измѣна со стороны завистливыхъ и коварныхъ австрійцевъ. Они очевидно хотѣли погубить русскаго полководца, котораго до сихъ поръ никто не могъ побѣдить. И французскій полководецъ Массена былъ такъ увѣренъ въ гибели Суворова, что обѣщалъ русскимъ плѣннымъ офицерамъ чрезъ нѣсколько дней представить его къ нимъ живымъ или мертвымъ. Положеніе Суворова въ самомъ дѣлѣ было самое ужасное, но онъ еще не терялъ надежды. Онъ созвалъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ былъ Вел. Кн. Константинъ Павловичъ, участвовавшій въ походѣ. Исчисливъ всѣ

коварные поступки австрійцевъ съ самаго прибытія своего въ Италію, фельдмаршалъ подъ конецъ взволнованнымъ и прерывающимся голосомъ произнесъ: „Теперь мы среди горъ; окружены непріятелемъ, далеко превосходящимъ наши силы. Что предпринять намъ? Идти назадъ—постыдно; никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ—невозможно; у непріятеля свыше 60 т. войска, у насъ же нѣтъ и 20 т. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи... Помощи намъ ждать не откуда. Мы на краю гибели!..“ Произнося эти тяжелыя слова, Суворовъ, по свидѣтельству очевидца, едва могъ удерживаться отъ волненія и горести. Скорбь его тяжелымъ камнемъ ложилась и на сердца всѣхъ присутствовавшихъ. „Теперь, прибавилъ Суворовъ, остается одна надежда на Всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ. Мы русскіе! Съ нами Богъ!..“ При этихъ словахъ какъ будто огонь какой пробѣжалъ по всѣмъ. Суворовъ же пришелъ въ какое-то восторженное состояніе и произнесъ: „Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего Императора!“ Тутъ онъ палъ къ ногамъ Великаго Князя и облился слезами. Константинъ Павловичъ въ смущеніи поднималъ старика, обнималъ его, цѣловалъ и, рыдая, не могъ произнести ни одного слова. Всѣ присутствовавшіе были приведены въ неизъяснимое волненіе. Наконецъ одинъ изъ генераловъ заговорилъ: „Отецъ нашъ Александръ Васильевичъ! Мы знаемъ, что предстоитъ намъ теперь, но развѣ и ты не знаешь насъ, не знаешь ратниковъ, которые преданы тебѣ душею, безотчетно любятъ тебя? Что бы ни встрѣтилось намъ, отецъ нашъ, ты не увидишь въ насъ ни гнусной трусости, ни ропота, столь не свойственныхъ русскимъ людямъ. Клянемся тебѣ передъ Богомъ — хотя бы въ горахъ пришлось намъ перенести еще большія трудности, чѣмъ прежнія, — мы готовы; хотя бы цѣлыя сотни тысячъ французовъ окружили насъ, мы пробьемся, не посрамимъ русскаго оружія, а если падемъ, то со славою.“ Слова эти были истиннымъ услажденіемъ для Суворова. Выслушавъ ихъ, онъ оживился. Глаза его снова заблистали. „Да!“ сказалъ онъ съ увѣренностію: „Мы русскіе! Съ помощію Божіею мы все одолѣемъ. Мы разобьемъ врага. Побѣда надъ нимъ, побѣда надъ коварствомъ!“ По окончаніи совѣта всѣ вышли отъ фельдмаршала съ одною мыслію — побѣдить или умереть со славою. Каждый начальникъ передалъ это и своимъ подчиненнымъ. Загорѣлись тогда богатырскія сердца русскихъ воиновъ. Понимая опасность своего положенія и считая виновниками его австрій-

цевъ, они дрались съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ бы желая показать, что для нихъ и измѣна ничего не значитъ. Какъ левъ разъяренный шелъ Суворовъ съ своими чудо-богатырями и отражалъ справа и слѣва, спереди и сзади французовъ, осмѣливавшихся дѣлать на него нападенія. Въ нѣсколькихъ схваткахъ онъ даже нанесъ имъ пораженіе и взялъ въ плѣнъ одного изъ ихъ знаменитыхъ генераловъ. Видя, что съ богатырскою суворовскою арміей ничего не подѣлаешь, французы наконецъ оставили ее въ покоѣ и она достигла безопаснаго мѣста.

Переходъ Суворова черезъ Альпійскія горы продолжался 16 дней. Онъ не имѣлъ такихъ важныхъ послѣдствій, какъ напримѣръ штурмъ Праги или побѣды въ Италіи, но по справедливости считается вѣнцомъ славы Суворова. Первые полководцы въ свѣтѣ могли бы гордиться такимъ необыкновеннымъ подвигомъ, а французскій полководецъ, надѣявшійся захватить здѣсь Суворова въ плѣнъ, говорилъ потомъ, что онъ отдалъ бы всѣ семь своихъ побѣдъ за одинъ этотъ переходъ. Императоръ же Павелъ въ рескриптѣ своемъ къ Суворову писалъ: „Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, вамъ не доставало одного рода славы — преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ“. Онъ далъ Суворову самый высшій военный чинъ—генералиссимуса и приэтомъ еще сказалъ: „Это много для другихъ, а ему мало.“

Смерть Суворова. Переходъ черезъ Альпы былъ послѣднимъ подвигомъ Суворова. Императоръ Павелъ, недовольный своекорыстными и коварными дѣйствіями австрійцевъ, повелѣлъ своему генералиссимусу возвратиться въ Россію. А вслѣдъ затѣмъ кончилась и самая жизнь Суворова. Какъ будто жилъ онъ войною и для войны. Во все время похода онъ съ изумительною твердостію и терпѣніемъ переносилъ всѣ трудности и лишенія: то подъ проливнымъ дождемъ, то въ мятель и вьюгу бодро ѣхалъ онъ на казацкой лошади, въ обыкновенномъ плащѣ — и все сходило съ рукъ семидесяти-лѣтнему герою. Но едва кончилась война, едва простился онъ съ своими чудо-богатырями, какъ силы его начали слабѣть, хотя лишеній и трудностей уже не было никакихъ. Когда его привезли въ Петербургъ, то онъ походилъ скорѣе на тѣнь и постоянно впадалъ въ безпамятство. Но и въ предсмертномъ бреду ему грезились битвы, войска и онъ отдавалъ имъ приказанія. 6 Мая 1800 года великій русскій полководецъ, непобѣдимый на полѣ битвы, былъ сраженъ смертію. Еще при

жизни Суворова, послѣ перехода его черезъ Альпы, императоръ Павелъ повелѣлъ воздвигнуть ему памятникъ, но не успѣлъ. Онъ былъ поставленъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ и теперь стоитъ въ Петербургѣ на площади, которая по памятнику и называется Суворовскою. Прахъ же Суворова покоится въ Александроневской Лаврѣ. На простой каменной плитѣ надъ его могилою написано: „Здѣсь лежитъ Суворовъ.“ Но память о немъ будетъ жива до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять Русь. При одномъ имени его сильнѣе бьется русское сердце и горячѣе кипитъ русская кровь.

Вскорѣ послѣ смерти Суворова скончался и императоръ Павелъ I. На престолъ вступилъ (1801 г.) старшій сынъ его Александръ I.

Александръ I Благословенный.

Александръ I былъ любимый внукъ Екатерины Великой. Мудрая императрица прилагала особенныя заботы къ его воспитанію. Она сама выбирала для него воспитателей и наставниковъ, сама слѣдила за его уроками, сама давала совѣты, какъ воспитывать и учить его. Когда Александръ вступилъ на престолъ, ему не было еще и 25 лѣтъ. Но молодой императоръ съ самаго начала своего царствованія пріобрѣлъ необыкновенную привязанность народа. Высокій ростомъ, съ грустно-задумчивымъ лицомъ, на которомъ

по временамъ появлялась пріятная улыбка, онъ уже одною своею наружностію располагалъ къ себѣ всякаго. Необыкновенная же доброта души, ласковое и привѣтливое обращеніе заставляли привязываться къ нему всѣхъ окружающихъ его. При восшествіи на престолъ, Александръ I объявилъ, „что будетъ править народомъ по законамъ и по сердцу августѣйшей бабки своей, Екатерины Великой, да вознесетъ Россію на верхъ славы.“ И дѣйствительно царствованіе его, особенно сначала, представляетъ рядъ событій, служащихъ къ возвеличенію Россіи. Но самымъ замѣчательнымъ, событіемъ, поставившимъ Россію выше всѣхъ государствъ въ свѣтѣ, была отечественная война въ 1812 году.

Отечественная война.

Наполеонъ I. Сынъ бѣднаго дворянина съ острова Корсики, Наполеонъ Бонапартъ своими побѣдами и завоеваніями пріобрѣлъ такую славу, какою рѣдко кто пользовался съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ. Французы же просто обожали своего молодаго полководца-завоевателя. Пользуясь этимъ, Бонапартъ легко захватилъ въ свои руки власть и провозгласилъ себя императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона I. Но надѣвъ на себя корону, сдѣлавшись повелителемъ большой и богатой страны, Наполеонъ все еще не былъ доволенъ. Онъ по прежнему нападалъ на чужія земли, лишалъ престоловъ нѣкоторыхъ государей и на мѣсто ихъ дѣлалъ королями своихъ братьевъ; многія владѣнія отнялъ у законныхъ государей и присоединилъ къ Франціи. Скоро почти вся Западная Европа признала надъ собою власть гордаго завоевателя. Наполеонъ дошелъ наконецъ до того, что возмечталъ о покореніи всего свѣта. Разсказываютъ, что онъ приказалъ выбить медаль съ изображеніемъ Бога и съ надписью: „Тебѣ небо, мнѣ земля.“ Въ Европѣ только два сильныхъ государства не зависѣли отъ Наполеона — это Россія и Англія. Онъ рѣшился покорить сначала Россію. Но всѣ его мечты сокрушились о могущество русскаго народа.

Нашествіе французовъ. Наполеонъ собралъ до 600 тыс. войска изъ подвластныхъ ему народовъ и двинулъ его къ предѣламъ Россіи. Передъ вторженіемъ въ Россію онъ устроилъ въ Дрезденѣ съѣздъ властителей Западной Европы. Тутъ привѣтствовали его— императоръ австрійскій, король прусскій и разные германскіе

князья. Наполеонъ въ рѣчи своей хвасталъ передъ ними, что прежде шести мѣсяцевъ Москва и Петербургъ будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ непобѣдимыхъ побѣдителей. „Я иду въ Москву," говорилъ онъ, „и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ на колѣняхъ будетъ просить у меня мира." Въ іюнѣ 1812 г. огромная французская армія, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, перешла черезъ рѣку Нѣманъ, которая была границею Россіи на западѣ. „Солдаты! говорилъ въ манифестѣ надменный завоеватель; Россія увлекается неизбѣжнымъ рокомъ!" Увѣренность Наполеона въ успѣхѣ раздѣляли почти всѣ окружающіе его; офицеры и генералы добивались назначенія въ походъ на Россію, какъ особенной милости. „Мы идемъ въ Москву," говорили многіе, прощаясь съ своими знакомыми; „до скораго свиданія." Въ самомъ дѣлѣ, все, повидимому, предвѣщало французамъ несомнѣнный успѣхъ: громадность силъ, геній полководца, его счастье и непобѣдимость. Въ русскомъ народѣ имя Наполеона распространяло какой-то таинственный страхъ. Съ нимъ соединялось понятіе объ антихристѣ. Многіе были убѣждены, что насталъ конецъ Россіи, и въ кометѣ, являвшейся на небѣ въ 1811 г., суевѣрные видѣли предзнаменованіе гибели ея. Но общее мнѣніе было лучше погибнуть, нежели покориться ненавистному врагу. Когда французы вступили въ предѣлы Россіи, императоръ Александръ, какъ бы отвѣчая на это общее настроеніе народа, возвѣстилъ: „не положу оружія до тѣхъ поръ, пока ни одного непріятельскаго воина не останется въ моемъ царствѣ."

Переправившись черезъ Нѣманъ, Наполеонъ одинъ отрядъ войскъ отправилъ къ сѣверу съ цѣлію угрожать Петербургу, а самъ съ главными силами устремился на Москву.

Патріотизмъ русскаго народа. Императоръ Александръ могъ выставить противъ страшнаго врага своего не болѣе 200 т. войска. Но, съ перваго же шага непріятеля во внутрь Россіи, народъ самъ сталъ подниматься на защиту отечества: мирные поселяне превращались въ смѣлыхъ воиновъ; земледѣльческія орудія становились въ рукахъ ихъ грознымъ оружіемъ; не было ничего, чѣмъ бы народъ не готовъ былъ пожертвовать, лишь бы оно не досталось врагу; „пожалуйста, служивые, просили крестьяне солдатъ, скажите, когда придетъ пора зажигать наши дома." Государь издалъ манифестъ о народномъ ополченіи, въ которомъ говорилъ: „да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражда-

нинѣ—Минина... Соединитесь всѣ. Съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.“ Это воззваніе произвело въ народѣ взрывъ патріотическаго чувства. Когда, вскорѣ послѣ того, Александръ прибылъ изъ арміи въ Москву, восторженное чувство народа не знало предѣловъ. „Веди насъ, куда хочешь, кричали тысячи голосовъ; веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ. Возьми, Государь, все—и имущество, и жизнь нашу!“ Готовность каждаго жертвовать всѣмъ на защиту отечества была такъ велика, что правительство должно было ограничить пожертвованія только губерніями (16), ближайшими къ театру войны. Не смотря на то, въ короткое время составилось ополченіе болѣе нежели въ 300 т. человѣкъ и собрано было до 100 м. рублей.

Схватки съ французами. Главная русская армія, выставленная противъ французовъ, находилась подъ командою Барклая-де-Толли. Этотъ замѣчательный полководецъ рѣшился дѣйствовать противъ Наполеона также, какъ Петръ I противъ Карла XII. Избѣгая рѣшительной битвы съ врагомъ гораздо сильнѣйшимъ, онъ отступалъ во внутрь страны и на пути отступленія частными схватками затруднялъ и истощалъ его.

Замѣчательны схватки отдѣльныхъ отрядовъ подъ Витебскомъ. Поводъ къ нимъ былъ слѣдующій. Сначала русская армія, выставленная противъ Наполеона, была раздѣлена на двѣ части. Первою командовалъ Барклай, а второю князь Багратіонъ, сподвижникъ Суворова въ итальянскомъ походѣ. Но потомъ признано было необходимымъ соединиться имъ вмѣстѣ. Это соединеніе должно было послѣдовать подъ Витебскомъ. Чтобы выиграть время и дождаться здѣсь Багратіона, Барклай приказалъ графу Остерману съ небольшимъ отрядомъ задержать французовъ. Цѣлый день мужественный Остерманъ выдерживалъ напоръ сильнѣйшаго непріятеля. Когда ему донесли, что непріятель все болѣе и болѣе усиливается, между тѣмъ русскіе полки потерпѣли большой уронъ, и при этомъ спрашивали, что дѣлать,—онъ хладнокровно отвѣчалъ: „ничего не дѣлать; стоять и умирать.“ Съ такою же стойкостію послѣ него удерживали здѣсь непріятеля Коновницынъ и Паленъ. Хотя арміи и не успѣли соединиться подъ Витебскомъ, но причина этому была другая. Багратіонъ не могъ пробиться сквозь густыя массы французовъ и долженъ былъ, отражая ихъ, отступать къ Смоленску, гдѣ наконецъ и произошло соединеніе армій. Багратіонъ подчинился Барклаю.

Еще болѣе замѣчателенъ подвигъ Невѣровскаго подъ Краснымъ. Когда арміи соединились, рѣшено было идти на встрѣчу непріятелю, который отъ Витебска, повидимому, направился прямо къ Москвѣ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказалось, что Наполеонъ устремился къ Смоленску съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ имъ врасплохъ, зайти русской арміи въ тылъ и отрѣзать ее отъ Москвы. Хитрый манёвръ его едва не удался. Гарнизона въ Смоленскѣ почти не было, а армія наша находилась на болѣе далекомъ разстояніи отъ него, нежели французская. Но на пути къ Смоленску передовой отрядъ французской арміи встрѣтился съ незначительнымъ (ок. 7 т.) русскимъ отрядомъ, которымъ командовалъ Невѣровскій. Зная опасное положеніе главной арміи, Невѣровскій рѣшился во что бы то ни стало задержать непріятеля хоть на нѣсколько часовъ, дабы такимъ образомъ дать время занять войскамъ Смоленскъ. Построивъ свои полки въ густыя колонны, и воодушевивъ ихъ краткою, но сильною рѣчью, онъ встрѣтилъ враговъ съ мужествомъ героя, отразилъ первый натискъ и началъ отступать медленно, стройно, задерживая ихъ на каждомъ шагу. По свидѣтельству самихъ французовъ онъ отступалъ какъ левъ. Французы 40 разъ пускали въ атаку свою кавалерію и все напрасно. Невѣровскій отбился и далъ возможность отряду Раевскаго занять Смоленскъ.

Оборона Смоленска. При оборонѣ Смоленска покрыли себя славою Раевскій и Дохтуровъ. Надо замѣтить, что, по занятіи Смоленска, опасность для нашей арміи еще не миновала. Барклай, не имѣя точныхъ свѣдѣній о движеніи французской арміи къ Смоленску, находился съ главными силами далеко отсюда. Наполеонъ, до прибытія его могъ еще овладѣть городомъ и такимъ образомъ привести въ исполненіе свой искусный планъ. Нужно было опять выигрывать время. Извѣстивъ главнокомандующаго о настоящемъ положеніи дѣлъ, Раевскій съ небольшимъ (ок. 15 т.) отрядомъ своимъ рѣшился лучше погибнуть подъ развалинами Смоленска, нежели уступить его непріятелю. Въ теченіе цѣлаго дня онъ съ истинно геройскимъ мужествомъ отражалъ всѣ нападенія французовъ, которыхъ было здѣсь до 150 т., и такимъ образомъ далъ время главной арміи придти къ Смоленску.

Но нужно было для безопаснаго отступленія занять московскую дорогу. Съ этою цѣлію слѣдовало продержать Наполеона подъ Смоленскомъ еще нѣсколько времени. Тогда, по распоряженію главнокомандующаго, отрядъ Раевскаго былъ смѣненъ отря-

домъ Дохтурова. Этотъ неустрашимый герой еще цѣлый день оборонялъ Смоленскъ. Наполеонъ, раздраженный сопротивленіемъ, приказалъ штурмовать городъ и ввелъ въ дѣло значительную часть своей арміи. Бомбы градомъ посыпались въ городъ; во многихъ мѣстахъ загорѣлись дома; страхъ и отчаяніе распространились между смольнянами. Но войско стояло непоколебимо на ветхихъ стѣнахъ смоленскихъ и отбило всѣ приступы непріятеля. Главная армія между тѣмъ успѣла выбраться на московскую дорогу. Тогда, по приказанію Барклая, Дохтуровъ ночью вышелъ изъ Смоленска, въ которомъ не осталось и пятой части домовъ.

Послѣ многихъ кровопролитныхъ схватокъ съ отдѣльными отрядами русскаго войска, Наполеонъ увидѣлъ, что война въ Россіи не похожа на тѣ войны, которыя онъ привыкъ вести въ З. Европѣ. Оставляемые жителями города и деревни, добровольно сожигаемыя ими жилища, опустошенныя поля — ясно также свидѣтельствовали ему, что онъ зашелъ не въ такую страну, которую легко покорить. Подъ Смоленскомъ Наполеонъ впервые усомнился въ успѣхѣ своего предпріятія и черезъ одного плѣннаго генерала нашего рѣшился заговорить о мирѣ. Отвѣта ему не было.

Заслуга Барклая-де-Толли. Барклай-де-Толли неуклонно слѣдовалъ своему плану и продолжалъ отступать. Онъ давно задумалъ его. Еще лѣтъ за пять до этого, когда Наполеонъ безпощадно билъ австрійцевъ и пруссаковъ, онъ такъ высказался на этотъ счетъ: „Если бы мнѣ пришлось воевать съ Наполеономъ, то я избѣгалъ бы рѣшительнаго сраженія съ нимъ, а отступалъ бы до тѣхъ поръ, пока французы, вмѣсто рѣшительной битвы, нашли бы вторую Полтаву.“ Безпристрастное потомство вполнѣ оцѣнило заслугу Барклая, спасшаго своимъ отступленіемъ армію и Россію. Но современники разсуждали иначе. Съ самаго начала войны при дворѣ, въ войскѣ, въ народѣ господствовало общее желаніе рѣшительной битвы съ ненавистнымъ врагомъ. При такомъ всеобщемъ настроеніи, Барклай долженъ былъ хитрить. Нѣсколько разъ онъ останавливался въ виду непріятеля, дѣлалъ распоряженія къ битвѣ и, когда все было готово, вдругъ приказывалъ отступать. Никто не могъ постигнуть, куда ведетъ онъ храбрую русскую армію, жаждавшую боя, и для чего бережетъ ее. Въ народѣ и въ войскѣ стали даже подозрѣвать его въ измѣнѣ. Послѣ потери Смоленска, войска перестали привѣтствовать его обычнымъ „ура!“

Кутузовъ.

При такомъ положеніи дѣлъ Государь, внявъ голосу народа, ввѣрилъ главное начальство надъ арміею князю Михаилу Иларіоновичу Голенищеву-Кутузову. Приэтомъ онъ возвелъ его въ фельдмаршалы.

Кутузовъ сдѣлался извѣстенъ еще при Екатеринѣ II. Онъ обратилъ на себя вниманіе Румянцова въ битвахъ при Ларгѣ и Кагулѣ. При взятіи Измаила онъ отличился особенною храбростію и искусствомъ. Суворовъ въ донесеніи писалъ о немъ: „Кутузовъ шелъ у меня на лѣвой рукѣ, но былъ моею правою рукою“. Не разъ жизнь его находилась въ опасности; отъ одной раны онъ лишился даже глаза; въ другой разъ пуля пострѣлила ему шею; но судьба хранила героя. „Видно, говорилъ докторъ, Богъ бережетъ голову Кутузова на что нибудь необыкновенное, если онъ остался живъ послѣ двухъ такихъ опасныхъ ранъ“. Съ тактикою и искусствомъ Наполеона Кутузовъ знакомъ былъ на дѣлѣ. Въ 1805 году Россія помогала Австріи противъ Наполеона; русскими тогда командовалъ Кутузовъ. Когда Наполеонъ заставилъ австрійцевъ сдаться (при Ульмѣ) прежде нежели они успѣли

соединиться съ русскими, то Кутузовъ долженъ былъ отступать. Это отступленіе совершено было на пространствѣ 350 верстъ и сопровождалось такими хитрыми и искусными стратегическими движеніями, что Наполеонъ прозвалъ Кутузова старою лисицею. Кутузову было теперь 67 лѣтъ; но онъ былъ еще бодръ.

Новый главнокомандующій прибылъ въ армію въ то время, когда она находилась при Царевѣ-Займищѣ. Поздоровавшись съ солдатами, Кутузовъ какъ бы про себя сказалъ: „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!“ Въ войскахъ пошли толки, что Кутузовъ пріѣхалъ бить французовъ; разсказывали, что когда онъ объѣзжалъ лагерь, надъ головою его взвился огромный орелъ, предвѣстникъ побѣды. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали боя. Но на слѣдующій день отданъ былъ приказъ отступать. На этотъ разъ однакожъ отступали недолго.

Бородино 26 августа. На разстояніи около ста верстъ отъ Москвы, близъ села Бородина, на мѣстѣ, омываемомъ рр. Москвою и Колочею, Кутузовъ остановился. Здѣсь онъ рѣшился дать Наполеону битву, не смотря на то, что русскихъ было ок. 100 т., и французовъ болѣе 130 т. Битва назначена была на 26-е августа.

Весь день 25 августа прошелъ въ приготовленіяхъ къ битвѣ. Русскіе готовились къ ней, какъ къ Суду Божію. По полкамъ пронесенъ былъ образъ Смоленской Божіей Матери. Тысячи благочестивыхъ воиновъ падали передъ нею на колѣни и усердно молились. Многіе въ этотъ день отказывались отъ своей порціи водки. „Не къ тому готовимся, говорили они, не такой завтра день.“ Ночью въ русскомъ лагерѣ было тихо и спокойно; въ лагерѣ же французовъ раздавались пѣсни, хохотъ и шумныя восклицанія. Съ раннимъ утромъ 26 августа пробудился Наполеонъ и весело поѣхалъ обозрѣвать полки и мѣстность. Но, вообще, въ этотъ день онъ былъ неузнаваемъ: то молчаливъ и задумчивъ, то вспыльчивъ и говорливъ. Кутузовъ также съ ранней зари обозрѣвалъ мѣстность и хладнокровно разставлялъ войска. Когда арміи построились въ боевой порядокъ, имъ прочитаны были воззванія. Наполеонъ заканчивалъ свое воззваніе такими словами: „да скажутъ объ васъ—онъ былъ въ знаменитомъ сраженіи подъ Москвою.“ Въ краткомъ воззваніи Кутузова самое сильное впечатлѣніе на войска производили слова: „за нами Москва.“

При первыхъ лучахъ восходящаго солнца началась „великая битва.“ Она происходила на пространствѣ квадратной версты. Столкновеніе непріятелей было самое ожесточенное. Русскіе и

французы не уступали другъ другу въ храбрости и самоотверженіи. Враги бросали оружіе, вступали въ рукопашный бой, давили другъ друга въ объятіяхъ и вмѣстѣ падали мертвыми. Бывали минуты, когда залпы орудій сливались въ одинъ гулъ, подобный непрерывнымъ раскатамъ грома; отъ этихъ залповъ земля тряслась, небо помрачилось. Цѣлыя тысячи людей гибли въ нѣсколько мгновеній. Разсказываютъ, что одинъ французскій генералъ приказывалъ иногда своимъ солдатамъ ложиться, чтобы хоть сколько нибудь предохранить ихъ отъ губительнаго дѣйствія нашей артиллеріи. Какая сильная пальба происходила на Бородинскомъ полѣ, можно судить потому, что одни французы выпустили больше 60 тыс. выстрѣловъ и около полутора милліона пуль. Ночь прекратила этотъ ужасный бой. Болѣе 100 т. труповъ покрыли Бородинское поле. Французы назвали это сраженіе „битвою генераловъ," по множеству выбывшихъ изъ строя генераловъ. Русскіе лишились здѣсь, между прочимъ, Багратіона. На другой день Кутузовъ хотѣлъ возобновить битву. Но, по собраннымъ ночью свѣдѣніямъ, оказалось, что мы лишились около половины арміи. Хотя и французы потерпѣли неменьшій уронъ; однако ясно было, что продолжать битву нельзя. Кутузовъ отступилъ къ Москвѣ. Пользуясь этимъ, Наполеонъ провозгласилъ побѣду. Но онъ самъ впослѣдствіи говорилъ: „изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе пріобрѣли право назваться непобѣдимыми."

Совѣтъ въ Филяхъ. Въ виду Москвы Кутузовъ остановился съ намѣреніемъ, повидимому, дать другую рѣшительную битву для спасенія столицы. Но на Поклонной горѣ фельдмаршалъ, окруженный генералами, сѣлъ на скамейку и началъ толковать о невыгодахъ мѣстности, на которой приходилось сражаться. Вечеромъ (1 сент.) въ подмосковной деревнѣ Филяхъ, въ крестьянской избѣ, созванъ былъ военный совѣтъ, который долженъ былъ рѣшить участь Москвы. Главнокомандующій предложилъ на обсужденіе вопросъ: „ожидать ли непріятеля въ невыгодной позиціи, или уступить ему Москву?" Мнѣнія раздѣлились. Члены совѣта Барклай де Толли, Дохтуровъ, Остерманъ, Ермоловъ, Раевскій, Коновницынъ, и др. начали спорить. Кутузовъ прекратилъ споры, сказавъ: „съ потерею Москвы еще не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія. Приказываю отступать. Знаю, что вся отвѣтственность падетъ на меня, но жертвую собою для блага

отечества.“ По свидѣтельству очевидца, Кутузову дорого стоило рѣшиться на подобную жертву. Онъ не спалъ всю ночь и нѣсколько разъ плакалъ.

Оставленіе Москвы. По мѣрѣ приближенія непріятеля къ Москвѣ, многіе жители спѣшили выбраться изъ нея. Важнѣйшіе архивы, казенное имущество также были вывезены. Но, остававшіеся въ столицѣ граждане до послѣдней минуты были убѣждены, что Москва не будетъ уступлена безъ боя.

Еще за день до отступленія, губернаторъ Москвы, графъ Растопчинъ, въ своемъ воззваніи къ жителямъ столицы, говорилъ, что Москву будутъ защищать до послѣдней капли крови. Подлѣлываясь подъ простонародный языкъ, онъ убѣждалъ всѣхъ быть готовыми къ отраженію врага. „Когда до чего дойдетъ, говорилъ онъ, мнѣ надобно будетъ молодцевъ и городскихъ, и деревенскихъ. Я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо—я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжеле снопа аржанаго“.

Воодушевленные граждане ополчались поголовно; тысячами толпились они передъ арсеналомъ, гдѣ даромъ раздавалось оружіе, и бодро готовились сражаться съ французами. Но 2 сентября Москва опустѣла. Рано утромъ въ этотъ день армія наша снялась съ лагеря и потянулась по извилистымъ улицамъ Москвы. Солдаты сначала думали, что ихъ ведутъ въ обходъ на непріятеля. Но скоро дѣло разъяснилось. Они шли на рязанскую дорогу. Вслѣдъ за арміей и жители двинулись вонъ изъ города. Въ одинъ день Москва опустѣла, и на шумныхъ улицахъ ея воцарилась глубокая тишина.

Въѣздъ Наполеона въ Москву. Наполеонъ шелъ по слѣдамъ русской арміи. Когда онъ въѣхалъ на Поклонную гору и увидѣлъ разстилающуюся у ногъ его древнюю столицу русскаго царства, то воскликнулъ: „Наконецъ вотъ онъ—этотъ знаменитый городъ!.. Теперь война кончена...“ У Драгомиловской заставы Наполеонъ сошелъ съ коня и въ ожиданіи встрѣчи сталъ ходить взадъ и впередъ. Уже не въ первый разъ приходилось ему въѣзжать побѣдителемъ въ чужіе столичные города. Такъ онъ въѣзжалъ въ Вѣну, столицу Австріи, въ Берлинъ, столицу Пруссіи и др. Тамъ встрѣчали его съ торжествомъ, съ мольбами о пощадѣ. Здѣсь же никто не выходилъ къ нему на встрѣчу. Онъ терялъ терпѣніе, хмурился, глядѣлъ по сторонамъ, снималъ и надѣвалъ перчатки, мялъ въ рукахъ носовой платокъ. Наконецъ, когда ему доне-

сли, что Москва пуста, онъ не хотѣлъ вѣрить и требовалъ депутаціи. Ему привели нѣсколькихъ иностранцевъ, которые подтвердили, что Москва оставлена жителями.

Пожаръ Москвы. Едва Наполеонъ вступилъ въ Москву, какъ начались пожары. Сначала французы думали, что они происходятъ отъ неосторожности; но скоро убѣдились, что городъ жгутъ сами русскіе. На другой день Москва была объята пламенемъ со всѣхъ сторонъ. Никакія усилія французовъ не въ состояніи были остановить пожара. Внезапно поднялся сильный вѣтеръ и пламя, подобно бурному потоку, стремилось изъ одной улицы въ другую Наполеонъ помѣстился было въ Кремлѣ; пожаръ заставилъ его на время выбраться отсюда въ Петровскій дворецъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжался пожаръ и Москва превратилась въ груды пепла и развалинъ. Болѣе двухъ третей зданій ея были поглощены пламенемъ. Кремль однако уцѣлѣлъ.

Народная война. Вѣсть о потерѣ Москвы наполнила сердца русскихъ местію къ врагамъ. Императоръ Александръ первый постановилъ для себя священною обязанностію—отмстить за оскорбленное отечество. „Не положу оружія, говорилъ онъ, доколѣ не отомщу.“ Миръ для Наполеона теперь былъ невозможенъ болѣе нежели когда нибудь. Александръ, въ отвѣтъ на донесеніе о занятіи Москвы, сказалъ: „если у меня не останется ни одного воина, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, и самъ буду предводительствовать ими. Истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу постыдныя условія! Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ...“ Слова царя находили самый живой отголосокъ въ народѣ. Со времени потери Москвы началась въ полномъ разгарѣ народная война. Народонаселеніе мѣстностей, объятыхъ пламенемъ войны, ополчалось поголовно; даже дряхлые старики и слабые отроки вооружались на защиту отечества; нерѣдко и женщины выходили на поиски за непріятелемъ. Россія превратилась въ огромный военный станъ. Французскіе отряды, отправляемые за фуражомъ, не могли быть безопасными на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ своихъ лагерей. Ожесточеніе народа противъ французовъ было тѣмъ сильнѣе, что послѣдніе оскорбляли религіозныя чувства его: ругались надъ иконами, превращали церкви въ магазины, казармы и т. п.

Въ одно время съ народною войной началась такъ называемая партизанская война. Изъ среды офицеровъ нашлись

отважные люди, которые, командуя небольшими партіями, налетали на непріятеля всякій разъ, какъ только видѣли возможность нанести ему вредъ. Партизаны заперли французовъ въ обгорѣлой Москвѣ и навели на нихъ такой страхъ, что они не иначе отправлялись за добываніемъ фуража и съѣстныхъ припасовъ, какъ подъ прикрытіемъ значительныхъ отрядовъ. Изъ вождей партизанскихъ особенно прославились: Давыдовъ, Фигнеръ и др. Сверхъ того, на защиту вѣры и отечества поднялись донскіе казаки. По призыву атамана Платова тамъ вооружились старъ и младъ, и явились на мѣсто военныхъ дѣйствій. Донцы также не давали покоя французамъ.

Отступленіе французовъ. Во время пребыванія въ Москвѣ, армія Наполеона весьма ослабѣла и разстроилась. Пожаръ Москвы, ожесточеніе народа, летучіе отряды партизановъ, почти совсѣмъ лишили ее средствъ продовольствія. Французы питались чѣмъ попало и гибли отъ болѣзней. Въ войскѣ французскомъ даже дисциплина совершенно ослабѣла.

Между тѣмъ, русская армія съ каждымъ днемъ усиливалась. Кутузовъ повернулъ съ рязанской дороги на старую калужскую и расположился лагеремъ при Тарутинѣ. Этимъ искуснымъ движеніемъ онъ заслонилъ отъ непріятеля южныя хлѣбородныя губерніи и поставилъ свою армію въ весьма выгодное положеніе. Получая съ разныхъ сторонъ подкрѣпленія и съѣстные припасы, онъ могъ въ то же время дѣйствовать во флангъ непріятелю.

Наполеонъ, занимая Москву, надѣялся склонить Александра къ миру. Но тщетно заговаривалъ онъ о примиреніи. Отвѣта не было. Тщетно грозилъ онъ идти на Петербургъ. Угрозы не дѣйствовали. Прождавъ нѣсколько недѣль, онъ, наконецъ, отправилъ къ Кутузову одного генерала съ формальнымъ предложеніемъ мира. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что онъ уполномоченъ только вести войну, что ему запрещено даже произносить слово „миръ“. Впрочемъ, надѣясь задержать еще нѣсколько времени Наполеона въ Москвѣ, онъ обѣщалъ довести о предложеніи мира до свѣдѣнія Государя.

Но, вмѣсто отвѣта о мирныхъ переговорахъ, Наполеонъ получилъ неожиданную вѣсть: часть русской арміи, недалеко отъ тарутинскаго лагеря, напала на передній отрядъ арміи французской, разбила его и захватила много пушекъ. Переходъ русской арміи отъ оборонительнаго образа дѣйствій къ наступательному сильно встревожилъ Наполеона. Онъ немедленно (6 окт.) распо-

рядился о выступленіи изъ Москвы. Въ безсильной злобѣ на русскихъ, Наполеонъ, оставляя Москву, приказалъ взорвать Кремль и сжечь, уцѣлѣвшія отъ пожара, хорошія зданія, за исключеніемъ воспитательнаго дома. Варварское повелѣніе его было исполнено. Ночью запылалъ кремлевскій арсеналъ и другія зданія. Послѣдовалъ страшный взрывъ; за нимъ еще шесть. Часть кремлевскихъ стѣнъ взлетѣла на воздухъ; загорѣлся дворецъ; но соборы уцѣлѣли. По удаленіи французовъ, казаки тотчасъ же заняли пепелище Москвы. Кутузовъ, получивъ извѣстіе объ этомъ, отъ радости заплакалъ и, обратясь къ образу, сказалъ: „Боже! наконецъ Ты внялъ молитвамъ нашимъ. Съ этой минуты Россія спасена.“

Началось знаменитое отступленіе великой арміи. Наполеонъ надѣялся пробраться на Калугу и отступать мѣстами еще не разоренными войною. Но подъ Малоярославцемъ онъ встрѣтился съ русскими войсками. Завязался кровопролитный бой. Нѣсколько разъ Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Встрѣтивъ упорное сопротивленіе, Наполеонъ долженъ былъ возвращаться по опустошенной смоленской дорогѣ. Рядомъ съ нимъ шла и русская армія. „Потушимъ кровію непріятельскою пожаръ Москвы,“ говорилъ Кутузовъ, преслѣдуя французовъ. И дѣйствительно, онъ оцѣпилъ непріятельскую армію съ боковъ и съ тыла, и постоянно безпокоилъ ее: разбивалъ отряды, отрѣзывалъ обозы, отбивалъ орудія. Армія Наполеона растянулась на пространствѣ болѣе 50 верстъ. Подъ Вязьмою Милорадовичъ напалъ на одинъ отрядъ ея и нанесъ ему жестокое пораженіе. При Красномъ нанесенъ былъ Наполеону еще болѣе тяжелый ударъ. Вообще, въ окрестностяхъ Смоленска было столько истреблено враговъ, что отъ великой арміи Наполеона остались одни жалкіе призраки. За это Кутузовъ и получилъ прозваніе Смоленскаго. Къ бѣдствіямъ, испытываемымъ французскою арміею отъ преслѣдованій русскихъ, присоединились бѣдствія другаго рода. Зима 1812 г. наступила рано и отличалась особенною суровостію. Въ первыхъ числахъ ноября, когда французовъ тысячами истребляли подъ Краснымъ, стужа доходила до 20^0 и болѣе. Обитатели полуденной Европы, непривыкшіе къ русскимъ морозамъ, притомъ, томимые голодомъ и не имѣющіе теплой одежды, гибли отъ нихъ въ большомъ количествѣ. По утру, при выступленіи съ ночлеговъ, мѣста расположенія французской арміи обозначались трупами, подобно полю сраженія.

Березинская переправа. На р. Березинѣ арміи Наполеона го-

товилась окончательная гибель. Здѣсь, по плану самаго Императора Александра, должны были соединиться три отряда нашихъ войскъ, надъ которыми адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ принять начальство и преградить Наполеону путь къ отступленію. Дѣйствительно, Чичаговъ во время прибылъ на Березину. Французамъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ русскими войсками, грозила здѣсь неминуемая гибель. Самъ Наполеонъ страшно боялся попасться въ плѣнъ къ намъ. Къ довершенію бѣдственнаго положенія французовъ, на Березинѣ, вслѣдствіе оттепели, тронулся ледъ и переправа черезъ нее сдѣлалась почти невозможною. Но хитрый Наполеонъ успѣлъ обмануть Чичагова; ложнымъ движеніемъ онъ отвлекъ его отъ бродовъ, навелъ мосты и переправилъ свою армію. При всемъ томъ, армія его понесла здѣсь большія потери. Березина была, въ полномъ смыслѣ слова, запружена трупами, орудіями, повозками и т. п. По показанію очевидцевъ, у непріятеля, послѣ березинской переправы, оставалось не болѣе 10 т. войска, способнаго носить оружіе; прочіе представляли нестройную толпу въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: въ дамскихъ капотахъ, въ одѣялахъ, рогожахъ и т. п. Морозы, достигшіе послѣ березинской переправы свыше 25°, довершили бѣдственное положеніе нашихъ враговъ. Они гибли тысячами и трупами своими устилали дорогу отъ Березины до Вильны. Въ концѣ ноября (23) Наполеонъ, недалеко отъ Вильны, бросилъ жалкіе остатки своей великой арміи и ускакалъ въ Парижъ.

По изгнаніи французовъ, Россія торжествовала 25 декабря, въ день Рождества Христова, свое избавленіе „отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ.“ Въ память этого избавленія, въ Москвѣ заложенъ храмъ Спасителя и теперь достроивается. Кутузову же и Барклаю-де-Толли поставлены памятники въ Петербургѣ противъ Казанскаго Собора.

Низверженіе Наполеона съ престола. Изгнавъ французовъ изъ Россіи, Александръ рѣшился освободить и Европу отъ господства Наполеона. Поэтому онъ приказалъ Кутузову немедленно перейти съ войскомъ за границу, не смотря на зимнее время года. Мало того, Александръ самъ прибылъ въ армію и оставался при ней до низложенія Наполеона.

Переходя на почву нѣмецкую, Александръ былъ увѣренъ, что угнетенная Германія возстанетъ за свою независимость и соединится съ нимъ противъ своихъ притѣснителей. Но страхъ къ Наполеону былъ такъ великъ, что на первое время только одинъ

король прусскій присоединилъ свои войска къ русскимъ. Между тѣмъ Наполеонъ съ непостижимою быстротою успѣлъ вооружить новую огромную (до 300 тыс.) армію и, явившись въ Германію, началъ разбивать войска союзниковъ. Къ тому же, въ это время умеръ престарѣлый князь Кутузовъ-Смоленскій, на котораго возлагались большія надежды. Перевѣсъ борьбы склонился на сторону союзниковъ только тогда, когда къ нимъ присоединились: Австрія, Англія и Швеція. Послѣдовалъ рядъ битвъ, въ которыхъ союзники большею частію одерживали верхъ. Подъ Лейпцигомъ Наполеонъ проигралъ большую битву, которая продолжалась три дня и въ которой онъ потерялъ до половины своей арміи. Послѣ того онъ бѣжалъ во Францію набирать новое войско. Германія же была освобождена отъ ига французскаго. Союзники предложили Наполеону миръ съ условіемъ, чтобы онъ довольствовался одною Франціею съ границами до Рейна. Но онъ отвергъ эти предложенія. Тогда союзники послѣдовали за нимъ во Францію. Весною 1814 г. они подступили къ столицѣ Франціи. „Здравствуй, батюшка Парижъ!“ говорили русскіе солдаты. „Какъ-то расплатишься ты за матушку Москву.“

Когда союзники подступили къ Парижу, вся защита его состояла въ двухъ незначительныхъ отрядахъ. Но, окружавшія съ востока и сѣвера, высоты служили ему довольно крѣпкимъ оплотомъ. Утромъ 18-го марта, союзныя войска, въ числѣ которыхъ большинство было русскихъ, пошли на приступъ. Александръ потребовалъ сначала добровольной сдачи. Не смотря на очевидную невозможность отстоять Парижъ, французы однакожъ, отказались, вступить въ переговоры. Тогда предоставлено было рѣшить дѣло оружію. Французы сражались съ обычнымъ мужествомъ. Но къ вечеру они были сбиты на всѣхъ пунктахъ; на Парижъ наведено было болѣе сотни русскихъ пушекъ. Одно слово Александра—и Парижъ могъ бы быть превращенъ въ груду развалинъ. Но Русскій Императоръ мстилъ Наполеону, притѣснителю царствъ и народовъ, а не Франціи. На другой день Александръ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ торжественно въѣхалъ въ Парижъ и даровалъ Франціи миръ.

При вступленіи въ Парижъ Александръ объявилъ, что онъ не намѣренъ вступать въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ либо изъ членовъ его фамиліи. Тогда французскій сенатъ объявилъ (2 апр.) Наполеона и его семейство лишенными престола. Когда Наполеону предъявлено было рѣшеніе сената, у

него было еще значительное войско (до 40 тыс.) и онъ хотѣлъ сопротивляться. Но уже самые близкіе къ нему люди отказались служить ему. Тогда Наполеонъ вынужденъ былъ отречься отъ престола. Какая страшная борьба происходила въ это время въ униженномъ завоевателѣ, видно изъ того, что онъ хотѣлъ даже отравиться, но ядъ не подѣйствовалъ. Наполеонъ получилъ во владѣніе островъ Эльбу у береговъ Италіи, куда и отправленъ былъ подъ конвоемъ. На французскій престолъ возведенъ былъ Людовикъ XVIII Бурбонъ, братъ короля, казненнаго во время революціи.

Но вскорѣ Наполеонъ узналъ, что французы недовольны новымъ королемъ. Онъ оставилъ тайно (26 февр. 1815) островъ Эльбу и высадился въ южной Франціи съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ большею частію изъ поляковъ. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ нему старые его солдаты. Высланный противъ него отрядъ королевскаго войска также передался на его сторону. Желая собраться съ силами, Наполеонъ объявилъ, что будетъ жить въ мирѣ со всѣми и подчинится всѣмъ условіямъ мирнаго договора. Но государи европейскіе, въ отвѣтъ на это, издали декларацію, въ которой называли его нарушителемъ всеобщаго спокойствія, лишеннымъ покровительства законовъ. Тщетно Наполеонъ старался привлечь на свою сторону Александра, который былъ главнымъ его противникомъ. Русскій императоръ остался твердъ въ намѣреніи низложить его. Немедленно выставлено было противъ Наполеона огромное войско. Одна Россія отправила болѣе 200 т. Но прежде нежели русскія войска прибыли на мѣсто дѣйствій, Наполеонъ уже проигралъ рѣшительную битву съ англичанами и пруссаками при Ватерлоо (1815). Послѣ того онъ принужденъ былъ вторично отречься отъ престола. Онъ думалъ отправиться въ Америку, но захваченъ былъ англичанами и заточенъ на островъ Св. Елены, гдѣ и умеръ въ 1821 г.

Вѣнскій конгрессъ 1815 г. Никогда вліяніе Россіи на дѣла Европы не было такъ велико, какъ послѣ низверженія Наполеона. Многіе опасались даже, чтобы Александръ I, спасшій Европу отъ гордаго и властолюбиваго завоевателя, не замѣнилъ его собою. Но миролюбивый русскій императоръ думалъ единственно о водвореніи спокойствія въ Европѣ и о благоденствіи народовъ. По низложеніи Наполеона, государи европейскіе собрались въ Вѣну, чтобы устроить дѣла въ Европѣ. На этомъ конгрессѣ или собраніи должна была рѣшиться судьба многихъ европейскихъ

государствъ и здѣсь императоръ Александръ занималъ первое мѣсто. Благодаря главнымъ образомъ его великодушію, всѣ вопросы на этомъ конгрессѣ были порѣшены мирно и всѣ народы были удовлетворены въ своихъ желаніяхъ. Поэтому справедливо тогда называли Александра I освободителемъ народовъ. Россія при этомъ въ вознагражденіе за огромныя пожертвованія на защиту Европы, получила значительную часть Польши подъ именемъ Царства Польскаго. Кромѣ того еще ранѣе этого Россія пріобрѣла отъ Швеціи, послѣ войны съ нею (1805 г.), Финляндію до р. Торнео и отъ Турціи (1812) Бессарабію.

Императоръ Александръ, по низверженіи Наполеона, вездѣ былъ прославляемъ какъ освободитель Европы. Когда же онъ возвратился въ отечество, то здѣсь встрѣченъ былъ всеобщимъ восторгомъ. Синодъ, сенатъ и государственный совѣтъ просили его принять титулъ „Благословеннаго.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ еще при жизни предполагалось поставить ему памятникъ въ Петербургѣ. Съ христіанскимъ смиреніемъ государь отказался отъ предложенныхъ ему почестей. Но среди величія власти и упоенія славою Александръ не находилъ въ душѣ своей полнаго спокойствія и счастія. Не смотря на всѣ его заботы о мирѣ въ Европѣ, то тамъ, то сямъ происходили безпорядки и возстанія, которыя нужно было подавлять силою оружія. Кромѣ того великодушному императору часто приходилось испытывать одну неблагодарность за всѣ его благодѣянія и пожертвованія. Все это сильно дѣйствовало на его впечатлительную, благородную душу и утомляло его. Уже со времени отечественной войны въ немъ замѣтна была особенная задумчивость и грусть. Ходили даже слухи, что онъ хочетъ отказаться отъ престола. Наконецъ страшное наводненіе, постигшее Петербургъ въ ноябрѣ 1824 г., сильно также подѣйствовало на здоровье Александра. Осенью 1825 г. онъ отправился на югъ Россіи и во время этого путешествія простудился и скончался (19 ноября) въ Таганрогѣ. Вскорѣ въ честь его воздвигнутъ былъ памятникъ противъ зимняго дворца. Исторія же оставила за нимъ титулъ „Благословеннаго.“

XIV. Главныя событія послѣдняго времени.

Императоръ Николай I.

По смерти Александра I вступилъ на престолъ братъ его Николай Павловичъ. Онъ посвящалъ всѣ часы своей жизни трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ. Въ его царствованіе, подобно тому, какъ и при прежнемъ государѣ, открыто было много новыхъ школъ и разныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ дѣти всѣхъ сословій могли получать образованіе. При немъ обращено было также особенное вниманіе на улучшеніе финансовъ, на развитіе торговли, промышленности и тому подобное.

Изданіе свода законовъ. Но самымъ важнымъ изъ внутреннихъ дѣлъ было изданіе „Свода законовъ.“ Всѣ почти государи, начиная съ Петра I, хлопотали объ этомъ, потому что законовъ было много и трудно было рѣшать дѣла, пока они не были собраны вмѣстѣ и расположены въ порядкѣ. Но это великое дѣло удалось совершить только при Николаѣ Павловичѣ. Государь возложилъ исполненіе его на Сперанскаго. Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ весьма способный, образованный и трудолюбивый человѣкъ.

По происхожденію онъ былъ сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, учился сначала въ губернской семинаріи, потомъ въ Петербургѣ въ главной семинаріи, гдѣ приготовлялись учителя для духовныхъ училищъ. По окончаніи курса въ этой семинаріи, Сперанскій былъ оставленъ при ней профессоромъ; но вскорѣ поступилъ на службу въ сенатъ. Здѣсь въ короткое время онъ пріобрѣлъ извѣстность дѣловаго чиновника, началъ возвышаться и наконецъ сдѣлался извѣстенъ Александру Павловичу. Просвѣщенный государь замѣтивъ въ немъ способности и обширное образованіе, приблизилъ его къ себѣ. Сперанскій сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Александра I во всѣхъ почти дѣлахъ. И много было сдѣлано хорошаго въ это время. Но у Сперанскаго было много враговъ и завистниковъ, которые успѣли оклеветать его передъ государемъ. Передъ самымъ нашествіемъ Наполеона на Россію, онъ внезапно былъ удаленъ изъ Петербурга. Черезъ девять лѣтъ Сперанскій былъ возвращенъ, но уже не имѣлъ прежняго значенія. Теперь онъ былъ членомъ государственнаго совѣта. Исполняя порученіе Николая I, Сперанскій съ жаромъ принялся за составленіе „Свода законовъ“ и чрезъ нѣсколько лѣтъ успѣшно окончилъ (1833 г.) это трудное дѣло. На основаніи этого свода законовъ большая часть дѣлъ рѣшается и теперь. Высоко цѣня заслуги Сперанскаго, Николай I сдѣлалъ его графомъ.

Паскевичъ-Эриванскій. Но особенно императоръ Николай I заботился о поддержаніи величія Россіи и вліянія ея на дѣла Европы. Съ этою цѣлію онъ велъ войны, которыя еще болѣе возвысили славу русскаго оружія, освободившаго Европу отъ господства Наполеона.

Едва только Николай I вступилъ на престолъ, какъ долженъ былъ вести войну съ Персіею. Еще при Павлѣ I Грузія, зависѣвшая отъ Персіи, присоединилась къ Россіи. При Александрѣ I персидскій шахъ силою оружія принужденъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній на Грузію и другія мелкія закавказскія владѣнія. Но теперь онъ снова и совершенно неожиданно напалъ на эти земли и хотѣлъ отнять ихъ у насъ. Николай послалъ туда генерала Паскевича, который успѣшно покончилъ дѣло. Онъ разбилъ персидское войско, взялъ крѣпость Эривань, считавшуюся оплотомъ Персіи и двинулся къ столицѣ ея Тегерану. Устрашенный шахъ поспѣшилъ заключить миръ, по которому кромѣ, уплаты большой контрибуціи, уступилъ намъ ханства Эриванское и

Нахичеванское. Паскевичъ за подвиги въ этой войнѣ былъ возведенъ въ графское достоинство съ прозваніемъ Эриванскаго.

Турецкая война. Во время войны съ Персіею открылась также война съ Турціею. Турки страшно угнетали подвластныхъ имъ христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, грековъ и славянъ. Русскіе государи часто ходатайствовали за нихъ передъ султанами. Но это мало помогало. Угнетенія и преслѣдованія продолжались. Наконецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія противъ турокъ возстали сербы. Долго они боролись съ своими притѣснителями, и благодаря поддержкѣ со стороны Россіи, успѣли пріобрѣсть нѣкоторую долю свободы и независимости. Но все это было непрочно.

Въ концѣ царствованія Александра I противъ турокъ возстали (1821 г.) также греки. Султанъ турецкій думалъ подавить это возстаніе варварскими мѣрами. Турки безпощадно истребляли грековъ и вообще христіанъ, совершенно ни въ чемъ неповинныхъ. Въ Константинополѣ и въ разныхъ другихъ городахъ ежедневно совершались самыя кровавыя сцены. Казалось все христіанское населеніе Турціи было обречено на гибель. Самъ патріархъ константинопольскій былъ схваченъ турками въ церкви, въ день Св. Пасхи, и послѣ жестокихъ истязаній былъ распятъ вмѣстѣ со многими другими высшими духовными лицами. Такъ продолжалось до кончины Александра I. Когда вступилъ на престолъ Николай I, геройская борьба грековъ побудила его принять участіе въ судьбѣ Греціи. Съ нимъ соединились Англія и Франція. Союзники потребовали отъ султана, чтобы онъ прекратилъ варварскую войну въ злосчастной Греціи. Но султанъ и слышать не хотѣлъ ни о чемъ. Тогда рѣшено было прекратить борьбу турокъ съ греками силою оружія. Союзный флотъ Россіи, Англіи и Франціи напалъ на турецкій флотъ стоявшій въ Наваринской гавани у южныхъ береговъ Греціи. Не смотря на численное превосходство, турецкій флотъ въ теченіе 4-хъ часовъ былъ истребленъ въ конецъ. Это однакожъ не образумило султана. Считая главною виновницею всѣхъ бѣдствій Турціи Россію, онъ вступилъ съ нею въ борьбу. Но гдѣ же было Турціи тягаться съ Россіею. Русскія войска на всѣхъ пунктахъ разбивали турокъ и забирали у нихъ крѣпости и города. Въ армію прибылъ самъ государь и лично распоряжался переправою ея черезъ Дунай. Во время осады нѣкоторыхъ крѣпостей онъ даже подвергалъ жизнь свою опасности. Воодушевляемые присутствіемъ императора, солдаты сражались съ турками еще съ бо́льшимъ самоотверженіемъ. Наконецъ русскія войска подъ пред-

водительствомъ Дибича перешли черезъ Балканскія горы, взяли Адріанополь, вторую столицу турецкой имперіи и уже приближались къ самому Константинополю. Тогда султанъ, опасаясь за самое существованіе Турціи, сталъ молить о пощадѣ. Въ 1829 г. въ Адріанополѣ и былъ заключенъ миръ, по которому Россія пріобрѣла нѣкоторыя владѣнія на восточномъ берегу Чернаго моря. Кромѣ того по этому же миру греки получили свободу, равно также и сербамъ предоставлено было полное внутреннее самоуправленіе. Такимъ образомъ благодаря Россіи, въ царствованіе Николая I образовалось независимое греческое государство и упрочено независимое существованіе Сербскаго княжества.

Говоря о подвигахъ русскаго оружія въ царствованіе Николая I, нельзя не упомянуть о Венгерскомъ походѣ. Венгерцы, подданные австрійскаго императора, 1848 г. возстали съ цѣлію отдѣлиться отъ Австріи и образовать отдѣльное королевство. Они вооружили огромную армію (до 200,000) и вступили въ борьбу съ Австріею. Императоръ австрійскій, не могши справиться съ ними, обратился съ просьбою о помощи къ нашему государю. Николай I отправилъ противъ венгерцевъ большую армію и черезъ два мѣсяца они были усмирены. Австрія была спасена.

Крымская война.

Побѣда при Синопѣ. Могущество Россіи сильно безпокоило западныя европейскія державы и особенно Францію. Въ 1852 г. императоромъ французовъ сдѣлался Наполеонъ III, племянникъ Наполеона I. Онъ изъ всѣхъ силъ сталъ хлопотать, какъ бы ослабить Россію, или по крайней мѣрѣ нанести ей вредъ. Въ этомъ ему усердно стала помогать Англія. Вдвоемъ они начали убѣждать Турцію, чтобы она напала на Россію. Въ случаѣ неудачи они обѣщали помочь ей. Тогда турецкій султанъ, чтобы вызвать Россію на войну, сталъ тѣснить и преслѣдовать у себя православныхъ христіанъ, которымъ издавна покровительствовали русскіе государи. Такъ, напримѣръ, вдругъ безъ всякой причины у православнаго патріарха въ Іерусалимѣ отняты были ключи отъ главныхъ дверей Виѳлеемской церкви и переданы католическому духовенству. Императоръ Николай потребовалъ, чтобы права православныхъ христіанъ въ Іерусалимѣ и вообще въ Турецкой имперіи, утвержденныя прежними договорами, не были нарушаемы. Но султанъ, надѣясь на Францію и Англію, отказалъ справедливому требованію русскаго госу-

даря. Такъ началась осенью 1853 г. крымская война. Она ведена была въ Европѣ и въ Азіи.

Турки первые начали военныя дѣйствія; но, по прежнему, они вездѣ были разбиваемы русскими войсками. Особенно же замѣчательна была побѣда надъ ними на Черномъ морѣ при г. Синопѣ. Русскимъ флотомъ командовалъ храбрый и опытный адмиралъ Нахимовъ. Въ ноябрѣ 1853 г. онъ отыскалъ турецкій флотъ, стоявшій у Синопа, подъ защитою береговыхъ укрѣпленій. Не смотря на то, что турецкихъ кораблей было гораздо больше, чѣмъ нашихъ, Нахимовъ немедленно бросился на непріятеля. Менѣе чѣмъ въ полтора часа турецкій флотъ былъ истребленъ весь. Самъ начальникъ его, тяжело раненый, попался къ намъ въ плѣнъ. Изъ всѣхъ кораблей спасся только одинъ, который и принесъ въ Константинополь страшную вѣсть о гибели флота.

Нападеніе на Россію Франціи и Англіи. Синопская побѣда сильно встревожила Францію и Англію. Они поспѣшили явиться на помощь слабой Турціи. Сильный флотъ ихъ прибылъ въ Черное море и началъ безпокоить прибрежные наши города. Такъ, напримѣръ, союзники подошли къ Одессѣ и начали бомбардировать ее, но встрѣтивъ упорное сопротивленіе, отступили.

Императоръ Николай I, вынужденный вступить въ трудную борьбу, старался склонить на свою сторону Пруссію и Австрію, которыя много были обязаны Россіи. Но обѣ эти державы отказали въ помощи. Между тѣмъ враги наши скоро пріобрѣли себѣ новаго союзника. Это былъ сардинскій или теперь итальянскій король. Такимъ образомъ Россія должна была бороться съ половиною Европы одна, безъ союзниковъ. Трудность борьбы увеличивалась еще и оттого, что мы должны были готовы быть къ ней на разныхъ пунктахъ обширнаго нашего отечества. И дѣйствительно, союзники открыли военныя дѣйствія противъ насъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ и даже у береговъ Камчатки. Хотя они вездѣ почти были отражены, но это развлекало наши силы; мы не могли сосредоточить ихъ въ достаточномъ числѣ на одномъ мѣстѣ. Англійскій флотъ появлялся даже въ виду Кронштадта, однако убѣдился, что эта крѣпость неприступна.

Оборона Севастополя. Но главнымъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій сдѣлался Крымъ. Союзники высадили сюда большое войско и направились къ крѣпости Севастополю, съ цѣлію взять ее и уничтожить русскій черноморскій флотъ. Главнокомандующій крымскою арміею князь Меньшиковъ, узнавъ о высадкѣ непріятеля,

хотѣлъ задержать движеніе его къ Севастополю; но такъ какъ у него было вдвое менѣе войска, нежели у союзниковъ, то и не могъ этого сдѣлать. Враги подступили къ Севастополю. Крѣпость эта хорошо укрѣплена была только съ моря; со стороны же твердой земли она не была даже окопана. Но передъ глазами непріятеля стали выростать укрѣпленія, которыя приводили его въ изумленіе. Здѣсь кипѣла работа и днемъ и ночью. Не только войска работали безъ устали, но и городскіе жители—мужчины копали рвы, долбили каменный грунтъ, женщины и дѣти носили землю. Появилась даже батарея, которая насыпана была однѣми женщинами; она существовала до конца осады подъ названіемъ дѣвичьей. Всѣми работами по устройству укрѣпленій распоряжался искусный инженеръ Тотлебенъ, который пріобрѣлъ этимъ славу себѣ. Благодаря такому одушевленію и усердію, Севастополь съ невѣроятною быстротою огражденъ былъ и съ суши рядомъ укрѣпленій, которыя тянулись на цѣлыя семь верстъ. Чтобы взять ихъ, союзники съ своей стороны также стали строить батареи, насыпать валы, копать рвы. Такъ началась осада Севастополя, безпримѣрная въ исторіи. Съ обѣихъ сторонъ заревѣли пушки, полетѣли чугунныя ядра, бомбы, гранаты. Ежедневно тысячи снарядовъ нашихъ и непріятельскихъ бороздили воздухъ съ ранняго утра до поздней ночи. Въ нѣкоторые же дни союзники принимались бомбардировать крѣпость и съ суши, и съ моря. Тогда они пускали на Севастополь сотни тысячъ выстрѣловъ; ядра, какъ резиновые мячики прыгали по улицамъ городскимъ; сотрясеніе въ воздухѣ отъ ихъ полета и отъ разрыва бомбъ колыхало зданія; во всѣхъ домахъ ходуномъ ходили оконныя рамы; стекла разбивались въ дребезги; внутри домовъ осыпались карнизы, отваливалась штукатурка. Но неустрашимые защитники Севастополя стояли какъ живая стѣна; они кипѣли мужествомъ и отвагой и каждый положилъ стоять, пока хоть искра жизни останется въ тѣлѣ; раненыхъ, которые хоть мало-мальски могли участвовать въ защитѣ, трудно было удерживать въ больницѣ. Севастопольцы какъ будто бы не знали, что такое опасность. Они были совершенно спокойны въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ не проходило минуты, чтобы не взвизнула пуля, не пролетѣло ядро, не разорвалась бомба. Подъ градомъ бомбъ и ядеръ они работали, стрѣляли, исправляли поврежденія какъ будто бы вокругъ нихъ ничего особенно не происходило; между тѣтъ смотришь одного разорвало пополамъ, другому снесло голову, треть-

ему оторвало руку или ногу, а иного совсѣмъ разорвало на части. И такіе ужасы испытывали севастопольцы въ теченіе одинадцати мѣсяцевъ. Подобная оборона возможна едвали не съ однимъ русскимъ солдатомъ, который готовъ ежеминутно взглянуть смерти прямо въ глаза и проводить день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ въ постоянныхъ опасностяхъ, трудахъ и лишеніяхъ. Отвага и удаль севастопольцевъ доходила до того, что они бросались на явную опасность: подбѣжать, напримѣръ, къ бомбѣ въ то время, какъ она только что упала, загасить дымящуюся трубку у ней и, такимъ образомъ, предотвратить разрывъ ея — было дѣломъ обыкновеннымъ. Одинъ матросъ подскочилъ къ такой бомбѣ съ водою въ шапкѣ, но бомба вдругъ лопнула; думали, что смѣльчакъ пропалъ; когда же разсѣялся дымъ, то увидали его стоявшаго съ шапкой воды на томъ же самомъ мѣстѣ; „ишь, не успѣлъ, прахъ ее возьми“, сказалъ онъ съ досадой, обратившись къ толпѣ, смотрѣвшей на него съ удивленіемъ. Солдаты даже шутили и острили въ такихъ случаяхъ. Одинъ солдатъ отважно бросился къ бомбѣ, у которой трубка догорала. „Берегись!“ кричатъ ему товарищи: „*курится! курится!*“ Но удалецъ подбѣжалъ, схватилъ комъ грязи и залѣпилъ трубку, потомъ перекрестился и, толкнувъ ногою бомбу, крикнулъ товарищамъ: „Эхъ вы, солдатами зоветесь„ а *курицы* боитесь“!

Но особенное геройство и удаль выказывали севастопольцы во время вылазокъ, которыя они часто дѣлали съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать работамъ непріятеля. Во время одной такой вылазки матросъ видитъ, что нѣсколько французовъ прицѣлились въ его начальника; перекрестившись, онъ быстро кинулся къ нему, заслонилъ его и палъ на мѣстѣ.

Союзники, подступившіе къ Севастополю съ силами и средствами далеко превосходившими наши, думали легко овладѣть имъ. Но скоро они увидѣли, что имъ предстоитъ брать съ боя каждый шагъ земли. Прошло около полугода, со времени осады, а Севастополь былъ также крѣпокъ и грозенъ, какъ и въ началѣ осады. Тогда союзники начали дѣлать новыя приготовленія. Между тѣмъ въ это время, и именно 18 марта 1855 г., къ общей горести всего народа, скончался Императоръ Николай I. На престолъ вступилъ нынѣ благополучно царствующій **Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.** Николаю I поставленъ великолѣпный памятникъ передъ Исакіевскимъ Соборомъ.

Александръ II, Царь-Освободитель.

Императоръ Александръ рѣшился продолжать крымскую войну. На мѣсто Меньшикова, который по разстроенному здоровью просилъ увольненія, онъ назначилъ новаго главнокомандующаго, князя Горчакова; кромѣ того собрано было народное ополченіе, произведены были новые рекрутскіе наборы. Но и союзники запаслись также новыми силами. Число ихъ подъ Севастополемъ возросло почти до 200 т. Наполеонъ прислалъ также сюда новаго главнокомандующаго, маршала Пелисье, человѣка рѣшительнаго. При немъ осадныя работы союзниковъ пошли съ новою силою. Враги стали также чаще и ожесточеннѣе бомбардировать Севастополь. Адскій огонь изъ ихъ орудій могли выдерживать только закален-

ные севастопольцы. Незыблемою живою стѣною стояли они подъ тысячами бомбъ, ядеръ и гранатъ и открытою грудью защищали родную землю. Тутъ нужно было постоянное геройство, не знающее ни отдыха, ни устали. И къ числу такихъ-то героевъ-богатырей принадлежалъ каждый изъ защитниковъ Севастополя. Многихъ храбрыхъ сыновъ лишилось въ это время отечество. Но самую горестную утрату понесло оно, лишившись Павла Степановича Нахимова, побѣдителя турокъ при Синопѣ. Этотъ доблестный адмиралъ во все время осады спалъ не раздѣваясь и постоянно являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ; на всѣ увѣщанія поберечь себя онъ спокойно отвѣчалъ: „что вѣдь когда же нибудь да убьютъ его.“ Вотъ, однажды (28 іюня) по обыкновенію онъ пріѣхалъ на одно укрѣпленіе, куда то и дѣло летали непріятельскіе выстрѣлы; его убѣждали не ѣздить, но онъ, не слушая ни чьихъ совѣтовъ, говорилъ: „какъ ѣдешь на бастіонъ — веселѣе дышешь.“ Во время самаго пребыванія на бастіонѣ, кто-то рѣшился замѣтить ему о грозящей опасности. „Это дѣло случая“, сказалъ Нахимовъ, а вслѣдъ затѣмъ, раненный въ високъ, упалъ и черезъ два дня скончался. Горько оплакивали севастопольцы смерть этого героя. Своимъ постояннымъ присутствіемъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, онъ поселилъ въ нихъ глубокое удивленіе къ себѣ и полную довѣренность—и казалось имъ, что тамъ, гдѣ Нахимовъ, не можетъ быть неудачи.

Послѣ бомбардированій союзники иногда выходили изъ-за своихъ укрѣпленій и бросались на штурмъ, чтобы разомъ взять крѣпость и покончить эту утомительную осаду. Но всякій разъ они встрѣчали самый дружный и мужественный отпоръ и тогда опять принимались за бомбардированіе. Уже около милліона бомбъ и ядеръ выпустили союзники на многострадальный Севастополь, пожертвовали десятками тысячъ людей, милліонами денегъ, а онъ все стоялъ, какъ грозное привидѣніе.

Но есть невозможное и для героевъ. Союзники, пользуясь превосходствомъ силъ, подводили свои укрѣпленія все ближе и ближе къ нашимъ и, наконецъ, подошли къ нимъ не болѣе, какъ на 12 сажень разстоянія. Тогда они открыли по Севастополю усиленное бомбардированіе, которое не прекращалось цѣлыхъ три недѣли. Приэтомъ главное вниманіе ихъ было обращено на укрѣпленія наши, находившіяся на Малаховомъ курганѣ. Это было самое высокое мѣсто, составлявшее ключъ къ Севастополю. Съ занятіемъ его союзниками оборона становилась для насъ невозмож-

ною. Понятно, что завладѣть этимъ укрѣпленіемъ составляло для нихъ завѣтную мечту. Поэтому Малаховъ курганъ давно сдѣлался пунктомъ, на который непріятель всего болѣе посылалъ выстрѣловъ. Теперь же бомбы падали сюда цѣлыми десятками вдругъ; онѣ разбрасывали и коверкали здѣсь все, что попадалось на пути; врѣзывались въ землю и столбами поднимали ее къ верху, разбивали батареи, засыпали рвы и т. п. Послѣ такого страшнаго бомбардированія союзники 27 августа двинулись всею массою своихъ силъ на наши укрѣпленія, главнымъ же образомъ на Малаховъ курганъ. Отбитые на всѣхъ пунктахъ, они, однакожъ, успѣли овладѣть Малаховскими укрѣпленіями. Тогда рѣшено было оставить южную часть Севастополя и перейти на сѣверную. Непріятель до такой степени былъ утомленъ штурмомъ, что не въ состояніи былъ преслѣдовать насъ. Такимъ образомъ переправа совершилась благополучно. Между тѣмъ оставшіяся зданія въ южной части Севастополя были подожжены, укрѣпленія взорваны на воздухъ, и врагамъ достались однѣ груды камней, пепла и мусора. Такъ кончилась достославная оборона Севастополя. Никогда, быть можетъ, не проявлялась въ такой степени могучая сила русскаго войска. Его стойкость, самоотверженіе, презрѣніе опасностей возбуждали удивленіе въ самихъ врагахъ.

Съ переходомъ нашихъ войскъ на сѣверную сторону Севастополя, союзники не предпринимали ничего рѣшительнаго. Между тѣмъ въ Азіи наши войска, подъ предводительствомъ Муравьева, взяли сильную турецкую крѣпость Карсъ. Тогда враждующія стороны склонились къ примиренію. Въ мартѣ 1856 года въ Парижѣ былъ заключенъ миръ, по которому права православныхъ христіанъ на Востокѣ была возстановлены.

Покореніе Кавказа. Со времени покоренія Астрахани при Іоаннѣ Грозномъ, Россія, какъ могущественная страна, должна была пріобрѣсть огромное вліяніе на тѣ мелкіе народы и царства, которые находились въ Прикаспійскомъ краѣ, на Кавказѣ. И дѣйствительно, съ этого времени, разные тамошніе цари и царевичи, особенно православнаго исповѣданія, ищутъ покровительства русскихъ царей, нѣкоторые являются при дворѣ московскомъ и отдаютъ себя въ подданство Россіи. Петръ Великій, послѣ войны со шведами, самъ предпринялъ туда походъ и отнялъ Персіи нѣкоторые города и области: Дербентъ, Баку и др. При Аннѣ Іоанновнѣ онѣ были возвращены Персіи. Но при Павлѣ I къ Россіи добровольно присоединилась Грузія. Не-

минуемымъ послѣдствіемъ этого долженствовало быть подчиненіе Россіи и другихъ мелкихъ закавказскихъ владѣній, а равно также покореніе дикихъ племенъ, жившихъ въ Кавказскихъ горахъ. Въ противномъ случаѣ обладаніе Грузіею не могло быть прочно и спокойно. И вотъ съ этихъ поръ началась постоянная борьба на Кавказѣ, продолжавшаяся 60 лѣтъ слишкомъ. Она кончилась только съ покореніемъ Кавказа, при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ.

Трудна была война на Кавказѣ. Кавказъ—это неприступная крѣпость, созданная самою природою. Съ одной стороны непроходимыя пропасти и трущобы, съ другой — горы, уходящія за облака и отвѣсные утесы — представляли для русской арміи неодолимыя преграды. Но кромѣ этого Кавказъ занятъ былъ дикими горными племенами магометанской вѣры, которыя, чувствуя опасность со стороны Россіи, соединились вмѣстѣ и готовы были лучше погибнуть, нежели покориться. Особенно трудною борьба съ кавказскими горцами сдѣлалась съ того времени, когда предводителемъ ихъ сталъ Шамиль. Это былъ человѣкъ съ желѣзною волею и обладавшій умѣньемъ господствовать надъ дикими племенами. Онъ превратилъ ихъ въ военную машину, направленную противъ русскихъ. Сверхъ того Шамиль построилъ отличныя крѣпости, укрѣпилъ и безъ того недоступныя горы, завелъ пороховые и литейные заводы и т. п. Онъ, можно сказать, образовалъ въ Кавказскихъ горахъ новое царство. Горцы признали даже сына его наслѣдникомъ престола. Но, несмотря на все это, приближался конецъ трудной борьбѣ русскихъ съ кавказскими горцами. Послѣ крымской войны главнокомандующимъ на Кавказѣ назначенъ былъ князь Барятинскій, приготовленный къ этому званію долгой и дѣятельной службой тамъ. Съ назначеніемъ его борьба сдѣлалась рѣшительною. Наши войска начали проникать въ глубину горъ, доселѣ неизвѣстныхъ и считавшихся недоступными. Тщетно Шамиль старался остановить движеніе ихъ внутрь Кавказа. Всюду разбиваемый и тѣснимый, онъ наконецъ заключился въ крѣпости, на неприступной горѣ Гунибѣ. Здѣсь русскія войска окружили его и скоро заставили сдаться. Сидя на камнѣ, въ березовой рощѣ, князь Барятинскій принялъ (25 августа 1859 года) съ почетомъ плѣннаго Шамиля и немедленно отправилъ его въ Петербургъ. Ему назначено было мѣсто жительства въ г. Калугѣ. Со взятіемъ Шамиля въ плѣнъ покорена была вся восточная часть Кавказа.

Черезъ пять лѣтъ (1864 г.), при новомъ кавказскомъ намѣстникѣ, Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, окончено было покореніе и Западнаго Кавказа.

Занятіе Туркестана. Вслѣдъ за покореніемъ Кавказа наши владѣнія расширились въ Средней Азіи по р. Сыръ-Дарьѣ, впадающей въ Аральское море. Здѣсь издавна существовали два враждебныя намъ царства Коканъ и Бухара. Постоянныя набѣги дикихъ племенъ, жившихъ здѣсь, на наши пограничныя владѣнія, нападенія ихъ на наши торговые караваны, грабежи, захваты въ плѣнъ русскихъ людей—давно уже озабочивали русское правительство. Теперь рѣшено было положить конецъ этимъ хищническимъ набѣгамъ. Съ 1864 года наши войска начали забирать здѣсь одинъ городъ за другимъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Туркестанъ, Ташкентъ и Самаркандъ, бывшій нѣкогда столицею царства грознаго Тамерлана. Тогда ханъ Коканскій и эмиръ Бухарскій смирились и изъявили полную покорность Русскому Царю. Имъ дарованъ миръ. Но завоеванные города присоединены къ Россіи и изъ нихъ образовано (1867 г.) новое генералъ—губернаторство—Туркестанское.

Взятіе Хивы 1873 г. На р. Аму-Дарьѣ, впадающей въ Аральское море, издавна существовало Хивинское царство, посреди безводныхъ и песчаныхъ степей, ни для кого недоступное. Пользуясь этою недоступностію, хивинцы безнаказанно нападали на наши караваны, грабили ихъ, уводили въ плѣнъ нашихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Особенно вредными и невыносимыми сдѣлались эти разбойническія отношенія хивинцевъ къ намъ теперь, когда наши владѣнія въ Средней Азіи расширились и, вслѣдствіе этого, тамъ оживилась торговая и промышленная дѣятельность. Правительство наше требовало, чтобы хивинцы прекратили свои разбойническія нападенія и выдали плѣнниковъ русскихъ. Но ханъ не исполнялъ справедливыхъ требованій нашихъ. Тогда рѣшено было покончить съ этимъ разбойничьимъ царствомъ. Весною нынѣшняго 1873 года русскія войска двинулись на Хиву тремя отрядами подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана. Но имъ пришлось преодолѣвать невѣроятныя лишенія и трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ пространствахъ. То по глубокимъ снѣгамъ, то по сыпучимъ пескамъ, подъ 45 градуснымъ зноемъ, они шли болѣе трехъ мѣсяцевъ. Къ тому же непріятель старался всячески вредить имъ и заградить путь къ цѣли движенія. Однако всѣ попытки непріятеля были отра-

жены, всѣ преграды и трудности преодолены. Въ началѣ мая русскія войска достигли предѣловъ хивинскаго ханства и въ три недѣли покорили его; нѣсколько городовъ взято съ боя; другіе сдались такъ; 29-го мая пала столица ханства—Хива. Русскіе войска покрыли себя новою славою, которой мало найдется примѣровъ въ исторіи. Съ этихъ поръ у среднеазіатскихъ варваровъ еще болѣе укрѣпилось убѣжденіе, что „укрючина у Бѣлаго Царя очень длинна—достанетъ вездѣ".

Вотъ что, напримѣръ пишетъ объ этомъ походѣ, знаменитый ученый и путешественникъ Вамбери, хорошо знакомый съ этимъ краемъ. „Я пораженъ, говоритъ онъ, изумленъ предпріимчивымъ духомъ и едва вѣроятною выносливостію русской арміи, которая преодолѣла преграду песчаныхъ, безлюдныхъ и безводныхъ степей, считавшихся недоступными и, во всякомъ случаѣ, представлявшими громадныя трудности для движенія. Своею побѣдою надъ холодомъ и зноемъ, снѣгомъ и пескомъ, она совершила подвигъ, передъ которымъ блѣднѣютъ знаменитые походы Аннибала и Наполеона I. Самый злѣйшій врагъ не можетъ не удивляться солдатамъ, которые въ полномъ вооруженіи двигаются впередъ въ безводномъ пространствѣ, подъ страшнымъ 45° жаромъ, по раскаленному песку, и приходятъ къ цѣли". И это говоритъ человѣкъ, который, какъ самъ сознается, не вполнѣ долюбливаетъ русскихъ. „Извѣстно, продолжаетъ онъ, что я не особенно долюбливаю русскихъ, но все-таки не могу не сказать, что, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, они одни достигли Хивы съ того пункта, отъ котораго еще никто не отправлялся".

Послѣ взятія Хивы ханъ хивинскій бѣжалъ было въ степи, но потомъ вернулся и изъявилъ полную покорность Русскому Царю. Вслѣдствіе этого онъ возстановленъ на престолѣ. Но часть хивинскихъ владѣній происоединена къ Россіи. Кромѣ того ханъ призналъ зависимость Хивы отъ Россіи и обязался уплатить за издержки значительную контрибуцію.

Освобожденіе крестьянъ. Въ благополучное царствованіе Императора Александра II совершено также много разныхъ великихъ дѣлъ и во внутреннемъ отношеніи, напримѣръ: установленъ новый судъ, гораздо лучшій прежняго, открыты цѣлые десятки тысячъ школъ для образованія народа, проведено много желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но самое великое изъ всѣхъ этихъ дѣлъ было освобожденіе крестьянъ.

Давно русскіе государи думали о томъ, какъ бы улучшить положеніе крестьянъ, которые, послѣ прикрѣпленія ихъ къ землѣ при Борисѣ Годуновѣ (въ концѣ XVI в.), постепенно сдѣлались рабами своихъ помѣщиковъ. Такъ императоръ Павелъ I запретилъ принуждать крестьянъ къ работѣ по праздникамъ; въ теченіи недѣли повелѣлъ употреблять ихъ на работу помѣщичью только три будніе дня, а остальные три дня предоставлять въ ихъ собственное распоряженіе. Императоръ Александръ I дозволилъ отпускать крестьянъ на волю, повелѣлъ отбирать и отдавать въ опеку имѣнія помѣщиковъ, которые уличены были въ жестокомъ обращеніи съ крѣпостными людьми. Императоръ Николай I намѣревался освободить всѣхъ крестьянъ. Но слава освобожденія ихъ принадлежитъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Александру Николаевичу, котораго Россія назвала за это **Царемъ Освободителемъ**. 19 февраля 1861 года въ день своего вступленія на престолъ, онъ подписалъ манифестъ, по которому около 20 мил. крестьянъ признаны были свободными. Манифестъ заканчивается слѣдующими знаменательными словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Памятникъ тысячелѣтія. Черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ совершилось тысячелѣтіе Россіи, то есть, прошла тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ основано было Русское Государство. По этому случаю въ Новгородѣ, гдѣ зачалась русская земля, 8-го сентября 1862 года, торжественно открытъ былъ памятникъ тысячелѣтія Россіи. На немъ изображены большею частію лица, прославившія Россію своими дѣлами и подвигами.

Библіотека
Ивана Егоровича
Забѣлина

УСЛОВІЯ,

ПРЕДЛАГАЕМЫЯ МАГАЗИНОМЪ

ДЛЯ РУКОВОДСТВА, ПРИ ВЫПИСКѢ

УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ,

ПОСОБІЙ И КНИГЪ,

ДЛЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХЪ И КЛАССНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ:

I. Учебныя руководства:

Учебныя руководства, изданныя въ Россіи—высылаютъ съ уступкою . . . 15%

(Изъ нихъ исключаются: 1) книги зданныя Святѣйшимъ Сѵнодомъ или рочими правительственными учреженіями; 2) книги распроданныя или упленныя отъ издателя, оставшіяся ъ маломъ количествѣ экземпляровъ).

Книги изданныя: а) Святѣйшимъ Сѵодомъ, а именно: (Молитвенникъ, Евангеліе, Библія, Катехизисъ и проч.).) Военной Типографіей (Воинскія уставы) и прочими правительственными чрежденіями высылаются по казенымъ цѣнамъ, съ прибавленіемъ за оммиссію магазину 5%

II. Учебныя пособія:

Учебныя пособія, выписываемыя въ -мъ или 2-хъ экземплярахъ, высылаются съ уступкою 5%

Выписываемыя въ большомъ количествѣ (какъ напримѣръ атласы, карты, чернильницы, линейки, готовальни, модели для ситуаціи и для рисованія, проч.)—съ уступкою 10%

(Изъ нихъ также исключаются пособія, изданныя правительственными учрежденіями).

III. Книги для классныхъ и фундаментальныхъ библіотекъ:

А. русскія книги:

Всѣ книги, изданныя въ Петербургѣ, высылаются съ уступкою. 15%

Книги, изданныя въ Москвѣ— съ уступкою 10%

(Изъ этихъ двухъ условій исключаются также книги: 1) изданныя правительствомъ 2) распроданныя, 3) изданныя не въ столицахъ, пересылка которыхъ отъ издателей отнимаетъ большую часть уступки).

Б. иностранныя книги:

Цѣны на иностранныя книги назначаются по курсу. Магазинъ обыкновенно опредѣляетъ цѣны весною, когда производитъ разсчетъ съ за границею, а затѣмъ цѣны эти держатся до весны слѣдующаго года; въ настоящее время опредѣлены слѣдующія цѣны:

Франкъ . . .	по	— р.	35 к. с.
25 сантимовъ . .	„	— „	10 „ „
Талеръ	„	1 „	20 „ „
Шилингъ . . .	„	— „	50 „ „

Изъ этого условія исключаются:

1) **пособія**, цѣны которыхъ зависятъ отъ количества, вѣса и степени налога на нихъ пошлинъ), 2) Книги **подарочныя** въ роскошныхъ переплетахъ или съ картинами, 3) **журналы** (цѣны которыхъ опредѣляются въ ежегодно разсылаемыхъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, каталогахъ), 4) **календари и путеводители.**

IV. Уплата денегъ:

1) Деньги за требуемыя книги и предметы могутъ быть высылаемы по полученіи счета и вещей.

2) За журналы (на которыхъ магазинъ имѣетъ весьма малую пользу), необходимо присылать деньги тотчасъ же по полученіи счета.

V. Пересылка:

1) Пересылка, страхованіе и упаковка книгъ и предметовъ ставится на счетъ Училища.

2) Всякая посылка отсылается изъ Магазина, какъ по почтѣ такъ и съ транспортомъ, застрахованная, такъ что за сохранность ея магазинъ отвѣчаетъ.

3) Для сокращенія расходовъ по пересылкѣ, предлагаю тюки, не менѣе пуда, отправлять чрезъ Конторы Транспортовъ. Чтобы облегчить разсчеты выписывающаго, при первомъ требованіи высылаю безплатно **сравнительную таксу почтовой и транспортной пересылки.**

4) При требованіи необходимо обозначать какимъ путемъ посылать книги, съ транспортомъ или по почтѣ; тѣ же требованія, на коихъ не будетъ указанъ способъ пересылки, будутъ отправляться по усмотрѣнію Магазина.

Адресъ: Книгопродавцу Якову Алексѣевичу **Исакову**, въ С.-Петербургѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЯКОВА АЛЕКСѢЕВИЧА ИСАКОВА

въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 24.

продаются слѣдующія книги:

Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками въ текстѣ. Сост. К. **Ушинскій**. Изд. 21-е. Ц. 35 к. Тоже годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ картинками въ текстѣ. Изд. 18-е. Ц. 35 к. Тоже Годъ 3-й. Отдѣлъ третій—грамматическій. Первоначальная практическая грамматика съ хрестоматіею. Изд. 6-е. Ц. 50 к.

Руководство къ преподованію по «Родному Слову» 1-е приложеніе къ первымъ двумъ годамъ «Родное слово». Ц. 30 к. Тоже часть 2-я (приложеніе къ первому отдѣлу третьяго года «Роднаго слова» къ практической грамматикѣ). Изд. 3-е. Ц. 40 к.

Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы, съ рисунками въ текстѣ. Сост. К. **Ушинскій**. 2 части. Изд. 13-е. Ц. кажд. ч. 60 к.

Родная рѣчь. Книжка для чтенія въ народныхъ школахъ. Для младшаго возраста. Одобрено Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сост. **Волжинскій**. Ц. 15 к.

Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому методу. (Для учителей). Сост. **Волжинскій**. Ц. 10 к.

Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина. Сост. **Волжинскій**. Ц. 20 к.

Замѣчательные люди. Сост. **Волжинскій**. Ц. 20 к.

Русская азбука. Сост. В. **Чепыжниковымъ**. Изд. 3-е. Ц. двѣ копейки. Сотня 1 р. 60 к.

Русская азбука для дѣтей. Сост. В. **Водовозовъ**. съ нѣсколькими виньетками въ текстѣ, ц. 30 к.

Русская грамота, букварь для народныхъ школъ. Пособіе при обученіи по способу, Барона Н. А. Корфа. Сост. В. Добровольскій. Ц. 5 к.

Букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму съ карт. для народныхъ школъ. Сост. Д. Е. **Тихомировымъ**. Ц. 15 к.

Народная азбука. Съ картинками. Сост. Н. Столпянскій. Изд. 10-е исправленное. Ц. 6 к.

Солдатская азбука. Сост. по порученіи Начальника штаба мѣстныхъ войскъ Н. П. Столпянскій. Изд. 9-е Ц. 7 к.

УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

ОИК-59761